

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1917

1

стр.

- 1—50. «Записка» проф. Н. М. Павлова.
51—65. О классицизмѣ Д. Х.
66—68. Письма Ал. Толстого къ Н. А. Чаеву.
69—76. Письма кн. Н. А. Оболенскаго и В. М. Ундольскаго
С. П. Шевыреву.
77—101. Письма К. П. Побѣдоносцева къ С. Д. Войту.
102—135. Изъ моихъ воспоминаній. Л. Недриной.

Внутри обложки: Записки А. А. Яковлева, бывшего въ 1803 году оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Издалъ В. А. Андреевъ.—Труды Тульской Губернскаго Ученой Архивной Комиссiи.—Извѣстія Таврической Архивной Ученой Комиссiи.

Открыта подписка на 1917 годъ.

поступилъ въ продажу въ 1917 году въ издательствѣ
Издательство «Академическое»
Москва

1917.

Записки А. А. Яковлева, бывшего въ 1803 году оберъ-прокуроромъ св. Синода. Издавъ В. А. АНДРЕЕВЪ. М. 1915. Стр. 55. Цѣна не обозначена.

Небольшая брошюрка, изданная В. А. Андреевымъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе всякаго, кто интересуется исторіей русской церковной власти.

«Записки А. А. Яковлева» были извѣстны уже давно. Обширныя выдержки изъ нихъ были напечатаны еще въ 1868 году въ *Рус. Вѣст.*, въ статьѣ: «Изъ прошлаго». Съ этихъ поръ «Записки» становятся доступными не только для ученыхъ изслѣдователей, но и для широкой публики.

Но выдержки изъ «Записокъ» не давали полнаго представленія о дѣйствительномъ ихъ содержаніи и, конечно, не могли замѣнить подлинника. Г. Андрееву пришла на умъ благая мысль—издать эти «Записки» полностью.

Тексту «Записокъ» предшествуютъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. А. Яковлева. Г. Андреевъ не даетъ здѣсь ничего новаго. Онъ повторяетъ то, что уже извѣстно объ этомъ «оригинально-уродливомъ» существѣ, по выраженію А. И. Герцена, который приходился ему племянникомъ и который кромѣ того былъ женатъ на вѣбращной дочери своего дяди Наталіи Александровнѣ, воспитанницѣ Хованской. Сообщая только о дурныхъ чертахъ въ характерѣ А. А. Яковлева, г. Андреевъ, по видимому, намѣренно сгущаетъ краски для того, чтобы ослабить впечатлѣніе отъ его «Записокъ». Этого, конечно, въ извѣстной мѣрѣ ему удается достигнуть. Развѣ можетъ быть полная вѣра человѣку, жизнь котораго была сплошнымъ скандаломъ? Ту же цѣль онъ преслѣдуетъ и въ своихъ «примѣчаніяхъ» къ «Запискамъ» Яковлева.

И тѣмъ не менѣе, «Записки» А. А. Яковлева производятъ чрезвычайно сильное и гнетущее впечатлѣніе. Предъ глазами читателей все время проходятъ только отрицательные типы, и неволь-

но возникаетъ вопросъ: «неужели даже нѣчто подобное было въ дѣйствительности?» Вотъ, напр., какъ характеризуетъ онъ «святыхъ отцовъ, присутствующихъ въ первенствующемъ въ государствѣ мѣстѣ, пастырей душъ нашихъ и непорочныхъ служителей престола Господня». «Многіе знаютъ, говоритъ онъ о митрополитѣ Амвросіи, главномъ своемъ врагѣ, что сей митрополитъ по извѣстному дѣлу Баташева за опроверженіе законнаго брака жены умершаго брата Баташева, взялъ съ сего послѣдняго на свою долю около 100 тысячъ рублей, что онъ же имѣлъ любовную связь въ одно время съ матерью и дочерью Обуховыми, коихъ и движимое имѣніе, въ двухъ комнатахъ находившееся въ Невскомъ монастырѣ наканунѣ назначеннаго правительствомъ дня для обыска по всему Невскому монастырю, ночью было опущено въ Черную рѣчку, въ коихъ постѣ найдены два монашескія платья, въ которыхъ мать и дочь прихаживали къ митрополиту и, когда ВЫСОЧАЙШЕ было повелено за развратное поведеніе ту Обухову запретить въ монастырѣ и предоставлено распоряженію Синода, то Амвросіи митрополитъ, по помянутой тѣсной съ нею связи, назначилъ ей пребываніе въ Казани, бывшей своей епархіи, въ лучшемъ монастырѣ». «Павелъ Ярославскій, продолжая бывшій оберъ-прокуроръ, ничѣмъ не лучше перваго, также метителенъ, корыстолюбивъ, приверженъ къ пьянству и любовнасти, какъ и митрополитъ, но первый глупъ, малоуменъ, легкомысленъ, расположенъ къ мягкосердечію и откровененъ даже до болтливости; второй чрезвычайно золь, скрытенъ, упрямъ, лукавъ, уменъ, многосвѣдущъ и наипачѣ въ приказныхъ лбодахъ. Здѣсь имѣлъ онъ, по признанію мнѣ, находившагося при немъ студента какого-то мальчика келейника, кажется, Андрюшею называемаго, съ которымъ онъ былъ неразлученъ день и ночь, который не токмо веѣмъ его домомъ, но и имъ самимъ управлять. Въ Ярославлѣ же, по доходившимъ до меня письменнымъ извѣстіямъ,

РУССКІЙ ЯРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посядѣлый,
Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пушкинъ.

1917

КНИГА ПЕРВАЯ.

Т-во СКОРОПЕЧЪ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ. МОСКВА.
1917.

«Записка» Н. М. Павлова.

I.

Всѣ реформы Императора Александра II-го—какъ бы ни сочувствовали ихъ благонамѣренной цѣли—страдаютъ тѣмъ общимъ недостаткомъ, что сочинялись по западнымъ образцамъ. Нынѣ дѣйствующія «Земскія Учрежденія» правильнѣе было бы назвать *муниципальными*: они не земскія въ русскомъ смыслѣ. Законы о *новомъ судопроизводствѣ*—прямо рабскія копіи, и притомъ не съ лучшихъ оригиналовъ, Уставъ объ «*воинской повинности*» списанъ съ иностранныхъ же образцовъ, а наше самородное явленіе «калачество»—эта живая изгородь русскихъ окраинъ—въ то реформенное время всячески принижалось.

Въ болѣе выгодномъ свѣтѣ противъ всѣхъ прочихъ выдается впередъ крестьянская реформа. Но только она одна и была тогда произведена силами и трудомъ образованнаго меньшинства, *лучшими людьми* изъ самого общества, а не департаментами министерствъ, не начальниками отдѣленій. Крестьянская реформа была изъята изъ вѣдомства бюрократическихъ сферъ. Благодаря призыву лучшихъ русскихъ людей къ дѣлу, указанному Царемъ, освобожденіе крестьянъ и совершилось у насъ *съ землею*—на диво и къ соблазну правительственныхъ и научныхъ людей Запада, видѣвшихъ въ томъ коммунизмъ и жакерию,—злорадно поджидавшихъ смуть въ

1) Печатаемая нами «Записка» Н. М. Павлова является, повидимому, развитіемъ тѣхъ взглядовъ и положеній, какіе высказалъ замѣчательный ученый этотъ въ рѣчи своей, произнесенной имъ на знаменитомъ «Петергофскомъ Совѣщаніи» въ 1905 г. Самая рѣчь, равно какъ и рѣчи другихъ государственныхъ людей, на «Совѣщаніе» призванныхъ, не можетъ быть обнародована до времени. На «Совѣщаніи» были затронуты вопросы важности чрезвычайной. Почившій О. Д. Самаринъ, имя коего окружено такимъ единодушнымъ уваженіемъ всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его, въ одномъ изъ писемъ говоритъ: «Очень бы хотѣлось мнѣ повидать Н. М. Павлова и разспросить его о томъ, что происходило въ Петергофѣ. Я бы пріѣхалъ (изъ деревни) нарочно съ нимъ побесѣдовать, если только его и другихъ участниковъ «Совѣщанія» не обязали хранить въ тайнѣ все, что они видѣли и слышали».

П. Б. (младшій).

нашемъ отечествѣ и потомъ притихшихъ въ ужасѣ за свой собственный внутренній бытъ при видѣ полного спокойствія нашихъ крестьянъ. Однакожъ и «эмансипація» не обошлась безъ помѣхи русскому дѣлу. Много погрѣшили тогда даже тѣ, которые въ мірянахъ сельской общины вовсе не видѣли ни жакеріи, ни коммунизма: ошибки, допущенныя ими въ «*крестьянскомъ дѣлѣ*», и сказываются въ наши дни роковыми послѣдствіями повсемѣстно.

Эпоха Императора Александра II-го такимъ образомъ, именно въ силу того, что всѣ до одной ея реформы не были управлены въ русскомъ духѣ, не принесла желательныхъ результатовъ. Справедливость требуетъ сказать даже, что она во многихъ отношеніяхъ распатала русскій бытъ и заключилась, въ довершеніе всего, неистовствомъ вражьей крамолы: внутренней и внѣшней. Страшной памяти времена!

Зачавшись въ такую ужасную годину и унаслѣдовавъ невыразимо-тяжкое бремя правленія, царствование Александра III-го составило по необходимости такой исторической моментъ, который неминуемо, долженъ былъ производить впечатлѣніе какъ бы нѣкотораго *застоя*. То было совершенно особенное status quo, когда, спершись, какъ въ водоворотѣ, спшибаются съ разныхъ сторонъ противоположныя теченія и все кружится отъ противустремленій, какъ въ заколдованномъ кругу—ни впередъ, ни назадъ—на одномъ мѣстѣ. Мнимая русская «интеллигенція» въ томъ и видѣла *застой*: такъ именно и смотрѣла на эпоху Царя-Миротворца, этого замѣчательнаго Самодержца—перваго еще въ имперскій періодъ государя русской земли, дупшѣ котораго претилъ духъ имперіализма. Но истинно русскіе люди воздали и воздають честь почившему Государю, постигнутому внутреннимъ чувствомъ, угадывавшему болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ сущность русскихъ основъ. Эпоха его, имѣвшая видъ застоя, составила въ дѣйствительности тотъ поворотный пунктъ въ нашей исторіи, когда анти-русскія стремленія вызвали отпоръ въ пробудившемся сознаніи русскаго народа и убоялись встрѣтиться лицомъ къ лицу съ народнымъ стремленіемъ, воспротивившимся ихъ посягательствамъ. Задача, такимъ образомъ, выпавшая на долю «Царя-Миротворца» Александра III-го, была изъ самыхъ тяжелыхъ, столько же, по необычайной важности вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію въ его время, какъ и по необъятной трудности самихъ рѣшеній.

Можно же себѣ представить теперь всю тяжесть неудобоносимаго бремени, павшую на рамена Вѣнценосца, унаслѣдовавшаго заразъ накопившіяся затрудненія обоихъ царствованій: и своего родителя и своего дѣда. Трудность эта особенно велика именно теперь, по прошествіи почти полулѣтка со дня освобожденія крестьянъ, когда не по днямъ, а по часамъ увеличивается тѣснота между ними—въ наступившій XX-й вѣкъ, когда уже о своихъ неотложныхъ пуждахъ дѣйствительно вопіеть весь народъ русскій,—и зачѣмъ—должно досказать это—народные вопли заглушаются еще раздирающимъ крикомъ чуждыхъ русскому народу людей, самозванствующихъ именемъ въ качествѣ его «интеллигенціи» и мнящихъ себя «представителями» его.

Царскій манифестъ отъ 26-го февраля 1903-го года раздался, какъ благовѣсть, въ оживленіе народныхъ упованій. Встрепенулись сердца, надежды оживились. Всѣ думали: будетъ же, наконецъ, приступлено къ благотворному труду для исправленія неуправленнаго и упроченія нашего поколебленнаго быта. Но для этого нуженъ былъ миръ; а по грѣхамъ нашимъ, —увы, по великимъ нашимъ грѣхамъ,—наступила необычайная война. Довлѣеть злоба дневи. Единодушно Царь и народъ изготовились претерпѣть заслуженное насланіе гнѣва Божьяго. Все теперь приносится въ жертву, дабы съ достоинствомъ перемочь и пережить ужасы и горе войны. Но не перестала черезъ то и не умалется нужда народная; а только, въ виду врага, забота объ его отраженіи заставила отложить до времени все прочее. Не перестали же, не умалются замышленія и чуждыхъ русскому народу реформаторовъ нашихъ, сходящихся во взглядахъ на цивилизацію съ самими японцами, пожалуй, видящихъ даже нѣкоторымъ образомъ въ наступившей войнѣ какъ бы ободрительный поводъ къ собственному возбужденію въ духѣ своихъ собственныхъ упованій. Хотя, быть можетъ, они и раздѣляютъ мнѣніе о необходимости смыть дочи́ста нанесенное оскорбленіе дерзкимъ врагомъ, однако, не умолкаютъ съ ихъ стороны и злорадные клики. «A la guerre comme à la guerre»—говорятъ они—«но не вѣчно же война будетъ длиться—und was kommt nacher»? сбудется же или не сбудется по нашему «that is the question».

И должно сказать, что теперь,—именно при разгорѣвшейся брани и Богъ вѣсть долго ли или недолго имѣющей продолжаться войнѣ—если не время приступить къ самой работѣ, то истинно наступилъ часъ вдуматься въ размѣръ и значеніе необходимыхъ занятій по дѣлу нашего внутренняго устроенія, изыскать прямые и вѣрные пути для благонадежнаго приступа къ предстоящимъ занятіямъ, и заблаговременно изготовить способы къ наилучшему веденію и исполненію ихъ въ мирѣ.

II.

Какъ устроить сельско-уѣздное управленіе не въ духѣ петербургскаго канцеляризма и не въ увѣнчаніе бюрократической системы, а въ пользу общую и сообразно съ русскимъ бытомъ; какъ, сообразно тому, преобразовать губернскія учрежденія; и какъ, наконецъ, согласовать съ тѣми и другими всѣ дальнѣйшія, сосредоточенныя въ Петербургѣ,—вотъ неотложный вопросъ, требующій себѣ разрѣшенія еще съ тѣхъ поръ, какъ въ 1861-мъ году было отмѣнено крѣпостное право, составлявшее у насъ своего рода цѣлую правительственную систему.

И мимоидущая на нашихъ глазахъ современность—(роковой результатъ ошибокъ и недоразумѣній, вкравшихся въ нашу исторію въ теченіе Имперскаго періода)—неодолимо препятствуетъ не только благоуспѣшному рѣшенію этого выдвинутаго самою жизнью вопіющаго вопроса, но даже правильной его постановкѣ.

Приходится считаться теперь, во 1-хъ, съ плотно-утвердившимся казеннымъ строемъ министерскихъ и земскихъ бюрократическихъ учреждений. Нагроможденные другъ на друга и воздвигнутыя одни около другихъ, всё они все болѣе и болѣе массой входящихъ и исходящихъ бумагъ упорно отстаиваютъ право на существованіе и не хотятъ его лишиться.

Приходится считаться; во 2-хъ, съ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ. Ему, собственно говоря, до сихъ поръ у насъ неоткуда было взяться, не было предоставлено возможности и образоваться, но тѣмъ хуже. Взамѣнъ дѣйствительнаго «общественнаго мнѣнія» ходитъ въ публикѣ вредная его фальсификація, такая, что сами органы этой публики, ежедневно и ежемѣсячно плодимаы прессой, суть лишь органы *общественнаго* обмана. Наша публика, величающая себя интеллигенціей, въ дѣйствительности вовсе не выражаетъ разумѣнія... казалось-бы своего, а въ дѣйствительности чуждаго ей... русскаго народа. Публика и народъ у насъ двѣ вещи совершенно разныя. Съ народными желаньями и запросами всё вождѣнныя публики, высказываемыя прессой, не только не имѣютъ ничего общаго, а, прямо сказать, идутъ въ разрѣзъ.

Попробуйте сказать нашимъ «министрамъ и главноуправляющимъ частями», земля и государство представляются по русскому народному воззрѣнію въ такомъ неразрывномъ единствѣ, что на Руси и государево и земское дѣло—собственно говоря—одно, и противъ этого возопіетъ вся нынѣ дѣйствующая бюрократическая система. Почитая себя командующей распорядительницею страны, бюрократія смотритъ на всѣхъ, не принадлежащихъ къ ея штату, какъ на своихъ подчиненныхъ, обязанныхъ ея слушаться по субординаціи.

Вскорѣ послѣ Положенія 19-го февраля 1861-го года, когда всюду по мѣстамъ были поставлены «изъятыя изъ общаго устава о службѣ гражданской» мировые посредники, когда всюду же по мѣстамъ были заведены сельскіе мировые участки и они завѣдывались не «чиновниками», а этими мѣстными общественными дѣятелями, истинно земскими людьми не на подобіе нынѣшнихъ «земскихъ гласныхъ», и когда собиравшійся въ уѣздномъ городѣ «Мировой Съѣздъ» былъ вонистину мировымъ земскимъ съѣздомъ, а не карикатурой и пародіей на него, всё силы бюрократіи сверху донизу были направлены къ скорѣйшей отмѣнѣ подобныхъ мировыхъ дѣятелей и къ искорененію подобныхъ мировыхъ участковъ. Что мы говоримъ правду, въ доказательство тому должны привести точную справку: выписка изъ передовой статьи (М. Н. Каткова) «Московскихъ Вѣдомостей» того времени. Вотъ что имъ писалось въ 60-хъ годахъ: «Бюрократическій порядокъ господствуетъ у насъ издавна, господствуетъ исключительно: все у насъ дѣлается и движется путемъ бюрократической организаціи; всё обычаи и пріемы нашей администраціи—бюрократическаго свойства. Бюрократическая организація стремится вслѣдствіе втянуть въ свою сферу начатки другого рода организаціи. Мировыя учрежденія (мировые посредники и уѣздные Мировые Съѣзды) у насъ представляютъ собой почти единственное исклю-

ченіе изъ бюрократическихъ порядковъ, почти единственный примѣръ управленія не въ бюрократическомъ смыслѣ. Эти учрежденія чувствуются бюрократіей какою-то аномаліей, какимъ-то безпорядкомъ, нарушающимъ общій строй, и возникаютъ побужденія сгладить безпорядокъ и возстановить нарушенное единство общей системы. Вотъ какъ дѣйствовали во время оно «министры и главноуправляющіе частями», уничтожившіе учрежденіе, мировыхъ посредниковъ и существовавшихъ тогда сельскихъ мировыхъ участковъ. Полнымъ искорененіемъ этихъ воистину мировыхъ земскихъ учреждений отвѣчали они съ своей стороны въ опроверженіе русскаго народнаго воззрѣнія объ единствѣ государева земскаго дѣла.

Попробуйте повторить тоже самое нынѣ дѣйствующимъ, такъ называемымъ «Земскимъ Учрежденіямъ», въ словахъ еще болѣе простыхъ. Скажите именно такъ: «сельскій мировой участокъ, какъ онъ былъ узаконенъ Положеніемъ 19-го февраля 1861-го года, явилъ истинный образецъ той политической ячейки, изъ союза которыхъ долженъ былъ сложиться истинно русскій строй государева земскаго дѣла, какъ въ каждомъ уѣздѣ, такъ и далѣе въ губерніи, а затѣмъ далѣе и далѣе». И противъ такого рода *мелкой земской единицы* возопіють гласные и управы всѣхъ же нынѣ дѣйствующихъ «земскихъ учреждений».

Понятно, почему такъ. Ибо всѣ «гласные» земства и земскія уѣздныя и губернскія управы (тоже можно сказать о городскихъ думахъ, особенно столичныхъ и большихъ городовъ) всѣ вообще интеллигенты, представляющіе у насъ собой публику, а не народъ, хотя и почитаютъ себя въ рѣшительномъ антагонизмѣ съ «министрами и главноуправляющими частями» и хотя, повидимому, ратуютъ противъ «бюрократической системы», въ сущности однако—именно въ качествѣ публики—составляютъ съ этимъ продуктомъ имперскаго періода одно и тоже. Они желаютъ въ качествѣ «интеллигентовъ» властвовать и командовать народонаселеніемъ, почитая народъ лишь грубою массой, обязанной ихъ слушаться по субординаціи.

Современная русская публика, разумѣется, поставяетъ изъ своей среды и правителей не лучше себя: одно съ другимъ, разумѣется, въ круговой поруцѣ между собой. По вопросамъ ли поднятія уровня образованія въ народѣ путемъ принудительной грамотности и постройки увеселительныхъ заведеній, увеличенія ли благочестія въ народѣ сокращеніемъ праздничныхъ дней въ году и прочее и проч., трудно даже и разобрать: кто у кого въ наши дни превосхищаетъ мѣропріятія и умоначертанья: «земскія ли учрежденія» у министерствъ, или обратно?

III.

Въ доказательство нынѣшняго хаотическаго состоянія умовъ можно привести примѣръ и еще болѣе разительный. Скажите господамъ «министрамъ и главноуправляющимъ частями»: необходимъ Земскій Соборъ, его созваніе и выручить насъ изъ затрудненія. Правящія сферы, пожалуй,

не будутъ противъ такого рѣшенія, но почему? Потому что они поймутъ его въ конституціонномъ смыслѣ. А бюрократія готова правительствовать при всякомъ строѣ: конституціонный ей ничуть не помѣха. Бюрократія охотно служитъ всякому правительству лишь бы и на свою долю не утратить власти въ немъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ были у насъ заведены «министерства» и чѣмъ далѣе, тѣмъ по закону бюрократическаго нарастанія это шло въ гору—они и самовластвуютъ у насъ въ полной силѣ: сколько отдѣльныхъ министерствъ—столько у насъ и отдѣльныхъ самодержавій. Съ тѣмъ вмѣстѣ однако подобные самовластцы прикидываются непремѣнно лишь исполнителями абсолютныхъ предначертаній. Всѣ благія мѣры, когда та или другая радостно привѣтствуется цѣлою страной, они охотно приписываютъ собственному почину; а—чуть что—говорятъ о себѣ: «мы только исполнители, мы бы и рады были принять на себя отвѣтственность передъ судомъ общественнаго мнѣнія, но пусть же будемъ правителями взаправду, а не исполнителями абсолютныхъ предначертаній». Насколько всякая писаная, а не обычно-своеземная конституція составляетъ на дѣлѣ лишь фальшивый инструментъ фальшиваго общественнаго мнѣнія—настолько и вся наша «бюрократическая система» готова будетъ, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, склониться къ *Земскому Собору*, какъ къ подобному же учрежденію, въ которомъ и прозираетъ уже нѣкоторымъ образомъ ковчегъ собственнаго спасенія.

Повторите тоже самое и нынѣ дѣйствующимъ «Земскимъ Учрежденіямъ», повторите и имъ: «необходимо созвать Земскій Соборъ». И господа гласные съ своими губернскими и уѣздными управами возликуютъ. Почему? Потому что и въ свою очередь вообразить себя парламентомъ: они сразу увидятъ въ себѣ законодателей страны.

А что «*Земскій Соборъ*» какимъ онъ представляется по русскому народному возрѣнію, фактически невозможенъ и даже немислимъ въ наши дни—о томъ никому изъ тѣхъ и другихъ не придетъ въ голову.

Земскій Соборъ, какъ его понимали встарину, вовсе не панацея для выхода изъ затрудненій, надѣланныхъ имперскимъ періодомъ. То былъ симптомъ полной гармоніи между правящими и управляемыми, существовавшей на Руси ранѣ имперскаго періода,—симптомъ полного союза между землей и государствомъ, чѣмъ и отличалась древняя Русь во весь царскій періодъ,—симптомъ единенія, который и выражался формулой: «государево-земское дѣло». При такомъ строѣ естественно было въ случаѣ затруднительныхъ обстоятельствъ—на каждый отдѣльный случай для рѣшенія того или другого частнаго вопроса, ad hoc—сзывать и Земскій Соборъ. Царь и соборяне въ томъ не видѣли: первый—ограниченія власти, второе—прерогативы или надбавки политическихъ правъ. Могло быть въ древней Руси много разной неправды и всякихъ не порядковъ; но сверху донизу—единство между государевымъ дѣломъ и земскимъ—было полное. По этой части все находилось въ цѣлости и ничто не раскололось. Самъ ли

Иванъ Васильевичъ Грозный созывалъ Земскій Соборъ или *тишайшій* царь Алексѣй Михайловичъ—тогда никому изъ созданныхъ въ голову не приходило мнить себя законодателями страны, ни даже «представителями народа»: лживый и несвойственный русскому человѣку терминъ вовсе намъ не пригодный.

А во что обратился бы Земскій Соборъ въ наши дни при чуждой русскому народу современной «интеллигенціи»? Въ учредительное собраніе, въ *chambre constituante*. Пусть бы заданъ былъ ему самый простой чисто-хозяйственный вопросъ: какъ усилить урожай пшеницы наиболѣе сообразнымъ способомъ? И непремѣнно нынѣшніе соборяне понесли бы на разные лады толки и перетолки, суды и пересуды на одну и ту же тему: какъ ограничить неограниченную власть такимъ образомъ, чтобы она болѣе или менѣе очутилась въ ихъ собственныхъ рукахъ. Это несомнѣнно.

Послѣ того, какъ имперскій періодъ приучилъ всѣхъ къ особенному въ теченіе его сложившемуся строю, по необходимости и Соборъ—хотя бы именовался «земскимъ»—получилъ бы конституціонный характеръ. И современныхъ соборянъ, собственно говоря, нельзя было бы даже винить въ томъ: въ теченіе имперскаго періода къ тому шло. При имперскомъ строѣ или, что тоже самое, при «абсолютизмѣ», какъ только «абсолютный монархъ» не затрудняется болѣе открыто молвить о себѣ «l'état—c'est moi», по необходимости услышитъ отъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ штату его чиновниковъ, однакожъ кому не чуждо такъ или иначе завѣдываніе дѣлами: «le peuple c'est nous» и компромиссъ между «l'etat c'est moi» и «le peuple c'est nous» становится неизбеженъ.

IV.

Итакъ, всѣ нынѣ дѣйствующія учреженія—будемъ-ли разумѣть подъ ними департаменты и отдѣленія, или земскія губернскія и уѣздныя управы, и столичныя думы—всѣ наши штатные дѣятели «властные» и «гласные» — не только не въ состояніи представить дѣльныхъ соображеній по устроенію въ наше время «государева-земскаго дѣла» въ желательномъ смыслѣ, а сами еще—напротивъ того—служатъ тому существенною помѣхой и главнымъ препятствіемъ къ тому.

Также точно,—при существующемъ у насъ разладѣ публики съ народомъ, при разладѣ нашей мнимой «интеллигенціи» съ дѣйствительнымъ разумѣніемъ многомилліоннаго русскаго народа,—и вся нынѣ сложившаяся пресса съ ея не только не охраняющею, а *растлывающею* цензурой—не можетъ способствовать отрезвленію умовъ, дабы могло выработаться правильное общественное мнѣніе по современнымъ вопросамъ, а напротивъ того производить обратное дѣйствіе. За немногими исключеніями редакцій, считающихъ себя «консервативными», (по несчастію, не отличающихся даровитостью и переполненныхъ тою казенной благонамѣренностью, которую никто не считаетъ дѣйствительнымъ патриотизмомъ,—а сверхъ

того, отличающихся наравнѣ съ прочими малымъ знаціемъ русскаго народа) — сплошь все газеты и журналы и вся наша уличная литература — содѣйствуютъ лишь усиленію въ публикѣ «общественнаго обмана». И современная пресса, такимъ образомъ, не только не въ состояніи представить правильныхъ соображеній по «государеву-земскому дѣлу» въ духѣ русскаго народа, — а будетъ еще служить, да и служить, въ свою очередь помѣхой и препятствіемъ къ тому.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи, поневолѣ приходится спросить: какимъ же образомъ приступить къ дѣлу? Не говоримъ уже: къ немедленному водворенію по всемъ мѣстамъ желаемого всемъ народомъ порядка — народомъ изнуреннымъ многолѣтнею повсемѣстной неурядицей, а какъ — говоримъ — приступить къ правильной постановкѣ самаго вопроса о томъ? Чтобы дать отвѣтъ на это, требуется прежде всего рѣшить: по какому же изъ вѣдомствъ всего болѣе накопилось зла, коего пресѣченіе нельзя долѣе откладывать ни на минуту? Въ чемъ же заключается главная коренная причина нынѣшняго безпримѣрно-хаотическаго состоянія, которое на всемъ протяженіи имперіи сказывается въ наши дни повсемѣстно на всѣхъ путяхъ жизни?

V.

Многочисленны неисправности и неурядки въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Было бы слишкомъ долго перечислять даже крупнѣйшія изъ нихъ по всемъ учрежденіямъ, существовавшимъ въ имперскій періодъ, пока въ теченіе его длилось *крѣпостное право*, и болѣе непригоднымъ, развѣ оно миновало навсегда.

Все вѣдомства, воплощенные у насъ министерствами, оказываются болѣе или менѣе требующими коренныхъ преобразованій въ наши дни, начиная хотя бы даже съ военнаго. Но минуя общій ихъ пересмотръ, довольно для примѣра упомянуть лишь кратко хотя о министерствѣ «Юстиціи» и «Народнаго Просвѣщенія», такъ какъ ихъ дѣятельность наиболѣе сопрягается съ народной жизнью.

Повѣрить ли кто, что по вѣдомству юстиціи у насъ представляетъ совершенный пробѣлъ и рѣшительную пустоту одно изъ главныхъ и существеннѣйшихъ отправленій юстиціи? Мало сказать: упущена изъ виду: а принципиально не допускается, совершенно отсутствуетъ функція, ей же имя на юридическомъ языкѣ *«меры предупрежденія и пресѣченія преступлений»*, — съ чѣмъ въ связи и другой рѣшительный пробѣлъ правосудія «храненіе общей тишины и спокойствія». Банально отвѣчаютъ на это банальные же юристы: «правда, полиція у насъ слаба, требуется усилить полицію». Но тутъ дѣло не въ этомъ ¹⁾.

¹⁾ Допустимъ, что полиція у насъ не только слаба, а — собственно говоря — еще и въ заведѣніи, каковою она должна быть.

Особливо это должно сказать по примѣненію къ нашей сельско-уѣздной жизни. Но тутъ вопросъ не въ этомъ; а существенная ошибка опять таки состоитъ въ томъ, что пока существовало *крѣпостное право*—ужь оно и составляло само по себѣ цѣлую правительственную систему,—а разь оно было отмѣнено—нельзя болѣе «по охраненію тишины и спокойствія» обходиться бюрократическими учрежденіями въ родѣ *Губернскихъ Правленій* и тому подобными.

Ошибка тутъ заключается въ томъ, что у насъ вовсе нѣтъ, надлежащей администраціи. Мнимое подобіе оной (въ лицѣ губернаторовъ) находится никакъ не въ связи съ немолкающими потребностями мѣстной народной жизни и нисколько не отвѣчаетъ административной системѣ каково она должна была бы быть для блага мѣстныхъ народонаселеній—а связуется лишь съ общою же бюрократической системой, которая всюду господствуетъ надъ народомъ въ собственныхъ своихъ видахъ и довлѣетъ лишь самой себѣ. При такомъ строѣ, наша юстиція является даже не только не въ союзѣ, а еще какъ бы въ антагонизмѣ съ чиновной администраціей и находится съ пей въ оппозиціонной борьбѣ.

Какъ сама губернаторская власть ничуть не защищаетъ мѣстнаго населенія, вовсе не охраняетъ безопасности лицъ и общаго спокойствія,—а служитъ лишь бюрократическимъ аппаратомъ для поддержки соперничающаго съ «Юстиціей» Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,—также и «Юстиція» по вопіющимъ потребностямъ объ охраненіи мѣстныхъ населеній отказывается въ правосудіи народу.

Судь, завѣдываемый Министерствомъ Юстиціи, не входитъ въ заботы охранять тишину и спокойствіе мирныхъ гражданъ; общее благо населеній или общій среди нихъ безпорядокъ, хотя бы вопіющій, вовсе не касается чиновниковъ юстиціи. Судь, по самому существу дѣла, караетъ лишь совершившіяся преступленія и уже учиненное нарушеніе правъ. А то, что составляетъ связь между администраціей и судомъ—именно «охраненіе тишины и спокойствія мѣрами предупрежденія и пресѣченія преступленій»,—вовсе не существуетъ у насъ. Похвальба злодѣя съечь имущество или даже уничтожить своего противника, всяческія угрозы и насилія весьма обиходныя и существенно-внушительныя въ житейскомъ быту,—вообще терроризмъ всякаго рода всѣхъ неблагомѣренныхъ членовъ или даже отщепенцевъ общества—одинаково не касаются у насъ ни чиновъ юстиціи, ни чиновъ администраціи. И Министерство Юстиціи и Министерство Вн. Дѣлъ, объ эти стороны отказываютъ у насъ въ правосудіи терпящимъ зло по этой части. На все подобное правосудія у насъ нѣтъ и, собственно говоря, при современномъ бюрократическомъ строѣ быть не можетъ.

Что судъ составляетъ лишь часть охраны земскаго міра,—и даже не всегда главную часть той охраны міра, собственности и личности въ мѣстномъ мірскомъ околоткѣ, въ силу чего подобному суду дается названіе *мирового*, въ немъ же именно и нуждается, главнымъ образомъ, всякій мірской околотокъ—этого никакъ не поймутъ антиземскіе люди. Что-нигдѣ

и ни въ какомъ случаѣ не возможно отсутствіе мѣстной распорядительной власти,—что не нужно и вредно раздѣлять безусловно судебную и административную власти въ низшихъ инстанціяхъ и только при ихъ сліяніи возможно то серьезное мѣстное самоуправленіе, при коемъ администрація избавилась бы отъ своего чиновнаго характера—этого у насъ не понимаютъ. Что для удовлетворенія самыхъ вопіющихъ потребностей окружающаго быта, для разрѣшенія ежеминутныхъ случаевъ жизни, въ которыхъ перепутаны всѣ элементы и судебные, и полицейскіе, и административные,—сказать короче: что для охраны и защиты земскаго мира нужны совѣмъ не нынѣ дѣйствующія «земскія учрежденія», этого, разумѣется, никогда и не захотятъ понять нынѣшніе «гласные» и ихъ губернскія и уѣздныя земскія управы.

Администрація, не зачинающаяся мѣстно по всякому изъ мірскихъ околотковъ для проявленія себя въ надлежащей силѣ въ мировомъ участкѣ, и судъ, оторванный отъ мѣстныхъ нуждъ мѣстной администраціи—мертвая буква и самого суда и самой администраціи.

Много вкралось—и доселѣ вносится—фальшиваго въ юридическіе инструменты, изготовленные и вновь сооружаемые нашимъ Министерствомъ Юстиціи. Но этотъ пробѣлъ существенной функціи, составляющей душу живую и необходимую связь—какъ души съ тѣломъ—суда и администраціи,—пробѣлъ существенной функціи правосудія относительно «*мързъ предупреденій и пресѣченія преступленій въ видахъ охраненія тишины и спокойствія*»—характеристическая черта нашей нынѣ дѣйствующей у насъ общебюрократической системы.

VI.

Что касается до «*Министерства Народнаго Просвѣщенія*»—да позволено будетъ не обинуюсь сказать: одно ужъ его названіе обличаетъ вопіющую ложь въ основѣ, что и сказывается множайшими послѣдствіями въ общемъ строѣ криво поставленнаго у насъ учебнаго дѣла.

«Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»—и ничто кромѣ. Знаніе ариѳметики, географіи и прочее, разумѣется, необходимо,—и безъ обученія наукамъ въ государствѣ обойтись нельзя. Но школьное образованіе, хотя бы и высшее, не можетъ быть названо «просвѣщеніемъ». Пока знаніе ариѳметики, географіи и проч. будутъ величать «просвѣщеніемъ»—до тѣхъ поръ будутъ находиться въ томъ заблужденіи, что всякій челоѣкъ отъ природы лишень Божьей искры и только съ пріобрѣтеніемъ «научныхъ знаній» дѣлается нравственнымъ. Это—вопіющая ложь и пагубное заблужденіе. Такъ думали лишь Мараты и Робеспьеры во дни великой французской революціи.

Простое невѣдѣніе—весьма естественное, напримѣръ, въ сельскихъ массахъ—само по себѣ еще не составляетъ зла. Страхъ Божій, къ счастью, свойство не риторовъ и грамматиковъ, а благочестивыхъ душъ. Хотя без-

грамотные и не ухищрены книжнымъ ученіемъ, зато и не испорчены имъ. Книжное ученіе не выростило для нихъ пшеницы: не наплодило однакожь и плевель. А бѣда въ томъ, что какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ перемѣшивается правда съ кривдой и добро борется со зломъ—то же повторяется и съ книжнымъ ученіемъ. Оно родитъ не только пшеницу, но содѣйствуетъ и росту плевель,—не всегда улучшаетъ нравы, а случается и портитъ ихъ. Лживое мнѣніе, что знаніе ариметики, географіи и проч. содѣйствуетъ нравственности людей, а безъ научныхъ знаній они—*яко скоты несмысленныя*,—это мнѣніе, унаслѣдованное еще отъ эпохи именно французской «великой» революціи,—особенно было распространено у насъ во дни Императора Александра I-го, которымъ были учреждены и сами «министерства».

Тѣмъ не менѣе однако школы и университеты, дѣйствительно, необходимы; въ наши дни они даже болѣе необходимы, чѣмъ когда-либо прежде, ибо *«дни лукавы суть»*. Чѣмъ болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ *«наука и образованность»*, а на первой стадіи обученіе самой грамотности, становятся орудіемъ политической пропаганды и соціального шантажа, прямо сказать: плодятъ грамотниковъ и ученыхъ людей на зло и во вредъ человѣчеству—тѣмъ болѣе должно, съ другой стороны, усиливать и плодить грамотниковъ и образованныхъ людей—на добро людямъ. Ибо противъ грамотныхъ и ученыхъ борцовъ, нарушающихъ общее спокойствіе, уже въ наши дни неграмотные и необразованные люди больше не годятся.

Итакъ, должно плодить школы и университеты для умноженія грамотниковъ и ученыхъ, ратующихъ во славу Божію и на добро человѣчеству—противъ стремящихся къ противоположному; но надо отказаться отъ лживой идеи, что само по себѣ знаніе ариметики и географіи содѣйствуетъ нравственности людей, исправляетъ *«скотоподобныхъ, яже горше змрей осуждены суть»*, злодѣевъ обращаетъ въ ангеловъ. Самое уже появленіе цивилизаторовъ, вроде Марата и Робеспьера, служить явнымъ доказательствомъ тому.—Но кромѣ подобной *несостоятельности въ существѣ* учрежденія, носящаго именованіе «Министерства Народнаго Просвѣщенія», самое образованіе юношества поставлено имъ у насъ—криво. Не касаемся общей многосложности учебнаго дѣла, минуемъ вопросъ о такъ называемомъ профессиональномъ образованіи и проч., говоримъ лишь въ общихъ чертахъ.

При правильномъ взглядѣ на «образованіе», когда подъ нимъ разумѣютъ грамотность и знаніе наукъ, а не смѣшиваютъ его съ *«просвѣщеніемъ»*—разумѣютъ съ тѣмъ вмѣстѣ три степени учебнаго дѣла, три ступени образованности. И сколько бы родъ человѣческой ни «развивался», этихъ степеней не прибавится и не убавится,—ихъ только три. Вотъ эти три степени. Всѣ живыя существа, родясь на свѣтъ, достигаютъ мѣры предоставленнаго имъ роста, какъ велитъ сама природа: ни во-вѣки вѣковъ люди не будутъ рождаться грамотными на свѣтъ! Возрастаетъ и человѣкъ какъ дано природой по роду его; родясь, онъ естественно «не ученъ, не грамотенъ»; школьное образованіе пріобрѣтается школой. Первая степень

образованія въ томъ и состоитъ, что неграмотный отъ природы научается грамотѣ: читать и писать. Этимъ для него и открывается возможность обучаться наукамъ. вмѣстѣ съ навыкомъ читать и писать ученикъ на той же первоначальной ступени научается счету и мѣрѣ (первоначатки математики), также молитвамъ и заповѣдямъ Божиимъ (первоначатки богословскихъ знаній). Это—первоначальная школа: вооруженному всеми знаніями, которая даетъ эта первоначальная школа, открыта дверь для дальнѣйшаго «образованія».

Вторая ступень составляетъ уже знаніе собственно такъ называемыхъ *наукъ*. Ихъ много или мало—смотря по тому: въ какой подробности разсматриваются научные предметы и какъ специализируются въ особые отдѣлы: тѣмъ не менѣе однако ихъ можно сосчитать по пальцамъ: математика, географія, физика и проч. Такъ какъ знаніе языковъ входитъ въ кругъ образованности, а древніе языки *греческій* и *латинскій* принадлежали народамъ, достигшимъ всемірнаго значенія, для воспріятія христіанства и проповѣдованія его во всемъ человѣчествѣ, о въ связи съ тѣмъ и самое языкознаніе должно болѣе или менѣе входить въ общій кругъ приобрѣтенія научныхъ знаній, тѣмъ болѣе, что древніе греки и латинцы, именно по своему всемірному значенію, оставили образцы такихъ произведеній ума человѣческаго, которые остаются безсмертными для всеѣхъ живыхъ; притомъ, во всеѣхъ же областяхъ человѣческаго знанія они вѣдали столь неизгладимые слѣды своей дѣятельности, что самыя названія наукъ и многіе установившіеся въ нихъ термины и даже тезисы заимствованы прямо отъ нихъ. Что касается до языковъ, впрочемъ, то живымъ предпочтительнѣе научиться изъ практикки,—а древнимъ—потому уже именно, что то языки мертвые, слѣд. сама ихъ грамматика кристаллизовалась неизмѣнно и составляетъ предметъ точной науки—именно древнимъ языкамъ и должна учить школа. Знаніе древнихъ языковъ—въ общемъ курсѣ образованія— настолько и необходимо, насколько обученіе греческому и латинскому воочію открываетъ общечеловѣческое всемірное значеніе говорившихъ на этихъ языкахъ великихъ народовъ, явившихся въ человѣчествѣ принявшими христіанство для всемірной проповѣди его. Что сверхъ того въ этихъ языкахъ—это уже составляетъ роскошь «учености», а не вообще «образованныхъ людей».

Что же касается до наукъ, собственно такъ называемыхъ, излишняя специализація, съ которою безъ конца плодятъ отдѣльныя науки, заставляя ихъ одна у другой отхватывать цѣлыя области, сама по себѣ уже указываетъ, что все вообще науки смежны между собой. Разумность ихъ разнотяжающихся рубрикъ еще весьма подлежитъ спору. Уже совершенно достаточно остановиться на томъ общепризнанномъ циклѣ наукъ, косо рубрики безспорны и, по возможности, опредѣлены съ аподиктической точностью. Во всеѣхъ же этихъ наукахъ то самое и подлежитъ вѣдать образованному человѣку, что въ нихъ составляетъ полную же достовѣрность, установленную аксіоматически.

Наконецъ, третья степень—уже верховная ступень научнаго знанія—составляетъ не только грамотность и не только образованность, а собственно *ученость*. Если для образованнаго человѣка вполнѣ довольно знать всѣ науки, признанныя за таковыя по неоспоримымъ рубрикамъ,—а въ этихъ наукахъ все, что добыто уже съ достовѣрностью аксіоматической, то для учености этого мало.

Отъ ученаго требуется знаніе высшее въ томъ смыслѣ, что ему должны быть знакомы всѣ *да* и *нѣтъ* теорій каждой изъ изучаемыхъ наукъ, полемика и апологія этихъ *да* и *нѣтъ*,—сама литература и исторія изучаемыхъ наукъ,—точное знаніе предѣловъ, на которыхъ остановилось универсальное въ ихъ области знаніе и преднамѣченность будущаго развитія для движенія знанія впередъ. Этого никто не въ правѣ требовать отъ образованнаго человѣка; но если тотъ или другой изъ ученыхъ окажется безправенъ отвѣчать на это: ученый такого рода никому не нуженъ и ни на что не годится.

Принято обыкновенно три эти степени приурочивать у насъ какъ бы такъ: грамотность почитать принадлежностью приходской школы, образованность—гимназій, а ученость относить къ университету. Но такъ, собственно говоря, надлежало бы быть, а на самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ. Самое названіе «образованія» низшимъ, среднимъ и высшимъ—какъ оно утвердилось въ обиходѣ нашего Министерства Народнаго Просвѣщенія—ошибочно уже само по себѣ и даетъ постоянный поводъ къ лживымъ толкованіямъ. Если подъ гимназическимъ ученіемъ, дѣйствительно, разумѣютъ знаніе всѣхъ наукъ общаго цикла, а въ нихъ знаніе всего того, что каждая изъ такихъ наукъ уже вѣдаетъ въ качествѣ аксіомы—тогда и терминъ «среднее образованіе» не годится. Въ такомъ случаѣ, прямо сказать, гимназія даетъ уже полное образованіе молодому человѣку; назовите его, пожалуй, «общимъ образованіемъ», но *среднимъ* его называть нельзя. Такъ называемыя у насъ «среднія учебныя заведенія», куда именно и относятся гимназіи,—если онѣ только организованы правильно и цѣлесообразно,—должны давать полное образованіе; университету же и академіямъ принадлежатъ *ученость*.

Но у насъ по обиходной практикѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и принятой въ руководство прочими министерствами (такъ напримѣръ Министерствомъ Финансовъ въ недавнее время, при предшественникѣ нынѣшняго министра)—кончавшій курсъ въ гимназій почитается недорослемъ, а образованнымъ человѣкомъ предполагается лишь окончившій курсъ въ университетѣ. Выходитъ, такимъ образомъ, что получающіе образованіе въ гимназіяхъ, должны краснѣть до ушей отъ титула «кончившій курсъ въ гимназій»,—ибо, объявивъ о томъ во всеуслышаніе, боятся услышать въ укоръ: «значитъ, вы не получили высшаго образованія!»

Можно утвердительно сказать, что молодые люди, воспитывающіеся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и оканчивающіе тамъ курсъ, стократно счастливѣе гимназистовъ, достигающихъ по окончанія курса лишь титула: не получившихъ высшаго образованія.

Представимъ себѣ, напимѣрь, что-жъ бы такое было, если-бъ избирающіе себѣ дорогу по духовному вѣдомству, по окончаніи курса въ семинаріяхъ не получали бы мѣсть служенія, а для того потребовалось бы еще пройти курсъ духовной академіи? Стѣны ломались бы духовныхъ академій отъ аспирирующихъ быть служителями алтарей—точь въ точь какъ нынѣ ломаются стѣны университетовъ отъ вторгающихся туда тысячъ народа, конечно, не для науки, а лишь для полученія дипломовъ.

Правильно-ли это, что у насъ такъ называемыя среднія учебныя заведенія, то есть гимназіи, призванныя давать юношамъ полное «общее образованіе», на самомъ дѣлѣ даютъ какую то *середку на половину*, какое то «среднее ни то ни се, чего само правительство не почитаетъ за «образованіе»? Всѣ ли однакожъ «образованные люди» должны быть непременно учеными? и въ правѣ ли мы даже требовать отъ получившихъ «общее образованіе»,— а таковы именно всѣ кончившіе курсъ въ гимназіи,—чтобы они, сверхъ того, стремились къ «учености», давать которую лежитъ на обязанности университетовъ?

Но «учености», увы! и нѣтъ въ нашихъ нынѣшнихъ университетахъ. На то много причинъ, и есть весьма важныя и роковыя: историческія причины. Главная состоитъ въ томъ, что какъ истинной образованности вообще, такъ истинной же «учености» въ особенности—нельзя малограмотной и малообразованной странѣ взять на прокатъ у другихъ народовъ. На первыхъ порахъ, когда послѣ триумфа побѣдъ и украшенія сѣверной столицы «трофеями, парчаемыми монументы», мы не въ шутку возмнили себя «къ обществу политическихъ народовъ присовокупленными и изъ небытія въ бытіе произведенными», простительно было векорѣ и похваляться нѣкоторое время уже и тѣмъ, что «можетъ собственныхъ Платоновъ россійская земля рождать». Но когда подобная похвальба уже достигла зенита, еще Пушкинъ и Гоголь открыли всѣмъ глаза, содѣйствовавъ пробужденію нашего народнаго самосознанія. Первыи внятно растолковалъ обществу, что черезъ реформу Петра мы отъ Котошихинскаго боярства перешли только къ «Евгенію Онѣгину»—выигрышъ не очень огромный! А второй, Гоголь, растолковалъ тоже весьма внятно, что провинціальная Россія за то же время переполнилась типами «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора». Постѣ такого перелома въ народномъ самосознаніи наша «образованность» и «ученость», естественно, даже и теперѣ, если и зачалась или зачинается мало-по-малу, находится однако еще въ эмбриологическомъ процессѣ. «Науки» и «учености», повторяемъ, нельзя взять на прокатъ у другихъ народовъ (какъ, напимѣрь, берутся пушки и корабли, покупаемыя на деньги): надъ ними надо потрудиться самостоятельно и самобытно. Таковы общія причины бесплодности нашихъ—*honny soit qui mal y pense*—университетовъ и академій.

Но кромѣ такихъ важныхъ историческихъ причинъ есть и болѣе простиыя—въ объясненіе современной скудости нашихъ «*высшихъ учебныхъ заведеній*». Одною изъ таковыхъ, между прочимъ, и является то самое.

въ силу чего общее образованіе, получаемое въ гимназіяхъ, въ житейскомъ нашемъ обиходѣ почитается недостаточнымъ, и предполагается еще какое то другое высшее образованіе, тогда какъ никто же серьезно не почитаетъ эту *высь*—за ученость въ самомъ дѣлѣ. Но если это не ученость въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. . . . тогда что-же это такое? Это такъ называемое «интеллигентное развитіе»: вотъ безъ него то общее образованіе гимназическаго курса и полагается недостаточнымъ. И правду надобно сказать, послѣ общаго упадка наукъ, совершившагося и замѣчавшагося всѣми еще послѣ сороковыхъ годовъ прошлаго XIX-го вѣка во всей Европѣ, у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо отразились печальныя послѣдствія такого все-европейскаго явленія. Каѳедры въ нашихъ университетахъ обратились мало-по-малу вовсе не въ «каѳедры наукъ» въ точномъ смыслѣ этого слова, а именно въ каѳедры того «развиванія молодежи», которое ввелось въ моду именно, какъ неизбежное послѣдствіе упадка наукъ. Это то самое «развиваніе», о которомъ въ нынѣшніе дни возделѣютъ уже и учителя «народныхъ училищъ», сожалѣющіе, напримѣръ, о томъ, что русская орфографія обязываетъ писать грамотно, а не безграмотно, съ твердымъ знаніемъ употребленія буквъ ѣ и ѓ. Подобные педагоги «народныхъ училищъ» ходатайствуютъ въ наши дни объ упрощеніи русскаго правописанія до полной безграмотности—лишь бы черезъ то имѣть въ народной школѣ больше свободныхъ часовъ для того, чтобы «развивать» малолѣтковъ по своимъ собственнымъ соображеніямъ, а не «перевтомлять» ихъ затруднительными для самихъ учителей упрямыми буквами кириллицы.

Кстати сказать, «перевтомленіе» школьниковъ приходской ли школы, гимназистовъ ли, студентовъ ли приходится не отъ трудности и сухости какихъ бы то ни было наукъ (хотя бы по предмету столь элементарному, какъ правописаніе), а отъ тупости и сухости, отъ мертвенности самихъ педагоговъ, обращающихъ дѣло науки въ ремесло цехового. Отдѣльныя личности, какъ между учителями школъ и гимназій, такъ и между профессорами университетовъ, могутъ быть у насъ и въ нынѣшніе скудные дни превыше учителей и профессоровъ средняго уровня всѣхъ странъ міра. Но мы говоримъ объ общемъ у насъ явленіи, а не про блестящія исключенія: о рядовыхъ педагогахъ въ нашихъ университетахъ. При полной научной несостоятельности, явно у нихъ написанной даже въ глазахъ, такъ и прыщеть отъ нихъ съ ногъ до головы самодовольствомъ своего *европейства*: *suffisence* невѣроятное—Въ ихъ то лекціяхъ современная «цеховая наука» дошла наконецъ до того, что мертва и бесполезна, какъ соль, утратившая соленость. И это еще съ полгоря; а нестерпимѣе того другое зло. Подобныя «каѳедры наукъ» рискуютъ уже на послѣдокъ обратиться—какъ вездѣ, такъ и у насъ—въ низины чисто фельетонной литературы, популяризирующей только разныя ученія въ видахъ борьбы разныхъ политическихъ партій. По естественнѣйшій это, напримѣръ, проповѣдь о такъ называемой эволюціи бабиллы въ утконоса и далѣе до человѣка; по словесному и прочимъ отдѣламъ проповѣдь о такъ называемой «соціологіи» или еще «механикѣ общественныхъ идеаловъ по

отношенію къ массовымъ дѣйствіямъ человѣчества» и т. п., гдѣ эволюція прямо уже совпадаетъ съ революціей. Для истинно-жаждущихъ высшаго образованія, ищущихъ не диплома, а удовлетворенія любознательности, теряющейся въ наши дни среди ломки вѣковыхъ идеаловъ и распространяющагося скептицизма, для надѣющихся въ учености найти разрѣшеніе своихъ сомнѣній—увы! наши университеты что то не даютъ успокоенія молодымъ умамъ. Повидимому, какъ будто даже напротивъ: они содѣйствуютъ не успокоенію молодежи, а волненіямъ среди нея въ наши дни. Это ли знакъ «учености», плодимою «высшими» учебными заведеніями? Ясно, что они не даютъ «учености» и при пылѣшнемъ состояніи не могутъ давать «ученыхъ»: ихъ не становится болѣе въ средѣ самихъ профессоровъ, обратившихся въ «цеховыхъ научныхъ».

Насколько сушь и мертвенность такого рода составляютъ у насъ роковое послѣдствіе множайшихъ историческихъ причинъ и условій, копившихся не одно сто лѣтъ, разумѣется, не могутъ они быть и исправлены мгновенно.

Но существуютъ нѣкоторыя социальныя условія, причиняющія замѣшательства въ дѣлѣ «образованія», такого рода, что требуютъ немедленнаго исправленія. Довольно указать, напримѣръ, на ни съ чѣмъ не сообразное существованіе чиновъ 14-ти классовъ, на которые дѣлится у насъ вся штатная публика, на льготы и привилегіи по полученію должностей по *дипломамъ*; а при ихъ уничтоженіи допустимъ, относительно университетовъ—на существованіе льготныхъ и привилегированныхъ заведеній, тѣхъ самыхъ, которыя такъ незаслуженно пользовались этими льготами и привилегіями противъ всѣхъ университетовъ и т. д. и т. д. Пока не изменится во многихъ отношеніяхъ нашъ социальный строй надлежащимъ образомъ, не управится и «Министерство Народнаго Просвѣщенія» съ учебною реформой.

VII.

Какъ ни велики однакожь симптомы несостоятельности обонхъ разсмотрѣнныхъ вѣдомствъ—и Юстиціи, и Народнаго Просвѣщенія—но главная бѣда еще не въ нихъ двухъ. Опасность, наиболѣе угрожающая нашему распатанному быту, состоитъ въ другомъ. Главный и существенный камень преткновенія въ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ для упорядоченія нашихъ внутреннихъ дѣлъ—это само «Министерство Внутреннихъ Дѣлъ».

Понятно почему такъ.

Тогда какъ прочіе функционируютъ по такимъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ, которыя какъ ни назовите—составляютъ, дѣйствительно, спеціальныя отдѣлы, напротивъ того, наше Министерство Внутреннихъ Дѣлъ функционируетъ за всю внутреннюю жизнь страны, вмѣсто живыхъ силъ народа, тщетно пытаясь замѣнить ихъ собою. Оно не всматривается въ самую суть и во всѣ изгибы народной жизни: вмѣсто того, чтобы регулировать въ ви-

дах общегосударственной пользы поступающіе снизу запросы мѣстных населеній, оно творитъ никѣмъ непрошенные регламенты по предметамъ, вовсе не нужнымъ ни одному изъ мѣстных населеній,—командуетъ ими по собственному вдохновенію и «благоустрояетъ» лишь въ видахъ собственнаго бюрократическаго интереса, заставляя ихъ мыслить, жить и дѣйствовать по своей бюрократической указкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое «Министерство Внутреннихъ Дѣлъ»? Во всѣхъ странахъ міра, гдѣ только заведены «министерства», гдѣ они своеобразны, а не занесены съ чужихъ,—оно есть, собственно говоря, министерство полиціи,—и ничего больше. «Ministre de l'Interieure» и «Ministre de la Police» на всѣхъ языкахъ синонимы. Да! какъ военное дѣло или финансовое, какъ обученіе въ странѣ, какъ юстиція въ ней, пожалуй, и полиція можетъ быть выдѣлена въ особое вѣдомство. Это еще понятно. Такъ и заведено повсюду: завѣдующій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вездѣ и считается собственно министромъ полиціи. Не то въ Россіи.

У насъ «Министерство Внутреннихъ Дѣлъ»—нѣчто другое, нѣчто совершенно особенное—сдва ли гдѣ и слыханное и виданное, кромѣ какъ у насъ. Оно само функционируетъ за цѣлую Россію, за всю внутреннюю жизнь русской земли и народа. Довольно указать, что къ этому полицейскому учрежденію причислены функціи, требующія на самомъ дѣлѣ какихъ угодно агентовъ, но никакъ не полицейскихъ чиновниковъ, функція, для надлежащаго отправленія которыхъ требуются живыя силы самого народа и сущность которыхъ составляетъ уже творчество самой народной жизни. Требуемое и искомое въ этой средѣ не можетъ быть никомъ образомъ предоставлено творчеству канцелярій.

Функционируя въ качествѣ творческой силы за всю страну, наше Министерство Внутреннихъ Дѣлъ—если-бъ даже и желало прислушиваться къ мнѣнію, нуждамъ и потребностямъ страны и народа—не могло бы этого исполнить: при современномъ положеніи ему неоткуда о томъ взять и слуховъ. Если бы дано было—(что и начиналось само собой на первыхъ порахъ послѣ эмансипаціи)—образоваться у насъ настоящему земскому строю, тогда только была бы и возможность знать: въ чемъ заключаются мѣстныя нужды, дѣйствительныя, а не мнимыя нужды народа. Но послѣ того, какъ *бюрократическая система втянула въ себя начатки другого рода организаціи, изгладила единственное исключеніе изъ бюрократическихъ порядковъ и возстановила единство бюрократической системы*, говоря словами Каткова а проще сказать, послѣ приведенныхъ въ дѣйствіе умоначертаній и мѣропріятій такихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, какими въ реформенную эпоху были Валуевъ, Тимашевъ и т. п., вдребезги были разбиты и вконцѣ были разрушены добрые всходы зачинавшася было настоящаго земскаго строя. По уничтоженіи мировыхъ посредниковъ и по разрушеніи сельскихъ мировыхъ участковъ, съ тѣмъ вмѣстѣ при выпускѣ нынѣ дѣйствующихъ «земскихъ учрежденій»—заглушенъ былъ голосъ народонаселенія и вообще всѣхъ мѣстныхъ людей о томъ: въ чемъ ихъ насущная по-

требность и какого упорядоченія всюду по мѣстамъ требуютъ мѣстныя нужды? Взамѣнъ того, дано было право «выбирать гласныхъ» и, обезглавивая черезъ то все остальное населеніе, этимъ избраннымъ и давалось политическое право быть «les representants», представителями цѣлаго народонаселенія. Этимъ же охотникамъ драпироваться въ плащъ политическихъ представителей предоставлялось вволю парламентировать о грамотности и школахъ, о борьбѣ съ сусликами и вредными насѣкомыми, о благотворительныхъ заведеніяхъ и проч. Притомъ подана была еще и лестная надежда, что нѣкоторые изъ нихъ, вызываемые изъ уѣзда въ губернію, будутъ вызываемы еще въ Петербургъ и тамъ, уже въ средоточіи парламентскаго творчества, будутъ изъ себя изображать палату депутатовъ, взаимодействуя съ петербургскою же палатою лордовъ. Удивительно-ли, что съ тѣхъ самыхъ поръ, всѣ вопросы школьные или объ урожаяхъ пшеницы, или о врачебной помощи и проч. служатъ лишь поводомъ упражняться въ парламентскихъ преніяхъ и добиваться роли форменныхъ депутатовъ? Программы же подобныхъ депутатовъ, по шаблонному либерализму мнимои интеллигенціи, вполнѣ сходятся съ творчествомъ самихъ бюрократическихъ сферъ, не сомнѣвающихся въ качествахъ интеллигентовъ, что народныя нужды имъ болѣе извѣстны и знакомы, чѣмъ самому народу. а народъ обязанъ подчиняться имъ и слушаться ихъ по субординаціи.

При такомъ фальшивомъ инструментѣ фальшиваго общественнаго мифа, каковы нынѣ-дѣйствующія «земскія учрежденія»—возможно ли пробиться воплямъ народа? Интеллигенты требуютъ обязательной грамотности для всей массы сельскаго населенія, заведенія телефоновъ и грамофоновъ по деревнямъ, гражданскихъ правъ мірянамъ по X-му тому,—а о чемъ народъ просить и молить, чего, наконецъ, требуетъ—это никому не въ примѣту. Наши внутреннія дѣла—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ милліоны крестьянъ всѣхъ наименованій сведены были разъ навсегда на консолидированныя надѣлы и подвергнуты обязательствамъ выкупной операціи—остались и остаются никому незрими по своимъ нуждамъ, и пребываютъ въ полномъ затѣнѣ, въ совершенной неизвѣстности по своему быту для правительства, для общества, для прессы официальной и неофициальной. Наравнѣ съ высшими сферами, замыкающими у насъ бюрократическую систему, ужъ и «земскія учрежденія» въ свою очередь успѣли образовать у насъ то «средотѣніе», которое не допускаетъ живому голосу народа услышаннымъ быть наверху. А мѣропріятія и умоначертанія—вовсе не нужныя народу—сыплются какъ изъ рога изобилія, на него постоянно—въ равной степени, какъ изъ «министерскихъ», такъ и «земскихъ» бюрократическихъ сферъ.

VIII.

Возможно ли однако-жъ какому бы то ни было учрежденію функционировать за всю внутреннюю жизнь страны и народа? Пусть такъ, но тогда по необходимости оно перестанетъ быть «министерствомъ полиціи». А что

Министерство Внутренних Дѣлъ и есть ничто другое, какъ министерство полиціи—эту азбучную истину не отрицаетъ и нашъ Сводъ Законовъ. Позволительно спросить, поэтому, совмѣстима ли съ полицейской дѣятельностью забота о такихъ дѣлахъ, которыя никоимъ образомъ не вяжутся съ дѣятельностью полицейскихъ агентовъ? Заботясь объ одномъ, по необходимости, они оставятъ въ небреженіи другое,—и на дѣлѣ окажется, что въ проигрышѣ будетъ и то и другое. Нашему министерству полиціи, зовому «внутреннихъ дѣлъ», подлежатъ между прочимъ такія дѣла, которыя вовсе не удосуживаютъ его заниматься существенно и главною обязанностию своею по отправленію полицейскихъ функций. Сюда принадлежатъ, на примѣръ, такія дѣла, какъ пересмотръ законодательства о крестьянахъ—одно ужъ это можно ли производить *между прочимъ*? Кромѣ того, хозяйственный департаментъ—функция также весьма эластичная. Далѣе земскій отдѣлъ, и кромѣ того особое отдѣленіе по дѣламъ такъ называемыхъ земскихъ учреждений, еще далѣе: переселенческое управленіе и прочее и проч. чему министерство и плодитъ все новые и новые то департаменты, то отдѣленія, то отдѣлы, то комитеты, то комисиі—безъ конца.

Кромѣ другихъ горестныхъ послѣдствій отъ такой неестественной постановки, на дѣлѣ выходитъ еще и то, что у насъ, собственно говоря, вовсе нѣтъ и полиціи. Ее много,—можетъ быть болѣе, чѣмъ бы слѣдовало ограничить ея штатъ,—но такой полиціи, какой надлежало-бы ей быть, нѣтъ и въ заводѣ. Принявъ въ себя трудъ и заботы, несвойственныя никакому учрежденію въ мірѣ, функционировать за внутреннія силы страны и народа, наше Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по своему бюрократическому устройству, не способно напослѣдокъ даже функционировать и въ качествѣ «министерства полиціи», чѣмъ по существу должно быть.

Что такое наша полиція при обще-бюрократическомъ строѣ—кому же это неизвѣстно? Слова покойнаго Государя Александра II-го могутъ служить тому живою иллюстраціей. Послѣ одного изъ покушеній на улицахъ Петербурга, самъ онъ такъ рассказывалъ объ этомъ: «въ меня злодѣй цѣлилъ пистолетомъ, а полиціантъ дѣлалъ подъ козырекъ и отдавалъ мнѣ честь». Заинтересованная—какъ вообще вся бюрократія—плодитъ себя, разрастается и множится, наша полиція объ этомъ и заботится главнымъ образомъ. Въ этихъ видахъ она даже заинтересована обиліемъ заговоровъ, смуть, подстрекательства и т. п., какъ кормомъ своимъ. Безъ того ей нечѣмъ было бы и кормиться. Кому же неизвѣстны анекдоты, какъ въ томъ или другомъ случаѣ, сами агенты полиціи конструировали и раздували стачки и смуты—лишь бы найти поводъ отличиться своимъ усердіемъ, доказать необходимость своего *raison d'être*, съ тѣмъ вмѣстѣ удвоенія и утроенія своихъ штатовъ?

Наглядный примѣръ того непростительнаго формализма, съ которымъ полиція относится къ отправленію трудныхъ обязанностей своихъ, довольно привести хоть слѣдующій—изъ временъ дѣятельности уже министра внутреннихъ дѣлъ послѣдняго времени, слѣдовательно той поры, когда по-

чему то утверждали, что полиція наконецъ функціонируетъ, какъ должно.

Этотъ—нынѣ покойный—министръ, послѣ извѣстныхъ безпорядковъ въ губерніяхъ харьковской, черниговской и полтавской, и своего извѣстнаго распоряженія по поводу такъ называемыхъ земскихъ «статистиковъ» обратился съ секретнымъ циркуляромъ ко всѣмъ губернаторамъ. Увѣдомляя ихъ о расплодившейся шайкѣ явныхъ служителей по «земскимъ учрежденіямъ» и подпольныхъ агитаторовъ, онъ предписывалъ имѣть строгое наблюденіе за ихъ пропагандой, такъ какъ они во множествѣ повсюду разсѣялись въ народѣ. Ни для кого изъ постоянныхъ сельскихъ жителей не было тогда и тайной, что дѣйствительно всюду по селамъ мелькали подобнаго рода подозрительныя личности; мѣстами ихъ даже схватывали сами крестьяне, но не добивались толку: куда ихъ дѣть и что съ ними дѣлать,—такъ какъ за немѣнимъ уликъ тому, что они «произвели мятежъ» уѣздная полиція обыкновенно спѣшила ихъ выпустить на волю, лишь бы уходили себѣ дальше. Какъ же распорядилась администрація въ лицѣ губернаторовъ и полиція въ лицѣ исправниковъ, какъ у насъ доселѣ зовутъ «начальниковъ уѣзднаго полицейскаго управленія», также и въ лицѣ становыхъ? Всѣ чины администраціи и полиціи безотлагательно исполнили секретное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ. Губернаторы тѣмъ же днемъ предписали «имѣть строгое наблюденіе» начальникамъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій; а исправники въ свою очередь, также не теряя минуты, разослали въ такомъ же смыслѣ приказы ко всѣмъ становымъ. Не замедлили съ своей стороны, «очиститься передъ начальствомъ» и становые. Кромѣ обычныхъ, чисто-формальныхъ приказовъ и распоряженій, отданныхъ словесно и письменю, водостнымъ правленіямъ, коннымъ урядникамъ, сотскимъ и десятскимъ, становые затребовали еще ото всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ подробныя списки о «жительствоющихъ въ ихъ усадьбахъ людяхъ мужеска, и жеска пола въ качествѣ домашней прислуги». Списки поваровъ и кухарокъ и проч. цѣлыми томами накопились въ становыхъ квартирахъ. Отъ высшихъ чиновъ администраціи до нижайшихъ чиновъ полиціи всѣ «очистились передъ начальствомъ»: такъ было исполнено секретное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ о наблюденіи за проагандистами, переполнявшими села и веси. Но агентовъ и агентуру подобнаго рода можно-ли не въ шутку считать полиціей?

IX.

Каковы бы ни были непорядки по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, безспорно они не могутъ подлежать мгновенному исправленію. Но что касается до неестественнаго положенія, въ какомъ состоитъ у насъ министерство полиціи, обратившееся въ учрежденіе, уполномоченное творить законы внутренней жизни русскаго народа—это требуетъ неотложнаго исправленія, въ этомъ—самая неотложная потребность текущей минуты и что ни день—всякое промедленіе отзовется вящими затрудненіями вперед.

услуженіемъ роковыхъ—быть можетъ, уже далѣе и непоправимыхъ послѣдствій.

Все хаотическое состояніе, въ коемъ очутились наши «*внутреннія дѣла*», по отмѣнѣ крѣпостного права, при которомъ еще худо ли, хорошо ли могли функционировать прежнія учрежденія—вся теперешняя неурядица заключается въ этомъ именно фактѣ, что учрежденіе, составляющее по самой сущности дѣла лишь министерство полиціи, обратилось у насъ—невѣсть во что, пытающееся замѣнить собою живыя силы народа. Съ самаго того времени, какъ подобное превращеніе пошло въ ходъ и утвердилось впрокъ,—съ тѣхъ дней еще министерствованія Валуева и Тимашева, когда были уничтожены дѣйствительныя мировыя учрежденія съ сельскими мировыми участками и замѣнены нынѣ дѣйствующими учрежденіями, «*возстановившими единство бюрократической системы*»—наши внутреннія дѣла и донскиваются всячески, просятъ неотступно, молятъ, и наконецъ, требуютъ себѣ новаго цѣлесообразнаго устройства. Въ этомъ и заключается общая причина повсемѣстнаго недовольства, выражающагося съ *одной стороны*, глухимъ ропотомъ волнующихся и смущающихся сельскихъ массъ, болѣе не видящихъ возможности продолжать свое мирное привычное бытіе,—а съ *другой стороны*, по всѣмъ городамъ громкимъ шумомъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, требующаго обратить скамьи думскихъ и земскихъ ораторовъ въ парламентскія трибуны и проч. и проч.

Бюрократія никогда сама на себя не занесетъ руку. Никакое бюрократическое учрежденіе—если ему поручать проектъ реформъ—не составитъ ни одной въ ущербъ себѣ, а всегда—хотя бы во вредъ дѣлу—въ видахъ собственнаго самоохраненія. При почившемъ Государѣ Александрѣ III была, напримѣръ, живо почувствована необходимость упорядочить нашъ сельско-уѣздный строй. Лично самимъ Государемъ была предначертана мѣра, которая при ея правильномъ осуществленіи, дѣйствительно, могла бы обратить сельско-уѣздный строй на его настоящую, прямо земскую колею—какъ то было въ счастливую пору, ясную какъ майское утро, послѣ эмансипаціи. Тогда всѣ наши «*внутреннія дѣла*», дѣйствительно, повсемѣстно находились на своихъ мѣстахъ: въ сельскихъ мировыхъ участкахъ при мѣстныхъ дѣятеляхъ мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ сѣздахъ. Того-же всѣ и ожидали при вѣсти о благой мысли Государевой. Но такъ какъ благая царская мысль приводилась въ дѣйствіе начальниками департаментовъ и отдѣленій—она была не осуществлена, а ускамотирована посредствомъ министерскихъ канцелярій. Получились тѣ «земскіе начальники», которые при всемъ властительномъ имени и добромъ желаніи приносить пользу земскому околотку ничуть не были облечены на то дѣйствительными правами,—а на послѣдокъ—уже при покойномъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ—и вовсе обращены были въ безправныхъ чиновныхъ слугъ самого министерства.

Вообще всѣ работы по всѣмъ реформамъ—за исключеніемъ лишь того

времени, когда Царь благоволил приступить къ отмѣнѣ крѣпостного права—изготавлились и творились бюрократіей. Лишь при эмансипаціи крестьянъ были призваны къ участию въ разработкѣ этого вопроса общественныя силы, люди не состоявшіе у дѣль обще-бюрократическаго механизма. Понадобилось напоследокъ и совершенно особенное учрежденіе въ новомъ духѣ и еще не виданнаго строя: такимъ именно учрежденіемъ совершенно новаго образца была «Редакціонная коммисія», во главѣ которой былъ поставленъ пользовавшійся безусловнымъ довѣріемъ Государя—Ростовцевъ. Но поэтому то вопросъ объ эмансипаціи крестьянъ и былъ въ свое время рѣшенъ, по возможности, удовлетворительно и благополучно. Если же и остались съ тѣхъ еще поръ въ крестьянскомъ дѣлѣ роковыя погрѣшности и двусмысленные компромиссы, сказывающіеся неблагополучіемъ даже до сегодня—кто же этого не знаетъ, самъ довѣренный Государевъ Ростовцевъ съ дѣятелями, коимъ ввѣрилъ въ свою очередь вести съ собой это дѣло—жаловались еще въ то время, что должны были во многомъ уступать и постоянно мириться на сдѣлкахъ въ виду ожесточенныхъ нападковъ антагонистовъ «освобожденія крестьянъ съ землею».

Несомнѣнно и въ наши дни, если еще и представляется возможность къ выходу изъ затрудненій для того, чтобы изыскать надежныя средства къ осуществленію благой цѣли упорядоченія «государева—земскаго дѣла», то никакъ не коммисія и комитеты разныхъ вѣдомствъ,—всего же менѣе департаменты, отдѣлы и отдѣленія самого Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, — могутъ это исполнить. Какъ всякое бюрократическое учрежденіе, также и оно никоимъ образомъ само на себя не занесетъ руку. Вопросъ состоитъ именно въ томъ, чтобы безотлагательно ввести это самое министерство въ должныя границы и надлежащіе предѣлы, указавъ ему быть тѣмъ, чѣмъ оно и должно быть по своей сущности: министерствомъ полиціи и ничѣмъ больше. Но оно отнюдь не согласится *sua sponte* изъять изъ своего вѣдомства и выпустить изъ своей власти ни пересмотръ законодательства о крестьянахъ, ни хозяйственный департаментъ, ни земскій отдѣлъ, ни переселенческое управленіе и проч. А между тѣмъ бюрократическое творчество по всѣмъ этимъ перечисленнымъ предметамъ—и плодитъ непрерывное зло, увеличивая не по днямъ, а по часамъ бѣдствія, переживаемыя народомъ. Лучше вовсе прекратить дѣятельность по всѣмъ этимъ предметамъ и на нѣкоторое время приостановить теченіе подобныхъ дѣлъ, чѣмъ дозволить имъ продолжаться въ томъ же направленіи, какъ они шли до сегодня. Безопаснѣй, говоримъ, приостановить теченіе и исполненіе такихъ дѣлъ, какъ напр. пересмотръ узаконеній о крестьянахъ или о переселеніи ихъ, чѣмъ передѣлывать узаконенія о крестьянахъ и объ ихъ переселеніи вопреки русскому народному на то воззрѣнію и въ анти-русскомъ духѣ.

Вопросъ объ упорядоченіи «государева-земскаго дѣла», такимъ образомъ, или—что тоже самое—о нашихъ «внутреннихъ дѣлахъ», по мѣрѣ того какъ его разсматривать подробнѣй—становится, повидимому, тѣмъ труднѣй для разрѣшенія и все болѣе впускаетъ серіозныхъ опасеній.

Въ самомъ дѣлѣ, если нельзя положиться для правильнаго его разрѣшенія на компетенцію ни «министерскихъ», ни «земскихъ» нынѣ дѣйствующихъ учреждений, ни на такъ называемое «общественное мнѣнiе», ни на многоглаголанiе всей нашей прессы... кто-жъ, наконецъ, будетъ компетентенъ взять на себя то, что ни одному изъ существующихъ органовъ не подь силу? Или развѣ именно *ad hoc* создать новый органъ? Но какой-же?

X.

Сомнѣнiя нѣтъ, если признана будетъ необходимость мгновенно свести министерство полицiи въ должныя границы, а такiе отдѣлы, какъ хозяйственный и земскiй, и такiе предметы, какъ пересмотръ узаконенiй о крестьянахъ и объ ихъ переселенiи, признать не подлежащими вѣдѣнiю полицiи,—то для упорядоченiя ихъ понадобится не тотъ или другой бюрократическiй же органъ, а новый въ родѣ именно той редакцiонной комиссiи, во главѣ которой нѣкогда стоялъ Ростовцевъ и дѣлилъ труды съ сотрудниками своими: учрежденiе, которое въ ту пору и составило дѣйствительно нѣчто выходящее изъ ряду вонъ противъ всѣхъ въ ту же пору состоявшихъ учреждений. Въ виду необходимости изыятiя этихъ дѣлъ изъ вѣдомства Министерства и невозможности ихъ прiостановки на неопредѣленное время, дѣйствительно, необходимъ такой органъ, котораго въ настоящую минуту нѣтъ.

Было бы целесообразно притомъ, чтобы временное учрежденiе подобнаго органа—во-1-хъ, не нарушало хода прочихъ установленiй: пусть они продолжаютъ свою дѣятельность въ мирѣ обычнымъ своимъ порядкомъ—а во-2-хъ, чтобы новый органъ—съ *одной стороны*, сразу далъ всѣмъ почувствовать дѣйствительно новый духъ въ своемъ существѣ, который бы отличалъ его отъ общаго строя бюрократическихъ учреждений, не давая вести дѣло казенно-канцелярскимъ порядкомъ; съ *другой же стороны*, чтобы онъ, этотъ новый органъ, ясно увѣряя своей постановкой о готовящемся обновленiи благими порядками на смѣну бюрократически-канцелярскихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ не возбудилъ кривотолковъ и не подалъ бы несмысленнымъ реформаторамъ несбыточныхъ надеждъ—кромѣ ихъ, впрочемъ, никѣмъ и не делѣемыхъ въ русскомъ народѣ.

Въ интересѣ новизны и неподчиненiя обще-казенному строю, казалось бы целесообразно съ дѣломъ перенести его, напримѣръ, въ Москву, какъ истинный центръ народной жизни; а въ интересѣ невозбуденiя разнаго рода несмысленныхъ лишннихъ толковъ возможно, казалось бы, дать ему самое простое наименованiе: хотя бы даже и департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Еще весьма недавно, сравнительно говоря, одинъ изъ департаментовъ Сената или цѣлыхъ три даже находились же въ Москвѣ, тогда какъ вообще Сенатъ состоялъ въ Петербургѣ.

Назовите временный этотъ органъ департаментомъ, отдѣленiемъ, комиссiей, думой по земскимъ дѣламъ или по внутреннимъ дѣламъ...

рѣшительно, какъ угодно. Ибо тутъ дѣло не въ названіи, а лишь бы никто его не понялъ въ смыслѣ Учредительнаго Собранія или Земскаго Собора.

Подобно тому, какъ при освобожденіи крестьянъ «Редакціонная коммиссія» подъ предѣдательствомъ особенно довѣреннаго Государева слуги Ростовцева была образована изъ многочисленныхъ членовъ, желательныхъ самому предѣдателю, разумѣется, и ново-образуемое учрежденіе должно состоять изъ вѣрнѣйшихъ Государевыхъ слугъ отъ предѣдателя до послѣднихъ изъ послѣднихъ призваемыхъ къ тому—и кого будетъ призывать *en permanence* или по временамъ при встрѣчахъ въ томъ надобности самъ предѣдатель. Но, по необходимости, оно должно состоять изъ многочисленнаго же собранія членовъ—такъ какъ иныя порядки Вятской и Пермской губерній противъ Витебской и Минской; иное устройство самаго крестьянскаго быта въ Кіевѣ, Полтавѣ, Черниговѣ и иное въ Рязани, въ Нижнемъ, въ Костромѣ, иное въ Заволжѣ.

Понятно само собою и то, что подобному учрежденію должна быть дана обязательная для него программа, опредѣляющая царскія предначертанія—для того, чтобы имъ слѣдовать точно и неуклонно,—программа, указывающая самыя начала, коихъ должны держаться соборныя члены, работая надъ преобразованиемъ сельско-уѣзднаго устройства въ тѣсномъ смыслѣ и «государева-земскаго дѣла» въ смыслѣ болѣе обширномъ.

Въ чемъ можетъ заключаться главное содержаніе такой программы—сами уже современные обстоятельства не допускаютъ болѣе и сомнѣній на этотъ счетъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что какъ ни сложны и какъ ни разнообразны задачи, составляющія нынѣ злобу дня,—какъ ни велики и разносторонни смуты и беспорядки въ хаосѣ современнаго нестроенія—но вся главная задача нашихъ внутреннихъ дѣлъ сводится къ одному существенному вопросу, передъ коимъ молкнуть все прочіе. Это—вопросъ о распатанности крестьянскаго быта.

Сколько бы внутренніе и внѣшніе враги ни воздымали смуть на Руси, но главная опасность наступившихъ дней заключается въ томъ, что коренное русское народонаселеніе шатко, волнуется само крестьянство.

Было время, когда всякая крамольная пропаганда приходила въ отчаяніе отъ своей безуспѣшности, не находя себѣ сочувствія, напротивъ встрѣчая ожесточенный отпоръ со стороны именно главной массы сельскаго у насъ населенія. Напротивъ того, въ наши дни, при общемъ и все болѣе возрастающемъ недовольствѣ крестьянъ, крамола уже разсчитываетъ на благопріятныя условія для своихъ дѣйствій и въ этой многомилліонной средѣ.

Такъ какъ нынѣшнія замѣшательства въ крестьянскомъ бытѣ прямо происходятъ отъ тѣхъ погрѣшностей и даже ошибокъ, которыя были допущены въ Положеніи 19 февраля 1861 года, разумѣется, ихъ исправленіе и составляетъ, прежде всего, главную задачу нашихъ «внутреннихъ дѣлъ».

XI.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности «крестьянскаго дѣла», какъ сложилось оно многовѣковой исторіей,—нельзя однакожь не коснуться этого важнаго вопроса хотя въ главныхъ чертахъ,—ибо не составивъ о томъ общаго понятія, нельзя будетъ вѣрно судить и о деталяхъ.

По русскому народному воззрѣнію—общественный и государственный строй представляется, безъ преувеличенія, совершенно противоположнымъ тому, который въ видѣ какой-то научной аксіомы усвоенъ всею нашей «интеллигенціей», почерпающей свѣдѣнія о «государственной наукѣ» изъ иностранныхъ учебниковъ и слагающей свои понятія объ «общинѣ» и «государствѣ»—по западнымъ образцамъ. Русскій человѣкъ по преимуществу «земскій»,—а что это значитъ по-русски—ясно само собою изъ тождества слова «земство» съ русскою землею. По социальнымъ теоріямъ западной политико-экономической науки земля подлежитъ, какъ всякая движимость и недвижимость, праву *собственности личной*—либо другая крайность: составляетъ *собственность «коммуны»*. А по народному русскому воззрѣнію ни то, ни другое. Искони вѣковъ на Руси допускалось какъ общинное, такъ и личное владѣніе землею; но такъ называемымъ «объектомъ собственности» вообще говоря, земля не мыслилась никогда. Понятно почему такъ. Никто не почитаетъ въ своей собственности, ни въ своемъ даже владѣніи, напримѣръ, лучей солнца или лунныхъ. Но если бъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей или лунныхъ производились въ обширныхъ размѣрахъ выгодныя мастерства и операціи въ родѣ того, напримѣръ, какъ снимаютъ фотографіи и дагеротипы или бѣлятъ холсты и полотна и проч., разумѣется, и пзъ-за пользованія даже лунными и солнечными лучами всякій хозяинъ и всякая хозяйка вели бы юридическіе споры, защищая всякій свое поле дѣйствіемъ солнечными и лунными лучами. Приблизительно тоже самое здравое сужденіе русскій человѣкъ имѣетъ и о землѣ, для чего даже не полагаетъ и надобности быть юристомъ. Вопреки западнымъ теоріямъ, по русскому народному воззрѣнію, напротивъ того, земля—какъ естественный даръ Божій—представляется не совсемъ объектомъ юридическаго права. Съ точки зрѣнія «Римскаго права» (а весь Западъ выросъ и держится на «Римскомъ правѣ», тамъ это одна изъ первыхъ наукъ),—конечно, это не такъ; а по-русскому понятію—такъ. Сидѣть на землѣ и кормиться отъ воздѣлыванія ея представляется русскому человѣку—не такъ называемымъ «правомъ», а естественнымъ бытомъ земнородныхъ: участіемъ всякаго человѣка, котораго Богъ породилъ на землѣ. Съ земли обжитой и охраняемой государственнымъ порядкомъ, искони русскій пахарь привыкъ нести государственную подать и справлять повинность: «государство безъ податей не стоитъ» премудро говоритъ русскій народъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ въ умъ его привносится и сознаніе, что «земля, кормящая его при ея воздѣлываніи его трудомъ», не отнимется отъ него. Земля потому и считается всемъ русскимъ народомъ «государевою», то-есть—если и собственностью, то лишь

государственною— потому именно, что на Руси всякій же изъ русскихъ убѣжденъ, что при надобности можетъ сѣсть на «государевой землѣ» и кормиться воздѣлываи́емъ ея: *«въ потѣ лица съѣсти хлѣбъ свой»*. Во время крѣпостного права прирѣзывалось мѣрской земли по мѣрѣ народженія душъ и образованія новыхъ тяглы; также прирѣзывалась земля и казеннымъ крестьянамъ всѣхъ прочихъ наименованій. Ошибка законодательства 19 февраля 1861 года и потомъ при сведеніи казенныхъ крестьянъ прочихъ наименованій на то же положеніе состояла именно въ томъ, что во 1) консолидировали разъ навсегда надѣлы (не отворивъ дверь къ переселеніямъ на свободныя государевы земли),—и тѣмъ отняли возможность крестьянскому населенію крестьянствовать, во 2) выкупкою операціей внесли замѣшательство въ мѣрское владѣніе, привнеся точку зрѣнія «Римскаго права» на землю, какъ на объектъ собственности личной. Никогда русскій крестьянинъ—до крѣпостного права, во время крѣпостного права и послѣ отмѣны крѣпостного права—никогда не считалъ общиннаго пользованія землей единственною формою ея владѣнія. Чуть кто богатѣлъ изъ крестьянъ, всякій стремился приобрести землю въ личное свое владѣніе. Но впредь до разбогатѣнья, а вѣрнѣй сказать—весь свой вѣкъ вѣкую, не разбогатѣвши, всякій изъ мірянъ радъ былъ по крайней мѣрѣ оставаться въ прирожденной общинѣ и пользоваться, какъ весь сельскій міръ, своимъ мѣрскимъ надѣломъ.

Общій ропотъ крестьянъ въ наше время состоитъ именно въ томъ, что ихъ неконный бытъ нарушенъ: они впали въ отчаяніе за будущность свою. Ихъ насильственно выбиваютъ изъ привычной колеи,—гонятъ въ массу интеллигенціи или сказать ближе къ дѣлу, въ массу бездомныхъ батраковъ и уличныхъ пролетаріевъ.

Къ счастью для Россіи она велика и отъ Бѣлаго Моря до Чернаго все разныя земли у крестьянъ, разные и надѣлы. Въ иныхъ мѣстахъ хозяйство у нихъ и прежде велось больше промысловое, чѣмъ пашенное; а въ пахотныхъ мѣстахъ не вездѣ по положенію 19 февраля 1861 года отводилось 3 десятины на душу (какъ напримѣръ въ средней полосѣ Россіи), мѣстами отведено было 12 десятинъ (наприм., въ Заволжѣ) и болѣе. Мѣстами же однако отводились не высшіе надѣлы, даже не средніе, а именно низшіе—такъ называемые въ народѣ «*кошачьи*» и «*сиротскіе*» надѣлы. Тамъ теперь и чувствуется особенное недовольство, гдѣ населеніе, бывъ надѣлено скудно и въ началѣ, окончательно теперь бѣдствуетъ при приростѣ населенія. И крестьяне ждуть не дождутся новой ревизіи въ полной увѣренности, что послѣдуетъ прирѣзка къ надѣламъ по числу народившихся душъ и прибавившихся тяглы,—или даны будутъ льготныя мѣста, а также средства и способы къ переселенію.

Благоразумный законодатель долженъ бы былъ радоваться такому историческому факту, что 85 процентовъ народонаселенія, составляющаго населеніе всего государства, довольствуется участіемъ вести скромный образъ жизни своихъ отцовъ и дѣдовъ, не заражаясь похотью политиче-

скихъ правъ, ни прихотью культурнаго прельщенія. А всѣ наши «*министры и главноуправляющіе частями министерствъ*», также думскіе и земскіе ораторы и всѣ безъ исключенія «*интеллигенты*», напротивъ того, приходятъ въ отчаяніе отъ такой патріархальной простоты и грубости нашихъ крестьянъ. Ихъ приводитъ въ ужасъ крестьянская преданность своей скромной сельской долѣ, съ которой они просятъ ихъ не разлучать: требуютъ, просятъ и умоляютъ дать земли по числу народившихся душъ и новообразованныхъ тягловъ для продолженія крестьянскаго быта.

ХП.

Правда, среди нашей нимои интеллигенціи, была и есть одна особенная группа, не умолкавшая отъ начала вопить: «*мужики просилъ альба, а ему подили камень*» и требовавшая уцедрить крестьянскіе надѣлы въ ущербъ, даже въ разореніе частныхъ землевладѣльцевъ.

Но иное дѣло социальныя и коммунистическія ученія социалистовъ и коммунистовъ на западный ладъ, и иное дѣло мірское владѣніе землей, воззрѣніе на сельскую общину и на крестьянскую долю. Гуляющіе люди и всякіе безземельные изгон не пользуются уваженіемъ среди крестьянскаго населенія; людей такого безземельнаго класса, какъ мѣщане, также въ крестьянствѣ уважаютъ мало. Разъ кто не принадлежитъ къ служебному сословію (дворяне) или къ торговому (купцы), тому—по русскому народному воззрѣнію—естественно «*крестьянствовать*», то-есть кормиться отъ земли воздѣлываніемъ ея. Еще и въ наши дни можно указать мѣстности, заселенныя такъ называемыми «*однодворцами*»; а давно ли еще ихъ и вездѣ было много. (При I Петрѣ и Екатеринѣ II множество ихъ было переведено въ податное сословіе.) Они пашутъ и крестьянствуютъ, ни мало не смущаясь сами, не смущая и сосѣдей своихъ сельскихъ мірянъ тѣмъ, что, пашучи на своихъ поляхъ и убирая сѣно въ лугахъ собственными руками, встрѣчаясь другъ съ другомъ, привѣтствуютъ одинъ другого: здравствуй, братъ князь Иванъ». Или «здорово, кумъ, какъ поживаешь, князь Илья»? Въ прежнее время подобныя пахары, при крѣпостномъ правѣ, были воиющей помѣхой развѣ-развѣ лишь именно становыхъ былаго времени, привыкшихъ по собственнымъ и фамильярнымъ отзывамъ, къ «рукопашной политикѣ». Становые жаловались обыкновенно: попробуй только нашъ братъ приступить къ которому-нибудь изъ нихъ, какъ должно, по-нашему; только ему хочешь дать въ зубы, а онъ изъ кармана и грамоту свою дворянскую вынимаетъ: «я-де въ шестой книгѣ записанъ».

Спрашивается: кому отъ того бѣда, что изетари и встарь у насъ не водилось организовавшихся собственно въ XVIII вѣкѣ форменныхъ сословій на западный образецъ и захудалые роды самихъ даже рюриковичей спускали наконецъ послѣднихъ своихъ захудалыхъ членовъ въ среду однодворцевъ? Сидя на землѣ и кормясь воздѣлываніемъ ея, никто изъ нихъ не считалъ для себя предосудительнымъ такой образъ жизни.

Не гораздо ли предосудительнѣй жребій тѣхъ отщепенцевъ и выкидышей изъ сельскаго міра, которые—отставъ отъ пахоты и кипувши въ «интеллигенцію», остались и остаются въ городской средѣ безъ домашняго крова, тою полу-грамотной или даже полу-образованной уличной «чернью», которой уже и у насъ, какъ во всѣхъ западныхъ городахъ, весьма много. По народному русскому воззрѣнію, повторяемъ, «крестьянствовать», то есть—не въ сословномъ смыслѣ, какъ это сложилось на послѣдокъ, а въ бытовомъ смыслѣ, какъ это было искони—«кормиться отъ земли воздѣлываніемъ ея» составляетъ лишь исполненіе заповѣди Божіей, на которую обречены въ земной юдоли всѣ земнородные «въ потѣ лица спѣсти хлѣбъ свой». И никто изъ православныхъ крестьянъ не почитаетъ своей долгѣю либо хуже противъ, напримѣръ, мѣщанской или даже всѣхъ другихъ сословій. Это вопросъ принципиальный—искони вѣковъ рѣшенный русской исторіей въ пользу крестьянскаго быта на Руси, что и составляетъ особенность и силу русскаго народа, чему завидуютъ прочія государства Европы—и ради чего они страшатся ея исполненіи крѣпости и несокрушимаго могущества. Весь вопросъ, такимъ образомъ, заключается прямо въ томъ: можно ли желать сокрушенія того именно, что до сихъ поръ составляло—какія ни постигали ее бѣдствія—несокрушимую силу Россіи?

Та клика «интеллигентовъ», которая вопила и продолжаетъ голосить: «крестьянинъ просилъ хлѣба, а ему подали камень» имѣла и имѣетъ въ виду свои цѣли и ведетъ пропаганду въ особенномъ духѣ. Ярость ихъ направлена противъ частнаго землевладѣнія, и то лишь противъ тѣхъ только личныхъ землевладѣльцевъ, которые принадлежатъ къ привилегированнымъ классамъ. Къ ихъ соблазну, однако, увы, въ наши дни много уже личныхъ землевладѣльцевъ, и есть даже весьма крупныя землевладѣльцы по словію крестьяне же. Но кто понимаетъ крестьянскій вопросъ во всемъ его объемѣ и самую принципиальность народнаго воззрѣнія на крестьянство, разумѣется, не смѣшиваетъ справедливаго требованія, исходящаго въ наши дни изъ вѣдръ крестьянства, съ безправницей, которой желали бы политическіе шантажисты.

У нашего государства числятся въ одной европейской части Россіи полтора ста милліоновъ десятинъ казенной земли, кромѣ Кавказа и Сибири. Откинемъ хоть цѣлую треть — на сѣверныя тундры, на болота древнихъ Дряговичей, подлежащія осушенію, на пески степные—тѣмъ не менѣе въ остаткѣ 100 милліоновъ десятинъ. Это фактъ, отрицаемый обыкновенно лишь тѣми, которые дѣлаютъ изъ того «государственную тайну», и кому о томъ ближе всѣхъ извѣстно. Но они, пожалуй, и правы, настаивая на «невсвободности» этихъ полтора ста милліоновъ десятинъ, такъ какъ въ шнуровыхъ книгахъ ихъ департаментовъ и отдѣленій вся эта земля разнесена по специальнымъ статьямъ и значится въ графахъ разноименныхъ.

А въ прошломъ году—уже послѣ манифеста 26 февраля 1903 Министерство Государственныхъ Имуществъ (оно же Земледѣлія) отчислило изъ сибирскихъ земель въ одной Тобольской губерніи районъ земли простран-

ствомъ въ 50 тульскихъ губерній—какъ никогда не имѣющей поступить крестьянамъ-общинникамъ. Допустимъ, что это было сдѣлано, напримѣръ, въ исполненіе проекта, составленнаго ранѣе изданнаго министромъ, а именно проекта времени министра Сипягина «о помѣстномъ дворянствѣ» въ Сибиріи: тѣмъ не менѣе однако фактъ замѣчательный. Районъ земли въ 50 тульскихъ губерній—это не шутка.

ХІІІ.

Если бы государственные люди поняли у насъ принципальную важность крестьянскаго вопроса, тогда и рѣшеніе его сошло бы прямо на вопросъ объ упорядоченіи крестьянскихъ расселеній и переселеній. Бѣда въ томъ, однако, что наши министры и крупные землевладельцы (сказать бы: ландграфы наши)—малоземельные и вовсе безземельные интеллигенты, доктора политической экономіи и римскаго права и всякіе ученые люди, наконецъ, политическіе шантажисты и всякаго рода пропагандисты—все у насъ думаютъ объ этомъ иначе. Первые и вторые, третьи и четвертые, тѣ и другіе, разсматривая крестьянскій вопросъ,—всякій съ своей точки зрѣнія, и думая о благополучіишемъ его рѣшеніи,—всею менѣе думаютъ о благополучіи крестьянъ. Неотрицаемый фактъ состоитъ въ томъ, что у крестьянъ отнята возможность крестьянствовать въ грядущемъ; удрученные духомъ, они задумываются о своемъ завтрашнемъ днѣ и находятся въ угнетеніи отъ сознанія, что будущности для нихъ нѣтъ.

А наша «интеллигенція», между тѣмъ, воздыхаетъ совершенно о другомъ. Слащаво вспоминая о *«реформенной эпохѣ»* вообще и до приторности слащаво объ *«освобожденіи крестьянъ»* въ особенности—интеллигенты жалуются теперь, что освобожденные крестьяне еще недоосвобождены въ концѣ: не сравнены, дескать, гражданскими правами съ прочими свободными гражданами всѣхъ другихъ сословій. Интеллигенты предлагают *«довершить освобожденіе»*, доосвободить крестьянъ путемъ приравненія сельско-мірскихъ правъ къ обще-гражданскимъ правамъ по X тому Своду Законовъ.

Хорошія слова, конечно, *«уравненіе правъ»* и *«освобожденіе»*; но сказать проще, въ данномъ случаѣ дѣло идетъ уже о томъ, чтобы сельскіе міряне вконецъ доосвободились отъ своихъ надѣловъ и сошли на мѣщачъ и цеховыхъ, не пользующихся никакими надѣлами,—перестали бы быть. чѣмъ были некончи, а обратились бы въ бездомныхъ батраковъ, нуждающихся идти въ рабочіе. Въ коренномъ русскомъ народонаселеніи, составляющемъ у насъ 85 процентовъ обще-государственнаго населенія—видѣтъ «соловѣе» по меньшей мѣрѣ, странно и несообразительно. Видѣтъ, числящійся по Своду Законовъ «крестьяниномъ» въ юридическомъ смыслѣ, богатѣя à la Кокоревъ или Губонинъ, то и дѣло пріобрѣтаетъ въ наши дни цѣлыя имѣнія и становится личнымъ землевладельцемъ, нерѣдко даже весьма

крупнымъ. Изъ такихъ личныхъ землевладѣльцевъ нѣкоторые не находятъ даже надобности переписываться въ другія «сословія», а охотники перечисляться въ «высшія»—безъ всякаго труда успѣваютъ въ томъ. О чемъ же воркуютъ слащавые воздыхатели, плодя рѣчи о недоосвобожденности освобожденнаго народа? Вѣдь, Положеніе 19 февраля 1861 года тѣмъ и отличается отъ Свода Законовъ, что въ нѣкоторомъ родѣ составляетъ истинно-органическій законъ о 85-ти процентахъ русскаго народоселенія.— тогда какъ Сводъ взираетъ на «крестьянъ» лишь именно какъ на одно изъ «сословій», въ собственномъ смыслѣ. Но попробуйте пересчитать сословія по Своду Законовъ—и въ изумленіи придется развести руками. Сводъ насчитываетъ у насъ почти столько же сословій, сколько дней въ году.

«Интеллигенты» изъ крупноземельныхъ и малоземельныхъ и вовсе безземельныхъ—не одинаково относятся къ доктринѣ *«объ уравненіи крестьянъ гражданскими правами по X тому»*. При этомъ у нихъ и цѣли разныя: однѣ—у крупно-земельныхъ и совершенно противоположны—у вовсе безземельныхъ. Всего платоничиѣ разсуждаютъ въ этомъ случаѣ средніе. Эти лишь изъ платонической любви къ наукѣ вообще, а къ Римскому праву въ особенности толкуютъ о необходимости скорѣе обратить крестьянскіе надѣлы въ объектъ *«собственности личной»*; съ тѣмъ вмѣстѣ изъ приверженности и къ прочимъ наукамъ вообще, а къ «Политической Экономіи» въ особенности, хлопочутъ также о *«водвореніи экономической свободы»* между крестьянами путемъ уничтоженія сельской общины: переходомъ отъ мірскихъ земельныхъ надѣловъ къ подворнымъ участкамъ. Они же изъ платонической любви къ «прогрессу» вообще, а къ «культурному» въ особенности отстаиваютъ и необходимость скорѣйшаго перехода хозяйства у крестьянъ отъ «экстенсивной» системы къ «интенсивной».

Но цѣли крупно-земельныхъ интеллигентовъ при этомъ гораздо существеннѣй и совершенно реальны. Ландлорды озабочены уже тѣмъ, чтобы обезпечить отъ всякаго рода могущихъ послѣдовать случайностей безчисленные интересы и потребности ихъ крупно-земельныхъ хозяйствъ. И это не только съ цѣлью имѣть, напримѣръ, дешевыхъ работниковъ или напротивъ самыхъ дорогихъ арендаторовъ для своихъ территорій, но еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы съ облегченіемъ переселеній на свободныя земли—не уронила въ обществѣ повсемѣстно цѣна продажной земли. Главная же изъ всѣхъ могущихъ послѣдовать случайностей, не опускаемая изъ виду крупными землевладѣльцами, разумѣется, та самая, которую недавно Великобританскіе законодатели сочли нужнымъ примѣнить къ ландлордамъ въ Ирландіи. Неисчислимы аграрныя заботы нашихъ туземныхъ ландлордовъ.

Но сколько бы они ни тратили силъ, доказывая превосходство «интенсивной системы» и какъ бы ни побуждали крестьянъ къ «культурному прогрессу», пройдетъ слишкомъ много времени прежде чѣмъ подобный прогрессъ—ужь не говоримъ начнетъ приносить барыши и пользу крестьянамъ, а просто войдетъ въ ихъ нравы. Какъ бы ранѣе того не совершилось то самое, что держатъ себѣ на умѣ *вовсе безземельные «интеллигенты»*, про-

повѣдующіе прогрессъ и культуру громче всѣхъ. Вотъ когда опомнятся, наконецъ, проповѣдники «водворенія экономической свободы» путемъ уничтоженія «мірской общины» и преимуществъ «интенсивной» системы противъ «экстенсивной». При могущей послѣдовать случайности этого рода, не сочтутъ ли они сущимъ благодѣяніемъ даже и ту самую мѣру, къ которой Великобританское законодательство прибѣгло въ Ирландіи, и которую теперь для себя считаютъ самою пагубной?

Итакъ, оставляя въ сторонѣ научныя пренія и даже не касаясь вопроса: правы или не правы тѣ или другія теоріи политической экономіи и агрономіи, смѣло можно утверждать, что простой здравый смыслъ совѣтуетъ: широко отворить дверь для крестьянскихъ переселеній, съ тѣмъ вмѣстѣ дать нуждающимся переселенцамъ всѣ средства и способы къ водворенію на новыхъ мѣстахъ.. А не запереть эту дверь наглухо, показывая въ казенныхъ графахъ землю въ *нѣтъхъ* и требуя отъ бѣдняка, закнувшася о своемъ желаніи переселиться, реверса въ 400 рублей.— какъ это постановлено сейчасъ.

Какъ только будетъ установлено главное и основное положеніе о возможности на будущее время крестьянству крестьянствовать на Руси, самъ собою возникнетъ и дальнѣйшій вопросъ о крестьянскомъ самоуправленіи, — съ чѣмъ вмѣстѣ этотъ частный вопросъ самъ же собою расширится въ вопросъ общій о нашемъ сельско-уѣздномъ управленіи, или прямо сказать, о самоуправленіи земскомъ вообще. Это уже то самое, о чемъ мало-смыслящая наша «интеллигенція» много толковала на импровизованную тему о «*всесловной волости*» и не дотолковалась ни до чего путнаго; а нынѣ толкуетъ о томъ же подъ видомъ ходатайства о «*мелкой земской единицѣ*». Но какъ неосновательно было бы, въ угоду несмысленныхъ «интеллигентовъ» прибѣгнуть къ осуществленію ихней «всесловной волости»—избави Богъ осуществить и ихъ «мелкую земскую единицу». Ибо, это было бы лишь увѣянчаниемъ фальшиваго строя нынѣ дѣйствующихъ «земскихъ учрежденій» вовсе не въ видахъ исправленія ихъ въ русскомъ духѣ, а напротивъ увѣковѣчило-бы ихъ нынѣшнюю фальшь и ускорило бы самое осуществленіе нежелательныхъ послѣдствій, логически неизбежныхъ истекающихъ изъ такой фальши.

XIV.

Разъ крестьянству дано будетъ будущее,—сказали мы,—самъ собою возникаетъ вопросъ объ управленіи земскомъ. Понятно почему такъ. Ибо мірское управленіе крестьянъ, касающееся ихъ по вопросамъ о разверсткѣ мірской земли и т. п., кромѣ того соприкасается съ вопросомъ объ охраненіи вообще мѣстнаго порядка, мира и тишины во всемъ околоткѣ,—а это вопросъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, всѣхъ обывателей мѣстнаго околотка, а не только однихъ крестьянъ. Сельскіе старосты и волостные старшины имѣютъ нѣкоторыя общія со всей администраціей обязанности по охра-

ненію тишины и спокойствія, по задержанію бѣглыхъ и подозрительныхъ людей, по пресѣченію зловредныхъ слуховъ и толковъ и проч. Этою частью функцій крестьянское управленіе и сливается уже съ земскимъ вообще. Ихъ объединяетъ, *съ одной стороны*, надобность мірянъ даже въ кругѣ ихъ внутренняго дѣлопроизводства прибѣгать поминутно къ руководству дѣловитыхъ людей, которые навыкомъ къ служебной дѣятельности, вѣдѣніемъ законовъ и обще-государственнаго строя ихъ превосходятъ; *съ другой стороны*, надобность руководства по дѣламъ охраненія мира и тишины, веденія порядка въ мѣстномъ участкѣ, образуемомъ изъ многихъ волостей, вмѣстѣ взятыхъ. При эмансипаціи это и были «сельскіе мировые участки» съ мѣстнымъ мировымъ посредникомъ во главѣ,—въ уѣздномъ же городѣ изъ нихъ составлялся мировой съѣздъ съ членомъ отъ правительства въ числѣ засѣдавшихъ, и подѣ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства: организація вполне пѣлесообразная.

Ясно само собою, что такого рода общественными дѣятелями могутъ быть лишь люди, о которыхъ говорилось въ старину, что они «*грамотъ умѣютъ и къ дѣлу годятся*». Въ наши дни, когда грамотность уже не составляетъ рѣдкости, особенно требуется обратить вниманіе на необходимое добавленіе о грамотныхъ людяхъ: «годятся ли они къ дѣлу» или, напротивъ, не годятся? Быть грамотнымъ мало для того, чтобы вести по мѣстамъ мѣстное дѣло, требуется для этого еще именно и другое: «*годится къ дѣлу*».

Что касается до опредѣленія годящихся и негодныхъ, разумѣется, на это не можетъ быть регламента. Такъ называемый «*цензъ*»,—по владѣнію ли землей, по образованію ли—тутъ мало поможетъ вѣрному указанію годности и негодности. Въ старину на это было одно только указаніе: общій голосъ, но отнюдь не баллотировка, никакъ не выборъ шарамп. Годящимся къ дѣлу почитались «*лучшіе люди*», то есть такіе, на кого въ мѣстномъ околоткѣ указывала молва народная, что они «*совѣтливые и богобоязненные люди*». А на совѣтливость и богобоязненность подавно нѣтъ регламента,—ибо требуемая въ чиновничествѣ свидѣтельства о «бываніи у исповѣди и причастія» не доказываютъ ровно ничего. Въ старину правительство указывало крестьянамъ: въ охраненіе отъ лихихъ людей *вы бы приставили въ головы кого изъ дѣтей боярскихъ, которыя грамотъ умѣютъ и къ дѣлу годятся*».

XV.

Въ наши дни очень много возбуждали толковъ о «необходимости словій вообще и дворянскаго въ особенности»; но что эти толки вообще велись не особенно толково—доказательство тому налицо. Дворянское сословіе, какъ таковое, по вопросу о своемъ улучшеніи выработало только узаконеніе штрафовать дворянъ, не являющихся на выборы, 75-ю рублями. Несмысленность толковъ о «дворянскомъ вопросѣ» имѣла своею причиною именно то, что не имѣли яснаго сознанія о сущности самого вопроса. Дво-

рянство, какъ историческое явленіе въ быту русскаго народа, одно дѣло: это разрядъ *служилыхъ людей*; а дворянство, какъ объ немъ судили съ точки зрѣнія Свода Законовъ—другое дѣло. Это не разрядъ по роду занятій,—а именно «сословіе» въ юридическомъ смыслѣ. Дворянство, образовавшееся по Своду Законовъ, отовсюду прибываетъ и никуда не выбываетъ.

Встарь, когда на Руси не было «*сословій*» въ юридическомъ смыслѣ, захудалые роды даже рюриковичей спускали своихъ послѣднихъ захудалыхъ членовъ прямо въ бытъ однодворцевъ. И это ни ихъ и никого не смущало. Но когда Сводъ Законовъ учредилъ форменныя сословія,—или еще когда въ имперскій періодъ къ тому склонилась вся дѣятельность правительства,—сословный вопросъ, разумѣется, обострился. Охота ли кому изъ сословія, числящагося по закону высшимъ, переписываться въ низшее? Какъ ни одинъ, напримѣръ, принадлежащій къ сословію потомственныхъ почетныхъ гражданъ,—при всемъ оскудѣніи, которое могло бы постигнуть его размножившихся сыновей или внуковъ,—не пожелалъ бы переписывать ихъ въ сословіе личныхъ почетныхъ гражданъ, такъ въ свою очередь личный почетный гражданинъ не обрадовался бы собственному низведенію въ мѣщане: сословіе, числящееся по закону ниже. А простыхъ гражданъ, не почетныхъ, а попросту гражданъ, которыми состоимъ мы всѣ, не полагается по Своду Законовъ: юстиція непременно требуетъ приписки къ тому или другому «*сословію*» въ юридическомъ смыслѣ.

Лишившись привилегіи владѣть крѣпостными людьми,—и славу Богу,—дворянство Свода Законовъ лишилось именно того, въ чемъ состояло главное юридическое его отличіе отъ прочихъ «*сословій*», перечисляемыхъ Сводомъ,—а по введеніи общей воинской повинности и вовсе сравнялось съ прочими. Въ такомъ положеніи оно болѣе не знаетъ: къ чему прилѣпиться и на чемъ ему стать, «дворянскому сословію», какъ таковому?

Въ томъ не было бы особенной бѣды, но вотъ бѣда въ чемъ. Сочинивъ два особыхъ «*сословія*»—потомственныхъ почетныхъ гражданъ и личныхъ почетныхъ гражданъ—Сводъ Законовъ, какъ сказано, простыхъ гражданъ, какими собственно состоимъ мы всѣ, гражданъ попросту вовсе не допускаетъ. Между тѣмъ, разъ только заведены форменныя сословія—высшія и низшія, самоверхнія и самопослѣднія—представляется нормальнымъ, чтобы всѣ народившіяся души соотвѣтствовали и по быту, подробностями жизненной обстановки, тому именно сословію, къ коему приписаны отъ рожденія. Разъ бытовая норма не соотвѣтствуетъ юридической—это уже представляется аномаліей. А захуданіе родовъ, какъ водилось встарь, водится и теперь. И кто жъ того не знаетъ: бытовая норма не сходится съ юридической подчасъ.

Когда, напримѣръ, юридическая норма того или другого изъ гражданъ обязываетъ къ почетности, а по быту захудалый членъ не пользуется почетомъ,—или напротивъ, когда юридическая норма намекаетъ на относительную приниженность въ ряду сословій, а членъ такого сословія высится

и первенствуетъ пышностью своего быта, разумѣется, нормальнымъ этого не назовутъ. Но въ томъ еще нѣтъ укора социальному быту и безусловно пенять на это нельзя; а должно вникнуть: откуда происходитъ такая ненормальность? Причина тому можетъ быть двоякая.

Съ *одной стороны*, причина подобныхъ аномалій можетъ заключаться въ самой лживости «*сословнаго принципа*», а всякая ложь сама себя и доводитъ до абсурда. Въ западныхъ государствахъ, гдѣ «сословія» въ юридическомъ смыслѣ составляли неконное явленіе по самой исторіи тѣхъ государствъ, начавшихся отъ «завоеванія»,—гдѣ «*сословныя перегородки*» прямо замыкали гражданъ по правовому порядку—однихъ въ сословіе рабовъ, а другихъ въ сословіе господъ, по правовому же порядку въ непремѣнную льготу однихъ и въ непремѣнный ущербъ другихъ—пзъ-за этого не переводилась вражда сословіи, вспыхивала борьба между ними и происходили революціи. Тамъ, слѣдовательно, гдѣ раздѣдающія сословный бытъ ненормальныя явленія и аномаліи происходятъ по самой лживости «*сословнаго принципа*»—объ нихъ и жалѣть ничего; напрасны были бы и старанія все подобное оздоровить. Если въ данномъ случаѣ и требуется оздоровленіе, то иное: правильное воззрѣніе на «сословный вопросъ» и сообразныя мѣры. То-есть прекращеніе искусственно заведенныхъ сословіи, учрежденныхъ по правовому порядку, и возвращеніе ихъ къ тѣмъ бытовымъ разрядамъ людскаго общества, на которые естественно дѣлятся всѣ граждане по роду ихъ занятій. Но, съ *другой стороны*, именно потому, что самый родъ занятій во всякомъ людскомъ обществѣ распредѣляетъ гражданъ различно по ихъ бытовымъ разрядамъ, сословный бытъ вовсе не химера. Если подобнаго рода правильно понимаемый сословный бытъ страдаетъ отъ неблагоприятныхъ причинъ и готовъ разрушиться отъ вторженія несвойственныхъ никакому людскому обществу дикихъ началъ—пособить ему и поддержать его необходимое дѣло.

При нашемъ исторически-сложившемся бытѣ, въ силу котораго навязанныя правовымъ порядкомъ «*сословія*» стремятся въ народномъ быту сами собой быть лишь разрядами по роду занятій, и даже при всѣхъ тягостныхъ препонахъ, пренятствующихъ тому юстиціей, приковывающей ихъ къ «*юридической нормѣ*», продолжаютъ себѣ пребывать въ народномъ быту лишь «*бытовыми*», а не «*юридическими*» сословіями—такого рода сословное дѣло имѣетъ весьма добрый степенный характеръ и получаетъ огромный смыслъ. Это уже тотъ глубокій смыслъ, который не только не враждебенъ правильному социальному устройству, а безъ котораго вся «соціологія» неизбежно обращается въ «утопію», либо еще хуже... отваживается перейти уже въ нѣчто роковое.

Вольно же было нарочито заводить нарочитыя сословія, обращать русскій безсословный бытъ на несвойственный ему чуждый путь. Не странно ли даже: естественную долю земнородныхъ *кормиться отъ земли воздѣлываніемъ ея*—трансформировать посредствомъ правового порядка въ «сословную принадлежность»? По людскому эгонзму и злоупотребленіямъ

сильнаго надъ слабымъ возможно было, допустимъ, гордому воину выситъся въ социальномъ быту надъ смиренныхъ хлѣбопашцемъ. Въ русской исторіи видимъ примѣръ тому и даже не трудно прослѣдить, какъ одновременно съ утвержденіемъ «государственнаго принципа» въ западномъ смыслѣ растеть угнетеніе крестьянъ, то есть именно пахущаго населенія. Прямое обращеніе крестьянства въ «сословіе», понимаемое въ юридическомъ смыслѣ. къ тому же въ сословіе «крѣпостныхъ людей и податныхъ душъ» (одни изъ фазисовъ общей реформы, произведенной Петромъ)—продуктъ новой нашей исторіи, породившій своеобразныя смуты, бунты и мятежи, которыхъ не было дотолѣ. Замѣчательно однакожь, что и въ періодъ упрочивавшагося и упроченнаго «крѣпостнаго права», сами крестьяне иначе понимали свой бытъ, чѣмъ Сводъ Законовъ, взирвшій на нихъ, какъ «сословіе»—высшее и самое послѣднее изъ всѣхъ.

Статочное ли дѣло—по необходимости приходится спросить—не полнаго и не двѣ его трети, а 85 процентовъ народонаселенія считать «сословіемъ»? Сообразно ли хоть съ чѣмъ-нибудь: многомилліонное православное крестьянство констатировать за одно изъ существующихъ въ государствѣ многихъ «сословій», а самый бытъ мірянъ за «сословную принадлежность»? Конечно, нѣтъ,—и выходитъ, такимъ образомъ, что бытовыя сословія, какъ ихъ понимаетъ русскій народъ въ своей жизни, и тѣ сословія, которыя значутся въ статьяхъ Свода Законовъ,—двѣ вещи совершенно разныя.

XVI.

Собственно говоря, изъ всѣхъ сословій, сложившихся общимъ складомъ нашей исторіи и произведенныхъ самимъ бытомъ, только—два: «крестьянство» и «дворянство»,—и они, можно бы сказать, всесословны. Оба противъ всѣхъ перечисляемыхъ въ Сводѣ другихъ сословій—наиболѣе устойчивы, какъ таковыя; то и другое, пожалуй, болѣе могутъ быть названы *сословіями* въ житейскомъ бытейскомъ смыслѣ, и въ то же время наименѣе «сословны» и даже вовсе «безсословны» въ смыслѣ юридическомъ. Они же оба, одно съ другимъ, преимущественно противъ прочихъ и сближены другъ съ другомъ, что происходило вѣками и прошло какъ сквозь горнило испытаній—черезъ длинный рядъ всякихъ историческихъ перипетій.

Сомнительно, чтобы русское дворянство нашло себѣ панегиритовъ по той дѣятельности, которую обнаруживало лѣтъ сто слишкомъ въ своихъ собраніяхъ, сѣзжаясь *на выборы*, ибо, пользуясь правомъ «ходатайствовать о мѣстныхъ нуждахъ», могло бы тѣмъ приносить огромную пользу отечеству, которой вовсе не приносило. Оно могло бы тѣмъ содѣйствовать въ теченіе многихъ премногихъ десятилѣтій отклоненію умоначертаній и мѣропріятій, падавшихъ вдругъ, какъ съ неба, не въ пользу, а во вредъ мѣстнымъ нуждамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ содѣйствовать и замѣнѣ ихъ полезнѣйшими и цѣлесообразными,—но не занималось этимъ никогда.

Не похвалять его, можетъ быть, и за малое проявленіе дѣйствительнаго знанія мѣстныхъ нуждъ при его участіи въ нынѣ дѣйствующихъ «земскихъ учрежденіяхъ». На ихъ долю, впрочемъ, дворянство не удѣляетъ лучшихъ своихъ силъ по самой мнимости этихъ учреждений. Сюда отъ него вступаютъ большею частью лишь «карьеристы по земскимъ дѣламъ», приобщающіе и свой голосъ къ общему гулу... уже не столько «дворянъ», какъ собственно такъ называемыхъ «интеллигентовъ».

Несомнѣнно однакожь и то, что если можно указать у насъ на такую группу общественныхъ дѣятелей, которые бы при веденіи общественныхъ дѣлъ забывали свой личный и собственно «сословный» эгоизмъ—это будутъ именно дворяне. Въ семьѣ не безъ уroda, разумѣется, но мы говоримъ объ общемъ правилѣ, а не про исключенія. Жертвовать лично эгоистическими интересами и интересами цѣлаго своего «сословія»—чуть дѣло коснулось общей пользы—составляетъ отличительную и выдающуюся черту въ характерѣ русскаго дворянства. Сама эмансипація крестьянъ служить доказательствомъ тому. Съ тѣмъ вмѣстѣ привычка къ благовоспитанности изъ рода въ родъ, навѣкъ государственной службы, вѣковое значеніе «служилаго сословія», вѣковое же общеніе съ бытомъ мірянъ въ своихъ помѣстьяхъ—все это придаетъ русскому дворянству то существенное значеніе, въ которомъ отказать ему нельзя.

Это самое, вѣками исторіи созданное значеніе и придаетъ русскому дворянству истинно народный отгѣнокъ, чисто-земскій характеръ. Пусть «дворянское сословіе», какъ таковое, никакими привилегіями болѣе не отличается отъ прочихъ; но если оно вѣрно родному историческому завѣту, если только сознаетъ свое призваніе быть воистину разумнѣишемъ многомилліоннаго православно-русскаго народа—оно и удержитъ свое значеніе въ быту русскаго народа навсегда. Незамѣнимое мѣсто въ настоящемъ русскомъ земствѣ принадлежитъ ему по праву. И это такая прерогатива, которая *не отнимется отъ него*: ее ни придать произвольно, ни отнять произвольно ужъ никакимъ регламентомъ нельзя. Отъ него отъ самого зависить теперь: остаться ли на высотѣ своего призванія, измѣнить ли ему.

Понимая русское дворянство въ такомъ именно значеніи, можно основательно утверждать, что и самый вопросъ о поднятіи его—не праздный, а вызванъ дѣйствительными потребностями минуты и подсказанъ жизнью. Это уже и есть то самое, что въ годы царствованія почившаго Государя Александра III заботило правительственное и общественное вниманіе именно подъ названіемъ «дворянскаго вопроса» и опять-таки не привело ни къ чему... все по одной и той же причинѣ. Мы еще не на правомъ пути, а только ищемъ возвратиться на прямую дорогу, съ которой сбились давно.

Если вопросъ о поднятіи дворянства разрѣшился ничѣмъ и, призванное выразить свои нужды, оно затруднилось формулировать ихъ—это ясное доказательство безсодержательности происходившихъ о томъ преній. Толкуя о «сословномъ дворянствѣ», какъ оно было установлено жа-

лованною грамотой Екатерины II, великой феодалки, и руководясь соображеніями о дворянахъ, согласно Своду Законовъ, естественно было, путаясь въ своихъ мнѣніяхъ о дворянствѣ и дворянахъ, противорѣчить безъ конца другъ другу и не договориться ни до чего путнаго. Дебатировавшіе заданную имъ тему, ясное дѣло, мало даже и сознавали самую сущность дебатироваемаго ими вопроса. А публика и то общественное мнѣніе, которое въ качествѣ *общественнаго обмана* выражается въ уличныхъ газетахъ, было возбуждено противъ самаго возникновенія вопроса о «дворянствѣ», какъ привилегированномъ сословіи. Сами дворяне—изъ числа не превышающихъ собственнымъ разумѣніемъ газетныхъ міровоззрѣній—спѣшили всячески заявлять тогда, и съ своей стороны, полную солидарность съ общимъ хоромъ «интеллигентовъ», либерально заявлявшихъ о «несовременности» и «ненужности» никакого дворянства въ мірѣ. Какъ во всѣхъ прочихъ вопросахъ, такъ и въ этомъ, кривда съ правдой перепутались до такой степени, что окончательно стало невозможно разобратъся: о чемъ собственно спорили между собой антагонисты и, разумеется, кончилось ничѣмъ.

XVII.

А самъ по себѣ «*вопросъ о дворянствѣ*», возникшій въ прошлое царствованіе, былъ не изъ мелкихъ. Симптомы, свидѣтельствовавшіе о полномъ нездоровѣіи нашего общественнаго организма, весьма внушительныя и очень серьезнаго свойства, вызвали его.

Кому же неизвѣстно, что за одно съ дикими вождельніями той неистовой шайки, которая въ теченіе вотъ уже нѣсколькихъ десятилѣтій плодится у насъ, пополняемая отщепенцами рѣшительно изъ всѣхъ сословій, совпадаютъ еще нѣкоторыя тенденціи такъ называемыхъ «интеллигентовъ» вообще. Неправильно поставленное у насъ дѣло «образованія», вопіющая ненормальность условій, въ которыя поставлено у насъ «*духовенство*», числящееся сословіемъ и не знающее—куда дѣтъ своихъ изгоевъ,—и многія другія причины, имѣющія между прочимъ связь съ нынѣшнимъ кризисомъ, происходящимъ въ крестьянствѣ,—умножаютъ не по днямъ, а по часамъ этотъ классъ бездомныхъ людей, оторванныхъ отъ всякой почвы, не имѣющихъ ни родного домашняго крова, ни добрыхъ семейныхъ преданій. «Интеллигенты» этого рода по преимуществу кшатъ въ столицахъ и большихъ городахъ, но встрѣчаются нынѣ повсюду: во всякомъ городѣ и на любомъ посту. Всего менѣе можно бы было на нихъ положиться, какъ на «*вѣрныхъ слугъ государевыхъ*», всего менѣе они пригодны въ качествѣ «*служилыхъ людей*». А между тѣмъ они-то цѣлыми массами и идутъ впередъ, проникая во всѣ сферы служебной дѣятельности. Болѣе удачливые изъ нихъ достигаютъ весьма видныхъ постовъ—не только въ провинціи, но и въ столицахъ; а рядовые зачисляются, напримѣръ, въ тѣ полки «*статистиковъ*» и «*почвенниковъ*», коими нѣкоторыя изъ «земскихъ учре-

жденій» приобрѣли столь печальную извѣстность. Тенденціи этого рода «интеллигентовъ» весьма мало отличаются отъ общей доктрины нашихъ реформаторовъ-радикаловъ: отечественныхъ и зарубежныхъ. По крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ изъ социальныхъ вопросовъ—между тѣми и другими сочувствіе полное. Оно притомъ находитъ себѣ мѣсто еще и тамъ, гдѣ—казалось бы—его всего менѣе ожидать было можно.

Въ Петербургѣ—въ средѣ его, какъ высшихъ такъ и низшихъ, бюрократическихъ сферъ—чиновное чувство никогда не мирилось именно со «служилымъ значеніемъ помѣстнаго дворянства»: самъ ужъ этотъ бытовое типъ всегда претилъ чиновному духу, и одинаково ненавистенъ всѣмъ безъ исключенія разночинцамъ—отъ высшихъ чиновъ и до низшихъ. Итакъ, если были и не перевелись тайныя и явныя, всегда либеральныя, инсинуаціи по адресу помѣстнаго дворянства,—были и не перевелись, говоримъ, специфическія цѣли и стремленія къ сведенію его на-нѣтъ—должно ли было давать ходъ этому? Не пора ли было, напротивъ, остановить во-время? Нельзя отрицать и того, что при всеобщемъ «нарочитомъ» канцеляризмѣ, расплодившемся у насъ и прогрессирующемъ съ увеличивающеюся быстротою по всѣмъ вѣдомствамъ пзмѣнились, соотвѣтственно тому, какъ служебныя отношенія, такъ и всѣ вообще отправленія служебной дѣятельности не въ благопріятную сторону и не къ лучшему именно для сословія прежнихъ *служилыхъ людей*. Наконецъ, если послѣ экономическаго перелома вслѣдствіе эмансипаціи крестьянъ, именно на долю помѣстнаго дворянства пала главнымъ образомъ тягость этого перелома, и все это вмѣстѣ взятое, по необходимости, вело не къ добру для него, а къ худу—не требовалось ли и, въ самомъ дѣлѣ, серьезно подумать: какъ выйти изъ этого *cercele vicieux*?

Разумѣть ли подъ этимъ банально такъ называемое «оскудѣніе дворянства» или подъемъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, конечно, тому и другому не пособить обложеніе «за неявку на выборы штрафомъ въ 75 рублей». Первому весьма можно помочь многими-премногими, хотя и паліативными мѣрами, однакожъ существеннымъ образомъ; а что касается до второго, то вопіющая неурядица нашихъ «внутреннихъ дѣлъ» сама собою указываетъ средства обновить старинное служилое сословіе органически и впрокъ.

Если только, въ самомъ дѣлѣ, оно остается вѣрно своему историческому завѣту и на высотѣ своего историческаго призванія, когда же какъ не теперь и кому же, какъ не ему именно, подлежить—по вопросу о «государевомъ земскомъ дѣлѣ»—оправдать себя истинно служилымъ сословіемъ, явивъ собою по старинѣ *«вѣрныхъ слугъ государевыхъ»*. При самомъ возбужденіи вопроса о томъ, уже открывается ему широкое поприще дѣятельной и плодотворной службы. Вначалѣ—по первоначальной же разработкѣ мѣропріятій объ упорядоченіи и желаемомъ благоустроеніи нашихъ внутреннихъ дѣлъ въ неукоснительное исполненіе царскихъ предначертаній. Далѣе, по введенію ихъ въ дѣйствіе царскимъ повелѣніемъ

И еще далѣе—уже по веденію ихъ всюду по своимъ мѣстамъ изо дня въ день—чисто и безпорочно по долгу и по совѣсти «вѣрныхъ слугъ государевыхъ».

Именно въ дворянскомъ сословіи, говоримъ, пришлось бы искать въ наше время тѣхъ грамотныхъ и къ дѣлу пригодныхъ людей, о которыхъ въ старину царь писалъ крестьянамъ: «для охраны отъ лихихъ людей вы бы поставили въ головы кого изъ дѣтей боярскихъ, которыя грамотѣ умѣютъ и къ дѣлу годятся»,—ихъ же выбирали и сами крестьяне не баллотировкой, а по народному голосу во всемъ мірскомъ околоткѣ, что это «совѣтливые и богобоязненные люди».

По вопросу объ упорядоченіи сельско-уѣзднаго управленія нельзя миновать вопроса о помѣстномъ дворянствѣ. Отдѣльныя личности могутъ быть весьма непригодны или малонадежны, разумѣется, и въ самомъ дворянствѣ; напротивъ, могутъ найтись благонадежные и весьма почтенные люди въ средѣ потомственныхъ и личныхъ почетныхъ гражданъ и въ средѣ мѣщанъ, и въ средѣ людей, занимающихся тѣми или другими достойнаго уваженія профессіями, однимъ словомъ, во всѣхъ сословіяхъ, перечисляемыхъ нашимъ Сводомъ Законовъ. Но вообще говоря, если вопросъ ставится подъ огулъ о цѣломъ сословіи, разумѣется, должно будетъ сказать, что руководить по мѣстамъ мѣстными дѣлами—изъ всѣхъ сословій, перечисленныхъ Сводомъ, лежитъ на обязанности—не крестьянъ, не цеховыхъ, не мѣщанъ, не купечества, а именно дворянства. Подобно тому, какъ при самой эмансипаціи крестьянъ, къ дѣятельности по всѣмъ мировымъ участкамъ были призваны мировые посредники изъ мѣстныхъ дворянъ, также и въ наши дни главный контингентъ служилыхъ людей состоитъ въ дворянствѣ же, въ немъ же и главный контингентъ *личныхъ землевладѣльцевъ*.

Правда, довольно личныхъ землевладѣльцевъ съ тѣхъ поръ прибыло изъ всѣхъ сословій; мірскому землевладѣнію въ наши дни противопоставляется *личное землевладѣніе* крестьянъ же по сословію, а по достатку равняющихся подчасъ богачамъ торговыхъ фирмъ,—кромѣ того и потомственные и личные почетные граждане, и мѣщане, и всѣхъ прочихъ сословій достаточные люди числятся тамъ и сямъ въ числѣ *личныхъ землевладѣльцевъ*. Тѣмъ не менѣе, однако, въ большинствѣ случаевъ и вообще говоря именно дворяне составляютъ то мѣстное обывательство среди крестьянъ, въ которомъ обрѣтаются дѣятели, «*которыя грамоты умѣютъ и къ дѣлу годятся*». Такимъ образомъ, руководясь лишь соображеніемъ, что при крестьянскомъ мірскомъ управленіи руководство по обще земскимъ дѣламъ должно быть ввѣрено *землевладѣльцамъ личнымъ*—правильно будетъ и сказать вообще, что руководить этими дѣлами призвано помѣстное дворянство. Но исключенія возможны въ ту и другую сторону. Если тѣ или другіе изъ дворянъ по неблагонадежности своей могутъ быть не занесены въ списки кандидатовъ на мѣстныя должности, обратно возможны и случаи привлеченія къ этимъ должностямъ лич-

ныхъ землевладѣльцевъ, извѣстныхъ по мѣстамъ доброю дѣятельностью своею—къ какимъ бы «сословіямъ» такія личности ни принадлежали.

Одно можно бы добавить на тотъ случай, если бы въ самомъ дѣлѣ узаконенному Положеніемъ 19 февраля 1861 года сельскому мировому участку предстояло воскреснуть. Пусть всѣ помѣстные дворяне обязательно числятся (хотя бы они того или не хотятъ) повинными служить пользамъ и нуждамъ того сельскаго мирового участка, къ которому принадлежать по своимъ имѣніямъ. Пусть, однако, съ тѣми или другими ограниченіями, въ той или другой формѣ и прочіе обыватели, другихъ «сословіи», владѣющіе имѣніемъ въ сельскомъ мировомъ участкѣ—не будутъ же исключенья отъ возможности или даже пусть не будутъ избавлены отъ повинности—служить пользамъ и нуждамъ своего сельскаго мирового участка. Но сохрани Боже сдѣлать эту должность «участковаго предводителя» выборною посредствомъ баллотировки, какъ избираются «гласные земства», «мировые судьи» и т. п. Во-1-хъ, должность подобныхъ участковыхъ предводителей, по необходимости, должна имѣть административный характеръ, а подобныя должности не могутъ быть предоставлены произволу выборщиковъ. Во 2-хъ, баллотировка по необходимости требуетъ состава партій и вызываетъ партійный духъ: явленіе, чуждое русскому быту и нежелательное вообще. Довольно указать на примѣръ мировыхъ судей, истинныхъ *judges de paix* въ Англіи, которые выбираются непременно изъ обывателей мѣстнаго джентри, но назначаются отъ короны. Участковые предводители, какъ имѣющіе быть мировыми въ истинномъ смыслѣ этого слова, а не мнимыми мировыми дѣятелями, по необходимости должны быть облечены достаточною административною властью,—слѣдовательно, и должны быть назначаемы никакъ не помимо администраціи. Мѣстному обывательству должно быть въ этомъ случаѣ предоставлено составить общій списокъ кандидатовъ и въ немъ обозначить тѣхъ, кого желательно было бы видѣть въ должности. Самое же назначеніе въ должность должно происходить черезъ уѣзднаго дворянскаго предводителя по совѣщанію губернскаго предводителя съ начальникомъ губерніи. Такимъ же образомъ въ свое время назначались и мировые посредники.

XVIII.

Могутъ спросить: выдѣленіе «пересмотра законодательства о крестьянахъ» и подобныхъ дѣлъ изъ учрежденія, которое въ сущности есть только министерство полиціи—обязываетъ ли, однако, къ созданію какого-то новаго временнаго органа въ данномъ случаѣ? Порученіе разработки самаго вопроса объ организаціи нашихъ «внутреннихъ дѣлъ» экстренному органу—точно ли необходимо?

Отвѣчаемъ: полное разстройство въ наше время «внутреннихъ дѣлъ», къ которому ихъ привела дѣятельность министерства, занимавшагося эти-

ми дѣлами, служить явнымъ доказательствомъ тому. Ихъ нынѣшнее хаотическое состояніе—прямой результатъ дѣятельности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Было бы слишкомъ долго разсматривать эту дѣятельность во всей подробности со дня эмансипаціи крестьянъ до нашихъ дней включительно; ограничимся лишь нѣсколькими образцами.

Въ реформенную эпоху Александра II сами такъ называемыя «земскія учрежденія»—продуктъ министерствованія временъ Валуева и Тимашева—развѣ не вышли ли прямо готовыми, какъ Минерва изъ головы Юпитера, изъ министерскихъ канцелярій? И что же? На добро ли послужили они? Много ли содѣйствовали и содѣйствуютъ умноженію нашихъ «внутреннихъ дѣлъ»? Довольно одного этого примѣра.

По дѣлопроизводству этого же рода, изъ царствованія почившаго Государя Александра III уже было указано на то извращеніе, которое потерпѣлъ институтъ «земскихъ начальниковъ». Мысль объ нихъ, возникшая въ умѣ самого Государя, мысль о возвращеніи сельско-уѣзднаго строя къ тому порядку, въ какомъ онъ находился при мировыхъ посредникахъ во время существовавшихъ сельскихъ мировыхъ участковъ,—эта царская мысль была экамотирована петербургскимъ канцеляризмомъ, а не осуществлена. Новая должность была вовсе лишена и того общественнаго значенія и той правоспособности, кои составляли сущность института мировыхъ посредниковъ, а всѣ мѣры были приняты въ то же время *pour en sauver les apparences*. И сочинены были такія должностныя лица, которыхъ наша сельско-уѣздная жизнь—при всемъ множествѣ вопиющихъ нуждъ и неотложныхъ потребностей—не знала: къ чему приѣхать? Должностныя лица—не столько внушительныя, какъ недоумѣнныя *de nomіne*, и ни на что не правоспособныя *de facto*. Въ послѣдніе же наши дни эти должностныя лица, въ качествѣ живыхъ силъ мѣтнаго общества, окончательно были сведены на-нѣтъ и вовсе обращены въ бюрократическія звенья той же безконечной цѣпи безконечныхъ чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,—и только.

Наконецъ, въ наши же послѣдніе дни случился примѣръ еще болѣе разительный. Не всѣ ли мы слышали, не всѣ ли газеты передавали слухи—однѣ съ горечью, другія съ радостью, о томъ, что дѣятельность господъ «гласныхъ» земскихъ собраній и «городскихъ думъ» (особенно столичныхъ) обратили наконецъ на себя вниманіе правительства въ томъ отношеніи, что не рѣдко приносятъ вредъ, а не пользу внутреннимъ дѣламъ нашимъ. Были назначены ревизіи, производились тщательныя изслѣдованія. А чѣмъ кончилось? Чѣмъ же все это заключилось въ концѣ концовъ? Ужь въ самые послѣдніе дни, при послѣднемъ покойномъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, всѣ эти порядки были упорядочены лишь тѣмъ, что департаменты, отдѣлы и отдѣленія этого министерства вновь разрослись противъ прежняго, слѣдуя общему закону бюрократическихъ учреждений плодиться безъ конца. А столичная дума, петербургская, вслѣдствіе произведенныхъ перемѣнъ въ разрядѣ ея гласныхъ,

получила возможность еще болѣе противъ прежняго прогрессировать въ прежнемъ своемъ направленіи. Того рѣшительнѣй послѣдовали мѣропріятія относительно *«земскихъ учреждений»*. Министерство создало, специально по отношенію къ нимъ, новые органы внутри себя, имѣющіе совмѣстить въ себѣ—какъ собственную, такъ и земскую бюрократію—воедино, чѣмъ къ обоюдной ихъ выгодѣ и ко взаимной пользѣ—министерство, принявъ колебавшіяся было «учрежденія» въ свои нѣдры, и увѣковѣчило ихъ быть впрокъ навсегда.

Лишь крестьянская реформа, повторяемъ, одна только она, была произведена въ свое время путемъ не бюрократическимъ. Всѣ приготовительныя къ ней работы и окончательное ихъ производство были избавлены отъ воздѣйствія на нихъ петербургскихъ канцелярій. Для разрѣшенія крестьянскаго вопроса (хотя публика къ тому не допускалась, и весьма было основательно ея недопущенье) были призваны къ участію живыя силы не *«большинства»*, а напротивъ *«меньшинства»* нашего образованнаго общества. И, при всѣхъ погрѣшностяхъ и даже ошибкахъ, единственно Положеніе 19 февраля 1861 года представляетъ у насъ тотъ единственный же въ своемъ родѣ законодательный актъ, благодаря которому крестьянская реформа совершилась, по возможности, удовлетворительно и весьма благополучно. Въ томъ благодарность «Редакціонной комиссіи» Ростовцева—изъ рода въ родъ. Что же касается до сказанныхъ погрѣшностей и ошибокъ, не надо забывать ту оппозицію, которая пролежала тогда отчасти именно отъ *«большинства»* членовъ cadaго изъ «губернскихъ комитетовъ» и отъ верховниковъ бюрократическихъ вершинъ тогдашняго времени. Это было такое оппозиціонное давленіе, на которое не переставали жаловаться члены редакціонной комиссіи. «Чтобы достигнуть главнаго, приходилось жертвовать деталями; чтобы не дать антагонизму восторжествовать вполнѣ, приходилось кое въ чемъ дѣлать ему уступки и вступать съ нимъ въ компромиссы», такъ въ свое время говорили они сами.

Усмотрѣть эти погрѣшности и ошибки, о которыхъ все громче и громче въ теченіе десятилѣтій не переставало вопіять крестьянское дѣло въ связи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ—въ теченіе 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ,—включительно наконецъ съ новолѣтіемъ наступившаго XX вѣка—чье жъ это было дѣло, какъ не «Министерства Внутреннихъ Дѣлъ»? А что же оно дѣлало и въ чемъ заключалась его дѣйствительно непрестанная дѣятельность по этой части въ теченіе истекшихъ десятилѣтій? Оно не только не усматривало и не искореняло этихъ погрѣшностей и ошибокъ, а пользовалось ими для усугубленія въ томъ же духѣ собственныхъ умоначертаній и мѣропріятій, ими же содѣйствовало все время размноженію и усиленію пагубныхъ результатовъ тѣхъ погрѣшностей и ошибокъ и еще глубже внѣдряло ихъ. Оно въ теченіе этихъ десятилѣтій ускоряло прогрессирувавшее разложеніе крестьянскаго быта, умножало съ своей стороны затрудненія начавшихся въ немъ замѣшательства—и тѣмъ за-

труднило на будущее время самый выходъ изъ нихъ. Отстраняемъ вопросъ: сознательно или безсознательно, bona fide или mala fide происходило и производилось все это, но таковъ фактъ. То подъ благонамереннымъ видомъ избавленія крестьянъ отъ тягостей *круговой поруки*,—то сострадавая какъ бы о томъ, что разбогатѣвшіе а la Кокоревъ или Губонинъ міряне никакъ не могутъ вырваться изъ оковъ общиннаго быта своихъ односельцевъ и т. п., не прекращались мѣропріятія департаментовъ отдѣленій, министерскіе циркуляры и предписанія, наконецъ, прямыя узаконенія—все въ одномъ и томъ же духѣ. Касаясь то «семейныхъ раздѣловъ», то «земельныхъ раздѣловъ» между крестьянами, все они въ общей сложности направлены были къ разрушенію общинныхъ отношеній между мірянами и поощряли «крестьянъ-собственниковъ» къ скорѣйшему переходу отъ мірскаго пользованія землями къ раздѣленію ихъ на «подворные участки». Своюкупность этихъ мѣропріятій въ связи съ той безтолочью, въ которой очутилось наше прежнее вконецъ порушенное «земское самоуправленіе»—вся эта дѣятельность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій—и привела внутреннія дѣла въ то хаотическое состояніе, въ которомъ ихъ видимъ нынѣ.

Довольно указать, что въ предшествовавшее царствованіе, благодаря уже только личной инициативѣ почившаго Государя Александра III, было, наконецъ, круто пріостановлено дѣйствіе подобныхъ умоначертаній и мѣропріятій. По его личной инициативѣ прекращено было разрушеніе мірскихъ надѣловъ продажей ихъ въ третьи руки изъ міра и пріостановка «выкупа» отдѣльными домохозяевами отдѣльныхъ участковъ.

Благодаря лишь твердому постоянію Верховной Воли—были отмѣнены вкравшіяся незамѣтнымъ путемъ узаконенія, содѣйствовавшія разрушенію сельской общины и мірскихъ надѣловъ. И что же? Послѣ того новыми косвенными средствами тѣ же самыя «умоначертанія и мѣропріятія» вновь нашли себѣ дорогу и прокладываютъ новые пути даже до сегодня.

А такъ какъ въ томъ же министерствѣ, которое пересматриваетъ «крестьянское законодательство», особое отдѣленіе вѣдаетъ еще и «земскія учрежденія», то понятно, что все его заботы направлены къ тому, чтобы оба эти дѣла—по «крестьянскому законодательству» и по «земскимъ учрежденіямъ»—были солидарны между собой. Съ тѣхъ поръ, какъ были отмѣнены мировые посредники и уничтожены сельскіе мировые участки, а вмѣсто того дано то, что теперь есть—такъ и вышло. Такъ оно и происходитъ въ дѣйствительности. Прогрессированіе обратитъ 85 процентовъ населенія Имперіи—не въ «православное крестьянство», чѣмъ оно было и пока состоитъ еще, а въ гражданъ по X тому Свода Законовъ,—съ тѣмъ вмѣстѣ и прогрессивное развитіе «земскихъ учреждений», въ народное «представительство»: въ то самое, чѣмъ они были задуманы отъ начала, то есть препятствіемъ къ тому, чтобы могло образоваться воистину «государево-земское дѣло» на Руси—оба эти явленія у насъ одно съ другимъ вполне солидарны.

На вопросъ, такимъ образомъ, дѣйствительно ли необходимъ у насъ по «внутреннимъ дѣламъ» новый особенный временный органъ по образцу «Редакціонной комиссіи» Ростовцева, кажется послѣ всего, современная дѣйствительность дастъ утвердительный отвѣтъ.

XIX.

Учрежденіе его, кромѣ пользы, которую желательно отъ него получить, могло бы имѣть и другую хорошую сторону. Какъ ни требуютъ за одно съ министерствомъ полиціи, существенныхъ преобразованій и прочія вѣдомства, было бы однако жъ неблагоприятно приступить круто ко всеобщей ломкѣ. Это было бы въ своемъ родѣ *революціонною мѣрой*,— слѣдовательно, несправедливо. А намъ надо правды прежде всего: не крутыхъ мѣръ или мягкихъ—не жестокихъ или сердобольныхъ, а—мягки онѣ или тверды—прежде всего: *мѣръ справедливыхъ*. Чтобы правда была на Руси—вотъ что нужно.

Такъ какъ именно въ расшатанности быта крестьянъ, въ растущемъ гулѣ ихъ общаго недовольства и, справедливость требуетъ сказать, въ дѣйствительной ихъ безвыходности изъ кризиса заключается главная опасность нынѣшняго общаго нестроенія—то разъ это будетъ сознано и будутъ приняты мѣры къ уврачеванію главнаго зла, главное и будетъ уже исполнено. Все прочее сразу утратить свое жало, болѣе не будетъ вторить тому же злу, по крайней мѣрѣ, утратить свой теперешній острый характеръ и перестанетъ быть столь угрожающе-зловѣщимъ, какъ теперь. Ибо какія бы опасности, какіе бы порядки ни указывали въ данную минуту—всѣ они молкнутъ передъ этой колоссальной смутой, и если чѣмъ-нибудь зловѣщи въ дѣйствительности, то преимущественно лишь своимъ соприкосновеніемъ съ нею.

Разъ «внутреннія дѣла» будутъ выдѣлены изъ министерства полиціи, которое съ той же минуты обязано будетъ лучше заняться своимъ собственнымъ дѣломъ, которымъ до сихъ поръ занималось плохо,—разъ только съ тѣмъ вмѣстѣ перестанутъ плодиться, какъ это дѣлалось до сей поры, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изо дня въ день, изъ часу въ часъ, «умоначертанія и мѣропріятія» во вредъ, а не въ пользу нашимъ внутреннимъ дѣламъ (особенно по пересмотру «*крестьянскаго законодательства*» обще съ «*земскими учрежденіями*»), одно ужъ это будетъ огромнымъ шагомъ впередъ. Одно это уже значительно послужитъ къ оздоровленію нашего расшатаннаго быта.

Разъ будетъ мгновенно остановлено главное зло, пускай до времени всѣ прочія вѣдомства почиютъ въ мирѣ: да не нарушится сразу общій ходъ дѣлъ.

Преобразование прочихъ вѣдомствъ, собственно говоря, тогда только и станетъ возможно, когда заложенъ будетъ грунтъ. А заложить грунтъ въ этомъ случаѣ ничто другое и значить, какъ упрочить крестьянское

дѣло и въ связи съ тѣмъ организовать правильное сельско-уѣздное управленіе наше. Въ Петербургѣ и за границей, въ 1861 году, ожидали непремѣнныхъ у насъ смуть по отмѣнѣ *крѣпостного права*: ничуть не бывало. За все время, какъ только по мѣстамъ вступили въ должность мѣстные общественные дѣятели въ лицѣ мировыхъ посредниковъ—по всеѣмъ сельскимъ мировымъ участкамъ тишина и спокойствіе были полныя. Но послѣ отмѣны «мирового института» и замѣщенія его съ *одной стороны* нынѣ дѣйствующими «земскими учрежденіями», а съ *другой* опять неумолкаемою дѣятельностью Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—не стало земскаго мира на Руси. Если обезпеченіе его лежало на обязанности этого Министерства—оно доказало въ теченіе четырехъ послѣдовавшихъ десятилѣтій полную несостоятельность свою въ этомъ отношеніи.

Вся лѣстница его учреждений сверху донизу болѣе не удовлетворяетъ современному положенію вещей, отказывается функционировать, какъ должно, въ наши дни. Но не прежде можно будетъ коснуться отмѣны или преобразованій его низшихъ, среднихъ и высшихъ органовъ (уѣздныхъ полицейскихъ управленій, далѣе губернскихъ правленій и еще далѣе самихъ департаментовъ и отдѣленій)—не прежде, какъ заложивъ основу внизу: утвердивъ сельско-уѣздное управленіе наше.

Всякую лѣстницу метутъ сверху, но устраняютъ или перестраиваютъ снизу вверхъ.

XX.

Крестьянскій бытъ и въ связи съ тѣмъ сельско-уѣздное управленіе, безусловно, составляютъ у насъ тотъ основной грунтъ, которымъ держится и отъ котораго зависитъ прочное спокойствіе, правильное теченіе и благоустроеніе всеѣхъ прочихъ внутреннихъ дѣлъ. Только упорядочивъ расшатанный «крестьянскій бытъ», можно будетъ привести въ порядокъ и установить прочно на будущія времена нашъ сельско-уѣздный строй. Если въ этомъ грунту найдено будетъ наконецъ необходимымъ и дано будетъ сложиться требуемой съ самой отмѣны *крѣпостного права*, уже существовавшей въ зачаткѣ, но векорѣ уничтоженной, живой ячейкѣ земской организаціи, союзъ которыхъ дастъ въ результатѣ живую же организацію мѣстныхъ учреждений, а не механическій ихъ конгломератъ, какъ это состоитъ у насъ въ теперешнюю минуту—задача, составляющая въ этомъ отношеніи главную *злобу дня*, будетъ разрѣшена: «государево-земское дѣло» станетъ у насъ прочно.

Такого рода цѣлесообразныя съ русскимъ бытомъ и органическія въ жизни русскаго народа учрежденія, заложенныя въ самомъ низу, произведутъ по необходимости, сами собою воздѣйствіе вверхъ и на все прочія. Они преукажутъ измѣненія къ общему обновленію въ томъ же духѣ—цѣлесообразныя и во всеѣхъ дальнѣйшихъ: во-1-хъ въ нашихъ губернскихъ учрежденіяхъ и во-2-хъ и далѣе. И путемъ праведнымъ и правильнымъ.

безъ крутой ломки, безъ реформаторскихъ переворотовъ, исподволь и постепенно произойдетъ у насъ дѣйствительно органическое преобразование всего—нынѣ исключительно бюрократическаго строя: внутреннее обновленіе, въ новизнахъ котораго—истинно сказать—просвѣтится старина наша. То, что въ ней по ту сторону имперскаго періода было едино, а по другую сторону имперскаго періода раскололось—вновь соединится и кончится расколъ. «*Въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится*»—недаромъ сказалось такое живое слово ревнителями старины при ихъ обращеніи къ Царскому Престолу вскорѣ по отмѣнѣ крѣпостнаго права.

XXI.

Утверждая, что такіа внутреннія дѣла, какъ «пересмотръ законодательства о крестьянахъ» или «еще узаконенія по земскимъ учрежденіямъ» не подлежатъ вѣдѣнію канцелярій, разумѣется, никому не придется и въ голову выдавать предполагаемый новый органъ за полное выраженіе этихъ общественныхъ силъ или за воплощеніе этого народнаго творчества.

Если бы общество и народъ могли у насъ имѣть голосъ до сего времени,—если бы дано было образоваться у насъ дѣйствительному общественному мнѣнію и могло бы оно заявлять себя—тогда не было бы и надобности въ подобномъ органѣ. Но онъ необходимъ, чтобы положить конецъ теперешнему невозможному status quo и если еще не прямо водворить земскій миръ, возстановивъ «государево-земское дѣло» на Руси, то служить преддверіемъ къ тому.

Необходимо же, наконецъ, притти къ сознанію, что за все время имперскаго періода, пока онъ упрочивался путемъ одновременнаго съ тѣмъ упроченія самого «*крѣпостнаго права*», дѣйствительно, наше прежнее внутреннее единство «государево-земскаго дѣла» раскололось; при «крѣпостномъ правѣ» даже нмыслимо земство. А такъ какъ сама отмѣна «крѣпостнаго права» была произведена у насъ отчасти по-русски, а отчасти уже съ самаго начала была подернута тенденціями въ духъ западныхъ началъ—эта двойственность и лживость компромиссовъ намъ и отомщается до сегодня.

Она была произведена по-русски въ томъ отношеніи, что, во-1-хъ, крестьяне были надѣлены землею и, во-2-хъ, сохранено было и крестьянское самоуправленіе въ согласіи съ принципомъ мірскаго владѣнія землею. Благодаря тому, реформа и обошлась благополучно. Но заключала ли она въ себѣ прочныя залогн для ручательства за дальнѣйшее благополучіе и въ будущемъ? Ни мало.

Во-1-хъ, уже не говоря о той лживости, что положительныя статьи Свода Законовъ прямо узаконяли «*право владѣть крѣпостными людьми*», а тому былъ приданъ видъ повинности со стороны крестьянъ за яко-бы арендуемая ими земли,—общій видъ дѣлу въ 1861-мъ году былъ придавъ такой, яко-бы крестьянское рабство составляло у насъ удѣлъ древней Руси по

темному невежеству ея; имперскій же періодъ—въ качествѣ озареннаго «вропейскимъ просвѣщеніемъ и представляющій собой прогрессъ, либеральность и культуру—даруетъ освобожденіе царю и народу именно въ силу и во имя подобнаго «просвѣщенія». Такъ именно была понята реформа всею массою публики, сплошь почти безъ исключенія всею нашей «интеллигенціей».

Во-2-хъ, въ силу такого еще слабаго у насъ народнаго самосознанія (не говоря уже о той оппозиціи и о томъ антагонизмѣ, которые вынуждали на компромиссы и на уступки членовъ «Редакціонной комиссіи», на что они и жаловались постоянно)—надѣланы были еще погрѣшности и, прямо сказать, допущены ошибки—въ актѣ, коимъ утверждалось освобожденіе крестьянъ. Главнѣйшія изъ нихъ въ томъ и состоятъ, что подъ крестьянствомъ *quand même* разумѣлось «сословіе».—слѣдовательно, крестьянину какъ бы напередъ рекомендовалось обратиться въ гражданска по X-му тому. Но 85 процентовъ обще-государственнаго населенія лишь Сводъ Законовъ могъ почитать «сословіемъ», русское же народное воззрѣніе на «православное крестьянство»—совершенно иное. Послѣдствіемъ такой роковой ошибки и было уже все прочее. Консолидировавъ разъ навсегда надѣлы и не отворивъ дверь для нарождающихся душъ и новоприбывающихъ тяглы по льготному переселенію на незаятыя «государевы земли», подавили крестьянскій бытъ: тѣмъ была отнята будущность у крестьянъ. Этимъ у крестьянъ отняли возможность крестьянствовать, насильственно ихъ выбили вонъ изъ крестьянской колес. А выкупная операція упрядила разложеніе мірскаго владѣнія землею еще и не дожидаясь того срока, когда общинѣ предстояло задыхаться отъ тѣсноты надѣловъ: выкупная операція сразу внесла понятіе въ «сельскій міръ» о *личной собственности* на землю по мѣрѣ ея обѣленія выкупными платежами. Сидоръ, Карпъ, Илья поименно—сразу стали ревновать другъ передъ другомъ обѣляемые и выкупаемые въ собственность земельные участки. А изъ года въ годъ, одно десятилѣтіе за другимъ, мѣнялись составы крестьянскихъ семей: тотъ, кто обѣлялъ вначалѣ землю выкупными платежами съ десятка душъ, могъ позднѣе оказаться при одной собственной душѣ; а кто вначалѣ вносилъ выкупные платежи за одну лишь собственную душу—потомъ могъ очутиться при десяти душахъ—и пошла путаница невообразимая. Ревность «собственниковъ» одного передъ другимъ и другъ къ другу—путалась и путается съ года на годъ все больше. А «умоначертанія» министерства въ теченіе этихъ десятилѣтій усугубляли плодившееся зло; какъ изъ рога изобилія сыпалась мѣропріятія о «семейныхъ раздѣлахъ» и «земельныхъ передѣлахъ», все въ томъ же духѣ и еще болѣе расшатывали крестьянскій бытъ.

Благо Россіи еще въ томъ, повторяемъ, что не вездѣ, какъ въ средней полосѣ—высшіе надѣлы были опредѣлены въ размѣрѣ трехъ десятинъ на душу; въ Заволжьѣ они—и по двѣнадцати. Благо еще въ томъ, что само хозяйство, промыслы и заработки крестьянъ—не тѣ въ Костромѣ, что на

Рязани; одни—на югѣ, другіе на сѣверѣ и т. д. Наиболѣе рѣзкіе и острые примѣры справедливаго недовольства крестьянъ, разумѣется, обнаруживаются лишь тамъ, гдѣ съ самаго начала даны были, такъ называемыя «спротскіе» и «кошачьи» надѣлы—надѣлы низшей нормы, допущенной Положеніемъ 19-го февраля. Наиболѣе тяжело состояніе крестьянъ, разумѣется, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ни промысловъ, ни заработковъ не водилось изстари и не предвидится возможности имъ быть и впередъ по мѣстнымъ условіямъ. Только въ этой неодинаковости условій и крайнемъ разнообразіи *«надѣльнаго»* и *«издѣльнаго»* положенія крестьянъ и можно еще видѣть залогъ, что переживаемый нами кризисъ *«крестьянскаго дѣла»*. Богъ дастъ, обойдется благополучнѣе, чѣмъ ожидаютъ пессимисты. Если по существующимъ условіямъ, коихъ ирраціональности отрицать нельзя, и возможно ожидать безпорядковъ, которыхъ мы были свидѣтелями въ Полтавской, Харьковской губерніи и въ Черниговской,—возможно еще надѣяться и на то, по крайней мѣрѣ, что они будутъ возникать лишь въ самыхъ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ и спорадически, а не сплошь повсемѣстно. Но принципиально—поводъ къ нимъ существененъ: въ принципѣ и должно безотлагательно упорядочить *«крестьянское дѣло»*. Нельзя его оставлять въ томъ видѣ, къ которому привели его погрѣшности и ошибки законодательнаго акта 19 февраля 1861 года, а въ теченіе десятилѣтій *«упоначертанія и мѣропріятія»* министерствъ. Реформенная эпоха 60-хъ годовъ—благословенная въ памяти народа тѣмъ именно, что *«въ новизнахъ»* царствованія императора Александра II *«старина наша слышалась»*—въ то же время тѣмъ именно, что ни одна изъ реформъ не была управлена въ настоящемъ русскомъ духѣ, привнесла во все же реформы (въ томъ числѣ и въ крестьянскую) элементы чуждой намъ закваски, которые по необходимости пришли въ броженіе и въ такомъ процессѣ броженія находятся и до сихъ поръ.

Одиночные рѣдкіе голоса еще въ тѣ же 60-ые года уже предсказывали, что нѣкоторыми изъ погрѣшностей и ошибокъ Положенія 19-го февраля поколебленъ и въ близкомъ будущемъ неминуемо долженъ быть распатанъ весь нашъ крестьянскій бытъ.

А мнимыя такъ называемыя *«земскія учрежденія»*, тогда же вбитыя клиномъ въ наше дѣйствительное земство, и вовсе загородили какъ крестьянству, такъ и вообще настоящему русскому земству путь для того, чтобы выйти на прямую нашу историческую дорогу. Весь многомилліонный народъ и весьма рѣдкія исключенія эти—можно бы сказать одиночки въ общей массѣ нашей «интеллигенціи»—радовались *«эмансипаціи крестьянъ»*, именно какъ повороту имперскаго періода къ родной старинѣ,—надѣялись: кончится расколъ въ русскомъ народѣ и откроется передъ нимъ прямой и широкій—истинно народный и истинно царскій путь. А несмысленная публика, вся наша оторванная отъ народа интеллигенція, мнимая у насъ выразительница его разумѣнія, всею же своей массой привѣтствовала эмансипацію, какъ свое собственное *«политическое накануніе»*. Ее нельзя

и вишеть въ томъ; повторяемъ, въ имперскій періодъ къ тому шло. Самое возникновеніе «Министерскихъ Учрежденій» въ эпоху императора Александра I предвозвѣщало уже въ грядущемъ западный «конституціонный» путь. Гдѣ конституція свособычна—тамъ она и на своемъ мѣстѣ. А какъ фальшивый инструментъ фальшиваго общественнаго мнѣнія, она не только не порука за торжество живыхъ общественныхъ силъ страны, а служитъ еще господамъ «представителямъ народа» вѣщимъ средствомъ—игнорировать его.

XXII.

Но гдѣ же взять наконецъ живыхъ общественныхъ силъ, если наша интеллигенція не изобилуетъ ими? И что такое вообще народъ? Не мнѣ ли самое выраженіе: народное творчество?

Въ томъ и бѣда, что для всей массы нашей интеллигенціи дѣйствительно—это мнѣ. Вѣдѣ, та лишь интеллигенція хороша въ любомъ народѣ, которая выражаетъ дѣйствительное разумѣніе его, а не составляетъ народію на образованность, представляя изъ себя—какъ сказалъ Пушкинъ про своего Овѣгина: «словъ модныхъ полный лексиконъ».

Какъ вызвать и откуда взять народное творчество, дѣйствительно, можетъ у насъ составлять вопросъ,—но тѣмъ хуже для насъ. Откровенно предложить такой вопросъ значитъ: признать откровенно, что въ теченіе цѣлаго періода, когда у насъ длилось крѣпостное право—а это и есть имперскій періодъ съ самаго зачина въ началѣ XVIII вѣка и въ теченіе двухъ первыхъ четвертей XIX-го—только и дѣлали, что, съ одной стороны, зажимали ротъ закрѣпощенному народу, а съ другой—не только не давали организовать живымъ общественнымъ силамъ, а всячески разнимали и донимали ихъ. Таковъ былъ régime impériale bureaucratique, достигшій апогея въ лучезаръ имперскаго періода при императорѣ Александрѣ I, когда и были учреждены самыя «министерства».

Итакъ, когда сомнѣваются въ творческихъ силахъ русскаго народа, утверждая, что ровно ни въ чемъ не обнаружились они, хочется спросить: въ чемъ же могли они и обнаружиться, пока не давали имъ хода?

Мы твердо увѣрены, что русскій народъ отнюдь—не мнѣ, вѣримъ и въ его творческія силы, не менѣе убѣждены и въ томъ, что не вся же «интеллигенція» носится у насъ, оторвавшись отъ родной почвы въ отвлеченномъ пространствѣ, не цѣлое же русское общество чуждо народу своему. Стыдно было бы нашему Министерству Народнаго Просвѣщенія, если въ размноженномъ имъ въ безконечномъ количествѣ «образованныхъ людей», не могли бы найтись, въ самомъ дѣлѣ, если не тысячи, хоть сотни, и если не сотни, то десятки дѣйствительно образованныхъ людей, отличающихся истинною образованностью, а не мнимой. Въ самихъ даже «земскихъ учрежденіяхъ», если не въ большинствѣ, такъ, по крайней мѣрѣ въ «меньшинствѣ» гласныхъ отыщутся люди, достойные быть общественными дѣятелями своей

страны и своего народа. Если даже не въ «меньшинствѣ» каждой группы или собранія гласныхъ, такъ одиночками между ними—безъ сомнѣнія—попадаютъ общественные дѣятели преданные своей странѣ и своему народу, «которые къ дѣлу годятся».

Чѣмъ же и великъ Петръ Первый въ нашей исторіи—скажемъ въ заключеніе—какъ не тѣмъ именно, что, не найдя въ древней Руси ни такъ называемаго «образованія», безъ котораго нельзя обойтись въ государствѣ, ни «общественныхъ людей», которые бы въ общественныхъ дѣлахъ способны были забывать свой личный и сословный эгоизмъ,—бился и мучился вѣкъ цѣлый завести то и другое на Руси. Чужой образованности, образовавшейся вѣками у потрудившагося надъ своимъ самосознаніемъ народа, конечно, нельзя взять на прокатъ. И въ томъ была ошибка крутого реформатора,—не столько, впрочемъ даже его, какъ—выражаясь риторическимъ приемомъ, усвоеннымъ историками: ошибка писемевъ, продолжавшихъ итти путемъ великана. Но мало-по-малу самосознаніе пробуждается въ русскомъ народѣ: самое «образованіе» уже начинаетъ наконецъ быть понимаемо, какъ самосознаніе народа... а не подражаніе тѣмъ или другимъ коммерческимъ и производственнымъ улучшеніямъ, которыя, дѣйствительно, возможны всякому народу, однимъ у другихъ заимствовать на прокатъ или покупать на наличныя деньги. Благодаря трудамъ именно Петра Великаго, тѣмъ именно, что старался онъ завести образованность на Руси—мы вѣримъ въ достаточное количество у насъ «образованныхъ людей» въ удовлетвореніе той насущной потребности, по крайней мѣрѣ, какъ завести сельскій мировой участокъ на Руси—въ прокъ «государеву-земскому дѣлу».

Вспомнивая о «Редакціонной комисіи» Ростовцева и помышляя о подобномъ временномъ органѣ—на случай, если наши внутреннія дѣла были бы изъяты изъ министерства полиціи,—повторяемъ, считаемъ его лишь преддверіемъ къ выходу на ту прямую дорогу, съ которой мы сблизилъ давно. Задача его лишь организовать по возможности хоть на будущее время, хоть для подроставшихъ поколѣній «православнаго крестьянства»—такой порядокъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто нынѣшнихъ неурядковъ, при которомъ наконецъ стало бы можно «крещенымъ людямъ—живымъ быть».

О классицизмъ.

Нужно ли нѣтъ основывать высшее образованіе на почвѣ классической? Объ этомъ спорять давно, но пока разрѣшеніе вопроса этого далеко еще не предвидится въ смыслѣ принципиальномъ, хотя практически онъ во многихъ странахъ разрѣшенъ столь же давно въ пользу классицизма. Знаменитый Яковъ Гриммъ въ своемъ разсужденіи объ академическомъ образованіи ¹⁾, ставитъ задачей будущаго—выработку системы, основанной на чисто нѣмецкихъ (германскихъ) началахъ; но въ настоящее время онъ не почитаетъ возможнымъ сойти съ классической почвы, ибо для него выборъ только между абсолютно національной системой и классической. Национальная выше, но пока ея нѣтъ еще и въ «пролегоменахъ»: слѣдовательно надо, въ ожиданіи ея появленія, довольствоваться классической, такъ разсуждаетъ онъ. На западѣ этотъ вопросъ потому разрѣшается легче практически, чѣмъ у насъ, что тамъ классицизмъ не есть искусственно введенное нѣчто. Только греческіе языкъ и литература внесены извнѣ во время Возрожденія; но и съ этой эпохи прошло уже 400 лѣтъ, и такимъ образомъ полной классической школы тамъ уже минула почтенная давность. Не то у насъ: съ классическимъ міромъ мы были связаны въ его Эллинской оболочкѣ только традиціонно. Знаніе греческаго языка было принадлежностью немногихъ, а насажденіе латинскаго, въ своихъ предначатіяхъ, не восходитъ далѣе половины семнадцатаго вѣка. Малороссія въ этомъ отношеніи на много насъ предупредила: въ ней латинская культура рано свила себѣ гнѣздо, благодаря Польшѣ, и произвела своеобразное нѣчто, глубоко пропитанное внѣшнимъ латинизмомъ, но необыкновенно крѣпкое въ своей анти-латинской основѣ. Она заимствовала западную броню противъ самаго Запада, заплативъ, однако, не малую ему дань въ разныхъ подробностяхъ быта и ученія церковно-гражданскаго. Петръ, въ своихъ заботахъ о привитіи къ намъ европейскихъ порядковъ, не коснулся вовсе вопроса образовательнаго и направилъ всѣ свои старанія къ введенію разныхъ видовъ техническаго обученія; таковое получило поэтому преобладающее значеніе въ

¹⁾ Kleine Schriften I Band, Ueber Schule etc.

области гражданскаго образованія; а весь классическій элементъ замкнулся почти всецѣло въ церковной педагогической практикѣ; процвѣтая тамъ, благодаря преобладанію въ іерархіи, до конца 18-го вѣка, элемента малороссійскаго, въ фромѣ, почти исключительно латинской, противъ которой возсталъ, одинъ изъ первыхъ, митрополитъ московскій Филаретъ. Самъ, будучи однимъ изъ мотикановъ латинской образованности, онъ проявилъ въ своей анти-латинской дѣятельности нѣкое несвойственное ему, вообще столь глубокомысленному и дальновидному, странное непониманіе значенія латинизма въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Въ теченіе почти всего XIX вѣка понятія о значеніи классицизма въ системѣ высшаго образованія подвергались постояннымъ колебаніямъ. Съ одной стороны, выставлялись соображенія о практической ненужности древнихъ языковъ; съ другой—утверждалось, что безъ знанія тѣхъ древнихъ языковъ, въ которыхъ выразилась полная логическая сила, ихъ создавшая (и затѣмъ закристаллизовавшаяся въ нихъ, какъ отжившихъ), и сложившейся чрезъ ихъ посредство литературы, нельзя «де» достигнуть истинной умственной культуры. Послѣдній взглядъ восторжествовалъ, но не надолго; и теперь мы переживаемъ періодъ упадка этого, торжествовавшего тридцать лѣтъ взгляда; хотя доводы противъ него болѣе истекаютъ изъ способа осуществленія классической теоріи, чѣмъ изъ ясно выраженныхъ аргументовъ противъ оной, по существу.

Побѣда классицизма въ семидесятыхъ годахъ была не столько результатомъ истиннаго убѣжденія общественнаго въ превосходствѣ классицизма, сколько таковымъ же возобладанія нѣкихъ утилитарныхъ соображеній, мало оправдавшихся на дѣлѣ. Вопросъ этотъ опять ожилъ, но и теперь незамѣтно, чтобы разрѣшеніе его предстояло на почвѣ уясненія самаго существа дѣла; и даже болѣе того, намъ кажется, что въ настоящее время не замѣтно вовсе потребности переобсудить оный, хотя бы съ той глубиной, которую проявилъ М. Н. Катковъ въ своей публицистической кампаніи, окончившейся временнымъ торжествомъ его теоріи. Предстоитъ, повидимому, какой-то компромиссъ, судьба коего, вѣроятно, будетъ та же, какая предлежитъ всякому компромиссу.

Если говорить объ обязательномъ прохожденіи классической школы для всякаго юноши, стремящагося получить лишь то въ учебномъ дѣлѣ, что нужно для прохожденія жизненнаго пути трудомъ не исключительно физическимъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что отъ классицизма пользы онъ не получитъ. Тому, кто ищетъ не образованія, а обученія, конечно, потребно лишь то, что прямо, осязательно полезно; то, что необходимо для сознательнаго прохожденія профессіи, а не для чего-то иного, невѣсостаго и не формулируемаго и къ профессиональной жизни непосредственно непримѣнимаго. Всякій человекъ, желающій получить лишь то, что называютъ Англичане *training*, какой бы степени это, такъ сказать, «натаскиваніе» не было, долженъ, конечно, довольствоваться лишь тѣми знаніями, которыя относятся къ практической жизни, связывая ихъ, по мѣрѣ воз-

возможности, съ усвоеніемъ того, что необходимо для ориентированія въ средѣ, въ которой онъ живетъ. Онъ долженъ знать вѣру, въ которой родился, долженъ знать языкъ, которымъ призванъ говорить, долженъ знать народъ, въ которомъ живетъ, въ его прошедшемъ и въ его настоящемъ и, по возможности, тѣ народы, которые въ прошедшемъ и настоящемъ болѣе соприкасались съ нимъ. Онъ долженъ знать все, что несомнѣнно извѣстно о планетѣ-землѣ, объ ея положеніи въ космосѣ, объ органическихъ существахъ, населяющихъ оную, и особенно понять законы даннаго человѣку мыслительнаго аппарата, что достигается знаніемъ математики и логики. Надо пройти эти науки въ мѣру той степени, которой желаютъ достигнуть въ профессиональной или зависимо-служебной карьерѣ. Но эта образовательная схема годится лишь для цѣлей восполнить практическое обученіе. Образование же въ настоящемъ смыслѣ имѣетъ свою цѣль въ себѣ, а не въ чемъ-либо внѣшнемъ, постороннемъ, прикладномъ. Оно задается развитіемъ въ человѣкѣ высшей степени человѣчности, не только въ области ума, но и въ таковыхъ же—эстетики и этики. При наличности онаго человѣкъ получаетъ возможность быть не только примѣнителемъ, но и активнымъ участникомъ въ водительство другихъ по пути истиннаго прогресса ¹⁾. Конечно, не всякій образованный человѣкъ непремѣнно способенъ къ такому высшему призванію; несомнѣнно также, что къ такой дѣятельности призываются иногда Провидѣніемъ люди, не прошедшіе черезъ процессъ высшаго школьнаго образованія; несомнѣнно также, что способность двигать впередъ знанія дается иногда и даже часто людямъ, только вращающимся въ предѣлахъ спеціальности; но какъ первое есть высшій даръ, «свыше исходяй» и никакимъ формальнымъ путемъ не достигается; такъ и во второмъ случаѣ способность къ такъ называемымъ открытіямъ въ области знанія, проявляемая нерѣдко людьми, не имѣющими высшаго общаго образованія, почти всегда разрѣшается такими открытіями, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ шаблонной утилитарности, не прошедшей черезъ оцѣнку полезности съ точки зрѣнія всечеловѣчности, при каковой не рѣдко явствуется, что самое открытіе это есть не болѣе, какъ техническое обостреніе, не только не полезное вообще, но даже обременяющее собою и безъ того обремененный избыткомъ ненужнаго знанія человѣческой умъ. Школы, которыя даютъ возможность прошедшему черезъ нихъ вступить на дѣятельность разумно исполнительную по всѣмъ отраслямъ, не должны чуждаться, конечно, введенія въ свои программы возможно большаго элемента чисто-образовательнаго, этико-эстетическаго. Но только высшее образованіе можетъ задаваться чисто-идеальной цѣлью абсолютно полнаго развитія самого человѣка, безъ отношенія къ утилитарнымъ соображеніямъ; и, конечно, такому образованію должны быть причастны только тѣ, кто по самому существу своему влекутся къ такимъ идеальнымъ цѣлямъ. Та-

¹⁾ Употребляю это слово безъ точнаго его толкованія, въ смыслѣ т. с. ходячемъ; хотя конечно это позволительно лишь тамъ, гдѣ оно возможно мало вліяетъ на «суть» разсужденія.

кихъ людей всегда и вездѣ немного и, конечно, болѣе всего такое направленіе встрѣчается у юношей, выходящихъ изъ среды, сравнительно матеріально обезпеченной и въ которой часто преимущественно хранится потребность къ такому расширенію умственнаго горизонта, которая даетъ возможность руководить, а не служить только просвѣщеннымъ орудіемъ. Но если въ этой средѣ такое направленіе естественно существуетъ, то объ ней нечего и заботиться—она сама пойдетъ и безъ посторонней общественной помощи по пути исканія высшаго образованія. Но надо принять въ соображеніе, что всякая наследственность легко вырождается въ посредственность, и что вполне могучи лишь самородки. Обязанность общества и государства давать такимъ самородкамъ возможность достигать высшаго образованія, конечно, не поощряя погоню за таковымъ лицъ, не дающихъ осязательныхъ доказательствъ того, что въ нихъ есть задатки дѣйствительнаго призванія. Призываніе и зазываніе къ такому непосильному дѣлу массы—одна изъ настоящихъ язвъ современнаго человечества, благодаря чему въ обществѣ развивается быстрѣе чѣмъ что другое—дешевое самомнѣніе и упадокъ истиннаго просвѣщенія, основа котораго, съ одной стороны—общее «просвѣщеніе» народа (тамъ, гдѣ «онъ» есть въ настоящемъ его смыслѣ), а съ другой—истинное образованіе общества, состоящаго изъ «лучшихъ» людей, а не изъ той-самомнительной интеллигенціи, которая все болѣе и болѣе стремится вытѣснить настоящее общество, имѣющее назначеніе быть той средой, въ которой народныя убѣжденія проявляютъ себя во всеоружіи культурнаго сознанія. Для освобожденія учебныхъ учрежденій, назначаемыхъ для лицъ, ищущихъ высшаго образованія, отъ папыва непригодныхъ элементовъ, конечно, необходимо кромѣ училищъ техническихъ и спеціальныхъ еще образованіе такихъ школъ, которыя давали бы довольствующимся дѣятельностью служебной (т. е. службой такъ или иначе зависямой) тѣ знанія положительныя, безъ которыхъ нельзя обходиться культурному человѣку въ жизни. Если къ такимъ заведеніямъ прибавить курсы спеціальныя, подобно тому, какъ это существуетъ у насъ въ духовномъ и военномъ вѣдомствахъ, съ правомъ поступать на всякія должности второстепенныя, то заведенія чисто образовательныя, завершающіяся университетомъ, сдѣлаются достояніемъ только того меньшинства, для котораго развитіе общее, т. е. идеальное, есть настоящая потребность. вполне способныхъ къ таковому, конечно, окажется меньшинство изъ меньшинства; но все-таки и те «избранные», прошедшіе черезъ выше-образовательныя учрежденія, получаютъ тотъ особый отпечатокъ, который свойственъ истинному образованію. Надо очень тщательно отдѣлять понятіе объ образованности отъ понятія просвѣщенія. Только совершенное незнаніе языка и непониманіе сути дѣла обученія и образованія могли изобрѣсти наименованіе Министерства Просвѣщенія, тогда какъ именно никакая школа просвѣщенія не даетъ. Просвѣщеніе есть та духовная атмосфера, въ которой живетъ весь народъ, и которая вдыхается имъ ежеминутно, какъ духовный жизненный эликсиръ. Оно имѣетъ

свою основу въ чувствѣ, а не въ знаніи, и въ немъ пребываетъ всегда, на разныхъ степеняхъ личнаго развитія. Христіански просвѣщенный человѣкъ можетъ быть ученымъ и неученымъ и даже необразованнымъ формально. Просвѣщеніе его не находится въ зависимости отъ его учености: Преподобный Серафимъ Саровскій или Антоній Великій (неграмотный) были вполне просвѣщенные люди. Образование же и знаніе даютъ лишь (помимо ихъ существующему) просвѣщенію орудіе самопроявленія; но они вмѣстѣ съ тѣмъ и обоюдоострое нѣчто: способствуя расклубленію началъ просвѣтительныхъ, они иногда стремятся занять сами мѣсто просвѣщенія и тогда даютъ результаты, обратныя своему истинному назначенію. Посему и учрежденіе правительственное, присвоившее себѣ неподлежащее наименованіе, иногда очень неясно сознаетъ свое конечное назначеніе; и предполагая, что оно просвѣтительное нѣчто, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ должно быть— учрежденіемъ, служащимъ лишь дѣлу образованія и обученія— и обращается въ нѣчто инквизиціонное.

На чемъ же должно быть основано у насъ истинное образованіе, соответствующее нашимъ же просвѣтительнымъ началамъ?

Задача составленія программъ не входитъ, конечно, въ составъ того, что мы имѣемъ въ виду, ставя этотъ вопросъ. Разъ выработана точка зрѣнія и на ней сошлись— программа выработается безъ труда; и, вѣроятно, болѣе или менѣе всѣхъ удовлетворяющая. Подробности же оной никогда не могутъ быть установлены неизмѣнно. Идеальная цѣль, къ которой стремятся высшее образованіе— это пробужденіе въ человѣкѣ всѣхъ умственныхъ и душевныхъ (духовныя составляютъ область высшую, недоступную воздействию формально-внѣшнихъ факторовъ) его силъ, какъ прирожденныхъ, такъ и полученныхъ отъ воздействия на нихъ начала просвѣтительнаго, въ предѣлахъ коего образованіе себя проявляетъ. Оно разрѣшается въ концѣ своего процесса въ соприкосновеніи съ областью научною, чистой науки— университетомъ; не потому, однако, чтобы наука, въ ея формальномъ видѣ, была непременно цѣлью всякаго вполне образованнаго человѣка, но только потому, что она есть та почва, на которой можетъ себя показать, проявиться полученное развитіе. Вполнѣ образованный человѣкъ доказываетъ свое высшее образованіе и развитіе на, такъ сказать, пробномъ занятіи наукой. Въ прежнее время, когда область знанія была ограничена, онъ могъ выказать себя, обращаясь съ тѣмъ, что называлось *universitas Scientiarum*. Теперь это уже невозможно, и приходится довольствоваться одной какой-нибудь вѣтвью науки. Но, во всякомъ случаѣ, оканчивающій высшее образованіе на почвѣ чистой науки, этимъ самымъ вовсе не заносываетъ себя въ цехъ ученыхъ: онъ получаетъ только возможность сдѣлаться ученымъ, но можетъ сдѣлаться человѣкомъ жизни, такъ называемымъ «дѣятелемъ». На наукѣ же и «дѣятель» показываетъ лишь свою способность къ независимому труду во всякой области, какую бы онъ ни избралъ ¹⁾.

¹⁾ Примѣръ— Гладстонъ.

Отъ того введеніе медицины практической въ область высше-образовательнаго дѣла есть недомысліе. Врачъ, практикъ, можетъ лишь подготовиться, но не патентоваться учрежденіемъ чисто-образовательнымъ, каковымъ долженъ быть университетъ. Это все равно, какъ если бы изъ университета выпускались инженеры, готовые судьи, финансисты и т. п. Получившій образованіе высшее, способенъ къ высшей дѣятельности—но только въ потенціи. Его преимущество передъ тѣми, которые познали какую-либо науку, не прошедши черезъ общее развитіе, состоитъ въ томъ, что онъ и въ спеціальномъ вопросѣ не утрачиваетъ способности постигать связь этого отдѣльнаго вопроса съ потребностями, такъ сказать, полноты человѣческаго духа; тогда какъ «только спеціалистъ» видитъ въ своемъ «фахѣ» нѣчто себѣ довлѣющее, отъ чего съ такой поразительной быстротой слѣдуютъ одно за другими разныя открытія, большинство конхъ никому не нужно, а многія прямо вредны, ибо служатъ только для спекуляціи ими, представляясь сначала очень заманчивыми, въ концѣ концовъ, оказываются просто вредными, напримѣръ въ медицинѣ.

Такимъ образомъ высшее образованіе, доступное въ сущности лишь избранному меньшинству, есть то, которое задается развитіемъ въ человѣкѣ его разумной всечеловѣчности, въ увѣренности, что, достигши сего, онъ выразитъ себя въ той или другой области знанія или дѣланія съ полнотой, свойственной цѣлости духа человѣческаго, направленной въ ту или другую сторону, а не съ одностороннимъ лишь знаніемъ тонкостей извѣстной спеціальности, всегда суживающей кругозоръ человѣка, «даже по сравненію съ той прирожденной широтой, которая свойственна человѣку, предоставленному самому себѣ». Разница въ образовательной задачѣ школы спеціальныхъ или образовательныхъ, общедоступныхъ и высшеобразовательныхъ состоитъ въ томъ, что первыя должны довольствоваться задачей «не расшатать по возможности прирожденной всякому человѣку цѣлости духа»—тогда какъ послѣднія должны стремиться къ тому, чтобы таковую, прирожденную, довести до полного высшаго разумнаго расцвѣта. Людямъ, достигшимъ сего, принадлежитъ водительство человѣковъ, какія бы ни дѣлали важныя и полезныя дѣла, въ видѣ исключенія, люди, обладающіе только спеціальными знаніями. Такое опредѣленіе высшаго образованія можетъ, пожалуй, показаться лишь апологіей такъ называемаго «гуманизма». Но это было бы не точнымъ заключеніемъ. Конечно, оно можетъ быть названо гуманизмомъ, только съ той оговоркой, что его надо отличать отъ того, что понимается подъ этимъ словомъ на Западѣ. Западный гуманизмъ есть своего рода образовательный протестантизмъ, учащій о вѣрѣ безъ дѣлъ. Образованіе само для себя; развитіе для наслажденія этимъ самымъ развитіемъ, дающимъ лишь способность такъ сказать смаковать все человѣческое, и болѣе или менѣе всегда съ окраской религіознаго индеферентизма, происходящаго, какъ законное послѣдствіе, изъ слишкомъ уточненнаго пониманія только человѣческаго. Тоже начало, но имѣющее себѣ цѣлью «дѣло», а не самонаслажденіе своею культурностью,

дастъ желанный результатъ—*высшее образованіе, какъ начало активное*; а таковое, конечно, не можетъ быть дѣйственно иначе, какъ если оно зиждется на незыблемой почвѣ вѣры. Вѣра можетъ быть—и есть, не только религіозная; но безъ нея совершенно нельзя быть человѣкомъ истинно образованнымъ, а не только гуманистомъ; ибо высшее, до чего можетъ достигнуть человѣкъ, въ смыслѣ образованія, это—совоплощеніе знанія съ жизнью, а не только самоуспокоивающееся знаніе. Посему тамъ, гдѣ въ основѣ высшаго образованія не положена вѣра, начало активное, оно само несостоятельно. Вѣра можетъ быть политическая, научная, эстетическая, и, наконецъ, высшая—вѣра въ Бога. На Западѣ преобладаетъ всяческая вѣра надъ вѣрой религіозной, конечно, не упраздняя и этой. Въ Германіи первенствуетъ вѣра въ науку, во Франціи—вѣра въ жизненный практицизмъ, въ Англии—вѣра въ строй общественной жизни, въ Италіи вѣры нѣтъ никакой; и потому высшее образованіе въ Италіи въ сущности не существуетъ ¹⁾, какъ и у насъ въ Россіи. Среда, составляющая теперешній контингентъ посѣтителей университетовъ, есть и въ Италіи и у насъ, «чистая интеллигенція», то есть такая, которая стоитъ на почвѣ одной разсудочности, а разсудочность есть начало разлагающее, а не зиждущее и слѣдовательно неспособное создать никакой вѣры, хотя бы самаго посредственнаго калибра, въ родѣ напимѣръ политической; и потому на ея основѣ высшая образованность никакая сложиться не можетъ, если признать наше опредѣленіе: что «де»—таковая непременно дѣйственная, а не пассивная или «трицательная».

Цѣль высшаго образованія, въ странѣ христіански просвѣщенной, заключается въ томъ, чтобы дать человѣку возможность усвоить все то, что необходимо для уразумѣнія и осуществленія того типа, который одинъ можетъ явить полноту культуры, зиждущейся на христіанской основѣ. Нравственная высота каждаго христіанина въ отдѣльности стоитъ внѣ области формальнаго образованія: она есть результатъ усвоенія, въ болѣе по возможности степени, дѣйствія благодати, дающейся «не мѣрою», какъ говоритъ Апостоль, а во всей полнотѣ всякому способному ее воспринять. Но высота христіанской культурности-образованности, конечно, связанной въ концѣ концовъ съ этическимъ элементомъ, зависитъ отъ воспріятія умственнаго образованія, истекающаго изъ познанія всего, что сдѣлано человѣчествомъ въ области всего *entendement humain*, т. е. всего того развитія, которое дѣлаетъ человѣка способнымъ принять и постигнуть умомъ всѣ тѣ чисто человѣческія познанія, которыя необходимы для построенія умственнаго зданія христіанскаго міросозерцанія, какъ въ общемъ, такъ и въ частности. Хотя Паскаль и сказалъ съ обычною ему точностію, что *Dieu en veut plus à notre volonté qu'à notre esprit*; тѣмъ не менѣе дѣло образованія, понятаго въ школьномъ смыслѣ, есть дѣло прежде всего ума. Оно должно обработать умъ, въ связи съ цѣлостью духа, до способности

¹⁾ Конечно не въ смыслѣ единичномъ. Ср. Fouillée *Peuples Europ.* 71 и 108 стр.

постигнувенія высшаго; а такое есть именно постигнувеніе христіанское, ибо христіанство, рядомъ съ просвѣщеніемъ душъ, внесло въ міръ и абсолютную способность пониманія, которая безъ душевнаго просвѣщенія не возможна. Сама наука могла развиваться до настоящаго своего уровня только благодаря тому, что христіански просвѣщенное человѣчество получило полноту пониманія, немислимую для древняго человѣка, скованнаго узкостью своего міровоззрѣнія, на все налагавшаго печать условности. Христіанство есть абсолютное освобожденіе духа человѣческаго, выразившееся прежде всего въ богатствѣ душевныхъ движеній, совершенно неизвѣстныхъ древнему міру. Стоитъ только сравнить богатство христіанской психологіи, выражающейся въ искусствѣ, со скудностью душевныхъ мотивовъ, которыми пробавлялся древній человѣкъ, чтобы понять, что безъ этого пробужденія души, немислимо было и полное пробужденіе ума, который есть все-таки не болѣе какъ формальное орудіе, дѣйствующее подъ вліяніемъ факторовъ высшаго разряда. Но христіанство само, въ своемъ образовательномъ значеніи, состоитъ не только изъ догмы и истекающей изъ нея этики. Для полнаго проявленія, какъ начала культурнаго, оно нуждается въ такой полнотѣ развитія всѣхъ способностей духа, которая доступна лишь человѣку, стоящему на степеняхъ мужа совершенна, могущаго примѣнять въ жизни тѣ начала, которыя составляютъ Бого-откровенную сущность ученія. Воспринять для себя лично Евангеліе Царствія можетъ и стоящій на степеняхъ умственной дѣтскости. Дѣтскій умъ и душа Славянина, усвоивъ благодатную сторону, принесеннаго къ нему высококультурными эллинами христіанства, въ нѣкоторомъ отношеніи новьяла ее полнотѣ можетъ быть, чѣмъ понимали ее самые просвѣтители. Для русскаго человѣка христіанство выразилось въ молитвенной формулѣ «Господи помилуй», формулѣ, созданной греческимъ умомъ для иудей, только ритуалистическихъ и никогда не получившей той полноты духовнаго значенія, которую съ нею связалъ русскій человѣкъ, прежде всего постигнувшій, что краеуголіе христіанства состоитъ въ смиреніи и сокрушеніи. Эллингъ постигъ умомъ красоту христіанскаго смиренія; русскій постигъ смиреніе душою и этимъ сразу поставилъ себя въ отношеніи христіанскаго возрожденія выше своего учителя. Христіаниномъ, въ высшемъ личномъ смыслѣ, можетъ быть самый первобытный человѣкъ—какойнибудь «дядя Томъ». Но полнота христіанской, такъ сказать, гражданственности выражается не въ одной высотѣ личной нравственности, но и въ усвоеніи всего того, что можетъ создать христіанское общество, земную Церковь. Для этого недостаточно одной личной даже святости; надо прямо сказать—для этого надо развитіе всѣхъ силъ человѣческой души съ умомъ включительно, и потому способствовать устроенію на землѣ «Града Божія» можетъ лишь тотъ, въ комъ всечеловѣчность его стоитъ на высотѣ воспитавшаго его начала. И дѣйствительно, гдѣ Церкви, основанныя и существующія на почвѣ, не переработанной эллинской культурой? Если теперь и устроятся Церкви въ Китаѣ, Японіи и другихъ странахъ, то все-таки руководство ими оста-

ется за людьми, прошедшими такъ называемую классическую школу и особенно школу эллинскую; такъ какъ римскій элементъ, хотя и тѣсно связанный съ греческимъ просвѣщеніемъ, самъ по себѣ не достаточно, по своей односторонности для того, чтобы дать образованіе уму всестороннее. Римскій духъ, формально юридическій, составляетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу человѣческой культуры, какъ проявленіе присущаго человѣку запроса на формальную точность и правомѣрную логичность¹⁾, но самъ по себѣ онъ не исходитъ изъ глубины цѣлостнаго духа, а только служить для развитія чисто формальной стороны ума. Непосредственно въ немъ христіанское пониманіе не могло найти и не нашло себѣ выразителя; и поэтому христіанство, основанное на латинской культурѣ, впало въ ту явную для насъ односторонность, которая, по мѣткому выраженію историка Кудрявцева, низвела идею христіанской католичности на степень римскаго католицизма («Судьбы Италіи»). Для того, чтобы стать человѣку на высшую степень развитія, ему необходимо усвоить все то, что приобрѣло человѣчество абсолютнаго въ просвѣтительномъ и образовательномъ отношеніи за всю исторію свою. Усваивать надо лишь обще-человѣческое; и хотя таковое никогда не является иначе, какъ въ оболочкѣ народнаго, тѣмъ не менѣе усвоенію подлежитъ только обще-человѣческое, народное же лишь, поскольку оно не отдѣлимо отъ перваго. Что же человѣчество приобрѣло такого съ начала своей исторіи? Прежде всего и выше всего оно получило откровеніе христіанское, проявившееся въ конкретѣ съ окраской еврейской, а затѣмъ оно выработало изъ самого себя тотъ высшій типъ культурнаго человѣка, который обратился, въ отношеніи именно культурности, въ вѣчную норму для всего будущаго человѣчества. Этотъ типъ—эллина, человѣка, достигшаго до совершеннаго развитія всѣхъ способностей душевныхъ и умственныхъ, при возможно полномъ устраненіи всякаго мѣстнаго и племеннаго уместеннаго «идіотизма»²⁾. Эллада, въ своей долгой и полной превратности исторіи, служила исключительно идеѣ—выработать человѣка несовершеннѣйшаго. Поклоняясь человѣческой красотѣ тѣла и ума (*καλοκαγαθία*), она дѣйствительно пашла этотъ типъ и принесла его человѣчеству какъ чудный даръ того идеальнаго сосуда, въ которомъ наилучше можетъ проявить себя все высокое, до высочайшаго включительно. Дарное міру черезъ евреевъ Откровеніе не могло вмѣщаться въ явно одностороннемъ и узкомъ сосудѣ еврей-націоналиста; и оно, дѣйствительно, немедленно какъ бы переселяется въ міръ эллинскій и на столько съ нимъ отождествляется, что можно смѣло сказать—христіанство засвѣтилось міру на свѣчницѣ эллинизма; и отъ него, въ извѣстномъ отношеніи, не отдѣлимо, не въ качествѣ начала просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ (тутъ нѣтъ мѣста ни народно-

¹⁾ Harnack говорить, что западный умъ *mehr Verstand als Vernunft war*. *Dog. Gesch.* III 339 сл.

²⁾ Въ смыслѣ Греческомъ. *Voilà pourquoi la Grèce a un rôle apart comme la Judée*, говорить Ренанъ, *Melanges Religieux etc.* 189 стр.

сти, ни культурѣ), но въ смыслѣ орудія для проявленія себя, какъ культурно-бытового начала, такъ сказать, какъ орудіе для осуществленія на землѣ, въ возможной полнотѣ, христіанскаго идеала земной Церкви. Ни одинъ народъ, кромѣ эллинскаго, не выработалъ такого яснаго и сознательнаго чувства, «единенія на началѣ внутреннемъ, безъ всякой потребности въ чемъ-либо внѣшнемъ, во внѣшнемъ знакѣ единенія». Всѣ другіе народы единились или на государственномъ началѣ, или на началѣ внѣшняго культа, или, наконецъ, какъ Евреи, на Законѣ, хотя и Богодарованномъ, но все-таки внѣшнемъ началѣ, какъ то признаетъ и апостоль Павелъ: Законъ—пѣстунъ. Совсѣмъ иное видимъ мы у Эллиновъ. То, что объединяло ихъ, при всей ихъ розни между собой, что давало имъ право противопоставлять себя всѣмъ другимъ народамъ, это сознание, что связь, ихъ соединяющая, внутренняя, и исключительно внутренняя, безъ всякой внѣшней формы; ибо даже вѣра ихъ, какъ религіозная вѣра, не представляла сама настоящаго цемента. Эта внутренняя связь настолько сильна была и есть даже у современныхъ грековъ, что при полной неспособности къ государственному укладу (Византія была «Римъ» на греческой почвѣ), объединительная сила эллинизма ни минуты не ослабѣвала, и чѣмъ слабѣе становилась собственно Греція, тѣмъ сильнѣе выражался духъ эллинизма—въ складѣ ума, способнаго «понять» все человѣческое, безъ всякаго привнесенія національной односторонности. Такая среда была единственно способна воспринять ученіе христіанское, въ смыслѣ *пониманія* онаго «вполнѣ». *Экклесія*, то высшее проявленіе единенія о духѣ, на чемъ зиждется весь земной строй христіанства и соединяетъ его съ чаемымъ строемъ загробнымъ—понятіе чисто эллинское и доступно въ своей полнотѣ только тѣмъ, которые привили къ себѣ вполнѣ эллинскую культуру, не въ смыслѣ обращенія себя въ Грековъ, а въ смыслѣ полного приобщенія ума къ широтѣ эллинскаго постигновенія; которое, благодаря вложенному въ него высшему откровенному ученію, создало то, что такъ мѣтко и непреходяще наименовано—Православіе. Дѣйствительно, съ первыхъ же минутъ Христіанство отождествляется съ эллинизмомъ ¹⁾; и оно начинаетъ распространяться черезъ эллинскія колоніи, сохраняя даже и внѣшность эллинизма до такой степени, что само богослуженіе отправлялось на Западѣ по-гречески (остатокъ сего—латинскій Кирие-елейсонъ) и большинство епископовъ, даже римскихъ, первыхъ вѣковъ, были Греки или грецизированные туземцы. Гарнакъ, со свойственнымъ ему безпристрастіемъ сужденія, говоритъ (Dog. Gesch.), что «идея Церкви есть идея греческая». Чтобы ее осуществлять въ ея чистой формѣ, надо стоять на греко-христіанской точкѣ, т. е. понимать возможность единенія въ духѣ *«помимо всякой внѣшней объединяющей вѣхи»*. Римъ этого понятія никогда усвоить не могъ вполнѣ. Ему нельзя было, съ его односторонней точки пониманія,

¹⁾ «No sooner had it (Christianity) moved outwards from its cradle in Jerusalem, than it assumed the aspect of a Greek religion». Gladstone: «The Hellenistic factor in the Eastern problem», p. 11.

обойтись безъ *centrum unitatis* видимаго; и отъ того, по мѣрѣ какъ христіанство олатинивалось, на Западѣ все болѣе и болѣе тускнѣло понятіе о Церкви въ строго-христіанскомъ смыслѣ и замѣнялось католическимъ понятіемъ о необходимости для христіанства имѣть видимаго представителя, замѣстителя Христа на землѣ подобно тому, какъ древнему человѣчеству, когда оно начало утрачивать внутреннее единство духа, понадобилась вавилонская башня. Сравнительный успѣхъ западнаго столпа въ отличіе отъ вавилонскаго объясняется тѣмъ, что онъ все-таки построенъ и до нынѣ стоитъ на почвѣ христіанской, т. е. объединительной самой по себѣ, подкрѣпленной лишь древне-римскимъ изреченіемъ «*tu regere imperio populos, Romane, memento*». Такое одностороннее направленіе латинства должно бы, на основаніи вышензложеннаго, повидимому, устранить его значеніе въ смыслѣ общекультурнаго элемента, такъ какъ онъ есть скорѣе торжество *нѣкоего «идиотизма»* въ этой области, что противорѣчитъ нашему запросу развитія (въ смыслѣ высшаго образованія), только того, что дѣлаетъ человѣка возможно менѣе идиотичнымъ. Въ дѣйствительности, оно не такъ: человѣкъ никогда не можетъ «вполнѣ» реализовать никакого идеала, и самый идеаль абсолютной *широты пониманія* можетъ легко обратиться въ *расплывчатость пониманія*, чему не разъ поддавалась и чисто-греческая культурность. Римъ есть коррективъ для Греціи и такой, который дѣйствительно необходимъ для того, чтобы отнять у эллинизма его наклонность къ тому, что можно, въ вульгарномъ смыслѣ назвать «прѣснотой». Это—своего рода отрубъ въ хлѣбѣ. Присутствіе таковой въ простомъ ржаномъ хлѣбѣ дѣлаетъ то, что на немъ одномъ почти живетъ русскій крестьянинъ, чего нельзя или трудно на ситномъ или на пшеничномъ, обдирномъ. Отъ того, говоря о классицизмѣ, невозможно отдѣлять эти двѣ его вѣтви; но только въ ихъ единеніи можно искать полноты такъ называемаго гуманизма, того просвѣтительно-дѣйствительнаго гуманизма, который мы противопоставляемъ *гуманизму квіэтистическому*, выработавшемуся на Западѣ, какъ противоположеніе грубому утилитаризму, искони свойственному духу народовъ германскихъ или тѣхъ, которые имѣли основаніемъ своего просвѣщенія чистое латинство, въ которомъ, отдѣльно взятомъ, нѣтъ ничего чисто-культурнаго, кромѣ развѣ того, что оно заимствовало, обѣзцвѣтивъ у тѣхъ же грековъ. Введеніе въ основу ученія, направленнаго къ высшему образованію, исключительно одного латинскаго языка и его литературы, можно почесть средствомъ діаметрально противоположнымъ той пѣли, которая въ этомъ дѣлѣ существенна; и несомнѣнно, что, напримѣръ, соединеніе математики съ латынью способно скорѣе дать обратные результаты въ дѣлѣ высшаго образованія, чѣмъ содѣйствовать достиженію онаго. Лучше устранить совершенно всякій классицизмъ, чѣмъ давать его въ искаженномъ видѣ. Математика—наука о формальныхъ построеніяхъ въ области «числа и мѣры». Латинская культура—результатъ формальнаго (только) пониманія вещей и ихъ взаимно-отношеній. Лучшие умы латинскаго міра сами это сознавали и поэтому искали выхода изъ собственнаго форма-

лизмъ въ свѣжихъ струяхъ греческаго міросозерпанія, никогда однако не достигши до истиннаго онаго пониманія. Общее образованіе высшее, построенное на такихъ основахъ, можетъ дать лишь то именно, противъ чего самъ Западъ началъ претестовать во времена Возрожденія, основавъ свое стремленіе къ выходу изъ этого всепоглощающаго формализма на возвращеніи къ изученію греческой словесности и создавшей ее культуры¹⁾. Этотъ взглядъ на значеніе эллино-римской культуры полагаетъ ее краеугольнымъ камнемъ возможности истиннаго просвѣщенія общественнаго для всего міра, не исключая «недвижнаго Китая» или страны Восходящаго Солнца. Какъ бы ни были блестящи результаты ихъ собственныхъ культуръ, нельзя не видѣть, что на *нижъ христіанской культуры основать нельзя*, потому что христіанство для полнаго себя проявленія, какъ воспринятое и примѣненное къ общественной жизни откровеніе (Земная Церковь), требуетъ, повидимому, такого предварительнаго пробужденія умственно-душевныхъ силъ человѣка, достигнутаго дано было Провидѣніемъ только эллино-римскому міру (Шеллингъ, *Tiersch Apost. Zeitalter*), въ чемъ и его и высокое, *вѣчное* значеніе. Мы знаемъ, что распространеніе христіанства какъ бы совпадаетъ съ границами этой предварительной культуры; за ея предѣлами видимъ только индивидуальныя пріобрѣтенія, но не общественныя; и даже тѣ отдѣльныя, иногда ревностныя индивидуумы, которыхъ удастся присоединить къ христіанству, не могутъ изъ себя составить церковныхъ обществъ, безъ руководства лицъ эллино-римской закваски. Въ Китаѣ, многовѣковая римско-католическая церковь доселѣ управляется европейцами, а въ православной миссіи въ Японіи, едва-ли пр. Николай замѣнимъ теперь японцемъ, не прошедшимъ школы, заквашенной просвѣщеніемъ греческимъ, хотя-бы не непременно греческимъ языкомъ, въ его непосредственномъ приложеніи. Для основанія церкви въ странахъ, совершенно независимыхъ отъ нашей культуры, надо насаждать эту культуру, и тогда будутъ положены основанія для возможности въ будущемъ совершенно Японо-Китайско-Индусскихъ Церквей; до тѣхъ же поръ придется цементировать эти церкви извнѣ привносимымъ началомъ; тѣмъ, на которомъ можетъ стоять зданіе церкви видимой, понятой такъ полно, какъ это доступно только для греко-латинскаго пониманія. Ближе всего къ эллино-христіанскому пониманію единенія о духѣ подходитъ буддизмъ; но его насенная закваска дѣлаетъ то, что и прошедшіе черезъ него, по пути къ христіанству, все-таки не способны понять вполне христіанскую концепцію Церкви, въ которой начало дѣйственное составляетъ элементъ существенный. Послѣдователи буддизма не идутъ дальше «сопоставленія», но объединенія активнаго они понять не могутъ; они идутъ по одному пути, но истиннаго единства они не могутъ реализовать. Оно

¹⁾ Только съ этой точки зрѣнія могло быть допустимо анти-латинское направленіе въ церковной школѣ у насъ въ 40-хъ годахъ; но тогда нужно было не умалять латинство, а усилить греческое къ нему дополненіе. *Вмѣсто того въ сущности выбросили и то и другое. Что получилось—patet.*

осуществляется только тѣми, которые усвоили себѣ, просвѣтивъ его христіанствомъ, то внутреннее культурное единеніе, которое выработала Греція, какъ бы въ предвѣдѣніи его высшаго назначенія.

Классицизмъ является такимъ образомъ для насъ основаніемъ возможно полной христіанской культуры (образованія), и потому, и *только потому*, его необходимо класть въ основу высшаго образованія, тогда какъ именно этой его стороны у насъ во вниманіе не принимаютъ. Противники классицизма у насъ и на Западѣ прибѣгаютъ къ одинаковымъ аргументамъ для полемики противъ него—и это вполне основательно. Но сторонники его едва ли правильно прибѣгаютъ у насъ *только* къ тѣмъ доказательствамъ его полезности, которыя выработаны на европейской почвѣ. Для Европы, говорящей на языкахъ, въ большей или меньшей степени утратившихъ органичность, возможность пользоваться языками, сохранившими свою первобытную органичность—самая *матерія древнихъ языковъ* имѣетъ существенную важность: она даетъ имъ дѣйствительно то, что такъ необходимо для умственнаго развитія—возможность понимать логику мышленія, почерпнутую изъ живаго органа мысли—языка. Но мы обладаемъ въ обиходѣ нашимъ такимъ языкомъ, который не уступаетъ, по органичности своей, ни въ чемъ языкамъ древнимъ. Конечно, есть нѣкоторыя польза знакомиться съ законами языка «не обиходнаго», но эта польза ничтожная, при обращеніи со своимъ, столь же органическимъ, языкомъ. Изучая «серьезно» свой языкъ, мы въ этомъ отношеніи получимъ почти все то для гимнастики ума, что даютъ западному человѣку древніе языки. Дополняя же свой языкъ еще ц.-славянскимъ и обращая вниманіе на его особенности, мы можемъ смѣло рассчитывать на то, что въ этой области найдемъ значительную для ума гимнастику. Аргументъ этотъ въ пользу древнихъ языковъ, важный для Европы, у насъ *обезцѣнивается значительно*, сравнительно съ его вѣскою для Европы. Отношеніе же латинскихъ расъ къ латинскому языку настолько исключительно, что все, что вполне оправдываетъ необходимость его для француза, итальянца, испанца и иныхъ—совершенно къ намъ не примѣнимо: латинскій языкъ у нихъ играетъ роль ц.-славянскаго нашего; а для остальныхъ народовъ, германокельтскихъ, онъ есть языкъ той культуры, которая заквасила всю ихъ гражданственность, тогда какъ русская гражданственность—непетровская конечно—ея чурается. Если взять литературу древнихъ, только съ литературной стороны, то вѣдь въ отношеніи этомъ—за исключеніемъ Гомера новые народы могутъ выставить писателей, не менѣе совершенныхъ по генію и по совершенству формы. Данте, Шекспиръ, Гете, Байронъ могутъ не только стать на одну доску съ писателями классическими, но и затмить ихъ. Но тѣмъ не менѣе есть громадная разница между образовательнымъ значеніемъ литературы классической и таковыми же по-классической, до современности. Современная и вообще христіанская эпоха литературы даетъ намъ лишь отдѣльные образцы большей или меньшей геніальности лицъ, принадлежащихъ къ нашему собственному міросозерпанію, со свойственной каждому по человѣ-

честву односторонностью, и слѣдовательно они являютъ изъ себя лишь блестящія анекдоты нашей собственной среды. Не то древніе: несмотря на очень средніе таланты большинства писателей и поэтовъ древности, они всѣ вмѣстѣ дѣлали невѣдомо для себя одно общее дѣло—выражали и запечатлѣвали процессъ образованія того высшаго типа человѣка—вообще, который былъ необходимъ для цѣлей Промысла—дать возможность христіанскому откровенію облечься для своихъ «земныхъ» цѣлей въ возможно совершенную человѣчью оболочку. Въ одномъ церковномъ пѣснопѣніи говорится, что вся вселенная соединилась для поднесенія Христу того, что каждая часть могла поднести лучшаго: небеса—звѣзду, волхвы—дары, люди—матеръ дѣву. Но къ этому перечисленію можно бы прибавить еще—тотъ, самымъ человѣчествомъ выработанный типъ культурнаго человѣка, который необходимъ былъ для того, чтобы умомъ постигнуть, такъ сказать, умственную сторону христіанства, безъ которой человѣкъ въ частности можетъ почитать себя христіаниномъ, но безъ которой человѣчество не можетъ въ своихъ общихъ судьбахъ осуществить христіанство на Землѣ въ его полнотѣ. А. С. Хомяковъ сказалъ: «Православіе спасаетъ не человѣка, а человѣчество». Православіе же есть именно въ своемъ проявленіи жизненномъ нѣчто отъ греческой культуры неотдѣлимое, ибо оно есть утвержденіе истинной церковности, а таковая, какъ понятіе, выработана греческимъ умомъ, какъ замѣтилъ весьма глубокомысленно Гарнакъ. Настоящая высшая культура возможна теперь въ Россіи только абсолютно христіанская, а таковая неотдѣлима отъ классицизма, какъ выраженія того человѣчествомъ выработаннаго, по волѣ Промысла, сосуда, въ которомъ одномъ вполнѣ укладывается пониманіе христіанства, какъ явленія культурно-мірового. Эта внутренняя связь классицизма съ христіанствомъ понимается весьма представителями анти-христіанскаго направленія; и особенно у насъ, гдѣ главное движеніе анти-классическое идетъ изъ среды такъ называемой либеральной, а таковая есть вмѣстѣ, если и не анти-христіанская, то минимально-христіанская. На Западѣ это менѣе замѣтно потому, что тамъ сложившееся вѣковой жизнью менѣе подвержено реформаторскому нападенію даже тѣхъ, которые мыслятъ про себя иначе. Сама литература классическая для христіанства ничего не даетъ существеннаго, но она въ конечномъ результатѣ своемъ выражаетъ то умственное направленіе, которое должно было открыть человѣчеству глаза для созерцанія того, что для умственныхъ глазъ людей другой культуры было и останется всегда настолько ослѣпительнымъ, что воспринять оное вполнѣ, они никогда не возмогутъ. Въ этомъ, вѣроятно, смыслъ Климентъ Александрійскій говорилъ, что греческая философія приготовила эллиновъ къ христіанству. Конечно, не сама философія, въ которой «догма» очень не важна на пользу христіанства, а тотъ складъ ума, который выработался у Грековъ—ихъ культурное любомудріе.

Но, если значеніе образованности древней велико по своему общему результату, а не по особымъ развивательнымъ условіямъ языковъ греческаго и римскаго и не по особымъ достоинствамъ писателей (Гомеръ и Платонъ

исключаются). то нельзя ли получить плодъ этой культуры безъ усвоенія языковъ, не черезъ чтеніе классическихъ источниковъ въ подлинникѣ? Зачѣмъ тратить такъ много времени на языки, когда все, что на нихъ писали, переведено? Отвѣтъ на это краткій, но очень ясный, даетъ итальянская поговорка: *traduttore-traditore*. Въ языкѣ выражается духъ создавшаго его народа; и чѣмъ важнѣе мы почитаемъ быть именно «духъ древняго міра», выразившій только свои идиотизмы въ своей литературѣ, оправдавшійся только въ томъ, что какъ онъ выработалъ человѣческую мысль для дальнѣйшаго и важнѣйшаго и для выраженія того, *чего онъ по существу и въ умъ не имѣлъ*, тѣмъ важнѣе именно проникнуть въ него черезъ «medium» языка, и только для этого знаніе настоящее, такъ сказать живое, древнихъ языковъ намъ абсолютно нужно ¹⁾, если мы хотимъ *summa petere* въ дѣлѣ образованія. Прощедшій черезъ школу древне греческо-римскаго мышленія (а это достигается только проникновеніемъ въ тайну духа этихъ народовъ, чрезъ усвоеніе ихъ мыслительнаго орудія—языка) получаетъ способность понимать въ полнотѣ то, что дано человечеству чрезъ совершенно другой источникъ, оказавшійся самъ по себѣ столь же неспособнымъ оное усвоить, сколь онъ одинъ оказался способнымъ сохранить тѣ сѣмена, изъ которыхъ это, сверхчеловѣческое, должно было выйти во образѣ человѣческомъ и для спасенія человечества.

Д. Х.

¹⁾ Но, конечно, тотъ, кто перечелъ всѣхъ древнихъ писателей, хотя бы и въ переводѣ, ближе стоитъ къ идеалу, близко знакомаго съ древностью человѣка, чѣмъ тонкій знатокъ въ грамматическомъ отношеніи, не овладѣвшій литературой чрезъ «курсорное» чтеніе.

Письма Ал. Толстого къ Н. А. Чаеву.

Красный Рогъ. 5 Ноября 1878.

Любезнѣйшій и глубокоуважаемый Николай Александровичъ, письмо Ваше, посланное въ Карловары (Карлсбадъ), послѣ долгаго странствованія, дошло до меня. Ваше второе письмо отъ 16 Октября я также только что получилъ и потому отвѣчаю на нихъ купно:

1-е. Сдѣлайте одолженіе, пришлите Ваши «Подспудныя Силы» *сюиты*. Мы ихъ читали въ *P. V.*, но съ удовольствіемъ будемъ еще читать въ отдѣльномъ изданіи. Скажите мнѣ, какъ называется Вашъ новый романъ времени Екатерины? Я былъ въ Карлсбадѣ, потомъ прожилъ одинъ мѣсяцъ въ Дрезденѣ, гдѣ началъ писать Новгородскую драму: *Посадникъ*. и набросилъ уже три акта, но только набросилъ, а еще не обработалъ.

2-е. Нахожу Ваше драматическое дѣло очень справедливымъ и съ удовольствіемъ примыкаю къ Вамъ. Съ будущею почтой Вы получите мой взносъ (15 р.) и съ нимъ по одному нѣмецкому экземпляру «*Tod Iwan's*» и «*Zar Fedor*». Это для того, чтобы Вы видѣли, что авторъ брошюръ сдѣлалъ маленькую ошибку (въпрочемъ ничего не измѣняющую въ дѣлѣ) касательно такъ называемыхъ *Bühnen manuscripte*.

Я имѣлъ случай узнать обычай, о которомъ онъ говоритъ, въ Германіи. Драмъ печатаются не въ маломъ, а въ какомъ угодно числѣ экземпляровъ, и пріобрѣтатель не получаетъ никакого права на постановку безъ согласенія съ авторомъ. Но дабы авторъ не лишился черезъ публикацію своихъ правъ, онъ ставитъ на заглавномъ листѣ: *Den Bühnen gegenüber als Manuscript gedruckt*, т. е. «Въ отношеніи къ театрамъ считать за рукопись» потому, что на рукописи театры не имѣютъ права безъ воли автора. У меня нѣкоторые провинціальныя театры спрашивали позволенія давать *Смерть Иоанна*, другіе не спрашивали. Первымъ я всегда позволялъ, но предвидя, что придетъ время, когда лягутся на этотъ счетъ положительныя правила, я ограничивалъ позволеніе на три года. Не помню однако, всѣмъ-ли театрамъ я ставилъ это ограниченіе и нѣтъ-ли такихъ, которымъ я далъ позволеніе

безусловно? Впрочемъ объ этомъ нечего заботиться потому, что *Смерть Иоанна* запрещена циркуляромъ. Это одна изъ административныхъ странностей, ибо та же администрація разрѣшаетъ *Василису Мелентьеву*, которая теперь дается въ Одессѣ, гдѣ *Смерть Иоанна* была остановлена на телеграфу къ немалому скандалу, когда ее уже нѣсколько разъ дали и ложн къ слѣдующему представленію были разобраны.

З-е. Мы дѣйствительно должны были провести зиму въ Венеціи, но я не увѣренъ, что дѣла позволятъ намъ это сдѣлать. Тогда, если послѣдую влеченію сердца, то приѣду дней на 10 въ Москву, которую столько-же люблю, какъ городъ, сколько ненавижу ея историческое значеніе до той эпохи, которая дала Вамъ поводъ къ трофею. Мною овладѣваетъ злость и ярость, когда я сравниваю городскую и княжескую Россію съ Московской, новгородскіе и кіевскіе нравы съ московскими; и я не понимаю, какъ можетъ Аксаковъ смотрѣть на испорченную отатарившуюся Москву, какъ на представителя древней Руси? Не въ Москвѣ надо искать Россію, а въ Новгородѣ и въ Кіевѣ. Даже Андрея Боголюбскаго я терпѣть не могу, потому что онъ предшественникъ Иоанна III. А все-таки я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ-бы на его дворецъ въ Боголюбовѣ, котораго рисунокъ видѣлъ у Погодина и который, вѣроятно, съ каждымъ годомъ разрушается. Я выстроилъ-бы надъ нимъ стеклянный колпакъ. Это, кажется, единственный памятникъ у насъ гражданской архитектуры XII столѣтія. Прошу Васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Вашей супругѣ, моя жена Вамъ очень кланяется, я крѣпко жму Вашу руку, адресъ мой: *Черниговской губерніи въ Почепѣ*. Весь Вашъ

Ал. Толстой.

Пустынька, Февр. 14-го. 1867.

Любезный и многоуважаемый Николай Александровичъ, спасибо Вамъ за письмо Ваше отъ 10-го числа и за общаемаго *кн. Тверскаго*, котораго буду ожидать съ нетерпѣніемъ. Краевскій съ своими «явленіями, выходящими изъ ряда», порядочно таки смѣшонъ. Критики Ваши и благовольтельные совѣтчики для меня явленіе не новое, но очень знакомое по личному опыту. Кажется, одного изъ Вашихъ совѣтчиковъ я знаю: не Соллогубъ-ли это? Онъ дѣйствительно хорошій критикъ, хотя и увлекается желаніемъ передѣлать по своему то, что сдѣлали другіе. И моего *Грознаго* онъ хотѣлъ бы передѣлать, и *Федора Иоанныча*, котораго не читалъ еще, также хотѣлъ бы передѣлать. Но я слушаю его съ удовольствіемъ, потому что въ немъ есть большое пониманіе, хотя творчества нѣтъ. И онъ предлагалъ мнѣ писать вдвоемъ, чего я рѣшительно не могу. Его конекъ это «архитектура» драмы, которую я признаю вполне, но о которой онъ говоритъ, какъ будто бы онъ ее изобрѣлъ (sic). А фельетонисты хотѣли бы насъ съ Вами поспорить: меня колютъ вами, а васъ мною. Ну ихъ!

5*

Съ благодарностью принимаю Ваше доброе намѣреніе предложить меня въ члены Общества Любителей при Моск. университетѣ и готовъ. если ничто не помѣшаетъ, пріѣхать постомъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы прочесть кое-что изъ *Федора*. Мнѣ очень будетъ лестно, если Общество меня приметъ.

Писать ко мнѣ можно такъ: *По Никол. Жел. дорога на станцію Саблицы*.

Но можетъ случиться, что я буду въ Питерѣ, и тогда пройдетъ нѣсколько дней прежде, чѣмъ получу Ваше письмо. Васильевъ добровольно отказался отъ роли Іоанна Самойлова я видѣлъ только одинъ разъ въ этой роли въ бенефисѣ Владиміровой. Наружность его была прекрасна, но изъ роли онъ не зналъ ни аза, говорилъ все только приблизительно, не стихами, а прозой собственнаго изобрѣтенія, и множество мѣстъ, очень важныхъ, пропустилъ совсѣмъ, этого-де не надо! Говорятъ, теперь Самойловъ и Васильевъ будутъ чередоваться. Мнѣ отчасти эта пьеса опротивѣла, такъ она играется вяло, исключая народной сцены, которая идетъ *отлично*— хотѣлось бы очень, чтобъ ее поставили въ Москвѣ.

Прощайте, добрый и любезный Николай Александровичъ, всѣ мои вамъ дружески кланяются. Если поѣдете въ Питеръ, извѣстите насъ заблаговременно на имя Соловьевича, оно вѣрнѣе, а мы, если будемъ въ Пустынкѣ, совершимъ на Васъ въ Саблинѣ нападеніе и увлечемъ къ себѣ. Я печатаю всѣ мои стихотворенія, и какъ скоро они выйдутъ, поспѣшу прислать Вамъ.

Искренно Вашъ Ал. Толстой.

Письма кн. М. А. Оболенскаго и В. М. Ундольскаго С. П. Шевыреву.

1.

Москва. Октября 11, 1843.

Милостивый Государь, Степанъ Петровичъ ¹⁾.

Съ особеннымъ удовольствіемъ препровождаю къ Вамъ сочиненія пр. Іосифа Волоколамскаго: Просвѣтитель и Духовную грамоту или Уставъ, основанной имъ обители.

Не думаю, чтобы затруднилъ Васъ почеркъ Просвѣтителя, не красивый и не вездѣ четкій, но зато это самый полный изъ извѣстныхъ списковъ. Отъ Вашихъ познаній и трудолюбія можно ожидать, что Вы объясните намъ довольно темную исторію Іосифа и обличаемаго имъ Лютеранства, а равнымъ образомъ укажете мѣсто его творенію въ ряду прочихъ духовныхъ писателей той эпохи. Пользуйтесь этими рукописями, сколько и какъ Вамъ угодно. Если и еще встрѣтится пужда при Вашихъ разысканіяхъ въ какихъ-либо рукописяхъ, то я за особенное удовольствіе почту Вамъ доставить ихъ.

Кн. М. Оболенскій.

2.

Москва. 20 Января, 1844.

Съ удовольствіемъ препровождаю къ Вамъ полный экземпляръ словъ и главизнъ Максима Грека. Сочиненіями Іосифа Волоколамскаго пользуйтесь сколько Вамъ угодно. Поучительныхъ посланій м. Даніила, къ

¹⁾ Такое обращеніе во всѣхъ нижепомѣщаемыхъ письмахъ.

крайнему сожалѣнію, ни въ моей собственной, ни въ архивной бібліотекахъ не находится.

Кн. М. Оболенскій.

3.

5 Марта, 1844.

Съ удовольствіемъ поспѣшаю удовлетворить Вашей просьбѣ. Препровождаемый для Вашего знакомаго портретъ Лже-Димитрія, выгравированъ современнымъ художникомъ Лукою Киліаномъ въ 1606 году и снятъ черта въ черту покойнымъ академикомъ Д. О. Скотниковымъ. Ваша просьба портрета Лже-Димитрія живо напомнила мнѣ объ уtratѣ Скотникова, такъ меня любившаго. Давно ли кажется, а 10 настоящаго Марта исполнится годъ его кончинѣ.

Вмѣстѣ съ портретомъ препровождаю къ Вамъ и Легенду о Димитріѣ Самозванцѣ. Имѣющему современный портретъ его, конечно, пріятно будетъ имѣть и современное о немъ сказаніе, перепечатанное тоже буква въ букву съ нѣкоторыми замѣчаніями и приложеніями.

Рукописи, находящіяся у Васъ, пока мнѣ еще не нужны, пользуйтесь ими, какъ и сколько Вамъ угодно.

Кн. М. Оболенскій.

4.

25 Сентября, 1844.

Вслѣдствіе разговора Вашего вчерашняго дня о Духовныхъ Греческихъ Властяхъ и Вашемъ намѣреніи писать статью объ отношеніи Антиохійскаго Престола къ Россіи, я просматривалъ Греческія дѣла и на первый разъ успѣлъ отыскать бумаги о прибытіи Антиохійскаго Патріарха Макарія въ Москву и объ отправленіи его изъ Россіи, которыя и препровождаю къ Вамъ въ полной увѣренности, что вы, воспользовавшись ими, по минованіи надобности, возвратите ихъ въ цѣлости. А я, между прочимъ, можетъ быть, успѣю и еще что нибудь отыскать для Васъ.

Кн. М. Оболенскій.

5.

22 Ноября, 1844.

Пріѣхавъ изъ деревни, я обрадованъ былъ полученіемъ билета на посѣщеніе Вашихъ лекцій объ исторіи Русской Сто-

весности, преимущественно древней, и письмомъ Вашимъ отъ 22 сего мѣсяца.

Именно только этихъ лекцій и не доставало у насъ. И гдѣ же приличнѣе читать ихъ, какъ не въ сердцѣ Россіи, въ древней столицѣ, Москвѣ, вѣрной хранительницѣ памятниковъ святыни и древности. Кому же противостоятъ зловредному вліянію новомодныхъ недоучекъ, мнимыхъ преобразователей нашего слова, какъ не Вамъ, профессору исторіи Русской литературы, такъ хорошо знакомому съ памятниками древности. Архиву очень памятно, что Вы нѣкогда въ немъ служили и онъ гордится этимъ.

Я не премину воспользоваться Вашимъ приглашеніемъ. Что же касается до архивныхъ рукописей и актовъ, нужныхъ для Васъ, я съ своей стороны почту пріятнѣйшею обязанностью доставлять Вамъ все, что найдется у насъ по Вашему предмету. На дняхъ получите Вы первую присылку о Лихудахъ.

Г-нъ Ундольскій также усердно благодаритъ Васъ за доставленіе ему билета и охотно доставитъ Вамъ всѣ имѣющіяся у него свѣдѣнія о Симеонѣ Полотскомъ и Сильвестрѣ Медвѣдевѣ.

Кн. Оболенскій.

6.

Москва, 31 Января, 1846.

Узнавъ отъ И. М. Снегпрева, что въ своихъ чтеніяхъ объ Исторіи Русской Словесности Вы приводите мѣста изъ путешествія Аѳанасія Тверитина въ Индію (напеч. во 2-мъ томѣ Софійскаго Временника), спѣшу препроводить къ Вамъ экземпляръ онаго библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ восточныя слова возстановлены и переведены г. Ярцевымъ, для того, чтобы Вы могли воспользоваться этимъ переводомъ своевременно.

Кн. М. Оболенскій.

7.

Мая 30 дня, 1846.

Честь имѣю, въ исполненіе желанія Вашего, при семъ препроводить къ Вамъ слѣдующія рукописи:

1) № 921 (453) Сборникъ изъ торжественниковъ полууст. XVI в. на 390 лист. въ четверку, между прочимъ содержащимъ «Поученія Владыки Матфѣя Сарайскаго къ дѣтямъ своимъ».

2) 926 (458) Просвѣтитель Іосифа соч. Волоколамскаго и др. статьи скоропис. XVI и XVII в. на 388 л. въ четверку.

3) 935 (467) Духовныя Грамоты многогрѣшнаго и недостойнаго и худого Игумена Іосифа о Монастырскомъ устроеніи (Уставъ Іосифа Волокол. своей обители) полууст. XVII в. на 215 л. въ осьмушку.

Кн. М. Оболенскій.

8.

Москва. 25 Декабря, 1850.

Дорожа благосклоннымъ отзывомъ Вашимъ о моемъ трудѣ, я приношу Вамъ мою искреннюю благодарность за то участіе, съ которымъ Вы приняли изданную мною «Соборную Грамоту» и вмѣстѣ за то важное указаніе на послѣсловіе къ Евангелію, писанное для князя Новгородскаго Мстислава, которое служитъ новымъ и прекраснымъ подтвержденіемъ выводовъ, мною сдѣланныхъ. Въ пополненіе приведенныхъ мною доказательствъ можно представить еще одинъ недавно мною замѣченный фактъ. Въ началѣ поученія Владимира Мономаха, которое находится только въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи, послѣ словъ: «Азь худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нареченъ въ крещеніи Василій, Русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ возлюбленнымъ и матерью своею Мономахъ».... въ подлинникѣ находится пробѣлъ въ четыре строки съ половиною, нарушающій правильную связь рѣчи. Таковой пробѣлъ нельзя считать совершенно случайнымъ (нѣкоторые, видѣвшіе подлинникъ утверждаютъ, что означенныя 4 строки смыты), тѣмъ болѣе, что встрѣчаемъ его въ томъ мѣстѣ поученія, въ которомъ Великій Князь Владимиръ говоритъ о своемъ прозваніи Мономахомъ. Очень вѣроятно, что въ настоящемъ мѣстѣ поученія Владимиръ Мономахъ упомянулъ о своемъ вѣнчаніи; но это извѣстіе, переписанное мнѣ Лаврентіемъ, было при перечтеніи лѣтописи, смыто можетъ быть имъ же самимъ, какъ несогласное съ убѣжденіями и интересами князей удѣльныхъ.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, препровождаю при семъ къ Вамъ экземпляръ изданнаго мною «Ярлыка Тохтамышъ—хана къ В. К. Ягайлу» и прошу принять его въ знакъ моего искренняго къ Вамъ уваженія.

Кн. М. Оболенскій.

9.

27 Ноября, 1858.

Приношу Вашему превосходительству мою глубокую душевную благодарность за экземпляръ Вашего прекраснаго ученаго труда, принесен-

ный Вами въ даръ библіотекъ Московскаго главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а равно и за экземпляръ, препровожденный лично для меня.

Третій томъ Вашихъ лекцій по исторіи Древней Русской литературы также богатъ, если еще не болѣе, новыми матеріалами, какъ и два первые тома, и всѣ они вмѣстѣ составляютъ многозначительный вкладъ въ Русскую науку. Новое сочиненіе Ваше я прочиталъ съ величайшимъ наслажденіемъ и нашелъ для себя много интересныхъ указаній.

Пользуясь случаемъ, препровождаю къ Вамъ два оттиска напечатанныхъ мною статей: а) образцы старинныхъ записей вольныхъ людей въ крестьяне, бобыли и холопы, и б) свѣдѣнія объ авторѣ Ядра Россійской исторіи Н. Манкѣевѣ, и прошу принять ихъ въ знакъ моего истиннаго уваженія къ Вашимъ ученымъ заслугамъ.

Кн. М. Оболенскій.

1.

Янв. 20 д., 1845.

По разнымъ обстоятельствамъ я доселѣ не могъ исполнить своего обѣщанія, да и теперь что посылаю, не знаю будетъ ли стоить Вашего благосклоннаго вниманія.

Поученія Алексія митрополита и Матвѣя Сарайскаго заимствованы изъ рукъ сборника Архивной библіотеки начала XVI вѣка. Опѣ доселѣ не изданы, а стоили бы этого, въ особенности первое.

Слово Зпновія монаха на день Михаила и Феодора Черниговскихъ, изъ Лаврской четыи мннен. При всей темнотѣ его оно довольно любопытно и совершенно неизвѣстно.

О словѣ, или пѣніи Максима Грека на Успеніе доселѣ также никто не зналъ. Взято отсюда же.

Сочиненія Лигариды, по списку Симеона Полоцкаго—библіотеки М. Д. Академіи—Вѣнецъ, слово на Рожд. Христово и о чинѣ Соборовъ, любопытны. Желъ правленія во многомъ заимствованъ изъ Вѣнца, написаннаго прежде. Замѣчательно, что Лигарида, врагъ п. Никона, сильно защищалъ его противъ появившагося старообрядства.

Предисловіе и выписка изъ стихотворной Псалтыри Тредіаковскаго взяты изъ автографа, хранящагося въ Типографской библіотекѣ. И онѣ, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія историка Литературы.

Препровождая въ полное распоряженіе Ваше сіи скудные матеріалы для исторіи нашей богатой Славяно-Русской литературы, покорнѣйше прошу по минованіи въ нихъ надобности возвратить ко мнѣ, или въ Московскій главный Архивъ, куда предназначилъ я большую часть своихъ книгъ и бумагъ. Очень жалѣю, что въ настоящее время не могу доставить

Вамъ ничего болѣе. По крайней мѣрѣ примите и это въ знакъ искренней моей благодарности за доставленіе билета на Ваши несравненные лекціи и глубочайшей преданности.

В. Ундольскій.

2.

Москва. Марта 19 дня, 1847.

Необходимыя свѣдѣнія по дѣлу, о которомъ я покорнѣйше просилъ Васъ, были причиною, что я не доставилъ Вамъ раньше прилагаемой при семъ записки.

Не откажите, милостивый государь, составить счастье человѣку, хотя для Васъ ничего не сдѣлавшему, но тѣмъ не менѣе преданному и умѣющему цѣнить Ваши душевныя качества и прекрасныя ученые труды, составляющіе безспорно эпоху въ разработкѣ нашей ученой исторіи. Преимущественная моя въ этомъ случаѣ цѣль, описать и обнародовать памятники, хранящіеся въ этомъ мѣстѣ, весьма важныя, но вовсе никому неизвѣстныя. Отъ Васъ будетъ зависѣть доставить мнѣ это мѣсто и отъ того, въ какихъ выраженіяхъ представите Вы это дѣло графу. Прежній секретарь типографіи кандидатъ математическаго факультета Лукинъ съ 1-го мѣсяца находится въ домѣ ума лишенныхъ,—съ октября прекращена выдача жалованья. На его мѣсто еще никто не представленъ. Это все извѣстно графу.

В. Ундольскій.

Повторяю покорнѣйшую просьбу—не говорить никому объ этомъ дѣлѣ до времени.

3.

Москва. Мая 28 дня, 1847.

Вы были такъ добры, что вошли въ мое положеніе и писали обо мнѣ къ графу Протасову. Нынѣ, какъ Вамъ извѣстно, графъ въ Москвѣ и пробудетъ здѣсь до Субботы. Нельзя ли при случаѣ напомнить ему обо мнѣ (я не смѣю просить, чтобы Вы нарочно за этимъ къ нему съѣздили). Мѣсто секретарское при здѣшней типографіи еще не занято; Синодь, какъ мнѣ сказывалъ г. Бороздинъ, никакого не сдѣлалъ объ этомъ распоряженія, потому что еще не исполнился годичный срокъ болѣзни прежняго секретаря Лукина. Теперь, если я могу занять это мѣсто, въ такомъ случаѣ приказали бы написать прошеніе: если же не могу, то отказали бы и я сталъ бы искать другого мѣста. У г. Бороздина я былъ неоднок-

ратно до его отъезда въ Петербургъ и по пріѣздѣ въ Москву, сколько могу судить по его пріему и по отзывамъ графу Строганову (который просилъ его за меня), я успѣлъ ему понравиться. Значить, все будетъ зависѣть отъ г. Оберъ-Прокурора, который Васъ такъ любитъ.

Если успѣете что сдѣлать въ этомъ, то можете передать О. М. Бодянскому, который принимаетъ живѣйшее участіе въ моемъ дѣлѣ.

В. Ундольскій.

Служащій въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ кол. секр. NN желаетъ продолжать службу въ должности секретаря при Моск. Синод. типографіи ¹⁾.

Ему, какъ дѣйств. Члену Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, издавна извѣстна богатая бібліотека Духовной типографіи, нпкъмъ изъ ученыхъ не изслѣдованная. Нигдѣ нѣтъ столько матеріаловъ для нашей филологіи и палеографіи, потому что нигдѣ нѣтъ такого количества пергаментныхъ Славянскихъ книгъ. Отдѣлъ Польскихъ книгъ безцѣненъ въ немъ есть книги рѣдчайшія, какъ напр. Радзивиловская Библія (которая цѣнится на вѣсь золота, а здѣсь ихъ два экз. и никому не извѣстны), Патерикъ Кальнофойскаго и проч.,—довольно и рукописей весьма важныхъ по содержанию. Изъ Славянскихъ изданій множество неизвѣстныхъ нашимъ бібліографамъ; въ тѣхъ и другихъ находится почти вся бібліотека св. Дмитрія Ростовскаго.

Архивъ типографіи находится въ жалкомъ положеніи—не разобранъ и не описанъ. Изъ него филологи узнали бы, кто трудился надъ изданіемъ и передѣлкою Грамматики Смотрицкаго въ 1648 году, юристы—кто издавалъ Уложеніе и Кормчую при царѣ Алексѣѣ Мн.; публицисты и историки: кто были первыми издателями и переводчиками Петровскихъ газетъ, указовъ, реляцій, воинскихъ книгъ, баталій и т. д., которыхъ не только корректуры, но и самые оригиналы доселѣ сохраняются. Исторія перевода и исправленія Богослужебныхъ книгъ и въ особенности *Библии*, поле необработанное,—тъма догадокъ и предположеній сама собою разсѣялась бы съ пересмотромъ и изданіемъ протоколовъ исправленія и тщательнымъ разсмотрѣніемъ *кавычныхъ* (корректурныхъ) книгъ. Самыя Греческія рукописи, описанныя Маттеемъ неотчетливо и весьма кратко, требуютъ болѣе подробнаго изслѣдованія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ изданіемъ ученаго описанія типографской бібліотеки и Архива открылось бы чрезвычайно много поваго и любопытнаго для исторіи просвѣщенія въ Россіи,—и нѣтъ сомнѣнія, что такое описаніе могъ бы сдѣлать NN, служа при самой типографіи,—стоитъ только обратить вниманіе на его бібліографическіе труды, помѣщаемые въ Читеніяхъ Историческаго Общества и на ученый разборъ описанія бібліотеки Общества, помѣщенный въ Москвитянинѣ за 1846 г.

¹⁾ Рекомендательное письмо, составленное самимъ В. Ундольскимъ.

Г. NN не только кабинетный ученый; но и практическій человекъ. Занимаясь въ Архивѣ при изданіи книги объ избраніи на престолъ царя Михаила Феодоровича, и издавая самъ (кромѣ разныхъ статей) творенія св. Климента еписк. Словѣньскаго, приобрѣлъ навыкъ въ типографскомъ дѣлѣ и присмотрѣлся къ художественной части, значитъ онъ былъ бы и въ этомъ отношеніи полезенъ типографіи, при настоящихъ ея улучшеніяхъ.

Управляя дѣлами кн.—го болѣе пяти лѣтъ и завѣдывая всею перепискою по сношеніямъ Архива съ Министерствомъ,—онъ хорошо знаетъ хозяйственную и отчетную часть и офиціальный канцелярскій порядокъ.

Письма К. П. Побьдоносцева къ С. Д. Войту¹⁾.

1.

Конфиденціально:

Любезнѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Сосѣдка наша А. С. З. подавала жалобу на Московскую Консисторію за выдачу невѣсткѣ ея метрическаго свидѣтельства о законности рожденія ея дочери. Это свидѣтельство оказалось совсѣмъ облыжно выданнымъ и потому Синодъ призналъ его недѣйствительнымъ. Это рѣшеніе очень важно для старухи З. Я написалъ было къ Натальѣ Михайловнѣ Ланге, чтобъ она приватно извѣстила о семъ старуху, но Ланге оказалась въ отсутствіи и письмо мнѣ возвратили. Прошу Васъ, зайдите къ старухѣ З. и извѣстите ее на словахъ, конечно, не передавая ей письма²⁾.

Душевно преданный

27 іюня 1892.

К. Побьдоносцевъ.

¹⁾ С. Д. Войтъ—бывшій управляющій Московской Синодальной Типографіи, находившійся въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ К. П. Побьдоносцеву. Въ распоряженіи «Русскаго Архива» имѣется больше 900 писемъ за время съ 1892 года по 1907 годъ. Интересъ писемъ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ послѣднимъ днямъ жизни и государственной дѣятельности бывшаго всесильнаго оберъ-прокурора.

Прим. Н. В.

²⁾ Письмо къ Н. М. Л.:

«Добрѣйшая Наталья Михайловна. Вы принимали участіе въ дѣлѣ А. С. З. Скажите ей, что дѣло о метрическомъ свидѣтельствѣ, выданномъ ея невѣсткѣ изъ Московской Консисторіи, рѣшено Синодомъ. Метрика признана выданною неправильно и не имѣющею законной силы, и велѣно возстановить прежнюю запись.

Теперь, на основаніи этого рѣшенія, А. С. З. можетъ просить въ судебныхъ мѣстахъ о пересмотрѣ всѣхъ прежнихъ рѣшеній объ имуществѣ. Только я вижу, что г-жа З. неопытна, и потому надобно ей, не пропуская времени, озаботиться взять знающаго и честнаго повѣреннаго. Иначе можно запутать дѣло.

Душевно преданный

К. Побьдоносцевъ.

23 іюня 1892.

Указъ изъ Синода на-дняхъ будетъ посланъ.»

2.

Гурзуфъ 4 сентября 1892.

Любезнѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Въ бытность мою въ Москвѣ, Вы показывали мнѣ старый портретъ. Вами найденный, и я просилъ Васъ приберечь его. Теперь потрудитесь сдать его А. Н. Шишкову, которому я вмѣстѣ съ тѣмъ пишу и прошу переслать портретъ моему племяннику въ Черниговъ.

Мы прибыли сюда благополучно. Погода прекрасная.

Душевно преданный.

К. Побѣдоносцевъ.

4.

Къ Вамъ явится старуха Скорретко,—прошу Васъ выдать ей двадцать рублей,—послѣ возвращенія.

Сегодня 5 іюня. Если Вы именинникъ, сердечно поздравляю.

К. Побѣдоносцевъ.

5 іюля 1893. Цар. Село.

3.

Любезнѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Просьба къ Вамъ. Племянница наша Вѣра Лавская поѣдетъ отсюда, вѣроятно, во вторникъ съ почтовымъ поѣздомъ въ Москву, съ тѣмъ, чтобы въ среду утромъ пересѣсть на курьерскій поѣздъ, отправляющійся въ Смоленскъ въ 10½ часовъ. Ѣдетъ одна: надобно встрѣтить ее и проводить съ Николаевского вокзала на Смоленскій. Разъ уже Вы сдѣлали ей это одолженіе, нельзя ли и на сей разъ сдѣлать тоже.

Къ сожалѣнію, Зубова нѣтъ въ Москвѣ—тогда я и не тревожилъ бы Васъ, но теперь прошу взять на себя этотъ трудъ. Въ день ея выѣзда отсюда телеграфную Вамъ въ типографію.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

11 іюня 1893. Цар. Село.

5.

Прошу Васъ, прикажите снести этотъ пакетъ на Тверскую ¹⁾, по адресу. Боюсь, что Васъ потревожилъ напрасно встрѣчею племянницы. Она осталась у знакомыхъ на Подсолнечной станціи неожиданно. Ей я вручилъ было для передачи Вамъ 20 рублей, уплаченные за Скорретко.

К. Побѣдоносцевъ.

19 іюня.

А. Н. Шишковъ привезъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ новаго мал. Евангелія въ хорошихъ переплетахъ желтой тонкой кожи. Если есть еще такіе, пришлите мнѣ штукъ пять.

6.

Любезнѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Предполагаемая Вами работы—оклейку Вашихъ комнатъ и засыпку подвала—извольте произвести, если подвалъ уже можетъ быть хозяйственно не нуженъ. Отъ него и прежде было холодно, но въ прежнее время былъ обычай хозяйственнаго заготовленія всякой всячины на весь годъ.

Портретъ извольте переслать моему племяннику, но, кажется, онъ въ настоящую минуту въ отсутствіи.

По типографіи я самъ хотѣлъ переговорить съ Вами, но не было времени заѣхать для этого къ Вамъ, ибо на людяхъ говорить было невозможно. Надѣюсь къ Вамъ заѣхать въ Москву—тогда будетъ удобнѣе. Я поручилъ это и Саблеру въ послѣдній пріѣздъ его, но Вы въ это время ходили къ Тропцѣ на богомолье.

Увѣдомите о приключеніи, бывшемъ со мною 21 іюня, но не тревожьтесь: все благополучно и не имѣетъ болѣе того значенія. Газеты, конечно, раздуваютъ эту исторію.

Здравствуйте.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

23 іюня 1893.

7.

Любезнѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Съ образцами переплетовъ подождите до моего проѣзда черезъ Москву. За многими домашними заботами еще не умѣю опредѣлить, когда выѣду.

¹⁾ Рѣчь идетъ о пакетѣ на имя Великаго князя Сергія Александровича.

2, экземпляра я просилъ Васъ отправить Великому Князю Сергѣю Александровичу и Великой Княгинѣ.

Прошу Васъ заказать еще штуки 4 въ такихъ же переплетахъ.

Саблеръ вернулся третьяго дня, проѣхавъ только Москву.

Новый Митрополитъ прибудетъ въ Москву уже послѣ 30 числа.

Конечно, надобно Вамъ ему представиться—не мѣшаетъ и чинамъ конторы, главнымъ.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

20 августа 1893. Царское Село.

8

26 августа 1893. ПБ.

Благодарю, любезнѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ, за исполненіе Евангелія.

О скандалѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ я запросилъ Преосвященнаго Александра.

Заботъ много. Не знаю, какъ выйдетъ, но полагаю, не раньше 31 августа.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

Пошлите на Малую Дмитровку, въ домъ Кузнецова, и велите спросить отъ моего имени гл. управляющаго Владимірова, гдѣ находится Кузнецовъ, и не находится ли онъ у себя въ Форосѣ, на южномъ берегу Крыма ¹⁾.

9

Благодарю, любезнѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ, за попеченіе объ Вѣрочкѣ. Только мы ее бранили за то, что безцеремонно подняла Васъ съ постели и все утро отвлекала Васъ отъ дѣла.

Евангелія, которыя Вы для меня приготовили, не трудитесь отсылать сюда, но удержите до моего проѣзда. Тогда дадите мнѣ 2 экземпляра, а остальные оставьте покуда.

Что узнаете о Кузнецовѣ, напишите.

К. Побѣдоносцевъ.

27 августа 1893. ПБ.

¹⁾ На оборотѣ написано: «Алек. Григ. Кузнецовъ находится въ г. Гаврѣ (Навге), во Франціи, на своей яхтѣ, Форосѣ».

10

Петербургъ 29 августа 1893.

Любезнѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Прошу Васъ заѣхать въ Старую Екатерининскую больницу. Тамъ лежитъ больная, пріѣхавшая изъ Перми, кн. Анна Еникѣева. Дайте ей отъ меня 25 рублей (возвращу при свиданіи). Но не говорите ей, что меня ожидаютъ въ Москвѣ, а скажите, что я въ Царскомъ Селѣ.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

11

Предполагаемъ выѣхать въ среду 1 числа со скорымъ поѣздомъ и въ четвергъ проѣхать прямо на жел. дорогу Курскую. Если будетъ перемѣна, увѣдомлю.

К. Побѣдоносцевъ.

30 августа 1893.

12

3 сентября 1893.

Послѣ завтра, вѣроятно, увижу Васъ, но могу забыть, что надо, и потому пишу. Вотъ письмо, передайте его Дорофееву. Я не понялъ хорошо, какія вещи предполагалось отправить со вторымъ транспортомъ и готовыи. Если не было траурныхъ облаченій, можно ихъ заказать попроще.

К. Побѣдоносцевъ.

1 сентября 1893. ПБ.

13.

Любезнѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Благодарю за полученныя 3 книжки Евангелія. Что касается до остальныхъ 2-хъ, то Вы не отсылайте ихъ мнѣ, но сдѣлайте вотъ что. Каждую положите въ особый пакетъ, надпишите на одномъ: «В. Князю Сергѣю Александровичу», а на другомъ «В. Княгинѣ Елисаветѣ Θεодоровнѣ» «отъ оберъ-прокурора Св. Синода» и велите снести въ домъ генераль-губернатора, когда они вернутся.

Ордеръ о приглашеніи врача я послалъ Вамъ. Нужное лѣкарство можете купить.

Душевно преданный

К. Побыдоносцевъ.

Царское Село. 12 августа 1893.

14.

Почтенный

Сергѣй Дмитриевичъ.

А. Н. Шишковъ, вѣроятно, на-дняхъ уѣдетъ въ отпускъ. Потрудитесь справиться о моихъ книгахъ, кои продаются изъ Московской лавки, именно:

1. Исторія Православной церкви.
2. Подражаніе Христу.
3. Праздники Господни.

Сколько ихъ продано и сколько есть на лицо денегъ.

Душевно преданный

К. Побыдоносцевъ.

20 октября 1893. ПБ.

15.

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитриевичъ.

Потрудитесь передать это письмо О. Леониду Чичагову. А. Н. Шишковъ уѣзжаетъ въ отпускъ на 28 дней, но желаетъ считаться въ службѣ до 1 января. Надобно будетъ ему по исходѣ отпуска подать рапортъ о болѣзни. Ему хочется сохранить до новаго года жалованье и книжную дачу. Увѣдомьте, когда онъ уѣдетъ. Можетъ-быть, сынъ его останется въ квартирѣ, но надѣюсь, что на дѣло не будетъ имѣть никакого вліянія.

Я похворалъ дня 3 и теперь оправляюсь.

Душевно преданный

К. Побыдоносцевъ.

22 октября 1893 г.

Саблеръ уѣхалъ сегодня въ Римъ: черезъ 2 недѣли вернется.

16.

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ

Благодарю за извѣщеніе. Изъ него видно, что наличныхъ денегъ имѣется 305 рублей.

Нельзя ли перевести ихъ сюда для доставленія мнѣ?

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

24 октября 1893 г. ПБ.

17.

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Я давно напоминаю въ редакціи *Русскаго Обозрѣнія*, чтобы они прислали мнѣ отдѣльные оттиски моей статьи, которые мнѣ крайне нужны. Сейчас увѣдомляютъ меня, что редакторъ Александровъ передалъ ихъ Шишкову для доставленія мнѣ. Но я ихъ не получалъ. Нельзя ли розыскать ихъ.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

27 октября 1893.

18.

Затрудняюсь, что сказать объ окладѣ Евангелія. Онъ уже выбранъ Синодомъ по рисунку, изготовленному тѣмъ же Нем.-Колодкинымъ. Теперь я не могу себѣ представить, лучше ли будетъ бархатный окладъ.

О переплетахъ маленькихъ Евангелій тоже затрудняюсь. Въ Москвѣ Вы показывали мнѣ образцы. Я нашель, что переплеты для дешевыхъ экземпляровъ слишкомъ дороги для большого количества и указалъ объясниться еще съ переплетчикомъ (теперь не помню въ точности цѣны). Во всякомъ случаѣ неудобно пересылать листы для переплета въ Петербургъ.

Кстати: при проѣздѣ въ Крымъ я взялъ у Васъ, помнится, 2 или 3 экземпляра Евангелій въ хорошихъ переплетахъ и у Васъ еще осталось 2 или 3 заказанныхъ мною. Желательно при случаѣ получить ихъ.

Вы пишете о ставленныхъ грамотахъ. Совѣтую написать объ этомъ прямо директору Ильинскому,—неудобно, когда онъ черезъ меня полу-

чать будетъ общія представленія о дѣлахъ по типографіи, такъ какъ Вы имѣете непосредственное къ нему отношеніе. Записку о продажѣ книгъ я ему передамъ.

К. Повѣдоносцевъ.

1 ноября 1893. ПБГ.

19.

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ

Благодарю за присланные 2 книжки Евангелія. Въ Москвѣ я получилъ отъ Васъ, помните, 3 книжки, на проѣздъ. За 5 переплетовъ слѣдуетъ 7 р. 50 коп., которые при оказіи пришлю. Между тѣмъ велите изготовить мнѣ еще 2 экземпляра такихъ же и 2 въ тѣхъ переплетахъ, кои по 75 коп.

Приложенное письмо потрудитесь переслать по адресу.

К. Повѣдоносцевъ.

9 ноября 1893.

20

Вы пишете, что за 5 переплетовъ слѣдуетъ 6 р. 25 к. Вы мнѣ прислали еще, и, по моему расчету, приходится еще 3 переплета. Прилагаю при семь 10 рублей. Образцы переплетовъ, присланные отъ Васъ, очень плохи. Здѣсь въ нашей переплетной дѣлаются прекрасные и прочные переплеты въ коленкорѣ за 6 коп. Ильинскій покажетъ вамъ; думаю, что надо будетъ нѣкоторое количество книгъ выписать сюда для переплета.

К. Повѣдоносцевъ.

23 ноября 93.

21

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Виновать, что забылъ положить въ пакетъ 10 рублей. Прилагаю вотъ еще 20 рублей. За ними придетъ на-дняхъ съ моей запиской нѣкая г-жа Скорретко.

Прилагаемые пакеты потрудитесь раздать и разослать по адресамъ.

Относительно всяческихъ слуховъ, ходящихъ по Москвѣ, рекомендую Вамъ *ничему не вѣрять*. Все это вздоръ.

На-дняхъ, вѣроятно, будетъ въ Москвѣ Саблеръ—онъ будетъ говорить съ Вами о Вашихъ недоумѣніяхъ.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

27 ноября 1893.

22

Давно сказано: не вѣрьте газетамъ. Отъ этого вздора Саблеру тяжело и его завалили телеграммами и пр.

А онъ съ перваго же дня по возвращеніи сталъ поправляться.

Видно счета въ типографіи были всѣ перепутаны. Это отразилось и на мнѣ очень непріятно. Лѣтомъ и весной присылали изъ московской типографіи мнѣ деньги за проданные экземпляры *Церковный Исторіи*, и деньги давно израсходованы.

Теперь оказывается, что передано лишнихъ, взятыхъ, конечно, изъ другихъ суммъ, 258 рублей, кои я обязанъ возвратить. Каковъ же безпорядокъ! Стало быть, эти деньги за книгу не держались особо, а списывались съ другими суммами. Что если и по другимъ статьямъ окажутся подобныя прорухи.

К. Побѣдоносцевъ.

11 декабря 1893.

23

23 декабря 93.

Завтра доставить Вамъ посылку г. Райхъ. Тамъ 2 экземпляра отчета Оберъ Прокурора. Прикажите завернуть и разослать: одинъ экземпляръ—Льву Александровичу Тихомрову (Долгоруковская, д. Попова); другой Ѳ. Н. Плевако (подъ Новинскимъ, свой домъ).

К. Побѣдоносцевъ.

24

Любезнѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Сердечно желаю вамъ и всему семейству вашему всякаго благополучія.

Но вотъ 1 января, а гдѣ же просьба отъ Шишкова? Давно пора пре-

кратить нынѣшнее междуцарствіе и разбираться въ путаницѣ, оставленной по всѣмъ частямъ. Если еще ничего не слышно, не слѣдуетъ-ли покончить?

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

25

1 января 1894 г.

Прошу васъ, любезнѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ, переслать приготовленные пакеты по адресамъ. Наконецъ, получена просьба Шипкова.

К. Побѣдоносцевъ.

5 янв. 94.

26

12 янв. 1894 г.

Прилагаемый пакетъ прошу переслать по адресу на Тверскую. Сегодня вернулся К. Ширинскій. Меня беспокоитъ мысль о сохранности вещей, собранныхъ по случаю изготвленія новыхъ шкаповъ изъ Патріаршей ризницы и закупоренныхъ въ ящики. Весною я видѣлъ, что этими ящиками распоряжался Чичаговъ съ Андреемъ Ник., и они тогда лежали въ верхней ц. Филиппа Митрополита, гдѣ тогда работали столяры. Гдѣ они теперь хранятся? Слышу, что шкапы давно готовы, но расплата за работу затягивается снова Моховымъ. Скажите Дорофееву, которому должно быть извѣстно это дѣло.

К. Побѣдоносцевъ.

27

Болѣзнь Государя всѣхъ перетревожила и остановила всѣ дѣла. Всѣ доклады остались невозвращенными. Въ томъ числѣ и мои доклады о новыхъ назначеніяхъ. Молебны служатъ, но безъ всякаго парада и безъ объявленій. Надо имѣть это въ виду. Боюсь, что посылка моя опоздаетъ, за поправкою картинки—обошлось бы и безъ этого. Къ сожалѣнію, я кажется, забылъ написать вамъ, что икона требуется не позже 16-го, ибо д. б. послана невѣстѣ, а въ этотъ день и свадьба.

К. Побѣдоносцевъ.

18 янв. 1894 г.

28

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Если вы знаете Г. Тюнина и надѣетесь имѣть въ немъ исправнаго жильца, то предлагаемая имъ плата и мнѣ представляется хорошою. Только кто будетъ имѣть попеченіе о домѣ. Нынѣшняго дворника вы, кажется, хвалили. Внезапная кончина Шерра случилась для насъ неблаговременно, ибо на рукахъ у него были дѣла, по коимъ необходимо было съ нимъ объясниться: что у него на рукахъ осталось? Кажется, Ширинскій уже написалъ вамъ объ этомъ. Много будетъ ему дѣла на первое время, но я надѣюсь на его внимательность. Онъ пріѣдетъ не ранѣе, какъ въ первыхъ числахъ февраля. Докладъ объ васъ и приказъ уже состоялся, и я рассчитываю на вашу аккуратность,—лишь бы только здоровье ваше не измѣняло.

Душевно преданный

К. Повѣдоносцевъ.

26 янв. 1894 г.

29

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Потрудитесь прилагаемый пакетъ послать по адресу. Ширинскій уѣзжаетъ на слѣдующей недѣлѣ. Шипковъ какъ то говаривалъ, что хочетъ завести бібліотеку для рабочихъ. Но самъ я отъ кого-то слышалъ, что это уже заведено. Если вѣрно, то надобно мнѣ знать, какія въ ней книги, ибо это очень важно, чтобы дурныхъ и вздорныхъ книгъ не было. Если въ правду заведена бібліотека, то есть ли каталогъ?

Преданный

К. Повѣдоносцевъ.

30

29 янв. 1894 г.

Когда вы предлагаете переѣхать? И намѣрены ли перемѣнять людей? У Шипкова швейцаръ, кажется, былъ исправный. Я помню его еще при Родкевичѣ.

31

Прошу васъ, любезнѣйшій Сергѣй Дмитриевичъ, приложенную тетрадь передать въ редакцію журнала «Православный Благовѣстникъ», съ тѣмъ, что не желаютъ ли они воспользоваться ею для журнала. А пакетъ велите снести по адресу Бартенева.

К. Повѣдоносцевъ.

15 март. 1894 ПТ.

32

Любезный Сергѣй Дмитриевичъ.

Вы мнѣ писали о псалтири. Добавленія на брезѣ (?) допущены Синодомъ для одной лишь учебной псалтири, которая здѣсь печатается. О монетахъ (?) отвѣтитъ вамъ Ильинскій. Прискорбно, что книжная часть такъ запущена. Прот. Никольскому скажите: пусть дѣлаетъ какіе угодно выпуски и сокращенія въ тетради. Она прислана ему, какъ матеріаль. Доставлена мнѣ Преосв. Антоніемъ Финляндскимъ. Выставлять мое имя нѣтъ надобности, и въ отмѣткахъ нѣтъ нужды.

Придетъ къ вамъ съ моею запиской старуха Скорретко. Выдайте ей 30 руб., которые при оказіи перешлю.

Преданный

К. Повѣдоносцевъ.

24 март. 1894. ПТБ.

33

Любезный Сергѣй Дмитриевичъ.

Вотъ еще просьба къ вамъ. Въ четвергъ съ почтовымъ поѣздомъ уѣдетъ отсюда племянница жены моей, младшая изъ сестеръ Ланскихъ, Марья Павловна Ланская, 19-ти лѣтъ; ѣдетъ одна черезъ Москву до Полтавы, гдѣ она получаетъ мѣсто классной дамы въ институтѣ. Нельзя ли вамъ приѣхать къ поѣзду въ пятницу, встрѣтить ее и проводить до Курскаго вокзала и устроить въ вагонѣ 2 класса, если можно въ дамскомъ, и въ такомъ вагонѣ, который идетъ безъ пересадки до Харькова, ибо при пересадкѣ ночью въ Курскѣ трудно ей одной устроиться. Отсюда поѣдетъ она въ вагонѣ 2 класса. Я телеграфирую вамъ въ четвергъ № вагона, куда она сѣдетъ — тамъ вы ее найдете, — она роста высокаго, много выше Вѣрочки, блондинка. Хоть совѣстно тревожить васъ, но не знаю, къ кому кромѣ васъ обратиться.

Душевно преданный

К. Повѣдоносцевъ.

29 марта 1894. ПТБ.

34

Христосъ воскресъ!

Любезный Сергѣй Дмитріевичъ.

Желаю вамъ и дому вашему всякой радости на праздникъ. Въ Славян. Базарѣ остановился англичанинъ Биркбекъ, ѣздившій къ Троицѣ съ Саблеромъ. Если онъ еще не выѣхалъ, потрудитесь передать ему прилагаемое письмо, а если уже выѣхалъ, то верните его мнѣ при случаѣ.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

21 апр. 1894. ПТБ.

35

Христосъ воскресъ.

Любезный Сергѣй Дмитріевичъ.

На-дняхъ, можетъ-быть, явится къ вамъ племянница наша Софья Павловна Ланская и спроситъ у васъ деньги, по моему порученію. Прошу васъ выдать ей сто рублей, которые я при первой оказіи вамъ вышлю.

К. Побѣдоносцевъ.

23 апр. 1894. ПТБ.

36

Любезнѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Потрудитесь прилагаемый пакетъ отослать по адресу. А что я писалъ вамъ о 100 руб. для Ланской, то не будетъ приводимо въ исполненіе, ибо она не приѣдетъ.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

3 мая 1894. ПТБ.

37

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Не знаю, откуда слухъ о моемъ приѣздѣ въ началѣ мая. И я желалъ бы приѣхать, но столько дѣлъ и работъ, что не вырвешься отсюда. Жаль,

что безпокойная стройка выгнала васъ рано за городъ и съ ѣздой столько хлопотъ—да какъ слышно, и холода настали въ Москвѣ. О Сахаровѣ позабочусь. Новый жилецъ въ домѣ, дай Богъ, чтобы былъ также спокоенъ, какъ были прежніе.

Душевно преданный

К. Повьдоносцевъ.

15 мая 1894. ПТБ.

38

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитриевичъ.

Прошу васъ, прикажите отослать этотъ пакетъ по адресу. Не знаю, удастся ли, но задумываю на этой недѣлѣ съѣздить на денекъ въ Ильинское, черезъ Москву, (а не черезъ Химки). Все останавливаютъ дѣла и заботы. Буде поѣду, телеграфирую въ Слав. Базаръ.

Душевно преданный

К. Повьдоносцевъ.

Всего вѣроятнѣе, поѣду въ среду, такъ что 8 числа могу еще застать Саблера въ Москвѣ.

3 іюля 1894. Царское Село.

39

Желаю вамъ и всему дому вашему всякаго благополучія на Новый Годъ. И благодарю васъ, любезнѣйшій Сергѣй Дмитриевичъ, за прекрасную икону, полученную мною отъ трогательнаго усердія вашего и князя, чрезъ О. М. Плевако. Прошу васъ приготовленный пакетъ переслать Бартеневу. Полагаю, что придется намъ вскорѣ увидаться въ Петербургѣ.

Душевно преданный

К. Повьдоносцевъ.

29 дек. 1894. ПТБ.

Я посылаю вамъ пакетъ на имя Ек. К. Мартыновой, надѣюсь, что вы отыскали ея адресъ.

40

Прошу васъ, пошлите это письмо немедленно М. П. Степанову.

17 дек. 94.

41

Прошу васъ переслать этотъ пакетъ Петровскому.

К. Побѣдоносцевъ.

12 дек. 94 ПТБ.

42

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Книжку эту возьмите въ типографскую бібліотеку. Письмо прошу передать дочери Машеньки Асѣевой, Мартыновой. Адресъ ея не помню—должна знать Катя Бѣлокопытова. Въ среду выѣзжаетъ къ вамъ въ типографію Зинченко, уже ознакомившійся съ порядками здѣшней типографіи. Покажите ему, какъ у васъ дѣла ведутся.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

43

12 дек. 1894. ПТБ.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Посылаю вамъ книжки. Подписанныя потрудитесь раздать и разослать по адресамъ. Потрудитесь помѣстить съ оплатою въ *Москов. Вѣд.* на первой страницѣ 1 разъ объявленіе о книгѣ. Я сказалъ, чтобы вамъ, прислали на продажу 200 экз.; на первый разъ выслали, кажется, 50—остальные переплетаются. Когда потребуется больше, спросите. Я писалъ вамъ на дняхъ о 20 рубляхъ для г-жи Скорретко. Посылаю вамъ 20 рублей.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

10 дек. 1894. ПТБ.

44

Прошу васъ, почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ, прилагаемый пакетъ послать Петровскому. И еще прошу: когда придетъ къ вамъ съ моею

запиской г-жа Скорретко, выдайте ей двадцать рублей, кои съ оказіей возвращу.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

8 дек. 1894. ПТБ.

45

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитриевичъ.

Потрудитесь послать въ адресный столъ справиться, проживаетъ ли въ Москвѣ нѣкій Г. *Семиледи*—онъ долженъ быть студентъ на медиц. факультетѣ. Надѣюсь, что вы здоровы и что вашъ мальчикъ поправился въ здоровьѣ. У насъ все время было очень холодно и непріятно,—сегодня первый теплый день.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

Нѣтъ ли какой перемѣны о Никольскомъ?

Гурзуфъ 24 сент. 1894.

46

Предполагаемъ выѣхать въ четвергъ 8 числа со скорымъ поѣздомъ. И такъ, если не будетъ отказа, надобно намъ быть въ Москвѣ на вокзалѣ утромъ 9 числа.

К. Побѣдоносцевъ.

6 сент. 1894.

47

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитриевичъ.

Столько работъ, что не знаю когда выберемъ. Но предполагаемъ выѣхать 4 или 5, вѣроятно, со скорымъ поѣздомъ, и Москву проѣдемъ мимо. Я пришлю телеграмму вамъ (ибо адресъ Шпр. всегда позабываю)—тогда вы дайте знать ему и Смоленскому, коего мнѣ пужно видѣть.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

Никому больше не говорите о моемъ проѣздѣ. Прошу васъ прикажите отослать это письмо Кириллову.

К. Повѣдоносцевъ.

31 сент. 1894. Ц. Село.
15 сен.

48

Любезнѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Вѣроятно, вы уже вернулись изъ Нижняго. У меня затерялась книжка журнала *Русская мысль* іюнь 1894 г. Прошу васъ послать кого-нибудь въ контору, и если книжка продается отдѣльно, купить ее и прислать мнѣ.

К. Повѣдоносцевъ.

4 авг. 1894. Цар. Село.

49

Любезнѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Вы, знаю, собираетесь съѣздить въ Нижній для устройства тамъ книжной продажи. Конечно, для сего потребуются средства, и я написала уже Ильинскому, чтобы вамъ выдали на поѣздку рублей 200. Желательно мнѣ знать, сколько остается у васъ въ книжной лавкѣ непроданныхъ экземпляровъ книжки *Праздники Господни* и *Подражанія*. И сколько за мною числится еще въ долгу за переплаченные изъ моск. тип. деньги. Я бы хотѣлъ поскорѣе сквитовать ихъ.

Душевно преданный

30 іюня 1894. Ц. Село.

К. Повѣдоносцевъ.

50

Вотъ вамъ обѣщанное письмо къ Баранову. Надѣюсь, что погода не помѣшаетъ вамъ сходить къ Троицѣ. Здѣсь дождь идетъ безъ перерыва.

К. Повѣдоносцевъ.

14 іюля 1894. Ц. Село.
13 іюля.

51

Съ благодарностью возвращаю 20 р., переданныхъ г-жѣ Скорретко.

К. Повѣдоносцевъ.

53

Любезнѣйшій Сергѣй Дмитриевичъ.

Если надобно переложить въ домѣ печи, извольте распорядиться по вашему предположенію. Сокрушаюсь о вашей бѣдѣ—и буду ожидать извѣстія о больномъ вашемъ Ссрежѣ: дай Богъ ему оправиться и васъ утѣшить. Хотѣлъ было выѣхать завтра на день или два въ Москву, но силъ нѣтъ—такъ жарко, и заботъ много—не соберемся еще выѣхать на дачу въ Цар. Село. Вѣроятно, придется ѣхать въ Харьковъ на освященіе церкви—тогда по пути побываю въ Москвѣ.

Да хранить васъ Богъ.

Душевно преданный

К. Повѣдоносецъ.

6 іюня 1894. ПТБ.

54

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитриевичъ.

Сегодня говорили объ Вашемъ дѣлѣ съ увеличеніемъ содержанія. Дѣло не такъ просто, ибо инспекторскіе 800 руб. уже исключены изъ смѣты, но я найду другой способъ доложить эту сумму и надѣюсь, что на-дняхъ устроится.

Дѣло о новыхъ монетахъ (?) застряло по обыкновенію въ Синодѣ, боюсь, что будутъ опять разговоры, и затянется.

Прилагаемый пакетъ потрудитесь отослать по адресу.

Душевно преданный

К. Повѣдоносецъ.

7 января 1895.

55

Разъ уже писали мнѣ про этого Соколова, о коемъ хлопочетъ Самаринъ, и я отвѣчалъ, что въ это дѣло *не вмѣшиваюсь* нисколько и представляю начальникамъ учреждений выбирать себѣ сотрудниковъ. Впрочемъ—да, кажется, нѣтъ и мѣстъ свободныхъ въ типографіи. Вѣроятно, они имѣютъ въ виду инспекторскую должность.

8 января 95.

56

Пакетъ Степанову прошу передать немедленно.

13 января 95.

57

Пошлите въ редакцію.

Увѣдомьте, получи ли Вы исправно сегодня пакетъ, посланный чрезъ кондуктора.

К. Повѣдоносецъ.

14 января 1895. ПБ.

19 января 95.

58

Изъ письма Вашего, любезный Сергѣй Дмитриевичъ, видно, что Вы хворали—берегите свои силы и не очень волнуйтесь всякими заботами, покуда совсѣмъ не поправитесь. Вижу по телеграммѣ Вашей И. К. Зипченку, что Вы тревожитесь о дѣлахъ, но дѣла эти обдѣлаются, Богъ дастъ, всѣ благополучно.

Душевно преданный

К. Повѣдоносецъ.

Относительно прибавки содержания можете успокоиться, сегодня я подписалъ ордеръ и утвердилъ докладъ.

59

Дайте знать Пастухову, что лучше не помѣщать въ газетѣ помянутую корреспонденцію ¹⁾, тѣмъ болѣе, что она не содержитъ въ себѣ ничего

¹⁾ Ваше Высокопревосходительство

Многоуважаемый
Константинъ Петровичъ.

Изъ Нижняго-Новгорода, я получилъ прилагаемую корреспонденцію, которую безъ Вашего распоряженія помѣстить въ газету не могу.

Всепокорнѣйше прошу Васъ прочесть ее и резолюцію Вашу буду ожидать чрезъ близкое Вамъ лицо.

Вашего Высокопревосходительства
Покорный слуга

Н. Пастуховъ.

13 февраля 1895 г.
Москва.

новаго и любопытнаго, внушено, очевидно, желаніемъ набросить тѣнь на какихъ-то ревизоровъ мѣстныхъ.

60

Завтра открывается выставка. Вотъ здѣшняя брошюрка. Жалѣють, что мало пзъ московской типографіи.

К. Побѣдоносцевъ.

18 февраля 1895. ПБ.

Я все еще не выѣзжаю.

61

Выдайте г-жѣ Скорретко, когда придетъ, двадцать рублей.

К. Побѣдоносцевъ.

15 марта 1895.

62

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Прилагаемая бумага и брошюру прошу Васъ переслать отъ моего имени священнику Фуделю. Онъ состоитъ, если не ошибаюсь, священникомъ при Тюремномъ Замкѣ.

Здравствуйте.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

17 марта 1895.

63

Ильинскій доставилъ мнѣ записки о недоимкѣ типографіи на X, на У и на Z. Я послалъ эту записку X и вотъ что онъ пишетъ ¹⁾. Потрудитесь хорошенько справиться по книгамъ о подлинности недоимокъ.

Саблеръ уѣхалъ сегодня въ Римъ къ матери, которая тамъ заболѣла.

¹⁾ Самого письма X нѣтъ

Отъ Ильинскаго слышалъ я, что у Васъ недостатокъ денегъ, такъ что Вы вытребовали отсюда 16.000. Что это значить?

К. Побѣдоносцевъ.

24 марта 1895. П. Б.

64

Я послалъ Вамъ письмо X., а теперь вотъ и отвѣтное письмо ¹⁾ У., на которые тоже ожидаю объясненій.

На сей разъ не могу сегодня уѣхать въ Монастырь. Въ домѣ пора тяжкая. Сестра жены моей тяжело больна, такъ что ежечасно можно опасаться смертельнаго исхода.

К. Побѣдоносцевъ.

27 марта 1895.

65

Христосъ Воскресъ.

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Очень благодарю Васъ, и я и жена за Пасхальныя карточки,—очень красивыя. Надѣюсь, что у Васъ здорово. У насъ напротивъ того все ве здорово и тяжкихъ заботъ много.

Посылаю Вамъ 150 руб., которые прошу внести за Наташу—кажется срокъ взноса въ половинѣ апрѣля.

Еще прилагаю 2 рубля, кои прошу передать К. Ширинскому въ возмѣщеніе его расхода.

Здравствуйте.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

На-дняхъ получилъ Кіевское прекрасное изданіе Мѣс. Миней въ 12 книгахъ!

8 апрѣля 1895.

¹⁾ И этого письма нѣтъ.

66

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Если находите полезнымъ, можете отпускать церков. печатн. книги Голубеву за деньги для Общ. распр. Св. Писанія.

Также считаю не лишнимъ открыть, если удобно и выгодно будетъ, продажу синодальныхъ изданій при нѣкоторыхъ московскихъ монастыряхъ, гдѣ богомольцы стекаются.

Дѣло сложное въ монастыряхъ епархіальныхъ, ибо надо имѣть для сего искуснаго и надежнаго человѣка, иначе запутается въ счетахъ.

К. Побѣдоносцевъ.

20 августа 1895. ПБ.

67

Вчера забылъ написать Вамъ о житіяхъ. Конечно, полезно печатать ихъ отдѣльно, какъ Вы предполагаете, и славянскимъ и русскимъ штрифтомъ. Но о русскомъ переводѣ я сомнѣваюсь—языкъ Дмитрія Ростовскаго понятенъ и нравится народу, а чтобы сохранить это въ русскомъ переводѣ, требуется искусство. Пожалуй, можно попробовать, какъ пойдетъ и будутъ ли требованія. Саблеръ долженъ быть завтра въ Москвѣ.

К. Побѣдоносцевъ.

21 апрѣля 1895. ПБ.

68

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ.

Потрудитесь переслать пакетъ Бартеневу.

Саблеръ сказывалъ, что Вы очень тревожитесь о дѣлахъ и ночью плохо спите. Напрасно. Тревожиться нѣтъ причины. Здѣсь никакія дѣла скоро не рѣшаются, ибо все не отъ одной воли зависитъ, и приходится выжидать, но все придетъ въ свое время.

Объ уступкѣ процентовъ я подписалъ уже предложеніе и дѣло скоро рѣшится. Въ Москву не знаю когда соберусь, ибо заботъ столько, что трудно выбраться и на одинъ день.

Ширинскому скажите, что Министръ Финансовъ сначала отказалъ въ 160 руб., но я успѣлъ уговорить его на словахъ и на дняхъ пошлю новую бумагу. Но необходима обязательная смѣта.

Здравствуйте.

К. Побѣдоносцевъ.

30 апрѣля 1895.

69

Прикажете справиться, сколько осталось у Васъ на продажу экземпляровъ книги моей *О Подражаніи Христу*. Здѣсь почти все вышло и мнѣ надо рѣшить, не слѣдуетъ-ли приступить къ печатанію.

Я усталъ до крайности, но вырваться не могу.

К. Повѣдоносцевъ.

8 мая 1895.

70

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитриевичъ.

Потрудитесь послать 100 экз. *Подражанія* сюда въ Хозяйственное Управленіе, ибо здѣсь всѣ уже вышли. А я покуда приостановлюсь новымъ изданіемъ.

Относительно кредита Голубева на книги, конечно, не предвидится препятствій, но я не пойму хорошенько, берется ли залогъ. Если риска нѣтъ, то, конечно, для насъ выгодно сбыть ему залежавшееся изданіе. Напишите въ Хозяйственное Управленіе.

Ремонтъ въ домѣ извольте производить. Духота здѣсь страшная и усталость. Между тѣмъ, за множествомъ заботъ нельзя ни на дачу переѣхать, ни съѣздить въ Москву, хотя бы на одинъ день.

Душевно преданный

К. Повѣдоносцевъ

11 мая 1895.

71

Любезнѣйшій

Сергѣй Дмитриевичъ

На 6 Мая въ общемъ списокѣ наградъ Васъ не было. Слышу я, что Васъ это огорчаетъ и Вы придаете особливое значеніе. Спѣшу Вамъ написать, что никакого особаго значенія тутъ нѣтъ, а просто невольная ошибка. Я самъ не умѣю создать награды и ничего въ нихъ не понимаю: мнѣ подають списки, и объ Васъ никто не напомнилъ.

Саблеръ тоже только сегодня подумалъ объ этомъ и очень жалѣеть. Постарается эту ошибку поправить.

К. Повѣдоносцевъ.

12 мая 1895.

7*

72.

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ

Прошу Васъ:

1. Пакетъ на имя Великаго Князя отослать въ Генераль-Губернаторскій Домъ.

2. Другой, на имя Жуковскаго, оставить покуда у себя, я послѣ напишу, что съ нимъ дѣлать.

3. Потрудитесь послать кого толковаго на Рождественку, домъ Ютанова. Тамъ живетъ старичокъ докторъ тайный совѣтникъ Семень Алексѣевичъ Смирновъ. Спросить отъ моего имени о здоровьѣ супруги его, и узнать, если нѣтъ его, уѣхали ли они въ Пятигорскъ, а если еще не уѣхали, то когда предполагають ѣхать. О томъ, что окажется, извѣстить меня.

Душевно преданный

К. Побыдоносцевъ

19 мая 1895.

73

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ

Опоздалъ къ отъѣзду Саблера написать о слѣдующемъ.

Придетъ съ запискою Г-жа Скорретко. Потрудитесь выдать ей 30 рублей: возвращу съ оказіей.

Книжки Житій Святыхъ получилъ. Какъ у Васъ дѣлается выборъ— по усмотрѣнію или по соображенію спроса? Спрашиваютъ-ли?

Въ прежнее время печатались отдѣльныя житія, по спросу не было.

Къ пріѣзду Саблера Вы, вѣроятно, вернетесь уже изъ Желтикова. О деньгахъ на пособіе позабочусь.

К. Побыдоносцевъ.

19 мая 1895.

74

По сей запискѣ извольте выдать Г-жѣ Скорретко *тридцать рублей*.

К. Побыдоносцевъ.

20 мая 1895.

75

Съ Саблеромъ прислана Вамъ посылка на имя П. В. Жуковскаго. Прикажете ее доставить вмѣстѣ съ письмомъ по адресу; не знаю, не

перемѣнилъ ли квартиру. Если его не найдутъ или онъ въ отсутствіи, пусть вернется посылка до времени къ Вамъ.

К. Побѣдоносцевъ.

20 мая 1895.

76

Почтеннѣйшій

Сергѣй Дмитріевичъ

О библиотекѣ Теофана думаю, что нѣтъ надобности покупать ее для типографіи; деньги большія, а прямого резона для типографіи въ такомъ собраніи нѣтъ: подъ руками есть библиотечка Порфирія, гдѣ имѣются тоже цѣнныя изданія.

Ржаницыну можно дать книги на указываемыхъ условіяхъ.

Объ ордерѣ Вамъ я уже сказалъ Ильинскому.

Помнитея я писалъ Вамъ о присылкѣ сюда 100 экземпляровъ *Подражанія*.

Когда увидите Саблера на обратномъ проѣздѣ, спросите у него 30 рублей, выданные Вами Скорретко, а я ему здѣсь возвращу ихъ. Въ Москву много ѣдущихъ, но оказію не скоро находишь.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

24 мая 1895.

Увѣдомьте, когда полагаете выѣхать, на сколько времени и кого за себя оставляете.

77

26 мая 1895.

Сейчасъ подписалъ ордеръ Вамъ на поѣздку и утвердилъ докладъ о наградахъ на 650 руб. и Щечновой (?) 200.

К. Побѣдоносцевъ.

78

26 мая 1895

Ордеръ Вамъ я велѣлъ написать—Нижній—Кіевъ—Ростовъ на Дону. Саблеръ долженъ измѣнить свой маршрутъ—въ Кіевъ не поѣдетъ. 28-го выѣдетъ изъ Чернигова, снова на Москву, откуда поѣдетъ тотчасъ въ Владиміръ, гдѣ оказалось дѣло.

Если увидите его, передайте эту записочку.

К. Побѣдоносцевъ.

Изъ моихъ воспоминаній.

Скончавшійся прошлою весною, 20-го мая, мой отецъ, отставной подполковникъ генеральнаго штаба, Евгеній Никаноровичъ Кедринъ, военный по началу жизни, по выходѣ въ отставку въ 27-лѣтнемъ возрастѣ— педагогъ, одно время весьма знаемый въ Москвѣ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ немногихъ остававшихся въ живыхъ ветерановъ славной сева-стопольской обороны. Родившись въ 1834-мъ году, принадлежа воспитаніемъ и первымъ годомъ своей военной службы эпохѣ Николаевскаго времени, отецъ и по выходѣ въ отставку на всю жизнь сохранилъ типическія черты служаки—николаевца въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Благоговѣнно чтившій имя царя, пламенно любившій свою родину, твердо вѣрившій въ ея высокое призваніе, отецъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, который смотрѣлъ на свои обязанности какъ на священный долгъ, который надлежало нести безкорыстно, безропотно и безупречно. Свидѣтель великаго историческаго событія—обороны Севастополя, лично знавшій многихъ славныхъ дѣятелей этой обороны, отецъ могъ бы дать цѣнныя историческія воспоминанія, но вѣрный своей эпохѣ, отецъ былъ человѣкомъ замкнутымъ въ самомъ себѣ, неизмѣнно сдержаннымъ, рѣдко общительнымъ, не терпѣвшій лжи даже въ шутку, до странности щепетильнымъ въ отношеніи всего того, что могло бы заставить заподозрѣть его въ стремленіи къ популярничанью. Человѣкъ стараго закала, николаевецъ всегда вѣрный самому себя, человѣкъ съ виду холодный, но на дѣлѣ до самоотверженности участливый къ ближнему своему, человѣкъ высоко-гуманный, по признанію всѣхъ окружавшихъ его, заботливый семьянинъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно чертамъ своего времени, былъ мало доступнымъ даже для насъ, его дѣтей, которыя не позволяли себѣ лѣзть къ нему съ распросами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на его замкнутость въ самомъ себѣ, изъ рѣдкихъ мгновеній его общительности мнѣ удалось составить нѣкоторый матеріалъ его любопытнаго прошлаго, имѣющій, какъ мнѣ думается, нѣкоторую историческую цѣнность.

Первая половина жизни отца была богата разнообразіемъ положеній и впечатлѣній. Отецъ родился въ западномъ Кавказѣ въ крѣпости Геленджикѣ, гдѣ дѣдъ мой былъ военнымъ врачомъ. Далѣе мой дѣдъ былъ переведенъ въ военное кавалерійское поселеніе, уцѣлѣвшее со вре-

мень Аракчеева на югѣ Россіи. Отецъ не сохранилъ въ памяти почти ничего изъ впечатлѣній лѣтъ, проведенныхъ въ этомъ поселеніи. Отецъ помнитъ только, что улицы поселенія отличались правильностью расположенія и опрятностью домиковъ поселенцевъ. Отецъ помнилъ себя хорошо уже въ крѣпости Обинѣ Кубанской области, куда былъ переведенъ мой дѣдъ. Крѣпость была мала—въ ней едва помѣщался батальонъ солдатъ. Небольшой плацъ, казарменные одноэтажныя строенія, домикъ для батальоннаго командира, другой—для военнаго врача—вотъ почти все, что заключало въ себѣ это укрѣпленіе. Мѣстечко было обнесено старою крѣпостною стѣною, валомъ и рвомъ, наполненнымъ водою; черезъ ровъ былъ устроенъ подъемный мостъ на цѣпяхъ, опускаемый днемъ и поднимаемый на ночь. Отецъ говорилъ, что впоследствии при чтеніи романовъ Вальтеръ Скотта, при чтеніи описаній крѣпостныхъ стѣнъ, подъемныхъ мостовъ—сихъ условій средневѣковаго быта, онъ встрѣтился со всѣмъ этимъ какъ съ чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ... Жизнь на Кавказѣ въ крѣпостцахъ, подобныхъ Обинской, въ тѣ времена была преисполнена опасностей—горцы по временамъ отваживались на нападенія довольно дерзкія. Чтобы узнать своевременно о нападеніяхъ горцевъ, приходилось имѣть лазутчиковъ, шпионовъ. Объ одномъ такомъ лазутчикѣ-горцѣ, состоявшемъ на службѣ у русскихъ, по имени Атуля, отецъ хранилъ воспоминаніе всю жизнь, воспоминаніе свѣтлое, отрадное. Отецъ очень любилъ появленія этого горца въ крѣпости. Горецъ очень любилъ моего отца и, умѣя хорошо говорить по-русски, часто рассказывалъ мальчику свои диковинныя походы. Иногда, во время разказа, онъ сажалъ мальчика на колѣни и отецъ припоминалъ, что череска горца вся была пропитана запахомъ душистыхъ степныхъ травъ. Атуля обыкновенно появлялся въ крѣпость ночью; копыта лошади горца были въ такихъ случаяхъ обвязаны тряпками, дабы стукъ подковъ не привлекалъ вниманіе его соплеменниковъ и не выдалъ имъ его сношенія съ врагами. Однажды Атуля увѣдомилъ коменданта Обинской крѣпости, что его соплеменники готовятся къ нападенію на крѣпость, что уже разосланы гонцы съ воззваніемъ къ разнымъ горнымъ племенамъ и что горцы предполагаютъ собрать тысячъ до четырехъ наѣздниковъ. Комендантъ Обинской крѣпости немедленно послалъ въ Новороссійскъ за подкрѣпленіемъ. Три дня проишли для обитателей Обинской крѣпости въ томительномъ ожиданіи: съ утра выходили они на крѣпостной валъ, и, проводя на немъ большую часть дня, жадно всматривались въ степную даль. Наконецъ, вдали на дорогѣ показались облака пыли—признакъ подвигающихся войскъ, но долго еще нельзя было разсмотрѣть, ѣдутъ ли это горцы или наши войска? Отецъ рассказывалъ, что радостныя чувства, охватившія обитателей Обина, когда можно было уже различить русскіе мундиры, не поддавались описанію: при приближеніи избавителей многіе плакали отъ радости, благодаря Бога горячею молитвою за ихъ спасеніе. Горцы, очевидно провѣдавъ про прибытіе помощи, на этотъ разъ не отважились на нападеніе, но бывали случаи болѣе злополучныя. Отецъ

разсказываетъ, что, часто прогуливаясь со своимъ дядькою за крѣпостнымъ валомъ, онъ натыкался въ травѣ на человѣческіе черепа, кости рукъ, ногъ, даже цѣлые скелеты—свидѣтели битвъ, происшедшихъ здѣсь когда-то. Вообще дѣтскія воспоминанія моего отца изобиловали суровыми впечатлѣніями. Такъ, напр.: однажды дѣдушкѣ моему пришлось переѣзжать съ семьєю черезъ Азовское море на небольшомъ парусномъ суднѣ въ бурное время года. Въ открытомъ морѣ разыгрался штормъ; волны били и трепали парусникъ какъ щепку, заливая палубу водой; бабушка моя, держа двухъ маленькихъ дочерей на палубѣ, въ ужасѣ бросилась на колѣни, моля Бога о спасеніи; дѣдушка мой, человѣкъ желѣзной воли, человѣкъ неустрашимый въ опасностяхъ, сталъ помогать капитану судна; моего отца, тогда мальчика лѣтъ пяти, онъ привязалъ къ мачтѣ, дабы волны не смыли его съ палубы. Мнѣ случилось вычитать это происшествіе изъ дневника моей бабушки, теперь къ сожалѣнію, утраченномъ, но весьма любопытномъ многими чертами минувшихъ временъ. Любопытны были въ этомъ дневникѣ черты супружеской привязанности моей бабушки, безграничной вѣры въ спутника ея жизни въ Провидѣніе, связавшее ее съ нимъ—чувства, увѣ! отходящія въ область преданій въ нашъ непостоянный вѣкъ. «Буря бушевала, волны какъ чудовища вставали кругомъ и тщились поглотить наше утлое судно, но другъ мой (т.-е. мой дѣдъ) былъ со мною, а съ нимъ и съ вѣрой въ Бога никакія бури не страшны», писала моя бабушка въ своемъ дневникѣ.

Еще одно воспоминаніе моего отца, рисующее яркія впечатлѣнія суроваго его дѣтства. Дѣду моему часто приходилось по дѣламъ службы переѣзжать изъ одной крѣпости въ другую: иногда онъ производилъ эти переѣзды со своею семьєю. Въ то время переѣзды изъ одной крѣпости въ другую производилось не иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильныхъ «оказій». Несмотря на такія прикрытія, горцы производили дерзкія нападенія на ѣдущихъ. Въ одинъ изъ переѣздовъ моего дѣда съ его семьєю подъ прикрытіемъ сильной оказіи дерзость горцевъ дошла до того, что они отваживались то и дѣло показываться то тамъ, то сямъ по склонамъ долины по пути ѣдущихъ, какъ бы дразня своими появленіями казаковъ, входившихъ въ составъ оказіи. Отецъ разсказывалъ, что часто какой-либо казакъ, задѣтый за-живое этимъ поддразниваніемъ, соблазненный близостью врага, вдругъ, какъ-бы сорвавшись съ мѣста бросался вдогонку за дерзкимъ наѣздинкомъ-горцемъ вскачь. Между двумя врагами образовывалось нѣчто въ родѣ отчаяннаго соревнованія въ храбрости, кончавшееся либо смертью горца, либо казака. Горецъ обыкновенно часто обертывался на сѣдлѣ и палилъ на-скаку въ казака; казакъ стремглавъ несся за горцемъ, стремясь пагнуть горца и, приближаясь къ нему, мѣтко бросалъ въ него свою пяду которая, вонзившись въ спину лихого наѣздинка, валила его на землю мертвымъ. Случилось однажды такъ: коляска, въ которой ѣхалъ мой дѣдъ со своею семьєю, сломалась и оказія, прикрывавшая многихъ другихъ путниковъ, ушла впередъ. Отецъ вспоминалъ, что мать его была въ отчаяніи,

но самъ мой отецъ былъ слишкомъ малъ, чтобы понять весь ужасъ положенія. Еще одно воспоминаніе отца, относящееся къ пребыванію моего дѣда въ одной изъ крѣпостей Кубанской области. Въ крѣпость, въ которой служилъ мой дѣдъ, однажды прибылъ какой-то разжалованный въ солдаты офицеръ, когда-то сосланный изъ Петербурга на Кавказъ послѣ декабрьскаго бунта и теперь переведенный въ крѣпость—мѣсто служенія моего дѣда. Отецъ рассказывалъ, что прибывшій былъ уже не первой молодости, но былъ строень, красивъ, что онъ имѣлъ манеры человѣка прекрасно воспитаннаго. Онъ одѣвался щегольски, имѣлъ много дорогого оружія, которое приводило въ восторгъ, какъ мальчика, моего отца; изгнанникъ держа великолѣпнаго коня, часто, надѣвъ черкеску, на своемъ лихомъ арабскомъ скакунѣ посидя птицей по степи, чтобы какъ-нибудь сократить скуку своего изгнанія. Этотъ изгнанникъ былъ декабристъ, писатель Бестужевъ-Марлинскій, съ которымъ мой дѣдъ былъ пріятельски знакомъ. Отецъ припоминалъ, что они часто сходились съ моимъ дѣдомъ и подолгу горячо бесѣдовали о чемъ-то, но отецъ мой былъ тогда слишкомъ малъ, чтобы понять и запомнить что-либо изъ этихъ бесѣдъ. Отецъ припоминалъ также, что мой дѣдъ вскорѣ сильно сожалѣлъ о гибели своего знакомаго въ бою.

Далѣе воспоминанія отца относятся къ пребыванію дѣда въ крѣпости Анагоріи. Эта крѣпость была построена еще Суворовымъ и завершала собою на Таманскомъ полуостровѣ Кубанскую линію крѣпостей—нашъ старый оплотъ отъ набѣговъ горцевъ. Отецъ мой даже зналъ мальчикомъ въ близлежащей Тамани одну старую казачку, которая лично видѣла Суворова. Отецъ передавалъ любопытный ея рассказъ о томъ, какъ явился Суворовъ въ Анагорію для осмотра крѣпости: «Маленькій, худенькій, скверненькій, а шватскій—лкій старикашка—бѣжитъ собі впередъ, а важные еднарали всѣ позоди отстають», повѣствовала казачка на своемъ своеобразномъ языкѣ. Крѣпость Анагорія давно уже упразднена. Лишь тридцать съ лишнимъ я была въ ней и, она представляла лишь пустырь, поросшій бурьяномъ и прочею сорной травой; валъ, окружавшій нѣкогда крѣпость, маленькій домикъ—бывшая аптека, были единственными памятниками ея существованія. Среди пустыря сиротливо высились безобразныя кирпичныя стѣны выстроеннаго впоследствии на мѣстѣ упраздненной крѣпости и тоже заброшеннаго керосиноваго завода, который не пошелъ. Нѣкогда же Анагорія была не только значительнымъ укрѣпленіемъ, но и мѣстомъ находенія громаднаго военнаго госпиталя, въ который свозили со всей черноморской линіи больныхъ и раненыхъ, число которыхъ доходило иногда до четырехъ тысячъ—въ этотъ-то госпиталь мой дѣдъ былъ назначенъ главнымъ врачомъ.

Дѣдъ мой былъ человѣкомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ: изъ Московской Военно-Хирургической академіи (нынѣ медицинскій факультетъ) выпущенный въ одинъ годъ съ извѣстнымъ докторомъ Иноземцевымъ, съ

которымъ былъ пріятель, дѣдъ мой тоже былъ отмѣчаемъ въ академіи, какъ подающій большія надежды стать виднымъ врачомъ. Всю жизнь, до самой смерти дѣдъ не переставалъ слѣдить за наукой и я помню его уже въ глубокой старости вѣчно сидящаго у себя въ кабинетѣ согбеннымъ за книгами или за химическими опытами, — этимъ послѣднимъ дѣдъ всегда придавалъ важное значеніе въ области медицинскихъ наукъ, въ которой онъ обнаруживалъ не малый запасъ творческихъ силъ. Можно было бы привести цѣлый рядъ его идей, упредившихъ науку и теперь утвердившихся въ ней, но суровое недовѣріе къ себѣ и непреодолимая скромность мѣшали моему дѣду обнародовать ихъ.

Будучи самъ человѣкомъ необычайно умѣреннымъ и воздержаннымъ, сохранивъ силы до глубокой старости, дѣдъ особое значеніе придавалъ гигіенѣ и діететикѣ—науки, которыя онъ даже находилъ необходимымъ ввести въ курсъ средней школы, дабы уже на школьной скамьѣ люди сроднялись съ премудрымъ званіемъ предупрежденія недуговъ. Самъ, будучи глубоко-знающимъ свою науку врачомъ, дѣдъ относился со значительнымъ скепцизмомъ къ силѣ медицинскихъ знаній и къ помощи врача: «не будь глупъ и будешь здоровъ», любилъ поговаривать онъ.

Слава о познаніяхъ моего дѣда, о его искусствѣ какъ хирурга и врача, о его неподкупной честности и желѣзной волѣ начала распространяться вскорѣ по его прибытіи на Кавказъ. Случилось такъ: адмиралъ Серебряковъ, стоявшій во главѣ управленія всей Черноморской линіей, заболѣлъ тяжелой формою тифа, который отказались вылѣчить врачи. Къ больному былъ выписанъ дѣдъ и адмиралъ мало-по-малу превозмогъ угрожавшій смертью недугъ. Личное знакомство съ моимъ дѣдомъ убѣдило адмирала Серебрякова, что достоинства выписаннаго врача превосходятъ все слухи о немъ, и вскорѣ мой дѣдъ получилъ черезъ него назначеніе въ Фанагорійскій госпиталь. До назначенія моего дѣда этотъ госпиталь находился въ состояніи прямо плачевномъ: смертность была громадна, больные оставались почти безъ попеченія и надзора врачей. Общая распушенность, полное неустройство, нужда въ необходимѣйшемъ превосходили всякія описанія. Вставъ во главѣ госпиталя, дѣдъ все сразу взялъ въ свои желѣзныя руки: подтянулъ облѣнившихся, распустившихся, положилъ мздоимству сразу рѣшительный конецъ, дѣйствуя подчасъ, сказать по правдѣ, мѣрами весьма суровыми, бія не разъ негодяевъ собственной дланію. Съ водвореніемъ моего дѣда въ Фанагорійскомъ госпитальѣ произошло явленіе необычайное: смертность съ трехсотъ больныхъ въ мѣсяцъ при общемъ благоустройствѣ понизилась до девяти.

Еще за нѣсколько лѣтъ до назначенія моего дѣда главнымъ докторомъ Фанагорійскаго госпиталя онъ получилъ однажды командировку для борьбы съ холерою по всей кавказской линіи, гдѣ тогда эта болѣзнь свирѣпствовала съ ужасающей силою. Въ борьбѣ съ этою эпидеміей дѣдъ мой достигъ поразительныхъ результатовъ—холера почти прекратилась. Императоръ Николай Павловичъ, неослабно слѣдившій за всемъ про-

исходившемъ на Кавказѣ, былъ пораженъ внезапнымъ исчезновеніемъ тамъ холерной эпидеміи и спросилъ: чему приписываютъ ея быстрое прекращеніе? Ему отвѣчали, что холера прекратилась съ назначеніемъ врача Кедрина для борьбы съ нею. Императоръ Николай, который никогда не забывалъ истинныхъ заслугъ, спросилъ: «Быль ли награжденъ чѣмъ-либо этотъ врачъ?» Ему отвѣчали: «Пока ничѣмъ!»—«Это несправедливо»: сказалъ Императоръ и Всемилостивѣйше пожаловалъ моего дѣда брилліантовымъ перстнемъ, хранящимся въ нашемъ роду до сихъ поръ.

Личность дѣда вообще была самобытна до чрезвычайности и принадлежитъ далекому прошлому вполне. Высокій и величавый съ виду, съ правильными рѣзкими чертами лица, съ глубокимъ, впалымъ мрачнымъ взоромъ, не терпѣвшій шуточного отношенія къ жизни, никогда не смѣявшійся и неизмѣнно серьезный и углубленный въ себя, онъ, суровый и неприступный съ виду, желчный мизантропъ и безпощадный скептикъ по рѣчамъ, скрывалъ подъ суровой внѣшностью сердце нѣжное и участливое, чуткое къ виду страданій и нужды. Суровый до жестокости, когда нужно было карать неправду угнетателей, онъ являлся другомъ гонимыхъ за правду. Дѣдъ мой своею обширною практикою могъ-бы составить себѣ большое состояніе, но онъ никогда не отказывалъ приближающимся къ нему въ нуждѣ, часто дѣлясь съ нимъ послѣднимъ, что имѣлъ. Съ больныхъ неимущихъ мой дѣдъ обыкновенно не только не бралъ ничего, но даже покупалъ имъ лѣкарства, помогалъ деньгами. Если его будили ночью и онъ узнавалъ, что зовутъ къ тяжело больному бѣдняку, онъ вставалъ, не медля ни мгновенія. Одно время на Кавказѣ мой дѣдъ страдалъ изнурительною южною лихорадкой и, самъ въ пароксизмѣ, онъ шелъ къ больному, часто затѣмъ, чтобы оказать ему не только врачебную, но и денежную помощь. Отношеніе дѣда къ богатымъ пациентамъ, особенно страдавшимъ отъ излшшествъ и бездѣятельной жизни, было сурово и нетерпимо. Любопытенъ случай, произошедшій съ моимъ дѣдомъ и нѣкою П., женою богача-грека, откупщика всѣхъ рыбныхъ промысловъ на Кубани. Г-жа П. явилась къ дѣду лѣчиться отъ ожирѣнія, произошедшаго отъ полной бездѣятельности и слишкомъ обильной пищи, ожирѣнія, принявшаго невозможные размѣры и угрожающее направленіе. Дѣдъ внимательно выслушалъ, выстукалъ больную и послѣ нѣкотораго молчанія съ совершенно серьезнымъ видомъ задалъ ей вопросъ:

— А скажите мнѣ, сударыня, въ чемъ вы всегда ѣздите: въ коляскѣ или въ телѣгѣ?

— Разумѣется въ коляскѣ.....—въ недоумѣніи протянула больная.

— Ну такъ вотъ что я вамъ скажу: отнынѣ вы должны ѣздить въ телѣгѣ.

— Ну, а скажите кто у васъ въ домѣ моетъ полы?

— Разумѣется, прислуга, дѣвки!—нѣсколько даже обиженнымъ тономъ отвѣчала больная.

— Ну такъ вотъ что: если вы точно желаете быть здоровою, вы должны ѣздить не иначе какъ въ телѣгѣ и мыть полы сами до тѣхъ поръ пока не похудѣете.—Милліонерша сразу подумала, что чудакъ-докторъ шутить—она опѣшила, но дѣдъ мой ее убѣдилъ, что не находить иныхъ средствъ для ея исцѣленія и совѣтуетъ ей послушаться пока не поздно. Любопытнѣе всего то, что г-жа П. въ концѣ концовъ послѣдовала совѣту моего дѣда и избавилась отъ своего недуга вполнѣ.

Отношеніе же моего дѣда къ больнымъ ввѣреннаго ему госпиталя было не только тонко-внимательнымъ, но даже полнымъ человѣческаго участія, съ проявленіемъ проникновенія въ душу больного. Такъ напр.: если ему приходилось отнимать солдату ногу, зараженную гангреной и солдатъ упрашивалъ не дѣлать этого, мой дѣдъ старался самымъ мягкимъ образомъ убѣдить больного согласиться на операцію, проявляя подъ суровой внѣшностью сердце нѣжное, глубоко чувствующее.

— Подумай, братецъ,—говорилъ мой дѣдъ,—въ такихъ случаяхъ—безъ ноги ты все-же будешь живъ, тебя отпустить въ чистую, ты вернешься къ своимъ, а вѣдь безъ операціи тебѣ не поправится.—Любопытнѣе еще одинъ эпизодъ, рассказанный мнѣ отцомъ и относящійся къ пребыванію моего дѣда въ Фанагоріи и характеристичный для нашихъ нынѣшнихъ союзниковъ—французовъ и англичанъ.

Во время Севастопольской кампаніи небольшая эскадра союзниковъ вошла въ Керченскій проливъ, занявъ Керчь и нѣкоторые прибрежные города, открыла огонь и по Фанагоріи, которая къ этому времени почти совершенно утратила свое значеніе крѣпости и не могла отвѣчать на огонь. Дѣдъ мой, рѣшительный во всемъ, отважился на смѣлое средство: онъ распорядился всѣхъ больныхъ и раненыхъ госпиталя, которые держались на ногахъ, вывести въ ихъ халатахъ и колпакахъ на морской берегъ, рассчитавъ, что союзники со своихъ судовъ увидятъ эту толпу и не будутъ стрѣлять по сооруженіямъ госпитального поселка. Расчетъ моего дѣда оказался вѣрнымъ: англичане, разсмотрѣвъ толпу больныхъ и раненыхъ, тотчасъ же прекратили огонь, не выпустивъ послѣ этого ни одного снаряда. Увы: какъ это не похоже на обычный способъ дѣйствія нашихъ нынѣшнихъ враговъ!

Жизнь моего отца въ Фанагоріи не заключаетъ въ себѣ ничего особенно любопытнаго. Онъ росъ и воспитывался такъ, какъ росли и воспитывались въ старину: частію въ суровой домашней обстановкѣ, частію на лонѣ природы; этимъ лономъ было въ данномъ случаѣ приволье морского берега и морскихъ волнъ. Дѣтство, проведенное на берегу моря, сказалось для моего отца на всю жизнь: отецъ всю жизнь не могъ слышать равнодушно слово «море»—жить и умереть на берегу моря всегда было его завѣтной мечтой и почти до глубокой старости отецъ мой былъ удивительнымъ пловцомъ.

Пришла пора для моего отца поступать въ учебное заведеніе и его, тогда девятилѣтняго мальчика, дѣдъ отправилъ въ Петербургъ. Онъ поручилъ сына одному своему хорошему знакомому, графу К., который ѣхалъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ. Графъ К. былъ человекъ съ хорошими средствами и ѣхалъ со всѣми удобствами, съ собственнымъ кучеромъ и лекеемъ, въ собственной каретѣ—дормезѣ, въ которой для сна поднялся низъ сидѣнья, такъ что дорогою можно было спать лежа. Графъ К. былъ отставной гусаръ, красавецъ собою, большой мотъ, когда-то отчаянный рубака, сохранившій всѣ типичныя черты гусарства того времени, такъ ярко воспѣтаго потомъ—партизаномъ Денисомъ Давыдовымъ. Дорогою онъ часто покучивалъ и металъ банкъ. Графъ ѣхалъ почему-то черезъ Одессу. Тамъ, онъ занялъ лучшій номеръ въ лучшей гостиницѣ, гдѣ къ нему собиралась каждый вечеръ компанія богатыхъ коммерсантовъ—англичанъ и каждый вечеръ шла большая игра. Отецъ изъ любопытства присутствовалъ тутъ-же у стола играющихъ и рассказывалъ, какъ его поразили чудовищныя груды золота, лежавшія на столѣ и то и дѣло переходившія изъ рукъ въ руки, при чемъ проигравшіе въ совершенствѣ владѣли собою. Самъ графъ оказался въ концѣ концовъ въ большомъ проигрышѣ, но отъ этого не потерялъ своей обычной веселости нисколько. По дорогѣ въ Москву въ большихъ городахъ графъ останавливался сутокъ на двое. Въ Курскѣ графъ встрѣтилъ кое-кого изъ своихъ сослуживцевъ гусаръ, и повидному, захотѣлъ тряхнуть стариной. Въ свой обширный номеръ гостиницы графъ вызвалъ хоръ цыганъ—шампанское полилось рѣкою, и когда цыгане грянули плясовую, графъ не выдержалъ и лихо пустился въ присядку, удививъ всѣхъ легкостью своей разудалой пляски.... Отецъ вспоминалъ не разъ этотъ молодева-тый плясъ гусара—графа, одѣтаго для свободы въ красную шелковую рубашку. Помню, что по прочтеніи разсказа Толстого «Два гусара» отецъ сказалъ:—«Да, да тогда гусары именно были таковы» и тутъ же рассказывалъ мнѣ про графа К.

Отъ Москвы графъ К. уже поѣхалъ не въ собственной каретѣ дормезѣ (онъ проигралъ ее кому-то по дорогѣ), а въ почтовомъ дилижансѣ, какіе тогда ходили между Петербургомъ и Москвой. Въ почтовыхъ дилижансахъ того времени были мѣста внутреннія и два наружныя—сзади, на особыхъ сидѣньяхъ на вѣсу. Въ дилижансѣ было тѣсно и нашлось мѣсто только самому графу, а отца моего, тогда 9-тилѣтняго мальчика, посадили снаружи. Отецъ рассказывалъ, что, привыкшій къ южному теплу, онъ сильно продрогъ дорогою, особенно-же было трудно и утомительно все время держаться, чтобы не упасть, но все это не поднимало въ немъ враждебнаго чувства противъ графа К., сидѣвшаго въ сравнительномъ покоѣ и теплѣ—предпочтеніе оказываемое взрослымъ казалось ему вполне естественнымъ; отецъ говорилъ, что съ дѣтьми тогда не церемонились, не нянчились, ихъ не баловали и дѣти привыкли занимать вездѣ второе мѣсто. Дорогою отъ скуки отецъ разсматривалъ проѣзжающихъ, которые между Петербур-

гомъ и Москвой тянулись чуть не вереницею. Особенно любовался отецъ тѣми-же молодцами-гусарами, провосившимися на почтовыхъ телѣжкахъ, вѣроятно, съ предписаніями по казенной надобности, и отецъ говорилъ, что у нихъ у всѣхъ былъ удивительно выдержанный типъ.

По приѣздѣ въ Петербургъ отецъ былъ сначала отданъ въ частный пансіонъ и послѣ недолгаго пребыванія въ немъ былъ опредѣленъ въ такъ называемый «Дворянскій полкъ»—кадетскій корпусъ, почти ничѣмъ не отличавшійся отъ прочихъ кадетскихъ корпусовъ того времени и носившій всѣ типическія черты таковыхъ. Отецъ могъ тамъ вполнѣ ознакомиться съ характеромъ воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ Николаевского времени, онъ испыталъ на себѣ всю суровость этого воспитанія, суровость, про которую вспоминалъ не разъ, но всегда съ признательностью, какъ закалившую его на всю жизнь и давшую ему возможность безропотно нести до глубокой старости бремя тяжелаго труда и многочисленныхъ житейскихъ невзгодъ. Точно: утомленіе, нравственныя страданія, равно какъ и физическую боль отецъ мой умѣлъ сносить безъ малѣйшихъ признаковъ ихъ обнаруженія. Въ нашъ вѣкъ постоянныхъ криковъ о переутомленіи молодежи, о недостаточномъ вниманіи къ дѣтямъ, о необходимости хорошаго питанія въ школьномъ возрастѣ, въ вѣкъ, когда въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ въ мирное время кормятъ два раза въ день мясомъ и даютъ даже пирожное, въ вѣкъ всевозможныхъ педагогическихъ лекцій, ученическихъ спектаклей и экскурсій, въ вѣкъ проповѣдей утонченнаго вниманія даже къ настроенію подрастающихъ гражданъ, трудно даже представить себѣ всю суровость воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ Николаевского времени. Особенно врѣзалось у меня въ памяти, рассказанное моимъ отцомъ о пищевомъ довольствіи кадетъ Дворянскаго полка. Въ то время на паекъ каждаго кадета казна отпускала, кажется, по семи коп., но изъ этой суммы развѣ половина шла на пищевое довольствіе кадетъ, другая половина задерживалась въ карманахъ экономовъ, которые воровали нешадно. Чай съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ подавался лишь два раза въ годъ: въ первый день Рождества и Пасхи, каждодневно-же давали не чай, а по кружкѣ сбитня—кипятокъ съ разболтанымъ въ немъ небольшимъ количествомъ прогорклой патоки. На завтракъ и ужинъ выдавали по тоненькому ломтику чернаго хлѣба, настолько дурного, что по свидѣтельству отца, обыкновенный продажный, когда отецъ попробовалъ его въ первый разъ показался ему пряникомъ. На обѣдъ подавали обыкновенно супъ, безъ мяса, супъ болѣе похожій на слегка замученную воду, на второе тоненькій кусокъ мяса, иногда супъ и мясо замѣняли щи и гречневая каша. И мясо и гречневая каша, равно какъ и капуста во щахъ ни капли не сходствовали съ обыкновеннымъ мясомъ, кашей и капустою, какія теперь ѣсть даже простонародье: мясо имѣло зеленоватый оттѣнокъ и часто нестерпимо воняло; капуста тоже почти всегда была тухлая; греч-

невая каша была такова, какой, какъ рассказывалъ отецъ, ему ни разу не случалось пробовать впоследствии даже при постояяхъ въ крестьянскихъ избахъ; эта каша была затхлая и прогорклая—говорили, что экономы того времени скупали для кадетскихъ корпусовъ подмоченныя крупы съ затонувшихъ барокъ. Слѣдствіемъ дурного питанія былъ повальный скорбутъ и мой отецъ долго потомъ не могъ отдѣлаться отъ кровотеченія десенъ, но за то я ни разу не помню, чтобы онъ когда-либо пожаловался на голодъ или на то, что какое-либо блюдо не вкусно приготовлено. Ростили кадетъ впроголодь, помня поговорку: «сытое брюхо—къ ученію глухо». А учебная программа была обширна, особенно по математикѣ: курсъ низшей алгебры заканчивался въ четвертомъ классѣ, а въ старшихъ классахъ уже проходились многія статьи высшей математики, въ которой оказывались слабыми къ концу курса лишь немногіе изъ кадетъ. Передавали преданіе о томъ, что великій энциклопедистъ Александръ Гумбольтъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, посѣтивъ Дворянскій полкъ и ознакомившись съ учебною программой этого корпуса, будто-бы сказалъ, что онъ не выдержалъ-бы безъ подготовки выпускного экзамена по программѣ Дворянскаго полка—преданіе, можетъ быть и преувеличивающее правду, во всякомъ случаѣ до извѣстной степени подтверждало дѣйствительность—кадеты Дворянскаго полка запасались въ немъ основательными знаніями на всю жизнь. Что-же касается отца, то въ учебные наши годы мы его дѣти прямо пользовались имъ какъ живымъ справочникомъ по курсу самыхъ разнообразныхъ наукъ. Помню, однажды, вычитавъ въ одномъ изъ историческихъ журналовъ въ воспоминаніяхъ одного изъ бывшихъ кадетовъ Дворянскаго полка утвержденіе, что преданіе про Александра Гумбольта поразительно шло въ разрѣзъ съ печальной дѣйствительностью, являвшей повальное невѣжество въ кадетахъ Дворянскаго полка, отецъ мой глубоко возмущился на эту клевету, а припомнивъ въ лицѣ автора одного изъ товарищей, еле кончившихъ курсъ, легко объяснилъ себѣ причину такой клеветы.

Во всемъ отъ кадетовъ Дворянскаго полка требовался строгій порядокъ. Такъ, напримѣръ, каждый кадетъ, раздѣвшись на ночь, долженъ былъ положить свое платье въ строгомъ, разъ навсегда, для всѣхъ установленномъ порядкѣ. Каждая часть одежды должна была быть сложена и всѣ складки ея должны были быть расправлены по извѣстному образцу. Одежда кадетовъ была сложена до того сходственно у всѣхъ, что видъ каждой кучки платья казался повтореніемъ сосѣдней. Отъ кадетовъ требовали, чтобы они ложились не такъ, какъ вздумается, а тоже по предписанному образцу: на правый бокъ, положивъ лѣвую руку сверхъ одѣяла—такимъ образомъ засыпали всѣ въ одномъ положеніи. Въ спальняхъ какъ и вообще въ стѣнахъ корпуса топили скудно, одѣяла были очень тонкія и потому легко будетъ себѣ представить, какъ мерзли кадеты во время сна.

Вставъ поутру, кадетъ Дворянскаго полка, какъ и въ наше время каждый воспитанникъ военнаго учебнаго заведенія, долженъ былъ самъ опрavitъ свою постель, но опрavitъ такъ, чтобы на одѣялѣ и подушкѣ не было ни

малѣйшихъ морщинъ. Таковой же порядокъ требовался отъ воспитанниковъ Дворянскаго полка во всемъ. Эти привычки порядка, аккуратности прямо педантической, завѣшанныя строгою, требовательною школою, отецъ мой сохранилъ на всю жизнь, безъ преувеличенія, можно сказать, до самой гробовой доски. Будили кадетъ чѣмъ свѣтъ и, когда они умоются и одѣнутся, тотчасъ-же, въ однихъ курткахъ, выгоняли на воздухъ, невзирая ни на какой морозъ.

Въ программѣ Дворянскаго полка разумѣется входило также обученіе строю, ружейнымъ приѣмамъ, безупречное знакомство съ которыми требовалось, можно сказать, со строгостью Павловскаго времени, по приѣмамъ котораго маршировка въ три темпа, со сгибаніемъ колѣна, взметываніемъ ноги и вытягиваніемъ носка впередъ еще сохранялась во всей неприкосновенности, и отецъ говорилъ, что слова поэта Дениса Давыдова: «и по плацу выступалъ шагомъ журавлинымъ» являются для него необыкновенно картинно передающими ихъ маршировку въ Дворянскомъ полку. Еще труднѣе были ружейные приѣмы—держать ружье при отданіи чести и при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ полагалось вертикально лѣвою ладонью подъ затылокъ приклада стволомъ въ поле; въ этомъ послѣднемъ положеніи дуло ружья оказывалось даже не въ отвѣсномъ положеніи, а въ наклонномъ впередъ, такъ что удержать ружье отъ паденія возможно было, лишь сильно сжимая прикладъ ружья пальцами руки, на ладони которой ружье стояло. Разумѣется, при обученіи этотъ приѣмъ давался большинству съ немалымъ трудомъ и отецъ говорилъ, что даже невозможно представить себѣ, какъ уставала рука исправно держать ружье, какъ должно было напрягать ея мышцы, чтобы не выронить его продолженіе того времени какъ обучавшій ружейнымъ приѣмамъ офицеръ обойдетъ весь фронтъ выстроившихся кадетъ и добьется отъ всѣхъ безукоризненной исправности. Отецъ рассказывалъ, что отъ напряженнаго старанія удержать ружье отъ паденія рука обыкновенно отекала такъ, что дѣлалась къ концу урока нечувствительною и только послѣ занятій обнаруживалось, какъ дорого обошелся этотъ ружейный приѣмъ. Отецъ говорилъ при этомъ, что не помнитъ случаевъ выраженія какого-либо недовольства на трудность этихъ приѣмовъ—среди кадетъ было что-то въ родѣ соревнованія въ выносливости—способностію претерпѣвать все молча гордился каждый кадетъ.

На лѣто кадетовъ Дворянскаго полка отводили въ лагеря въ Царское Село и все разстояніе отъ Петербурга до лагерей кадеты совершали пѣшкомъ. Шли они обыкновенно походнымъ порядкомъ, въ полной формѣ, во всей амуниціи, въ высокихъ киверахъ, съ ружьями и ранцами. Этотъ переходъ былъ не легокъ: тяжелые кивера иногда въ кровь растирали кожу на лбу, тяжелые ранцы давили своими ремнями плечи, натирала ногу и грубая, плохо пригнанная обувь изъ толстой кожи. Случилось однажды такъ, что во время переселенія въ лагеря всю дорогу ливня лилъ дождь и кадеты явились въ Царское Село въ платьѣ, про-

можемъ до послѣдней нитки, сплошь забрызганномъ грязью. По приходѣ въ Царское Село существовало обыкновеніе проводить кадетъ передъ террасой дворца, на которой встрѣчаль ихъ самъ Государь. Увидѣвъ кадетъ промокшими и грязными, однако, бодро марширующими мимо террасы дворца Императоръ Николай Павловичъ послѣ привѣтствія сказалъ: «Молодцы! люблю когда вы приходите такими!»

Любопытна черта представленія о чести своего званія, которая была глубоко заложена въ душахъ кадетъ Дворянскаго полка. Кадетамъ въ то время позволялось гулять въ саду царскаго дворца; тамъ были устроены для кадетъ *pas-de-geants*, горка, сѣтка и прочія приспособленія развлеченій и игръ. Однажды мой отецъ былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены: третій сынъ Императора Николая великій князь Николай Николаевичъ, будучи тогда юношею лѣтъ 16-ти, желая подшутить надъ однимъ изъ маленькихъ кадетовъ Дворянскаго полка, неожиданно поднялъ его и бросилъ въ сѣтку, сказавъ при этомъ. «Ну ступай, дворяжка!» Кадетъ вылѣзъ изъ сѣтки, оправился и, подойдя къ великому князю, съ достоинствомъ сказалъ: «Ваше Высочество, вы меня назвали дворяжкой—я не дворяжка, а кадетъ Дворянскаго полка!» Великій князь смутился, улыбнулся, потрепалъ по плечу кадета и сказалъ: «Простите, я не хотѣлъ васъ обидѣть!»

Тутъ-же отецъ видѣлъ и великаго князя Александра Александровича, впослѣдствіи Императора Александра III. Онъ былъ тогда еще ребенкомъ лѣтъ шести. Это былъ на видъ плотный, крѣпкій, круглолицый, голубоглазый мальчикъ, какъ показалось, отцу, всегда державшійся вдали отъ сверстниковъ и слишкомъ мрачный и задумчивый для своихъ лѣтъ.

Вообще въ бытность свою кадетомъ Дворянскаго полка мой отецъ имѣлъ случай видѣть многихъ личностей, имѣвшихъ или пріобрѣтшихъ значеніе историческое. Тутъ мой отецъ много разъ видѣлъ самого Государя Николая Павловича, великаго князя Михаила Павловича, государя Александра II-го—тогда еще бывшаго наслѣдникомъ престола. Величавый образъ Императора Николая Павловича, будучи предметомъ всесторонняго историческаго изученія, вмѣстѣ съ тѣмъ является въ безчисленномъ множествѣ воспоминаній людей, лично знавшихъ, или видѣвшихъ его. Не мало имѣется и портретовъ кисти крупныхъ художниковъ, запечатлѣвшихъ его черты. Воспоминанія о немъ моего отца мало прибавятъ къ образу этого Государя, внимательно сохраненному исторіей. Отецъ со своей стороны упоминать не разъ, что обаятельность личности этого Государя была не передаваема. Появляясь въ стѣнахъ Дворянскаго полка, онъ сразу подчинялъ себѣ всѣ сердца и вызывалъ бурный восторгъ въ кадетяхъ. Отецъ находилъ между прочимъ, что большинство портретовъ не совсѣмъ вѣрно передаютъ выраженіе и цвѣтъ лица этого Государя. Поражавшее своею выразительностью лицо его не было настолько румянымъ, какимъ его изображаютъ на портретахъ—оно имѣло ровный, матовый цвѣтъ. Также голова Императора Николая, изображенная на многихъ портре-

тахъ чрезмѣрно большою, не была велика по росту его весьма высокому. Наоборотъ, все во внѣшности этого Государя поражало соразмѣрностью, гармоніей, величавой красотой. Упоминалъ также отецъ и о быстрыхъ движеніяхъ Государя, равно какъ и о красиво-звучномъ голосѣ его, свободной силѣ котораго мой отецъ всегда удивлялся не мало. Отмѣчалъ отецъ также и необыкновенную непретендательность въ одеждѣ этого монарха. Отецъ говоритъ, что военный скюртукъ государя казался ему опрятнымъ, но поношеннымъ, а однажды, стоя близко отъ государя, отецъ разглядѣлъ небольшую заплаточку, аккуратно наложенную на его скюртукъ.

Посѣщалъ не разъ Дворянскій полкъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ впоследствии Александръ II-ой. Въ немъ отца поражала необычайно пріятная мягкость обхожденія, какъ показалось отцу даже съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ легкой смущаемости, которая удивительно шла къ женственно-нѣжной наружности его. Наслѣдникъ Цесаревичъ являлся часто на экзамены въ сопровожденіи ученыхъ академикомъ профессоромъ. Какъ-то разъ Наслѣдникъ явился съ знаменитымъ математикомъ Остроградскимъ, и отецъ вспоминалъ, что Наслѣдникъ относился къ маститому ученому съ какимъ-то почтительнымъ вниманіемъ, какъ бы отмѣчая этимъ свое уваженіе къ ученымъ заслугамъ его. Академикъ Остроградскій былъ между прочимъ профессоромъ-наблюдателемъ математики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и потому кадеты Дворянскаго полка видѣли его не разъ. Мой отецъ описывалъ не разъ его величавую наружность, выраженіе глубокой мысли во всѣхъ чертахъ и важнаго спокойствія въ осанкѣ, не смущаемаго даже близостью государя. Особенно интересно описывалъ отецъ его огромный выпуклый лобъ.

Въ Дворянскомъ полку подборъ преподавателей не оставлялъ желать ничего лучшаго—Императоръ Николай Павловичъ высоко цѣнилъ заслуги ученыхъ и науку и лично былъ озабоченъ подборомъ хорошихъ преподавателей въ кадетскихъ корпусахъ столицы. Въ Дворянскомъ-же полку въ числѣ преподавателей многіе были учеными съ крупнымъ именемъ. Между прочимъ преподавателемъ исторіи былъ Ксенофонтъ Полевой, братъ историка Николая Полевого, тотъ самый Ксенофонтъ Полевой, котораго Пушкинъ такъ зло осмѣялъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ. Конечно, гениальный поэтъ имѣлъ право быть слишкомъ требовательнымъ, но отецъ мой не соглашался съ рѣзкимъ отзывомъ пушкинской эпиграммы и не разъ вспоминалъ толковое, даровитое изложеніе своего преподавателя исторіи, знаніе которой отецъ изумительно сохранялъ всю жизнь. Преподавателемъ русскаго языка въ Дворянскомъ полку, въ бытность въ немъ моего отца, былъ Введенскій, извѣстный, неподражаемый переводчикъ Диккенса. Отецъ говоритъ, что преподаваніе Введенскаго не поддавалось описанію—уроки его проходили для учениковъ, какъ мгновеніе. Введенскій умѣлъ внушить особую любовь, даже страсть къ литературѣ. Вліяніемъ этого высоко-даровитаго преподавателя отецъ и

объясняетъ то, что Дворянскій полкъ выпустилъ изъ своихъ стѣнъ цѣлый рядъ воспитанниковъ, заявившихъ о себѣ впослѣдствіи на литературномъ поприщѣ, какъ, напр: основатель и издатель газеты «Новое Время» Суворинъ, редакторъ Русской Старины—Семевскій, талантливый переводчикъ пѣсенъ Беранже—поэтъ Курочкинъ и наконецъ Драгомировъ, стяжавшій себѣ видное имя не только какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ двигателей русскаго военнаго дѣла, какъ высоко-даровитый военный писатель, но и какъ остроумный, самобытный литераторъ вообще. Суворинъ, Семевскій и Курочкинъ были одноклассниками моего отца, и отецъ говорилъ, что всѣхъ ихъ Введенскій отличалъ, какъ имѣющихъ крупныя задатки для литературной дѣятельности. Съ Суворинымъ отецъ мой и по выходѣ изъ Дворянскаго полка долго сохранялъ дружескія отношенія, цѣня въ немъ живой умъ, необыкновенное трудолюбіе и по-истинѣ желѣзную волю. Изъ эпизодовъ, рассказанныхъ моимъ отцомъ про А. С. Суворина, подтверждающихъ выносливость этого послѣдняго, слѣдующіе особенно запечатлѣлись въ моей памяти. Въ началѣ своей литературной дѣятельности, не поступившій на военную службу по выходѣ изъ Дворянскаго полка, (тогда это предоставлялось на волю каждаго), А. С. Суворинъ претерпѣвалъ большія бѣдствія и нужду. Отецъ мой, который тогда принималъ живѣйшее участіе въ немъ, высказывалъ не разъ своему пріятелю удивленіе, какъ онъ можетъ довольствоваться такимъ скуднымъ питаніемъ при напряженномъ трудѣ. Суворинъ однажды сказалъ на это отцу: «я вообще не понимаю жалобъ на скудное питаніе, вѣдь если приходится плохо, отчего не ѣсть одинъ черный хлѣбъ?» Еще отецъ рассказывалъ, что Суворинъ, живя одно время лѣтомъ въ Москвѣ, давалъ урокъ въ одномъ домѣ, на дачѣ подъ Москвою. Суворинъ, ходившій на урокъ пѣшкомъ, всю дорогу совершалъ для сохраненія обуви босикомъ, неся сапоги и надѣвая ихъ только передъ дачей, на которой давалъ урокъ. Суворинъ, по словамъ отца, замѣчалъ при этомъ, что еще не такое бѣдствіе, если, въ крайнемъ случаѣ, можно оказаться въ сапогахъ.

О Курочкинѣ отецъ рассказывалъ, что въ корпусѣ это былъ мальчикъ слабаго здоровья, тошій, малаго роста, съ непомѣрно большой головой, съ блѣднымъ, некрасивымъ, но умнымъ и выразительнымъ лицомъ, мальчикъ всегда серьезный и даже мрачный.

Драгомировъ былъ на нѣсколько классовъ старше моего отца, но, не смотря на громадное количество воспитанниковъ корпуса, отецъ хорошо зналъ Драгомирова, какъ знали его всѣ кадеты, зналъ весь Дворянскій полкъ, настолько видное явленіе представлялъ изъ себя онъ. Уже въ стѣнахъ Дворянскаго полка Драгомировъ былъ отмѣченъ всѣми: преподаватели уже въ его юношескіе годы какъ бы предвидѣли его крупную будущность, товарищи любили въ немъ мѣткаго остроумца, умѣвшаго возбуждать веселость всюду, гдѣ онъ ни появлялся, цѣнили въ немъ человека, оригинально умѣвшаго завоевать себѣ у начальства своею смѣлою находчивостью положеніе независимое и неуязвимое. Отцу какъ

и другимъ кадетамъ самъ видъ Драгомирова представлялся обаятельнымъ необычайно: не будучи отъ природы красивымъ, онъ по словамъ отца какъ-то умѣлъ показаться таковымъ. Съ глубокой признательностью вспоминалъ отецъ своихъ преподавателей: законоучителя Рождественскаго и преподавателя географіи извѣстнаго географа Павловскаго. Первый былъ истиннымъ пастыремъ вѣрноподобной ему юной паствы, отличаясь выдающеюся ученостію, увлекательнымъ талантомъ оратора и глубокой вѣрой въ Бога, онъ умѣлъ проникать въ самые сокровенные тайники душъ своихъ учениковъ. Преподаватель Павловскій поражалъ мѣткостію своихъ самостоятельныхъ научныхъ выводовъ и способностью привести въ органическую связь географическія свѣдѣнія, вообще кажушіяся многимъ способными остаться въ головѣ лишь черезъ процессъ памяти. Два изъ его многочисленныхъ мѣткихъ вывода, сказанныхъ за урокомъ, отецъ какъ-то особенно любилъ вспоминать. Проходили губерніи по Волгѣ. Павловскій дѣлалъ очеркъ этихъ губерній. Дойдя до Симбирской, тогда охватывавшей нынѣшнія двѣ губерніи Симбирскую и Самарскую, Павловскій замѣтилъ: я убѣжденъ, что Симбирская губернія скоро въ виду удобства управления будетъ разбита на двѣ. Предсказаніе географа сбылось: Симбирская губернія была раздѣлена на двѣ: Симбирскую и Самарскую. Говорилъ Павловскій медленно, не многословно, но вѣско по внутреннему смыслу, заключавшемуся въ словахъ, тщательно избѣгая въ своемъ преподаваніи какой бы то ни было мишуры. Любопытно еще одно соображеніе географа Павловскаго, имѣющее уже болѣе цѣнность для историка. Проходя Соединенные Штаты. Павловскій невольно долженъ былъ упомянуть о враждѣ сѣверныхъ штатовъ съ южными, предсказавъ неизбѣжность войны между тѣми и другими. Павловскій былъ далекъ отъ мысли объяснить заступничество Сѣверныхъ Штатовъ за негровъ однимъ альтруизмомъ, но болѣе склонялся къ объясненію этого выступленія необходимостью экономической: Сѣверные Штаты, пользуясь наемнымъ трудомъ, имѣли пагубнаго промышленнаго конкурента въ лицѣ Южныхъ Штатовъ, пользующихся даровымъ трудомъ.

Восторженно отзывался отецъ и объ академикѣ Савичѣ, тоже одномъ изъ преподавателей въ Дворянскомъ полку. Извѣстный ученый астрономъ, крупный математикъ и географъ, съ виду маленькій невзрачный старичокъ, академикъ Савичъ весь какъ бы ушелъ въ науку, въ самого себя; какъ истый ученый, совершенно равнодушный къ суетнымъ мнѣніямъ толпы, чуждый какого бы то ни было тщеславія, онъ отличался полнымъ равнодушіемъ къ своей вѣщности, пренебреженіемъ къ своему туалету. Отецъ вспоминалъ не разъ и его поношенный сюртучокъ, узко стянутый на груди, какъ бы сшитый не по нему, и его почему-то широкія, но невѣроятно короткія брюки, которыя не доходили до полу, обнаруживая не важно вычищенные сапоги. Все это могло бы сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ учениковъ, но никто изъ нихъ не позволялъ себѣ ни малѣйшей насмѣшки надъ нимъ—такое уваженіе онъ умѣлъ сразу внушить къ себѣ

своими глубокими знаніями, своею серьезностью и прекрасной душой.

Воспоминаніямъ объ академикѣ Савичѣ мой отецъ даже удѣлялъ первое мѣсто; вѣроятно, потому что математика всегда была любимѣйшей его наукой. По отзывамъ одного товарища отца способности моего отца къ этой точной наукѣ были исключительны и отецъ самъ не отрицалъ, что математика ему давалась съ удивительной легкостью; ему не было никакой надобности просматривать къ уроку заданный отдѣлъ—онъ все усваивалъ вполнѣ въ классѣ и при объясненіи преподавателемъ онъ уже въ началѣ математическаго вывода зналъ его конецъ. Отецъ мой любилъ математику страстно и любовь къ этой точной наукѣ сохранилъ на всю жизнь. Увлекаясь ею безмѣрно, впоследствии подъ Севастополемъ, во время обороны его онъ однажды наканунѣ сраженія въ походной палаткѣ такъ зачитался однимъ сочиненіемъ по высшей математикѣ, что даже взялъ его на другой день съ собою въ бой. Вообще прилежаніе отца при изученіи знаній было невѣроятно даже и въ школьномъ возрастѣ, въ прилежаніи его было что-то недѣтское. Такъ, напримѣръ, въ часы отдыха отецъ рѣдко рѣзвился съ товарищами, но употреблялъ все время на заучиваніе иностранныхъ словъ, выписанныхъ имъ въ особую, нарочно заведенную для этого тетрадочку, которую онъ всегда имѣлъ при себѣ и которую было бы легко при приближеніи начальства спрятать въ карманъ. Одинъ случай чрезмѣрнаго усердія навлекъ даже на мальчика неудовольствіе начальства. Дѣло въ томъ, что отецъ бралъ эту тетрадочку даже въ церковь и тамъ продолжалъ заучивать слова во время богослуженія. Одинъ изъ воспитателей-офицеровъ замѣтилъ странное занятіе мальчика и, объяснивъ ему неумѣстность его прилежанія, отобралъ роковую тетрадочку, что не помѣшало мальчику завести такую же новую.

Отецъ мой проявлялъ еще недюжинныя способности къ рисованью и учитель рисованія въ Дворянскомъ полку, знаменитый портретистъ Зырянко, полагалъ даже, что изъ мальчика выйдетъ художникъ, но предположенія художника не оправдались: страстно увлекавшійся сухой наукой—математикой, отецъ мой оставался совершенно равнодушнымъ къ своимъ успѣхамъ въ живописи.

Усердіе и большія способности моего отца сдѣлали то, что въ одномъ изъ первыхъ классовъ изъ 200 учениковъ (тамъ было нѣсколько параллельныхъ отдѣленій)—мой отецъ былъ первымъ. Впоследствии дурное питаніе, климатъ сѣвера, пагубный для южанъ, разстроили здоровье моего отца и онъ нѣсколько понизился въ успѣхахъ. Все-же онъ долженъ былъ быть выпущенъ въ гвардію и лишь одинъ злополучный случай помѣшалъ этому. Дѣло было такъ: во второмъ уже спеціальному классѣ (два спеціальныхъ класса Дворянскаго полка соответствовали курсу современныхъ военныхъ училищъ) какъ-то разъ преподаватель не явился на урокъ. Въ освободившійся такимъ образомъ часъ было рѣшено занять кадетъ черченіемъ. Кадеты, будучи истомлены до крайности обязанностями научными и строевыми, истощенные дурнымъ питаніемъ, имѣя несоразмѣрное

количество заданныхъ уроковъ, отказались чертить. Вызванъ былъ дежурный кадетъ по классу — дежурнымъ оказался мой отецъ. Отцу моему приказали назвать зачинщиковъ, угрожая въ противномъ случаѣ строго карою. Отецъ отказался наотрѣзъ. Въ видѣ кары за ослушаніе отцу предложили выбрать одно изъ двухъ: или быть оставленнымъ на другой годъ въ томъ же классѣ или же быть выпущеннымъ въ армію вмѣсто гвардіи—отецъ предпочелъ послѣднее. Мысль получить отпускъ по выходѣ изъ корпуса, скорѣе увидать родную семью играла не малую роль въ этомъ рѣшеніи; еще бы! вѣдь отъ самаго поступленія въ Дворянскій полкъ вплоть до выпуска въ офицеры онъ не покидалъ стѣнъ его! Радость свиданія съ матерью, отцомъ, сестрами, братьями и съ дядькою, вынянчившимъ его, не поддается описанію. Дядька его—суровый съ виду николаевскій солдатъ, обладалъ сердцемъ нѣжнымъ и привязчивымъ—съ мгновенія этой встрѣчи со своимъ воспитанникомъ не покидалъ уже его до самой своей смерти, раздѣливъ съ моимъ отцомъ даже трудности севастопольской кампаніи и вездѣ охраняя съ материнскою горячностью интересы отца—типъ давно исчезнувшій изъ быта русской жизни, типъ—столь ярко и трогательно очерченный Пушкинымъ въ лицѣ дядьки Савельича въ безсмертной повѣсти гениальнаго поэта «Капитанская дочка». Одинъ маленькій эпизодъ, рассказанный моимъ отцомъ про его вѣрнаго дядьку Осипа, врѣзался у меня въ памяти особенно ярко. Послѣ севастопольской кампаніи, уже будучи въ числѣ офицеровъ слушателей Академіи Генеральнаго Штаба, отецъ мой часто созывалъ къ себѣ товарищей по Академіи. Однажды, созвавъ пріятелей, отецъ по обыкновенію вышелъ за перегородку занимаемаго имъ номера, чтобы послать Осипа за закускою къ ужину. Осипъ отказался наотрѣзъ и прибавилъ, наставительно обращаясь къ отцу: «Ничего тебѣ мотать деньги, давно-ли собиралъ гостей—гости извѣстно рады лакомиться надаровщинку—имъ что ни поставь все подѣдятъ!» Перегородка была тонкая и гости,—были товарищи отца, должны слышать отзывъ стараго дядьки о гостяхъ. Отецъ, смущенный до крайности, сказалъ:

— Осипъ, ты меня срамишь—вѣдь гости все слышатъ! Иди сейчасъ-же!

— Не пойду!—стоялъ на своемъ старикъ.

— Ну, ты дуракъ!—не вытерпѣлъ, наконецъ, отецъ, обычно утонченно мягкій въ обращеніи съ прислугою.

— Самъ ты дуракъ!—сдалъ сдачи старый дядька.

Любопытно, что товарищи отца, которые, разумѣется, слышали весь разговоръ, пришли въ восторгъ отъ преданности интересамъ своего барина стараго слуги.

Я помню этого Осипа; дядька отца, когда-то замѣнявшій ему няньку, въ раннемъ моемъ дѣтствѣ, иногда водилъ меня гулять, замѣнялъ на прогулкахъ мнѣ таковую. Съ виду это былъ типичный николаевскій солдатъ—сѣдые волосы короткою густою щеткою, необычайно густыя, нависшія

и всегда нахмуренныя брови, сдвинутыя какъ бы въ застывшую морщину на переносѣ, пышныя сѣдые бакенбарды, мрачный, строгій взглядъ— все это придавало ему видъ важный, непрístupный; но подъ непривѣтливой внѣшностью онъ скрывалъ душу дѣтски-чистую, сердце нѣжное и привязчивое, до самозабвенія любившее всѣхъ насъ, замѣнявшихъ ему родную давно забытую семью. Участникъ многихъ войнъ, между прочимъ русско-турецкой войны 29-го года, вода меня гулять, онъ часто рассказывалъ мнѣ многое изъ стараго военного быта и своей боевой жизни, вѣроятно. имѣющее даже цѣнность историческую, но я была слишкомъ молода, чтобы оцѣнить его рассказы съ этой стороны.

Изъ Дворянскаго полка отецъ мой былъ выпущенъ въ артиллерию, въ одну изъ бригадъ, стоявшихъ на сѣверномъ Кавказѣ. Бригада вскорѣ была двинута къ Севастополю, уже угрожаемому непріателемъ.

Отецъ мой провелъ цѣлую зиму въ походной палаткѣ на такъ наз. сѣверной сторонѣ на берегу бухты, въ виду Графской пристани, но ему ежедневно приходилось бывать въ самомъ Севастополѣ по дѣламъ службы. Перезимовать въ палаткѣ было не легко, особенно если принять въ соображеніе, что зима была довольно суровая. Офицерамъ приходилось помѣщаться втроемъ въ обыкновенной лагерной палаткѣ, спать не раздѣваясь на землѣ, подославъ подъ себя немного соломы, которая намокала во время мокропогодія. Отъ грязи заводились въ одеждѣ всевозможные паразиты; словомъ, приходилось испытывать всѣ условія военной стоянки— хорошо извѣстныя въ наше боевое время. Въ такихъ условіяхъ штабнымъ офицерамъ (отецъ мой былъ прикомандированъ къ штабу) приходилось работать надъ бумагами. Столы замѣняли доски, которыя держали на колѣняхъ. Ложиться приходилось рано, вставать съ разсвѣтомъ, потому что работали, пользуясь исключительно дневнымъ свѣтомъ.

Однажды, вставъ поутру отецъ услышалъ величавый гулъ — это началась канонада непріятельскихъ и русскихъ орудій; не было слышно ни ружейныхъ залповъ, ни грохота отдѣльных орудій—звуки ихъ «слились въ протяжный вой»... Взрывы пороховыхъ складовъ отъ попаданія въ нихъ непріятельскихъ снарядовъ одни разнообразили этотъ гулъ. Уже къ двѣнадцати часамъ дня свѣтъ дневной померкъ отъ дыма, солнце казалось краснымъ пятномъ.... Бухта предстала какъ бы кипящею отъ попадавшихъ въ нее снарядовъ.... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсматривая въ Севастополѣ грандіозную панораму его обороны и картину Айвазовскаго, изображающую севастопольскую бухту во время обороны, отецъ обратилъ вниманіе на то, что бухта въ обоихъ случаяхъ изображена слишкомъ покойною—бухта въ дѣйствительности одно время буквально кипѣла. Нашелъ отецъ нѣкоторое несоотвѣтствіе правдѣ и въ изображеніи боя на бастіонахъ—въ дѣйствительности бой являлся гораздо болѣе

кровавымъ, нѣкоторые бастионы были почти буквально залиты кровью и завалены трупами...

Отецъ участвовалъ въ сраженіяхъ Балаклавскомъ, Инкерманскомъ и при Черной рѣчкѣ. Въ Балаклавскомъ бою, находясь на высотѣ при батарее, онъ видѣлъ какъ въ панорамѣ стремительную атаку Кардигана, коей имѣлъ возможность прослѣдить почти весь путь. Видѣлъ, какъ пронеслась долиною его блестящая кавалерійская бригада, какъ она врѣзалась въ стрѣлковыя цѣпи нашей пѣхоты и какъ плачевно окончилось для нее ея безумное выступленіе. Какъ очевидецъ событія, отецъ не соглашался съ исторіей, признавшей ея большой первоначальный успѣхъ. Въ этомъ парадномъ маршѣ-маршѣ было, по его оцѣнкѣ, много блеску, но мало смыслу. Какъ выражался отецъ, эта атака явилась отрицательнымъ примѣромъ безумной отваги, сдѣлала на него впечатлѣніе чего-то дикаго, нелѣпаго: Кардиганъ пронесся со своею частью какъ сумашедшій по открытой мѣстности, среди долины какъ будто только за тѣмъ, чтобы его жестоко побили—попавъ подъ обстрѣлъ нашей артиллеріи, онъ сразу сталъ терпѣть большой уронъ—успѣшное дѣйствіе такъ вдохновило нашихъ артиллеристовъ, что многіе офицеры, отстраняя наводчиковъ сами стали направлять орудія, которыя своимъ мѣткимъ огнемъ сразу внесли разстройство и смятеніе въ ряды бѣшено несущихся всадниковъ—все представлялось «какъ на ладонкѣ» и было видно какъ эти всадники одинъ за другимъ начали валиться съ лошадей.....

Назначенный адъютантомъ къ начальнику оборонительной артиллеріи генералу Кишинскому, въ штабѣ князя Меншикова, отецъ мой побывалъ съ нимъ въ Инкерманскомъ бою. Печальный исходъ этого сраженія извѣстенъ исторіи. Отецъ не разъ высказывалъ наблюденіе: настроеніе въ началѣ боя какъ бы предвѣщаетъ его конецъ,—какъ показалось отцу, передъ Инкерманскимъ боемъ настроеніе было неважное. Ночь въ канунъ боя войска провели на высотахъ. Ночь выдалась исключительно холодная, рѣдкая въ крымскомъ октябрѣ. отъ стужи, усиливаемой вѣтромъ, офицеры и солдаты почти не спали. Отецъ упоминалъ, что онъ не могъ заснуть ни на мгновеніе; тщетно кутался онъ въ широкую, но холодную шинель, ноги и руки его буквально заковенѣли. Съ разсвѣтомъ войска зашевелились; спуская съ высоты колонны повели въ бой—эти колонны проходили одна за другой мимо штаба, расположеннаго на высотѣ. Отецъ, который видалъ не разъ войска, направляемая въ бой, на этотъ разъ невольно обратилъ вниманіе на исключительно мрачное настроеніе солдатъ: выраженіе всѣхъ лицъ было сосредоточено и сурово. Спускаясь въ долину, гдѣ они должны были принять бой, солдаты какъ по командѣ начинали дружно креститься и отецъ припоминалъ, какъ ему пришло въ голову, что многіе изъ нихъ не вернуться назадъ. Съ высоты, на которой былъ расположенъ штабъ, было видно ясно, какъ эти колонны одна за другой вступали въ область огня. Стройно шедшая колонна вдругъ начинала оставлять за собой отдѣльныя свѣтлыя по-

доски—это были убитые и раненые, распростертыя на землѣ, солдаты, выхваченные пулею или осколкомъ гранаты изъ рядовъ товарищей продолжавшихъ бодро шагать впередъ.

Еще одно частное происшествіе мрачно отмѣтилъ въ воспоминаніяхъ отца Инкерманскій бой,—происшествіе, тогда склонившее его къ вѣрѣ въ какой-то таинственный рокъ. Наканунѣ Инкерманскаго сраженія къ нимъ въ штабъ былъ присланъ изъ Петербурга нѣкто Комстадіусъ—молодой гвардейскій артиллерійскій офицеръ. Высокій, стройный, красивый, прекрасно воспитанный и образованный, полный горячаго стремленія послужить родинѣ—онъ сразу расположилъ къ себѣ сердца всѣхъ. Начальникъ оборонительной артиллеріи назначилъ прибывшаго къ себѣ въ адъютанты и, располагая уже однимъ адъютантомъ, моимъ отцомъ, предложилъ прибывшему въ Севастополѣ переждать до конца Инкерманскаго сраженія. Комстадіусъ, видимо, былъ этимъ страшно огорченъ и упрасивалъ своего начальника взять его съ собою въ бой.

Генераль Кишинскій, старый кавказскій генераль, посѣдѣвшій въ болахъ, сказалъ ему:

— Все это хорошо—вашъ порывъ прекрасенъ, но знаете-ли, молодой человекъ, что я вамъ скажу: въ нашей многолѣтней службѣ мы привыкаемъ вѣрить одному предрасудку, которому вы, можетъ быть, только посмѣтеть—никогда не надо напрашиваться въ бой, ждите, когда васъ назначать!

Молодой храбрець стоялъ на своемъ и начальникъ уступилъ его просьбѣ. На другой день выѣхалъ на позицію и весь штабъ арміи съ кн. Меншиковымъ въ главѣ. Мой отецъ и Комстадіусъ, какъ адъютанты генерала Кишинскаго, находились тутъ же верхомъ на лошадяхъ въ ожиданіи приказаній своего начальника. Бой закипѣлъ: загудѣли ядра, засвистали пули и весь штабъ, находившійся на высотѣ на открытой мѣстности, оказался подъ обстрѣломъ врага. Внезапно одно ядро упало на землю какъ разъ подъ брюхомъ лошади генерала Кишинскаго и, контузивъ ему ногу, но не причинивъ вреда его лошади, сдѣлало рикошетъ надъ головой моего отца, не задѣвъ его ни мало. Спустя нѣсколько мгновеній Коматадіусъ пронзительно взвизгнулъ. Страшный визгъ удивилъ отца, потому что въ бою стоны и крики раненыхъ рѣдко бываютъ слышны, будучи заглушены гудѣніемъ ядеръ и свистомъ пуль—о нихъ можно бываетъ догадаться лишь по страданію, вызванному измѣненіемъ чертъ лица. Но Комстадіусъ вскрикнулъ такъ громко, что крикъ его былъ слышенъ. Вскрикнувъ, онъ сталъ, какъ показалось отцу, медленно и осторожно слѣзать съ лошади. Отецъ мой поспѣшно соскочилъ съ лошади и бросился было на помощь раненому.

— Оставьте его, онъ убитъ!—сказалъ моему отцу его начальникъ, посѣдѣвшій въ бояхъ.

Точно—Комстадіусъ былъ убитъ наповаль, пораженный пулею или осколкомъ снаряда прямо въ сердце...

Тотъ же рокъ, который сразилъ Комстадіуса, хранилъ моего отца. Отецъ разсказывалъ, что онъ испыталъ страхъ лишь въ началѣ перваго боя; далѣе убѣдившись, что непріятельскіе выстрѣлы не причиняютъ ему вреда, онъ совершенно забывалъ про опасность, испытывая страхъ лишь по временамъ въ рѣдкихъ случаяхъ и весьма слабой степени; онъ какъ бы увѣровалъ въ свою неуязвимость для снарядовъ и пуль вражескихъ—правда въ этомъ же Инкерманскомъ бою онъ былъ слегка раненъ въ ногу, но почелъ рану настолько неопасною, что даже не покинулъ строя для перевязки ея и, вовсе умолчавъ о ней, исправлялъ какъ ни въ чемъ не бывало свои обязанности. Эта рана, разумѣется, не была занесена и въ послужной списокъ моего отца и мы его дѣти, узнали о ней совершенно случайно: года за два передъ смертью моего отца у него заболѣли ноги; позванный къ отцу докторъ замѣтилъ на одной его ногѣ, нѣсколько ниже колѣна, слѣды старой раны, рубцы которой еще не сгладились вполне; тутъ отецъ намъ разсказалъ, гдѣ онъ получилъ ее. Вообще отецъ всегда переносилъ самыя сильныя физическія страданія безъ малѣйшаго обнаруженія ихъ. За отличіе въ Инкерманскомъ сраженіи отецъ мой былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ. Я не знаю навѣрное, что заслужило ему это отличіе, но во время Инкерманскаго боя онъ выполнилъ одно порученіе, дѣйствительно сопряженное съ немалою опасностью. Дѣло въ томъ, что начальникъ оборонительной артиллеріи Кишинскій, разумѣется прекрасно освѣдомленный о неважной снабженности военными припасами нашихъ войскъ, наблюдая сильный огонь, открытый по непріятелю нашею артиллеріей, уже къ срединѣ боя убѣдился, что снарядовъ не должно хватить до конца сраженія. Онъ поручилъ моему отцу, своему адъютанту, объѣхать всю боевую линію съ приказаніемъ побережъ снаряды. Отецъ объѣхалъ всю боевую линію по открытымъ возвышенностямъ подъ градомъ снарядовъ и пуль и ни одинъ осколокъ снаряда, ни одна пуля не задѣли его, что окончательно утвердило вѣру моего отца въ свою безопасность. Увы! его порученіе почти не имѣло результатовъ: рѣдко гдѣ удавалось ему убѣдить въ необходимости экономіи снарядовъ, почти на всѣхъ позиціяхъ адъютанта, присланнаго изъ штаба арміи съ приказаніемъ отъ самого начальника оборонительной артиллеріи, встрѣчали бранью, на которую отецъ не обижался, потому что ясно видѣлъ тяжелое положеніе нашихъ въ этомъ бою, тщетно пытавшихся отстоять себя противъ численно превосходнаго и неизмѣримо лучше вооруженнаго врага—зло, отъ котораго, какъ извѣстно, мы уже страдали не разъ.

Плохое вооруженіе нашей арміи принялъ близко къ сердцу, въ бытность свою подъ Севастополемъ и Л. Н. Толстой. Отецъ мой, знавшій лично Л. Н. Толстого и встрѣчавшійся съ нимъ впоследствии, встрѣтился съ нимъ въ первый разъ подъ Севастополемъ по весьма любопытному случаю. Графъ Л. Н. Толстой, уже стяжавшій себѣ славу первымъ своимъ произведеніемъ «Дѣтство и Отрочество», былъ тогда простымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Въ то время онъ еще не имѣлъ поползновенія проповѣдывать всеобщее разоруженіе и непротивленіе злу, и горячо сочувствовалъ нашимъ воин-

скимъ успѣхамъ. Скорбя о плохомъ вооруженіи нашемъ, онъ представилъ въ штабъ арміи проектъ, долженствовавшій, по его мнѣнію, усилить дѣйствіе нашего огня. Свой проектъ Л. Н. Толстой подалъ самому князю Меншикову. Этотъ послѣдній передалъ его на разсмотрѣніе генералу Кишинскому. Кишинскій, будучи заваленъ дѣлами, поручилъ разсмотрѣть проектъ Л. Н. Толстого моему отцу, въ основательныхъ военныхъ знаніяхъ котораго имѣлъ случай убѣдиться не разъ. Тутъ будетъ умѣстно упомянуть, каковъ былъ этотъ проектъ. Надо замѣтить, что тогда ружья союзной арміи давали дѣйствительный огонь на тысячу шаговъ, тогда какъ наши лишь на триста. Нетрудно такимъ образомъ понять, сколь легко было непріятелю въ такихъ условіяхъ наносить намъ уронъ и какъ трудно было обороняться намъ. Дабы возмѣстить сравнительную недальнобойность нашихъ ружей Л. Н. Толстой предложилъ слѣдующее: вывозить въ стрѣлковыя цѣпи орудья нашей легкой артиллеріи и ими наносить соотвѣтствующій вредъ врагу. Отецъ, ознакомясь внимательно съ военнымъ проектомъ будущаго великаго писателя, посмотрѣлъ на его проектъ какъ на тактическій парадоксъ, найдя совершенно непріемлемымъ средство, предлагаемое имъ. Дѣйствительно: легко себѣ представить, что должно было стать съ лошадьми и прислугой при орудьяхъ, вывезенныхъ въ стрѣлковыя цѣпи подъ близкій огонь врага. Отецъ объяснилъ Толстому всю непрактичность его проекта и любопытно, что Толстой, чуждый ложнаго самолюбія, вполне согласился съ моимъ отцомъ. Впослѣдствіи отецъ мой встрѣчался съ Л. Н. Толстымъ не разъ и при отношеніяхъ вполне дружественныхъ.

Несогласенъ былъ мой отецъ съ Л. Н. Толстымъ относительно нецѣлесообразности боя при Оедюхиныхъ высотахъ, когда Л. Н. Толстой написалъ на это сраженіе свой стихотворный памфлетъ:

«Какъ 4-го числа
Насъ нелегкая несла
Горы занимать»...

Наоборотъ: отецъ говорилъ, что попытки къ вылазкамъ всегда полезны для обороняющихся, нужды нѣтъ, что не всѣ бывають удачны изъ нихъ. Единственно въ чемъ отецъ былъ согласенъ съ памфлетомъ Толстого это— въ его оцѣнкѣ Реада, какъ весьма малоспособнаго генерала, но отецъ находилъ, что жестоко осмѣивать героя, своею гибелью поддерживавшаго свою воинскую честь! Въ чемъ также отецъ не противорѣчилъ стихотворенію Толстого въ его оцѣнкѣ боя 4-го августа, это въ томъ, что былъ весьма печаленъ его исходъ—отецъ хранилъ объ этомъ боѣ воспоминаніе, какъ о боѣ ужасномъ, кровавомъ... Вмѣстѣ съ перемѣной командованія арміей, съ замѣной князя Меншикова Горчаковымъ отецъ уже былъ опять у себя въ батарееѣ и при батарееѣ участвовалъ въ бою «четвертаго числа». Отецъ рассказывалъ, что бой этотъ былъ жестокъ; фронты были сближены настолько, что отецъ видѣлъ не разъ вполне ясно, какъ пущенные нами снаряды вырываютъ отдѣльныхъ людей изъ рядовъ нашего врага. Батарея, при

которой былъ мой отецъ, нещадно терпѣла отъ потери прислуги. Два эпизода, рисующихъ ужасы этого боя особенно ярко рассказывалъ намъ отецъ. У орудія, при которомъ былъ отецъ, работалъ рослый, статный банщикъ (тогда до введенія скорострѣльныхъ орудій послѣ каждого выстрѣла приходилось прочищать ихъ такъ наз. банникомъ). Ловкій парень бодро, лихо работалъ своимъ банникомъ; вдругъ отецъ былъ удивленъ внезапнымъ, мгновеннымъ исчезновеніемъ этого молодца—лежавшая неподалеку кучка какого-то тряпья, изъ которой торчало подобіе рукъ и ногъ, сразу объяснила все дѣло моему отцу... Немного спустя, несмотря на страшный ревъ орудій и трескотню ружій, отецъ услышалъ позади себя раздрающій душу стонъ: обернувшись отецъ увидѣлъ раненаго, торопливо ползущаго на рукахъ, который, переступая имп, тащилъ за собою всю нижнюю часть туловища, изувѣченную и раздробленную гранатой, свалывшуюся съ грязью и превратившуюся въ длинный кровавый хвостъ, оставившій послѣ себя на землѣ темно-красный слѣдъ. Раненый былъ ужасенъ: онъ дико вопилъ, умоляя пришибить его. Судьба сжалилась надъ нимъ: новая граната, попавшая ему прямо въ спину, прекратила его страданія и жизнь.

Еще одинъ эпизодъ, чуть не стоившій жизни моему отцу: непріятельскій снарядъ попалъ въ ящикъ съ гранатами, на подножкѣ котораго стоялъ мой отецъ, провѣряя число оставшихся; предвидя воспламененіе ящика и взрывы гранатъ, помня наставленіе военной науки, отецъ бросился ничкомъ на землю. Точно, гранаты начали взрываться, но взрывомъ взметали свои осколки снопами вверхъ и осколки высоко перелетали черезъ лежащаго на землѣ отца, не причиняя ему вреда. Но, вѣроятно, отецъ обчелся, ибо едва лишь онъ всталъ на ноги, какъ воспослѣдовалъ взрывъ новой гранаты, но, по счастью, ни одинъ изъ взлетѣвшихъ ея осколковъ не задѣлъ его.

Отецъ вспоминалъ и могучій ураганъ, разыгравшійся въ началѣ осады и причинившій много злоключеній намъ и нашимъ противникамъ—многія ихъ суда были потоплены имъ. Обладая прекраснымъ зрѣніемъ, отецъ хорошо могъ рассмотреть, какъ качало непріятельскія суда — ихъ палубы становились подъ такимъ угломъ, что даже казалось страннымъ, какъ они не потопли всѣ. Палатку, въ которой спалъ отецъ, сразу снесло налетѣвшимъ ураганомъ и не было никакой возможности подняться на ноги—черепицы съ кровель носились въ воздухѣ, какъ соломины.

Отецъ былъ свидѣтелемъ и того, какъ мы затопили наши собственные корабли, заграждая ими отъ непріятели севастопольскій рейдъ, видѣлъ какъ плакали старые матросы, проведеніе на нихъ чуть-ли не всю жизнь; да и нельзя было не плакать тому, рассказывалъ отецъ, кто видалъ, какіе были эти корабли красавцы: ихъ кузова казались какой-то изящно раскрашенной, гигантской, выточенной какъ дорогая мебель игрушкой, представлявшей образецъ архитектурнаго вкуса; чистота на нихъ была прямо изумительная и среди экипажей этихъ судовъ было что-то въ родѣ соревнованія исправностью своего карабля, и матросы мели и чистили свои корабли съ утра до ночи.—А что могло сравниться съ красотой линейнаго карабля,

когда, идя на всѣхъ парусахъ, этотъ гигантъ, слегка накренясь, величаво скользилъ по волнамъ!—разсказывалъ отецъ. Выучка же командъ не подавалась описаніямъ!..

Тутъ будетъ умѣстнымъ упомянуть взглядъ отца на долгосрочныхъ солдатъ прежняго времени. Отецъ говорилъ не разъ, что съ прежними долгосрочными солдатами нынѣшнихъ невозможно и сравнивать: послѣдніе походятъ на нихъ какъ любители на истыхъ мастеровъ своего дѣла. Правда, иные изъ сѣдыхъ усачей къ концу служебнаго срока начинали дряхлѣть, но за то они были такъ пропитаны этою службою, что ихъ опытъ съ избыткомъ вознаграждалъ сравнительный недостатокъ силъ—опытъ ихъ былъ таковъ, что не было надобности объяснять имъ что-либо: они знали все сами напередъ. О преданности же ихъ дѣлу и сознаніи своего долга, нѣтъ надобности и упоминать: они сживались съ мыслию, что принадлежатъ войнѣ.

Разсказывалъ также не мало отецъ о казакахъ-пластунѣхъ, поражавшихъ его своими отчаянными и ловкими продѣлками. Большинство изъ нихъ были съ Кавказа: закаленные въ постоянной борьбѣ съ горцами, они, какъ и эти послѣдніе, какъ бы сживались съ войной; въ грязныхъ изодранныхъ черкескахъ, но увѣшенные дорогимъ оружіемъ, своимъ видомъ они невольно приводили на память отцу слова Лермонтова, сказанныя имъ про Казбича: «бешметъ всегда изорванный, въ заплатѣхъ, а оружіе въ серебрѣ!» Отецъ видѣлъ ихъ не разъ въ дѣлѣ и поражался ихъ постигнѣ змѣиному умѣнію ползать, ловкости, съ которой они умѣли «снимать» сторожевые посты, такъ, что не пикнетъ ни одинъ изъ враговъ, и не только острота зрѣнія, но и чуткость слуха ихъ была прямо изумительна: иные изъ нихъ палили по слуху почти безъ промаха. Одинъ кубанскій казакъ-пластунъ даже разсказывалъ отцу, какъ онъ однажды поплатился за эту свою чуткость: на Кубани забрался онъ однажды въ камыши и сталъ прислушиваться—въ камышахъ шорохъ, выпалилъ изъ своей винтовки на шорохъ и вдругъ раздался крикъ; пошелъ въ сторону крика и увидѣлъ убитаго на повалъ своего родного отца: «Я думалъ, що то кабанъ, а то мій батько бувъ» хладнокровно добавлялъ пластунъ.

Какъ мы уже упоминали, отецъ видѣлъ всѣхъ славныхъ дѣятелей обороны, видѣлъ Карнилова, Истомина, Нахимова и проч. и не разъ бывалъ у нихъ по порученіямъ... Неизгладимое впечатлѣніе дѣлала на него внѣшность Нахимова, всегда сосредоточеннаго, углубленнаго въ себя: коренастый, могучій тѣлосложеніемъ, онъ обладалъ и такимъ же могучимъ духомъ. Отецъ находить, что памятникъ, поставленный ему въ Севастополѣ у Графской пристани, совершенно вѣрно передетъ выраженіе его лица—такъ и въ дѣйствительности, сколько отецъ ни видѣлъ его—онъ вѣчно казался всматривающимся задумчиво въ даль—отецъ лишь жалѣлъ, что скульпторъ мало отмѣтилъ характерную привычку Нахимова носить фуражку нѣсколько сдвинутую на затылокъ, равно какъ и о томъ, что изображенъ Нахимовъ слишкомъ сухощавымъ и рослымъ.

Ближе всѣхъ отецъ зналъ самого князя Меншикова, такъ какъ Кишин-

скій то и дѣло посылалъ къ нему съ донесеніями моего отца. Князь Меншиковъ производилъ на отца каждый разъ впечатлѣніе обаятельное—стройный, несмотря на свой возрастъ, утонченно-изящный и благовоспитанный, онъ, по словамъ отца, съ удивительнымъ тактомъ умѣлъ нести свое высокое положеніе. Въ тѣ времена не было случая, чтобы начальникъ являющагося къ нему съ донесеніемъ пригласилъ сѣсть и обыкновенно начальникъ сидя выслушивалъ своего стоящаго подчиненнаго. Отецъ рассказывалъ, что князь Меншиковъ, какъ истый джентльменъ и аристократъ, при появленіи моего отца вставалъ и весь докладъ, иногда длинный, выслушивалъ стоя, дабы адъютантъ не чувствовалъ своего нѣсколько унижительнаго положенія. Правда, судя по отрывочнымъ замѣчаніямъ отца, князь Меншиковъ особенно отличалъ моего отца. Расположеніе князя Меншикова къ моему отцу началось съ одного маленькаго эпизода, про который отецъ умалчивалъ, но который въ дѣтствѣ я слышала рассказаннымъ при мнѣ нѣкимъ княземъ Голицынымъ, бывшимъ подъ Севастополемъ адъютантомъ князя Меншикова, когда-то пріятелемъ моего отца. Работа въ штабѣ арміи подъ Севастополемъ буквально кипѣла, не давая покоя ни ночью, ни днемъ. Князь Голицынъ рассказывалъ, что одно время, всѣ какъ говорится, прямо сбились съ толку, а противорѣчивость же донесеній не поддавалась описаніямъ. Явившись однажды въ штабъ начальника оборонительной артиллеріи, обыкновенно исправный, князь Меншиковъ нашелъ тамъ ту же безурядицу. Къ его удивленію адъютантъ Кишинскаго, мой отецъ, такъ стройно и систематично изложилъ всю сумму донесеній, столь дѣловито разобралъ громадный сбивчивый матеріалъ, столь разумно изъяснилъ возникшія въ немъ противорѣчія, что князь Меншиковъ сразу отмѣтилъ смышленнаго и дѣловаго адъютанта. «Гдѣ вы достали такого молодца?»—сказалъ онъ, обращаясь къ генералу Кишинскому. Любопытно, что все донесеніе отцу пришлось сдѣлать возлѣ походной палатки, разложивъ всѣ бумаги прямо на землѣ, стоя на одномъ колѣнѣ, имѣя на другомъ на доскѣ бумагу, на которой онъ спѣшно заносилъ распоряженія Меншикова. Здѣсь позволю себѣ отмѣтить своеобразную причину, связавшую дружбою моего отца—простого артиллерійскаго офицера съ княземъ Голицынымъ, блестящимъ лейбъ-гусаромъ, адъютантомъ князя Меншикова—оба и князь Голицынъ и мой отецъ одинаково горячо и безкорыстно были увлечены математикой; иногда, даже и въ осажденномъ Севастополѣ, въ немногіе часы досуга сходились они потолковать о какомъ-нибудь математическомъ законѣ, особенно заинтересовавшемъ ихъ. Отецъ упоминалъ, что тогда среди молодежи положительно наблюдался особый интересъ къ сей точной и на первый взглядъ сухой наукѣ.

Какъ примѣръ относительности пріятныхъ ощущеній отецъ любилъ приводить эпизодъ двухъ своихъ поѣздокъ съ предписаніемъ, въ бытность подъ Севастополемъ,—поѣздокъ, оставившихъ въ немъ необыкновенно свѣтлое воспоминаніе. Однажды потребовалось спѣшно отдать приказаніе къ выступленію въ осажденный Севастополь цѣлому ряду батарей, располо-

женныхъ за Симферополемъ. Генераль послалъ моего отца. Большая дорога, равно какъ и ближайшія къ ней были загромождены обозами невообразимо и не было возможности прибыть по нимъ въ срокъ. Отцу пришлось ѣхать напрямикъ, верхомъ. Выѣхавъ днемъ, отецъ къ ночи прибылъ въ небольшую какую-то татарскую деревню, гдѣ уже стояла русская батарея. Отцу отвели ночлегъ въ татарской саклѣ, въ единственной конурѣ которой нѣсколько офицеровъ уже расположились на ночлегъ. Тѣснота и духота были невообразимы. Отцу оказалось возможнымъ отвести лишь небольшое пространство у печной трубы и чтобы протянуться, отцу пришлось просунуть голову въ отверстіе печи, имѣвшей видъ камина, находившееся прямо на полу: въ это прямое отверстіе печи отецъ увидѣлъ южное небо, усѣянное яркими звѣздами, и вдохнулъ чистый воздухъ, проникающій въ печь, и какимъ раемъ послѣ передрягъ войны показался отцу этотъ незатѣйливый ночлегъ съ пологомъ изъ темнаго клочка неба, съ хороводомъ яркихъ звѣздъ. Отецъ живо описалъ то блаженное состояніе, въ которомъ онъ заснулъ. Однако это блаженное состояніе было нарушено самымъ неожиданнымъ образомъ—вдругъ отецъ былъ разбуженъ цѣлымъ потокомъ южнаго ливнядожда, окатившаго его голову черезъ прямую трубу. На другой день отецъ отправился въ Бахчисарай; тутъ отцу пришлось ѣхать по мѣстамъ, занятымъ непріятельскими разѣздами, и шагомъ, по невылазной грязи, такъ что онъ только къ ночи прибылъ въ Бахчисарай. Въ Бахчисараѣ отцу отвели ночлегъ у батарейнаго командира. Скромная комнатка, кровать, подушка, простыни—все это послѣ невзгодъ боевой стоянки, холода и голода, спанья не раздѣваясь на соломѣ, смѣшанной съ жидкой грязью, показались отцу роскошью необычайной. Отецъ описывалъ неизъяснимое блаженство, съ которымъ послѣ сытнаго ужина, истомленный и продрогшій дорогою онъ протянулся въ свѣжей постели, въ теплѣ. Курьера по казенной надобности, да еще съ предписаніемъ отъ начальника оборонительной артиллеріи, вездѣ въ батареяхъ принимали на-славу, задавали ему обѣды и ужины съ шампанскимъ. Выполнивъ порученіе, отецъ тѣмъ же путемъ вернулся обратно въ Севастополь.

Въ другой разъ вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія отецъ получилъ предписаніе отъ генерала Кишинскаго спѣшно доставить къ начальнику артиллерійскихъ складовъ въ г. Николаевѣ генералу фонъ-Кноррингъ списокъ вещей, попорчениныхъ и утраченныхъ въ Инкерманскомъ бою, какъ напр. амуниціи, сбруи, сѣдель и проч., дабы генераль фонъ-Кноррингъ отдалъ распоряженіе о высылкѣ новыхъ. Двое сутокъ, на перекладныхъ, въ обыкновенной телѣгѣ тряся отецъ, не отдыхая ни днемъ, ни ночью. На третьи сутки отецъ пріѣхалъ въ городъ Николаевъ и, сознавая всю важность непромедленія ни одной минуты, не заѣзжая даже въ гостиницу, чтобы отдохнуть и обчиститься, прямо какъ былъ съ дороги подкатилъ къ парадному подъѣзду дома, занимаемаго генераломъ фонъ-Кноррингомъ, позвонилъ и спросилъ у лакея, можно ли видѣть его барина. Чопорный лакей важнаго генерала,

обмѣривъ презрительнымъ взглядомъ подѣхавшаго въ простой телѣжкѣ молоденькаго офицера, сплошь забрызганнаго грязью и еле державшагося отъ усталости на ногахъ, заносчиво отвѣтилъ: «Его Высокопревосходительство изволятъ почивать и никого не принимаютъ». — «Скажите генералу, что пріѣхалъ курьеръ изъ Севастополя съ предписаніемъ отъ начальника оборонительной артиллеріи». Узнавъ, что молоденькій офицеръ—курьеръ изъ Севастополя, лакей пошелъ доложить о немъ своему барину. Черезъ нѣсколько минутъ лакей прибѣжалъ запыхавшись и объявилъ, что баринъ изволили встать и приказали немедленно принять г-на курьера. Отецъ такъ, какъ былъ, въ грязной, помятой за дорогу одеждѣ, въ высокихъ сапогахъ, сплошь облѣпленныхъ грязью, прошелъ черезъ роскошную залу по чистому и гладкому какъ зеркало паркету мимо многочисленныхъ просителей, многихъ генераловъ, терпѣливо выжидавшихъ очереди и удивленными взорами проводившихъ грязнаго молоденькаго офицера, смѣшно и смѣло направлявшагося къ дверямъ кабинета начальника. Генералъ фонъ-Кноррингъ принялъ курьера съ необычайной любезностью, съ живымъ любопытствомъ разспрашивалъ о подробностяхъ осады, о рѣдкихъ впечатлѣніяхъ громаднаго военнаго событія, занимавшаго тогда умы всей Европы. Фонъ-Кноррингъ сказалъ, что немедленно сдѣлаетъ всѣ зависящія отъ него распоряженія, отдастъ всѣ соотвѣтствующія приказанія. Отдохнувъ нѣсколько въ гостиницѣ, отецъ отправился обратно въ Севастополь къ обязанностямъ службы въ тотъ же день.

Къ концу осады, батарея, въ которой служилъ отецъ, была отведена для отдыха и возобновленія людской и матеріальной части на нѣкоторое разстояніе отъ Севастополя. Здѣсь отецъ подхватилъ тифъ, тогда свирѣпствовавшій въ арміи, и его отправили на излѣченіе въ Симферополь. Дорогой отецъ былъ пораженъ обиліемъ фуръ и телѣгъ, везущихъ раненыхъ и больныхъ, сложенныхъ подчасъ на тряскихъ повозкахъ прямо какъ дрова. Симферополь во время осады Севастополя былъ переполненъ больными и ранеными невообразимо: все, что сколько-нибудь подходило для лѣченія таковыхъ, было превращено въ лазаретъ. Моему отцу, еле державшемуся на ногахъ, насилу подыскали помѣщеніе въ бывшей мелочной лавкѣ, представлявшей изъ себя конуру безъ оконъ и съ единственной дверью наружу, конуру, въ которую едва вдвинули кровать. Тамъ изрѣдка его навѣщалъ военный докторъ; уходъ отсутствовалъ бы совершенно, если бы не вѣрный его дядька Осипъ, который разыскалъ свое дитятко и тутъ и какъ нянька ходилъ за нимъ. Главнымъ докторомъ симферопольскаго военнаго госпиталя въ то время былъ мужъ родной тетки моего отца, разумѣется дядя тотчасъ же устроилъ бы у себя съ полными удобствами своего, больного племянника, но мой отецъ не захотѣлъ обезпечить своего дядю и не извѣстилъ его о своемъ прибытіи, зная,

что въ то трудное время дядя его и безъ того былъ очень стѣсненъ, будучи принужденъ давать у себя пріютъ многимъ здоровымъ и больнымъ, и только, когда отецъ выздоровѣлъ, онъ явился къ своему дядѣ, который за излишнюю щепетильность не мало попенялъ ему.

У дяди моему отцу между прочимъ пришлось быть на обѣдѣ, на которомъ въ числѣ приглашенныхъ былъ знаменитый Пироговъ. Отцу случайно пришлось сидѣть за обѣдомъ противъ этого мага хирургіи. Отецъ, наслышавшись не мало про его прямо сверхъестественную ловкость, невольно сталъ присматриваться ко всѣмъ движеніямъ рукъ этого необыкновеннаго человѣка. Случилось такъ, что къ обѣду въ числѣ прочихъ блюдъ была подана дичь. Отца поразила та ловкость, съ которою онъ управлялся съ этимъ блюдомъ: кости птицы казалось распадались сами собой подъ его искуснымъ ножомъ. — Еще бы! кому же какъ не Пирогову были знакомы всѣ сочлененія и очертанія костей!

Еще нѣсколько словъ о Пироговѣ. Въ числѣ прочихъ раненыхъ офицеровъ въ Симферополѣ находился одинъ товарищъ отца — нѣкто Демидовъ. Человѣкъ очень богатый, съ большими связями, онъ былъ помѣщенъ для лѣченія у самого губернатора и къ нему былъ приглашенъ самъ лейбъ-хирургъ Арендтъ. Рана Демидова была тяжелою: граната раздробила ему обѣ пятки. Лейбъ-хирургъ Арендтъ являлся къ нему каждый день, чтобы удалять изъ пятокъ части раздробленныхъ костей: въ то время еще не было въ ходу во время операцій устранять болесвыя ощущенія хлороформированіемъ или пувльвизированіемъ раны эфиромъ умѣрять боль и подлежащимъ операціи приходилось страдать невообразимо. Демидовъ говорилъ впоследствии отцу, что безъ ужаса не можеть вспомнить про тѣ страданія, какія онъ испытывалъ, когда Арендтъ (хирургъ вообще искусный) производилъ ему ежедневныя операціи, вытаскивая раздробленныя части костей пятокъ; но потомъ, когда почему-то вмѣсто Арендта къ нему явился Пироговъ и сталъ производить тѣ же манипуляціи, Демидовъ былъ пораженъ разницею между операціями, производимыми Арендтомъ и Пироговымъ—Пироговъ, по словамъ Демидова, вынималъ обломки костей съ такимъ искусствомъ, такъ ловко избѣгалъ прикосновенія къ боле-производящимъ нервамъ, что Демидовъ не только не чувствовалъ въ это время усиленія боли, но съ каждой новой вынутой косточкой чувствовалъ замѣтное облегченіе. Демидовъ, по его словамъ, во время операціи Арендта не могъ сдерживаться отъ стонувъ чуть не на весь домъ и совершенно свободно молча переносилъ операціи Пирогова.

Теперь о внѣшности Пирогова: отецъ упоминалъ, что при чертахъ лица исключительно неправильныхъ Пироговъ обладалъ выраженіемъ лица тонкости и пріятности необычайной. Отецъ находилъ, что это выраженіе всего болѣе походить на то, какое скульпторъ придалъ лицу Пирогова на памятникѣ, поставленномъ великому хирургу передъ московской хирургической клиникой, и что это выраженіе его лица совершенно невѣрно понято худож-

никомъ Рѣпиннымъ въ портретѣ его кисти, помѣщенномъ въ Третьяковской галлерей. Отецъ находилъ возможнымъ, что Рѣпинъ очень неудачно попалъ на совершенно случайное настроеніе великаго хирурга. Послѣ первой встрѣчи съ Пироговымъ на обѣдѣ у своего дяди, отецъ потомъ встрѣчалъ Пирогова не разъ и при обстоятельствахъ весьма разнообразныхъ и говорить, что никогда ему не случалось подмѣчать у Пирогова такого брюзгливо-напыщеннаго выраженія, какое придалъ Пирогову Рѣпинъ.

Еще два слова объ отношеніяхъ подъ Севастополемъ русскихъ къ нашимъ врагамъ. Отецъ подтверждаетъ фактъ, отмѣченный исторіей о дружескомъ отношеніи нашихъ солдатъ къ вражескимъ во время перемирія. Насколько наблюдалъ отецъ, дружественнѣе всего были взаимоотношенія русскихъ и французовъ. Одинъ маленькій эпизодъ, рассказанный моимъ отцомъ, врѣзался у меня въ памяти. Однажды были захвачены въ плѣнъ въ числѣ прочихъ нѣсколько французскихъ офицеровъ—они показались отцу даже какъ бы обрадованными тѣмъ, что попались въ плѣнъ—были очень оживлены, разговорчивы, разсыпались въ похвалахъ русскимъ, ихъ добротѣ, ихъ воинской доблести, а одинъ изъ нихъ даже вынулъ изъ кармана большую коробку прекрасныхъ шоколадныхъ конфетъ и сталъ угощать моего отца и его товарищей, приговаривая:

— Mangez, je vous prie, c'est un chocolat excellent, j'ai toujours du chocolat avec moi.

И когда отецъ похвалилъ шоколадъ, онъ прибавилъ:

— Mangez, mangez encore, je suis ravi, que ça vous plait.

Отецъ очень сожалѣлъ, что ему не пришлось побесѣдовать съ этимъ французскимъ офицеромъ о предметахъ болѣе серьезныхъ, потому что какъ разъ въ то время отецъ былъ назначенъ сопровождать пушки, только что захваченныя нами у враговъ, пушки по случайности тѣ самыя, которыя въ настоящее время помѣщены у входа въ храмъ на Братской могилѣ въ Севастополѣ. Мнѣ случилось съ отцомъ быть тамъ и отецъ призналъ эти пушки, какъ старыхъ знакомыхъ.

Послѣ Севастопольской кампаніи, бригаду, въ которой служилъ отецъ, перевели въ Херсонскую губернію, Береславскій уѣздъ, а батарею, въ которой числился отецъ, помѣстили на постой въ деревнѣ Сейда-Минухѣ, съ населеніемъ изъ евреевъ, поселенныхъ на землѣ по указу Императора Николая Павловича съ цѣлью приохотить ихъ къ полезному земледѣльческому труду. Увы! отведенные евреямъ надѣлы нисколько не приохотили ихъ къ столь несвойственному для этого племени занятию—поля оставались необработанными, а все мужское населеніе Сейда-Минухи отсутствовало совершенно, занимаясь всевозможными дѣлами по сосѣднимъ городамъ. Отцу отвели комнату въ холодной половинѣ еврейской хаты, выходившей окнами на задворки; стѣны комнаты, отве-

денной отцу, въ зимнее время покрылись инеемъ, при дыханіи былъ виденъ паръ. Однако, несмотря на такую обстановку, отецъ подготовился въ Академію Генеральнаго Штаба; отецъ занимался одѣтый въ полушубокъ, при свѣтѣ сальной свѣчи, многое проходя сверхъ программы академическаго экзамена исключительно изъ любознательности. Какъ я уже упоминала выше, повидимому, безкорыстный интересъ къ наукѣ у молодежи составлялъ черту того времени. Отецъ рассказывалъ, что онъ и его товарищи по батарее, чтобы сократить скуку неудачной стоянки, устраивали сборища, цѣлью которыхъ было исключительно научное саморазвитіе: точныя знанія, математика, физика, науки военныя, предпочтительно занимали ихъ. Отецъ съ отраднымъ чувствомъ вспоминалъ эти чисто-научныя сборища, чуждыя политиканства, попойекъ и кутежей. Появленіе новыхъ книгъ, которыя такъ трудно было доставать въ то время, считалось лучшимъ праздникомъ... Тогда еще не раздавались крики о переутомленіи при недостаткѣ питанія, о невозможной обстановкѣ для занятій наукою и т. п.—тогда работали безъ жалобъ, искусно припоровляясь къ условіямъ жизни, чаще суровымъ, чѣмъ благопріятнымъ...

Вскорѣ мой отецъ былъ отчисленъ для держанія экзаменовъ въ Академію. Для поступленія въ Военную Академію тогда требовалось три экзамена: при дивизионномъ штабѣ, при корпусномъ и при самой Академіи; выдержавъ всѣ три экзамена, отецъ мой поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Тогда существовалъ слѣдующій обычай: всѣ поступившіе въ Академію должны были представиться Государю—таковыхъ собралось около пятидесяти человекъ въ одномъ изъ залъ Зимняго дворца. Случилось такъ, что изъ всѣхъ собравшихся только мой отецъ имѣлъ медаль за защиту Севастополя. Это обратило на себя вниманіе Государя. Александръ II подошелъ къ моему отцу и разспрашивалъ его довольно долго относительно его пребыванія въ осажденномъ Севастополѣ. Отецъ упоминалъ, что въ распросахъ Государя его поразила интересъ къ самой сущности военнаго дѣла, которую, видимо, Государь строго отдѣлялъ отъ его внѣшней, поверхностной стороны.

Упомяну еще объ одномъ любопытномъ знакомствѣ отца: въ Академіи Генеральнаго Штаба товарищемъ по курсу отца былъ Сѣраковскій, злополучный вожакъ послѣдняго польскаго возстанія. Отецъ не только зналъ его лично, но имѣлъ случаи часто встрѣчаться съ нимъ въ обществѣ и тѣсномъ пріятельскомъ кругу. Худой, съ безкровнымъ, некрасивымъ нервнымъ лицомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ отца, по первому знакомству, могъ сдѣлать весьма выгодное впечатлѣніе своими прекрасными манерами и своею поистинѣ европейскою благовоспитанностью; однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ Сѣраковскимъ, по словамъ отца, крайне непріятно поражала въ немъ безграничная самоувѣренность, кичливость, по временамъ доходившая до такой наивности, что товарищи не высоко цѣнили его умъ. Отецъ рассказывалъ, что узнавъ изъ газетъ объ организаціи Сѣраковскимъ польскаго мятежа, онъ былъ крайне удивленъ,

такъ мало казался отцу подходящимъ къ суровой роли вожака народнаго возстанія этотъ барски изпѣженный человѣкъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ говорилъ, что въ сумасбродствѣ затѣи во главѣ толпы сброда борются съ регулярными войсками необъятной могучей Россіи, равно какъ и въ стратегически нелѣпо веденномъ планѣ возстанія, онъ сразу узналъ чудака Сѣраковскаго, который въ бытность въ Академіи, въ пріятельскихъ бесѣдахъ на военныя темы, всегда обнаруживалъ себя, какъ весьма слабый стратегъ и весьма поверхностный слушатель курса военныхъ наукъ. Отецъ приводилъ, какъ примѣръ тактической несообразительности Сѣраковскаго эпизодъ, когда этотъ послѣдній расположилъ повстанцевъ передъ русскимъ отрядомъ такъ, что противниковъ раздѣляло неглубокое болото, съ расчетомъ, что оно послужитъ достаточной препоной для атаки русскихъ. Какъ извѣстно изъ исторіи, русскіе солдаты и офицеры шутя перебѣжали это болото и Сѣраковскій принужденъ былъ увидѣть крушеніе его эфемернаго плана. Въ общемъ, повторю, на роль своего товарища по Академіи въ польскомъ возстаніи отецъ смотрѣлъ какъ на странный, безумный, чуждый самому зачинщику порывъ.

По окончаніи Академіи Генеральнаго Штаба отецъ былъ назначенъ на службу въ Москву въ бывшій штабъ резервовъ армейской пѣхоты, изъ котораго былъ впослѣдствіи переведенъ въ Генеральный Штабъ, назначенъ на должность старшаго корпуснаго адъютанта и, наконецъ, получивъ назначеніе на должность помощника старшаго адъютанта Казанскаго военнаго округа, подалъ прошеніе объ отставкѣ по домашнимъ обстоятельствахъ, вышедъ въ оную 27 лѣтъ отъ роду съ чиномъ подполковника и съ мундиромъ.

Служба въ Москвѣ, успѣшная въ смыслѣ движенія по служебной лѣстницѣ, была не лишена терніевъ для отца вслѣдствіе своеобразныхъ недоразумѣній съ начальникомъ его, генераль-лейтенантомъ К., едва ли могущимъ быть признаннымъ «на высотѣ». Начальникъ резервовъ армейской пѣхоты, генераль-лейтенантъ К. былъ человѣкомъ весьма тяжелаго характера, брюзгливо придирчивый и мелочно самолюбивый, человѣкъ безпредѣльно гибкой совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивый, самодуръ, не останавливающийся ни передъ какимъ превышеніемъ власти. Два эпизода столкновеній отца съ генераль-лейтенантомъ К. стоятъ быть изложенными.

Случилось такъ, что въ штабъ былъ присланъ для держанія офицерскаго экзамена молодой человѣкъ—сынъ извѣстнаго министра графа Валуева. Экзаминаторомъ по значительной части предметовъ былъ назначенъ мой отецъ. Передъ экзаменомъ генераль-лейтенантъ К. призвалъ къ себѣ отца и, объяснивъ, кого придется экзаменовать, прибавилъ:

— Понимаете-ли кого вамъ предстоитъ экзаменовать—сына самого

Валуева. Кажется, у молодого человѣка еще не малые пробѣлы въ знаніяхъ, но я нахожу, что въ такихъ случаяхъ на эти пробѣлы слѣдуетъ совершенно закрывать глаза!

Отецъ отвѣтилъ, что онъ врагъ какого бы то ни было запугиванья, но что онъ произведетъ экзамень, какъ велитъ его совѣсть. На испытаніи, произведенномъ моимъ отцомъ, обнаружилось полное невѣжество молодого графа Валуева, и отецъ былъ вынужденъ по всѣмъ предметамъ произведенныхъ имъ экзаменовъ поставить неудовлетворительный баллъ.

Генераль-лейтенантъ К., узнавъ объ экзаменѣ, произведенномъ отцомъ, пришелъ въ ужасъ и позвалъ къ себѣ моего отца.

— Что вы сдѣлали: вы провалили сына графа Валуева!—закричалъ онъ.

Отецъ объяснилъ, что онъ не могъ поступить иначе, такъ какъ молодой графъ Валуевъ ровно ничего не зналъ.

— Но зналъ ли что-либо сынъ Валуева или не зналъ—это для меня безразлично, сказалъ генераль-лейтенантъ К.,—а я требую, чтобы вы всѣ поставленныя вами графу Валуеву отмѣтки перемѣнили на удовлетворительныя баллы».

Отецъ отвѣтилъ, что онъ этого требованія исполнить не можетъ.

— А-а-а вы такъ?—ну такъ мы обойдемся и безъ васъ и выдадимъ ему удовлетворительный аттестатъ.

Отецъ вѣжливо замѣтилъ, что онъ не подпишется подъ такимъ аттестатомъ.

— Не подпишетесь?—мы обойдемся и безъ вашей подписи!

Отецъ замѣтилъ, что по уставу полагается подпись всѣхъ экзаменаторовъ... Этотъ отвѣтъ вызвалъ цѣлую бурю.

Однако, генераль-лейтенантъ К., поразмысливъ, не отважился поправлять отмѣтки и молодой графъ Валуевъ уѣхалъ къ отцу ни съ чѣмъ.

Случилось такъ, что вскорѣ послѣ этого эпизода генераль-лейтенантъ К. уѣхалъ по дѣламъ въ Петербургъ. Тамъ на одномъ великосвѣтскомъ раутѣ онъ встрѣтился съ графомъ Валуевымъ—отцомъ. Эта встрѣча имѣла совершенно неожиданный исходъ для генераль-лейтенанта К.: графъ Валуевъ при всѣхъ подошелъ къ генералу К., обнялъ его, поцѣловалъ и сказалъ:

— Искренно, отъ души благодарю васъ, генераль.

— За что?—изумленный до невѣроятія воскликнулъ генераль К.

— Мой сынъ держалъ офицерскій экзамень у васъ при штабѣ и провалился! Вы поступили, какъ благородный человѣкъ; ваше безпристрастіе къ моему сыну искренно порадовало меня: мой сынъ не лишень иныхъ добрыхъ свойствъ, но онъ страшно избалованъ и потому весьма легкомысленъ—ему въ высшей степени полезна хотя бы какая-нибудь наука!

Любопытнѣе всего, что по приѣздѣ въ Москву генераль-лейтенантъ К. съ самодовольнымъ хвастовствомъ рассказывалъ про свою встрѣчу

съ графомъ Валуевымъ и про свое «безпристрастіе» къ его сыну, рассказывалъ, даже не стѣсняясь присутствіемъ отца.

Эпизодъ, въ благопріятномъ исходѣ котораго былъ главнымъ виновникомъ мой отецъ, былъ исчерпанъ, но отношеніе генераль-лейтенанта К. къ моему отцу измѣнилось разъ навсегда—начальникъ не могъ простить случая противорѣчія ему и съ тѣхъ поръ цѣлымъ рядомъ выходокъ подчасъ возмутительныхъ мстилъ своему подчиненному. Привожу одинъ изъ эпизодовъ этой мести.

У генераль-лейтенанта К. было огромное имѣніе на югѣ Россіи и ему понадобилось произвести съемку въ немъ. Чтобы съемка обошлась дешево, генераль-лейтенантъ послалъ произвести эту съемку одного изъ военныхъ топографовъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихся при штабѣ. По несчастной случайности топографъ, вообще очень опытный и необычайно исправный, перепуталъ что-то при съемкѣ и къ тому же не въ пользу своего начальника. Ошибка топографа вывела генерала К. изъ себя и генераль К. отдалъ приказаніе выпоротъ этого топографа — человѣка въ лѣтахъ, по развитію, благовоспитанности подходящаго къ образованному классу общества. Радуюсь случаю мести моему отцу, генераль-лейтенантъ К. поручилъ ему наблюдать за выполненіемъ этой экзекуціи. Отецъ отказался отъ такого порученія наотрѣзъ.

— Но я какъ начальникъ приказываю вамъ и вы должны повиноваться,—закричалъ генераль моему отцу.

Отецъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ повиповснѣ начальству, но только не въ такихъ случаяхъ.

— Но топографъ будетъ выпоротъ и безъ васъ! крикнулъ генераль К.

Тогда отецъ сказалъ:

— Ваше превосходительство—вы не сдѣлаете этого—этотъ топографъ незамѣнимъ и подобное наказаніе подорветъ его усердіе.

— Какъ не сдѣлаю?—ужь не вы ли запретите мнѣ это!—опять крикнулъ генераль К.

— Я не могу запретить вашему превосходительству, но если вы не отмѣните вашего приказанія выпоротъ этого исправнаго человѣка, то я принужденъ буду подать рапортъ о томъ, что вы употребляете служащихъ для своихъ частныхъ надобностей!

Генераль К. оторопѣлъ... Прійдя въ себя онъ закричалъ:

— А-а-а, такъ вы такъ! Доносить! Но въ такомъ случаѣ я объявляю вамъ, что не могу служить съ вами: кто-нибудь одинъ изъ насъ долженъ выйти въ отставку.

— Я не собираюсь выходить, но не могу воспретить сдѣлать это вамъ. отвѣтилъ отецъ, начавшій уже терять терпѣніе.

Трудно описать подавленную злобу генерала К. Послѣ этого онъ принялъ цѣлый рядъ способовъ мести моему отцу, способовъ настолько возмутительныхъ, что о нихъ пріятнѣе не упоминать вовсе.

Вообще же отецъ не могъ пожаловаться на начальство и о личности

генераль-лейтенанта К. упоминаль, какъ объ явленіи единичномъ среди другихъ своихъ начальниковъ, подчасъ можетъ быть и строгихъ, но справедливыхъ въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ.

Свѣтлое впечатлѣніе оставила въ памяти отца личность Павла Алексѣевича Тучкова, тогда уже маститаго старца, въ то время генераль-губернатора Москвы. Отецъ часто бывалъ посылаемъ къ нему со всевозможными порученіями и всегда удивлялся утонченной деликатности и прекраснымъ душевнымъ свойствамъ этого славнаго ветерана отечественной войны.

Отецъ описывалъ и величавую осанку Тучкова, и его мягкость обхожденія и внимательную разумную рѣчь.

Видѣль отецъ и другого славнаго ветерана отечественной войны— Ермолова, тогда уже угасавшаго. Случилось такъ, что на службу отцу приходилось проходить каждый день мимо дома, въ которомъ жилъ Ермоловъ. Въ нижнемъ этажѣ этого дома въ одно изъ раскрытыхъ оконъ онъ часто видѣлъ величаваго, одѣтаго въ халатъ, сидящаго въ огромномъ креслѣ, старца съ львиной гривой волосъ на огромной головѣ, съ грустью смотрящаго изъ подъ густыхъ нахмуренныхъ бровей потухающимъ, но глубокимъ взоромъ въ окно на уходящую отъ него жизнь.

Выйдя въ отставку, отецъ всецѣло посвятилъ себя педагогическому дѣлу и навсегда поселился въ Москвѣ. Будучи человѣкомъ дѣятельнымъ и живо интересующимся всѣми вопросами жизни, онъ имѣлъ большой кругъ знакомства, зналъ многихъ видныхъ москвичей, крупныхъ дѣятелей московской сцены и науки, лично зналъ многихъ крупныхъ писателей,— изъ нихъ отецъ чаще всего вспоминалъ о поэтѣ Плещевѣ, съ которымъ былъ пріятелемъ и въ которомъ любилъ его дѣтски чистую душу и возвышенный строй ума.

Л. Кедрина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на имѣющей выходить съ 1917 года въ Петроградъ

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи **А. Л. Беа**, проф. **В. Н. Бенешевича**, **С. Б. Веселовскаго**, проф. **Э. Д. Гримма**, проф. академика **М. А. Дьяконова**, проф. **Л. П. Карсавина**, проф. академика **А. С. Лаппо-Данилевскаго**, проф. **Н. К. Никольскаго**, проф. **М. А. Полиевкова**, прив.-доц. **М. Д. Приселкова**, проф. **А. Е. Прѣснякова**, проф. **С. В. Рождественскаго**, **Вс. Изм. Срезневскаго**, и проф. академика **А. А. Шахматова**. Сотрудничество въ журналѣ обѣщали уже многіе русскіе и иностранные ученые.

Журналъ ставитъ своею задачею научное освѣщеніе всѣхъ сторонъ исторической жизни Россіи съ древнѣйшихъ временъ: государственнаго, церковнаго и общественнаго строя, права, хозяйства, литературныхъ, религіозныхъ и философскихъ теченій и т. д. Иными словами, въ журналѣ найдутъ себѣ пріемъ работы по всѣмъ научнымъ дисциплинамъ, какъ главнымъ, такъ и вспомогательнымъ, поскольку имѣется въ виду широкое выясненіе хода русской исторіи. При этомъ будетъ удѣлено вниманіе и Россіи, какъ цѣлому, и составляющимъ ее народностямъ и областямъ, а также славянству, Византіи, Западной Европѣ и Востоку въ ихъ отношеніи къ Россіи и къ русской исторической наукѣ.

Въ журналѣ будутъ слѣдующіе отдѣлы:

1. Статьи по упомянутой программѣ размѣромъ до двухъ листовъ и мелкія замѣтки до $\frac{1}{2}$ листа.

2. Критика.

3. Хроника, дающая свѣдѣнія о текущей научной работѣ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учреждений, а также о государственныхъ и общественныхъ мѣропріятіяхъ въ области изученія исторіи.

4. Библиографія всѣхъ представляющихъ научный интересъ трудовъ.

5. Объявленія.

Журналъ будетъ выходить книжками, отъ четырехъ до шести въ годъ.

Подписная цѣна: на годъ 8 рублей.

Цѣна объявленій: 1 страница—50 р., $\frac{1}{2}$ стран.—30 р. и $\frac{1}{4}$ стран.—18 р.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ журнала: Фонтанка, 80, кв. 2, книгоиздательство «О г и и». Адресъ редакціи: В. О., Биржевая линія, 8, кв. 2.

Отвѣтственные редакторы: проф. **В. Н. Бенешевичъ**, проф.-акад. **М. А. Дьяконовъ**, прив.-доц. **М. Д. Приселковъ**, проф. **С. В. Рождественскій**,
Издатель **В. Н. Бенешевичъ**,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 годъ, НА ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ КРАСНАГО КРЕСТА“

издаваемый Главнымъ Управленіемъ Россійскаго Общества Краснаго Креста,
состоящаго подъ АВГУСТЪЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

Ея Величества Государыни Императрицы МАРИИ ОЕОДОРОВНЫ.

Журналъ имѣетъ своею главною задачею предоставить всѣмъ интересующимся дѣятельностью Краснаго Креста возможность быть освѣдомленными о той широкой помощи, которую оказываетъ Красный Крестъ въ общественныхъ бѣдствіяхъ, какъ-то: война, голодь, наводненія, пожары и проч. Кроме свѣдѣній о текущей дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста, журналъ содержитъ разработки медицинскіхъ, гигиеническихъ, техническихъ и др. вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности Краснаго Креста, и знакомитъ читателей съ положеніемъ дѣла Краснаго Креста въ иностранныхъ государствахъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ ознакомленія публики съ дѣломъ Краснаго Креста Главное Управленіе Общества издаетъ «Иллюстрированный Календарь Краснаго Креста», являющийся бесплатной преміей къ журналу. Календарь этотъ можетъ служить каждому настольной справочной книгой, въ виду разнообразія и полноты помѣщенныхъ въ немъ свѣдѣній. Календарь на 1917 годъ иллюстрированъ портретами Высочайшихъ Особъ и фотографическими снимками. Помимо обширныхъ календарныхъ свѣдѣній общаго характера, въ «Календарѣ» даются также періодическіе обзоры дѣятельности Краснаго Креста.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ *юля* и *августа*, книгами около 9—12 печатныхъ листовъ.

Подписная плата—три рубля въ годъ съ доставкой и пересылкой; за границу—шесть рублей.

Подписка на журналъ принимается въ Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста (Петроградъ, Инженерная, 9), во всѣхъ окружныхъ и мѣстныхъ управленіяхъ и комитетахъ Общества, а также въ главныхъ книжныхъ магазинахъ.

имѣеть онъ пздавца дѣвицу Давыводу, жившую въ отведенномъ для нея лучшемъ монастырѣ, которая, посвятивъ ему все цвѣтущія лѣта свои, теперь служить ему доставленіемъ ему другихъ, подъ названіемъ золотошвей, изъ коихъ приваживала оныхъ и сюда; сама же довольствуется не токмо обильною, но и пышною снархією, и управлять самовластно съ помощью конепсторскаго секретаря всею снархією.» Въ этомъ же родѣ идутъ и другія страницы «Записокъ». Св. Синодъ, какъ учрежденіе, по изображенію Яковлева, представляетъ собой какой то «сонмъ» предателей, развратниковъ, лихонмцевъ и другихъ категорій типовъ уголовнаго характера. Нельзя, конечно, всему вѣрить. Не даромъ изслѣдователи, пользовавшіеся «Выписками», называютъ ихъ «не вполне объективными и далеко не безпристрастными къ описываемымъ событіямъ и лицамъ (Благовидовъ, О. О.). Но за всеѣмъ тѣмъ «Журналъ» А. А. Яковлева всетаки является историческимъ документомъ рѣзко вскрывающимъ прошлыя язвы синодальнаго быта. Читатель «Записокъ», съ грустнымъ чувствомъ закрывая брошюрку, изданную Андреевымъ, можетъ утѣшить себя тѣмъ, что едвали все это было на самомъ дѣлѣ.

Н. Г. Высоцкій.

Труды Тульской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Книга I. 1913 г.—10 ноября—1914. Тула, 1915. Ц. 5 р.

Первенецъ Тульской Комиссіи имѣеть прежде всего статью «Саксонскія

сношенія съ польскимъ королемъ касательно посольства Хр. Шлейнаца въ Москву 1511—14 гг.», заключающую въ себѣ, въ переводѣ, документы Дрезденскаго Госуд. Архива, съ любопытными данными. За нею слѣдуетъ нѣсколько статей по генеалогіи Тульскихъ дворянскихъ родовъ, а также рода Лермонтовыхъ. «Достопамятности г. Тулы и его губерніи» археолога Н. П. Сахарова, Писцовыя книги Тульского края, к. XVII в. по оригиналамъ М. Архива Мин. Юстиціи, и большое количество отдельных документовъ, писемъ (м. проч. В. А. Жуковскаго и Н. С. Тургенева) и т. п.

Извѣстія Таврической Архивной Ученой Комиссіи. Годъ 28-й. № 52. Подъ редакціей Председателя Комиссіи **Арс. Ив. Маркевича.** Симферополь, 1915.

Самая важная статья—переводная изъ соч. Гейда, О западныхъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря и ихъ концѣ. Кроме нея новый томъ заключаетъ: сборникъ пословиць и примѣтъ Крымскихъ татаръ, арабскую повеллу въ ногайскомъ языкѣ, армянскія надписи изъ Крыма и матеріалы по исторіи судебной реформы (въ Таврич. губ.). Наконецъ, можно отмѣтить ст. Н. П. Веселовскаго «О пріобрѣтеніи для Импер. Эрмитажа нумизматическаго собранія Н. А. Стемпковскаго» съ портретомъ Стемпковскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1917-й годъ.

(Годъ изданія 55-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1917 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой пятнадцать рублей, для чужихъ краевъ двадцать рублей. Цѣна отдѣльнаго выпуска — 1 р. 75 к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ „Русскаго Архива“ на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня и отъ 7 до 9 час. вечера.

Книгопродавцамъ Контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправлена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобыки благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ продаются годовые комплекты журнала за 1913, 1914 и 1915 гг., по цѣнѣ 13 р. за каждый годъ.

Отдѣльные №№ за 1913, 1914 и 1915 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 200 р., $\frac{1}{2}$ стр. 100 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и Издатель **Петръ Бартевъ** (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1917

2—3

стр.

- 1—44. Два произведенія Императрицы Екатерины II-ой для Законодательной Комиссiи 1767—1774 гг. Прив.-доц. **А. В. Флоровскаго.**
- 45—55. Изъ воспоминаній. **А. Л. Филипповой.**
- 56—88. Любопытныя книги. **Дим. Языкова.**
- 89—94. Инструкція Императора Павла I-го къ посланнику въ Константинополь **В. Тамаръ. С. В. Арсеньева.**
- 95—105. Письма гр. **Нанкрина** къ гр. **Аракчееву.**
- 106—107. Письмо кн. **П. Лопухина** къ гр. **Аракчееву.**
- 108—111. Письма гр. **Сперанскаго** къ гр. **Аракчееву.**
- 112—124. Письма **Н. П. Побѣдоносцева** къ **С. Д. Войту.**
- 125—128. Рагузская республика въ XVIII в. **С. В. Арсеньева.**

Приложеніе. **Ф. И. Свистунъ.** Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австрiи. Съ предисловіемъ **Ф. Ф. Аристова.**

Внутри обложки: Дневникъ **В. П. Шереметевой,** урожденной **Алмазовой.** 1825—1826 гг. **И. С. Б.**

Продолжается подписка на 1917 годъ.

Т-ВО СРОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

1917.

Дневникъ В. П. Шереметевой, урожденной Алмазовой. 1825—1826 гг. Москва 1916 г.
с 212, in 8°. Цѣна 3 р.

она одного изъ москвичей, фамилия которой указана выше, въ сопровожденіи мужа, по своимъ дѣламъ, осенью 1825 г. отправилась въ Петроградъ и пробыла тамъ до 6 февраля 1826 г.; захвативъ такимъ образомъ время кончины Императора Александра I и восшествіе на престолъ его преемника. О своемъ путешествіи и пребываніи въ столицѣ она и описываетъ въ видѣ дневника своимъ дѣтямъ, оставшимся въ подмосковной вотчинѣ въ с. Михайловскомъ. Изъ Москвы до Петрограда Шереметевы ѣхали старымъ порядкомъ въ почтовомъ «длинжансѣ» 8 сутокъ, съ 3 по 11 октября 1825 г. Остановились они по пріѣздѣ въ Петроградъ въ гостиницѣ «Демуть», за 3 небольшія комнаты въ 4 этажѣ заплатили по 65 р. въ недѣлю и кромѣ того 2 р. за воду. Потомъ они сняли меблированную квартиру на углу Невскаго и Большой Морской въ 6 комнатъ за 300 р. въ мѣсяцъ, при чемъ было поставлено условіемъ въ квартирѣ, во избѣжаніе воровства, «котораго здѣсь предовольно», первыя комнаты заперать ключомъ, имѣть колокольчикъ и беземѣннаго человѣка, сидѣвшаго здѣсь весь день. «Провизія, — писала В. П., — такихъ же цѣнъ, что и въ Москвѣ, только говядина обходится на 4 к. дороже фунтъ, зато вино и кофе дешевле». Карета была нанята въ мѣсяцъ за 400 р. «Погода здѣсь ужасная, — продолжаетъ В. П., — каждый день дождь и страшная сырость; говорятъ, что это обычно осенью; 24 октября жители, вспомянувъ прошлогоднее наводненіе, были напуганы приливомъ воды; къ вечеру она начала убывать, а на Адмиралтействѣ были зажжены фонари; днемъ же поднимаютъ бѣлые флаги, если благополучно, и красные, если вода очень высоко». «Но лишь только проглядываетъ солнце, весь Петербургъ выходитъ на Невскій». Мы, напримѣръ, — говоритъ В. П., —

дошли до конца Набережной, кончающейся на Литейной, продолжали путь по набережной Фонтанки до Невскаго на Анничковъ мостъ и отсюда домой на Морскую; на Невскомъ гуляла также великая княгиня Александра Осодоровна (жена Николая Павловича). Дамы очень царяжны, ходятъ въ шляпкахъ съ цвѣтами и перьями и годы не дѣлаютъ различія, ибо здѣсь нѣтъ старыхъ дамъ, онѣ въ 50 или 60 лѣтъ одѣваются такъ же, какъ барышни (стр. 76). Всѣ молодыя дѣвушки носятъ бархатныя шубки безъ шалей и безъ воротничковъ, одинъ костюмъ можетъ стоить не менѣе 1000 р., а во время зимы мѣняютъ нѣсколько разъ шубы, — таковъ обычай. Здѣсь нужно быть богатой, чтобы веселиться, и поэтому стараются не выходить замужъ за человѣка безъ средствъ и не жениться на дѣвушкѣ, которая не богата» (стр. 101).

В. П. Шереметева описываетъ вечеръ одного изъ выдающихся аристократическихъ салоновъ, у кн. Нат. Петр. Голицыной, матери Моск. ген.-губ., известной подъ названіемъ «princesse Moustache» (прототипъ «пиковой дамы»). Прибыли они съ мужемъ послѣ 9 ч., было множество незнакомаго народа. Огромный диванъ, въ углу сидитъ княгиня Н. П. и тутъ же карточный столъ, подойдутъ къ ней, поклонятся, только не цѣлуются и переходятъ къ столу гр. Строгановой (дочери княгини), сидящей на другомъ концѣ дивана за работой; выбираютъ кружокъ около княгини или графини и ежеминутно снуютъ взадъ и впередъ; за небольшое время прибыло и уѣхало по крайней мѣрѣ 100 человѣкъ. В. П. Шереметева и ея мужъ за разными столами сѣли играть въ вистъ, въ одной изъ партій приняла участіе и хозяйка дома. Вечеръ окончился ужиномъ для самыхъ «интимныхъ» человѣкъ въ 15, въ число ихъ были приглашены авторъ «Дневника» и ея мужъ. «Напрасно говорятъ, — пишетъ В. П., — что здѣшнія дамы холодныя, я нахожу, что онѣ чрезвычайно предупредительны и пріятны». На другомъ вечерѣ у гр. Строгановой присутствовали Великій князь

РУССКІЙ ЯРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пушкинъ.

1917

КНИГА ВТОРАЯ ТРЕТЬЯ.

Т-00 СКОРОДЕЦЪ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ. МОСКВА.
1917.

Два произведенія Императрицы Екатерины II для Законодательной Комиссiи 1767—1774 гг.

Всѣ работы сколько-нибудь крупнаго и общаго значенія, вышедшія изъ-подъ пера Императрицы Екатерины II для Комиссiи о сочиненiи проекта Новаго Уложенiя, раздѣляются по ихъ содержанiю на двѣ группы. Съ одной стороны, это—работы, имѣющія цѣлью дать опредѣленныя практическія указанія для организаціи составленiя и управленiя Комиссiей, т.-е. положеніе о выборахъ съ приложенными къ нему «обрядами» и «обрядъ управленiя»; съ другой стороны, должно поставить работы общаго значенія, развивающія опредѣленныя принципиальныя воззрѣнiя, которыя должны быть положены въ основу работъ депутатскаго собранiя и опредѣлить такъ или иначе ихъ основное содержаніе. Въ этой второй группѣ первое мѣсто занимаетъ, конечно, Большой Наказъ Екатерины II съ особымъ краткимъ генераль-прокурорскимъ наказомъ; къ этой же группѣ должно отнести и послѣдній по времени опубликованiя основоположный для работъ Комиссiи актъ—«Начертаніе о приведенiи къ окончанiю Комиссiи о составленiи проекта Новаго Уложенiя»¹⁾, подписанный Екатериной II 8 апрѣля 1768 г. одновременно съ XXII главой Наказа. Необходимымъ приложенiемъ къ «Начертанiю» являются составленныя самою Императрицей три «урока» для частной комиссiи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права.

Въ «Начертанiи», рядомъ съ практическими указанiями относительно необходимости учредить тѣ или иныя частныя комиссiи, содержатся извѣстныя теоретическія и общія разсужденiя о сущности тѣхъ вопросовъ, которые должны быть предметомъ обсужденiя въ каждой изъ этихъ комиссiй, и въ этомъ отношенiи «Начертаніе» въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть развитіе тѣхъ или иныхъ сжатыхъ указанiй Наказа.—Эта близость проявляется и въ нѣкоторой общности содержанiя; въ «Начертаніе» вошли нѣкоторыя фразы относительно нижняго рода людей, предназначенныя

¹⁾ П. С. З., т. XVIII, № 13095.

первоначально Императрицей для Наказа, вмѣстѣ съ тѣмъ для «Начертанія» былъ частью использованъ тотъ же матеріалъ, что и для послѣдней главы Наказа—работа проф. С. Десницкаго.

Имѣя, такимъ образомъ, тѣсную связь съ Большимъ Наказомъ, и являясь основнымъ актомъ для дѣятельности частныхъ комиссій, которыя занимались составленіемъ отдѣльныхъ частей Новаго Уложенія, «Начертаніе» заслуживаетъ большого вниманія, почему мы и постарались изучить исторію его текста, и результаты этого изученія ниже предлагаемъ, при чемъ по возможности даемъ полностью всѣ тѣ записи и замѣтки Императрицы, которыя не вошли въ печальный текстъ занимающаго насъ памятника.

I. Исторія текста «Начертанія» 8 апрѣля 1768 года.

I.

Давно уже въ литературѣ былъ указанъ тотъ фактъ, что первоначальное составленіе «Начертанія» было поручено Императрицей Екатериной II графу Андрею Петровичу Шувалову, который еще 3 августа 1767 г. назначенъ былъ директоромъ или наблюдателемъ за веденіемъ дневныхъ записокъ Комиссіи ¹⁾. Это указаніе было сдѣлано впервые, кажется П. Щербальскимъ ²⁾, который, очевидно, имѣлъ случай познакомиться съ сохраняющимся въ Сенатѣ собраніемъ бумагъ Екатерины II, касающихся Законодательной Комиссіи. Тамъ въ т. II на л. 33 рукою самой Императрицы отмѣчено такъ: «планъ графа Андрея Петровича Шувалова нами передѣланъ какъ изъ сего видно»; далѣе идетъ текстъ «Начертанія», тогда еще именовавшагося просто «планомъ», при чемъ этотъ списокъ воспроизводитъ сохранившійся въ томъ же т. II (л. 1 и слѣд.) съ рядомъ поправокъ руки Екатерины «опытъ плапа всему тому; о чемъ въ Комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія господамъ депутатамъ трудиться должно».

Такимъ образомъ намѣчается нѣсколько моментовъ въ составленіи «Начертанія»: «опытъ Шувалова», его внимательное, съ рядомъ поправокъ подчасъ очень существенныхъ, прочтеніе и полное воспроизведеніе полученнаго послѣ этого просмотра текста съ нѣкоторыми новыми вставками и измѣненіями; этотъ списокъ руки Екатерины, доведенный до состава V части I, перешелъ затѣмъ къ помощнику Императрицы въ составленіи Наказа Г. В. Козицкому, которымъ было переписано начало «плана», въ заголовкѣ уже именуемаго «Начертаніемъ», и все дальнѣйшее изложеніе вплоть до того мѣста, гдѣ остановилась Екатерина (т. II, лл. 57 и слѣд.).

¹⁾ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. IV, стр. 56.

²⁾ П. Щербальскій. Екатерина II, какъ писательница. Заря, 1869, III, стр. 111, прим. 2.

Дальнѣйшая часть «Начертанія» въ этомъ списокѣ, начатомъ Козицкимъ, написана рукою Императрицы, такъ что, очевидно, Екатерина II передала своему сотруднику для переписки еще незаконченный текстъ своего произведенія. Весь, составленный Екатериной, текстъ, въ первой половинѣ въ копіи Козицкаго съ поправками Императрицы, а во второй—въ черновикѣ ея, снова направлень былъ къ этому помощнику автора, которому принадлежитъ послѣдній списокъ «Начертанія», почти во всемъ соответствующій печатному, при чемъ и онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ подвергся исправленіямъ со стороны Императрицы (л. 104 и слѣд.).

Разсмотрѣніе названныхъ текстовъ въ указанной нами послѣдовательности убѣждаетъ, что намъ извѣстны всѣ важнѣйшія бумаги, касающіяся переработки плана Шувалова; возможно, что какія-либо отдѣльныя поправки или вставки были и еще дѣлаемы Екатериной, такъ, напр. сохранилась въ Арх. Имп. Двора записка со спискомъ отдѣльныхъ частей Уложения, соответственно отдѣльнымъ комиссіямъ и съ нѣкоторыми замѣчаніями, явно относящимися къ «Начертанію», но оказывается, что эти поправки повторены на поляхъ плана Шувалова рукою Екатерины. И думается, что во всемъ существенномъ доступныя намъ бумаги даютъ исчерпывающія указанія, такъ что можно представить во всѣхъ подробностяхъ изгибы мысли Екатерины на всѣхъ стадіяхъ ея работы.

Основной интересъ изслѣдованія такого рода заключается въ выясненіи отклоненій Екатерины отъ содержанія Шуваловскаго «плана», въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ напр. въ вопросѣ о крѣпостныхъ крестьянахъ, какъ извѣстно, представляющаго любопытныя особенности. Полную ясность и отчетливость въ этомъ дѣлѣ, а также достаточный матеріалъ для общей оцѣнки работы Екатерины можно получить лишь путемъ внимательнаго разсмотрѣнія того, какой обработкѣ подвергался каждый отрывокъ плана Шувалова. Принимая во вниманіе, что этотъ планъ имѣетъ уже такое же дѣленіе на части и отдѣлы, какъ и печатный текстъ «Начертанія», мы будемъ вести наше обозрѣніе именно по этимъ раздѣленіямъ, останавливаясь прежде всего на изложеніи «опыта плана» и обращаясь затѣмъ къ судьбѣ опредѣленнаго текста въ послѣдующихъ его обработкахъ. Это дастъ намъ возможность познакомиться съ «опытомъ» и тѣми его частями, которыя не приняты были Екатериной, и поможетъ, можетъ быть, подмѣтить источники этой работы Шувалова, т.-е. раздвинуть нѣсколько предѣлы, поставленные наличнымъ собраніемъ документовъ.

II.

Вступительная часть «Начертанія» уже въ «опытѣ» Шувалова получила то содержаніе, какое находится въ печатномъ его текстѣ. Отличія отъ

послѣдняго касаются только отдѣльныхъ словъ и выраженій, которыя отмѣтимъ ради полноты и для характеристики внимательной и мелочной работы Императрицы. Передъ указаніемъ «положенія государству» и «положенія гражданину» въ «опытѣ» была такая переходная фраза: «изъ сего явствуетъ, что надлежитъ сделать». Рукой Екатерины послѣднее слово замѣнено словомъ «быть»; въ спискѣ руки Императрицы вмѣсто словъ— «надлежитъ быть» рукой Екатерины на полѣ пишется слово «предмѣтъ», что нарушаетъ правильность фразы; окончательный текстъ является въ копіи Козицкаго, который, какъ извѣстно, часто поправлялъ слогъ и языкъ автора Наказа. Въ слѣдующемъ абзацѣ вмѣсто «вѣтвей» корня только въ копіи Козицкаго появляется слово «отрасли». Въ послѣдующей точкѣ было у Шувалова послѣ первыхъ словъ кратко сказано, что «Компссія долженствуетъ имѣть безпрестанно во уваженіи оба вышеназванные въ Б. Н. предмета». Въ своемъ спискѣ Екатерина такъ передѣлывала эту фразу: «К. будетъ имѣть (*зач.* всегда) безпрестанно во уваженіи (оба *зач.*) вышеозначенные въ Б. Н. (предмета то-есть *зач.*) первыя (*зач.* три) (*зач.* и третья) три статьи онаго Наказа»; два послѣднихъ слова не повторяются въ спискѣ Козицкаго. Въ дальнѣйшемъ слова «опыта»—«матеріи» у К. замѣняются сл. «вещи»; сл. «тѣло политическое» замѣняется у Екатерины сл. «тѣло государство»; въ спискѣ у Екатерины вычеркнуто взятое изъ «опыта» послѣднее слово вступленія—«и отвлечительно». Если мы прибавимъ, что поправки «опыта» дѣлались не только на поляхъ его списка, но и выписывались на основныхъ листахъ ¹⁾, то можно ясно представить, насколько кропотливую и мелочную работу пришлось продѣлать Императрицѣ.

Совершенно иной характеръ имѣетъ исторія обработки текста вступительнаго отдѣла части первой «Начертанія». Здѣсь дѣло коснулось не отдѣльныхъ частностей «опыта» гр. Шувалова, а самыхъ основныхъ его положеній, изъ числа которыхъ уцѣлѣло въ концѣ концовъ очень и очень немного. Оставляя въ сторонѣ первую точку, гдѣ произведены были измѣненія отдѣльныхъ словъ, мы приведемъ важнѣйшія части плана Шувалова, отмѣчая *курсивомъ* тѣ отрывки, которые Екатерина II сочла нужнымъ сохранить, и указывая попутно тѣ поправки, которыми достигнута была окончательная формулировка извѣстной мысли.

«Отъ сего предмета происходятъ учрежденія власти верховной и доказывается, что не сила, но благоразуміе народовъ оную утвердила.

¹⁾ Противъ первыхъ словъ, выключенныхъ изъ «опыта» и замѣненныхъ сл. «быть», есть сноска—«1»; этотъ номеръ повторяется на листкѣ, сохран. въ Общемъ Архивѣ Императорскаго Двора, опись 2847, № 331, л. 10; здѣсь противъ номера рукой Екатерины написано «быть», то же можно отмѣтить и относительно еще нѣсколькихъ мѣстъ «Начертанія».

Сообщества же для соблюденія добраго порядка, учредя нѣкоторой обрядъ или видъ правленія, а для соблюденія сего обряда правленія учредя выше себя власть верховную, принуждены были оную вручить единому или многимъ людямъ. Отъ сего произошло различіе правленія самодержавнаго и республиканскаго. Россія имѣетъ правленіе перваго рода. *Отдѣленія 9-е, 10-е и 11-е Большого Наказа доказываютъ ясно, какая необходимость и польза, чтобъ Россія всегда тотъ родъ правленія хранила.* Но установленіе власти верховной предполагаетъ нѣкоторый родъ обязательствъ между главою общества и членами общества, то-есть между государемъ и подданными».

Къ первымъ четыремъ словамъ были прибавлены Екатериной II слова— «бытіе власти верховной», какъ видимъ въ печати; въ послѣдствіи—въ обѣихъ копіяхъ Козицкаго Императрица вмѣсто всей фразы поправила—«для сего сотворенна установлена власть», но эта поправка, очевидно, ею же была дважды отвергнута.

Получивъ путемъ вставокъ и измѣненій на поляхъ «опыта» окончательный текстъ слѣдующей фразы (у Шувалова—«права власти верховной состоятъ въ слѣдующихъ пунктахъ»), Екатерина II оставила пока безъ измѣненій данный Шуваловымъ перечень этихъ «пунктовъ»:

«1) Право законодательное. 2) Право принуждать къ исполненію законовъ или отъ оныхъ уволять. 3) Право чинить или велѣть чинить судъ и расправу. 4) Право чинить милость, давать достоинства, отличія и награжденія. 5) Право устанавливать градоначальниковъ и военачальниковъ. 6) Право имѣть недвижимое имущество. 7) Право учреждать и налагать подати. 8) Право дѣлать деньги. 9) Право дѣлать съ чужими державами договоры союзные, мореплавательные и торговые. 10) Право укрѣплять мѣста, набирать войско и оное распускать. 11) Право дѣлать войну и миръ». Императрица прибавила еще 12-ое право «сохранить во всемъ добраго порядка», измѣнивъ затѣмъ это указаніе въ фразу: «все сіе заключаетъ въ себѣ сохраненіе добраго порядка».

Этотъ перечень былъ переписанъ Екатериной во всемъ объемѣ съ двумя измѣненіями: п. 6 гласитъ: «право имѣть движимое и недвижимое и онымъ распоряжать какъ заблагоразсудитъ»; въ п. 9 нѣтъ перечисленія видовъ договоровъ. Но затѣмъ весь этотъ списокъ былъ устраненъ и замѣненъ указаніемъ только трехъ «властей»: «(зач. право) власть законодательное власть (зач. оборонительное) защитительное и исполнительное»; послѣднее слово въ копіи Козицкаго замѣнено было перешедшимъ въ печать сл. «совершительная».

Послѣ перечня въ «опытѣ плана» идетъ снова разсужденіе о существѣ и полномочіяхъ верховной власти, разсужденіе, изъ котораго Императри-

цей сохранено было только двѣ фразы, ею дополненыя. Первые слова отрывка—«всѣ члены государства и чужестранные въ ономъ живущіе должны покоряться власти», Императрица приняла цѣликомъ, давъ нѣсколько иную формулировку второй части фразы: вмѣсто власти верховной ею названа власть самодержавная, при чемъ рядомъ съ нею указаны не «люди, представляющіе оную въ какой-нибудь части правленія», а «тѣ, коимъ отъ оной поручены часты (sic!) правленіе». «Обязательства того, кому власть (или, какъ Екатерина вставила—«часть власти») верховная препоручена, состоятъ, по плану, въ соблюденіи добраго порядка въ государствѣ» или, какъ Екатерина исправила—«части ему порученной». Эти поправки какъ-будто указываютъ, что Императрица первоначально предполагала сохранить это разсужденіе. «Сіе противно предразсужденіямъ общимъ, пишетъ Шуваловъ, и я смѣло скажу, что сіе не только не ограничиваетъ власти монаршей, но вѣще ея подкрѣпляетъ точнымъ изъясненіемъ въ чемъ она состоитъ. Предположеніе засныхъ обязательствъ между государемъ и подданными родитъ въ сердцѣ послѣднихъ тѣ чувствованія, которыя для повелителя всего дражайшее въ свѣтѣ и для государства всего полезнѣе». Слѣдующая фраза: «тогда подданные будутъ взирать (Екатерина испр. «взираютъ», устранивъ «будутъ») на себя какъ на семью, которой государь есть отецъ», принята Императрицей, при чемъ для связи съ предшествующимъ и для приданія ей настоящаго смысла Екатериной прибавлена впереди ея фразы: «и когда сіе такъ состоитъ и доброй порядокъ отъ Самой верховной власти и (зач. кому оно поверенно) ото всѣхъ (зач. тѣхъ кому отъ себя) сохраняется».

За уцѣлѣвшими словами идутъ въ «опытѣ» такія положенія: «извѣстно, какая польза отъ сего въ обществѣ вкоренившагося мнѣнія произошла во многихъ земляхъ». «Выше было сказано, что обязательства Государя состоятъ въ соблюденіи добраго порядка въ государствѣ. Но Государь, не имѣя возможности самъ вездѣ обращаться, принужденъ для соблюденія добраго порядка учредить власти среднія, подчиненныя» и т. д. какъ въ печатномъ: здѣсь выписка изъ 18 ст. Наказа, почему сразу дана окончательная формулировка мысли. Предшествующая этой выпискѣ въ печатномъ текстѣ фраза получила окончательный видъ въ копіи Козницкаго, въ копіи же Екатерины она читалась такъ: «(зач. Государь не имѣя возможности) не бывъ по челоуѣчеству в'возможности самъ вездѣ обращаться государь учреждаетъ для соблюденія» и т. д.

Коснувшись вопроса о среднихъ властяхъ, Шуваловъ такъ говоритъ далѣе о главныхъ изъ нихъ: «Синодъ и Сенатъ суть главныя среднія власти. Первая имѣетъ предметомъ вѣру, другая гражданство вообще. И потому всѣ прочія власти, именуемая гражданскими, каковаго бы рода ни были, суть ей подчинены: Итакъ, Сенатъ есть центръ, куда клонятся, и гдѣ должны соединиться всѣ отрасли правительства. Того для 22-е отдѣленіе боль-

шаго наказа утверждаетъ, что «надобно имѣть хранилище законовъ», а 26-е отдѣленіе гласитъ, что «въ Россіи Сенатъ есть хранилище законовъ». Въ печатномъ текстѣ отъ этого отрывка не осталось ничего, хотя первоначально въ своемъ списокѣ Императрица и отмѣтила разнородность «сихъ правительствъ», что, однако, не перешло ни въ одну копию Козицкаго.

Ссылка на ст. 21, 24 и 25 Наказа и послѣдующіе два вопроса о представленіяхъ Государю и Сенату появляются въ «опытѣ» въ соответственномъ печатномъ текстѣ. Послѣ не перешедшей далѣе фразы: «къ симъ пунктамъ слѣдуютъ всѣ обстоятельства, касающіяся до сихъ важныхъ узаконеній», въ «опытѣ» находится текстъ, при помощи сравнительно небольшихъ поправокъ измѣненный въ соответствии съ печатнымъ. Въ «опытѣ» говорилось о необходимости «придать раздробленіе государства», что было Екатериной сперва воспринято, но затѣмъ исправлено. Перечень подраздѣленій дается въ «опытѣ» такой: «1) въ раздѣленіи области на губерніи; 2) въ раздѣленіи губерній на провинціи; 3) въ раздѣленіи провинцій на уѣзды; 4) Уѣздъ предполагаетъ городъ и слѣдовательно надлежитъ учредить порядокъ между городами, то есть назначить онымъ степени». Отличія въ обозначеніи округовъ въ печатномъ текстѣ появились послѣ составленія списка Императрицы, гдѣ цѣликомъ и безъ поправокъ воспроизведена эта часть «опыта плана». Названіе частной комиссіи для разбора этихъ вопросовъ въ «опытѣ» отлично отъ даннаго въ копіи Екатерины: она просто называется «комиссіей о порядкѣ государства частномъ», при чемъ «трудъ» ея, предполагалось, «послужитъ основаніемъ общему въ государствѣ порядку». Эти послѣднія слова Екатериной II были приняты въ обозначеніе самой комиссіи.

Императрицей же въ ея работѣ впервые высказана мысль о предложеніи особыхъ «задачъ» этой комиссіи, при чемъ первоначальное названіе особой ей инструкціи—«задачи» въ копіяхъ Козицкаго замѣнено словомъ «уроки», не безъ колебанія, правда,—подходящимъ названіемъ казалось, повидимому, и слово—«изреченія», однако, не принятое Императрицей.

Послѣдующій текстъ «опыта» со ссылками на 396, 393 и 399 ст. Наказа цѣликомъ перешелъ въ печатный текстъ. Предпослѣдній абзацъ до состава I-го въ печати получился послѣ небольшихъ измѣненій «опыта» какъ въ копіи Екатерины, такъ и въ копіяхъ Козицкаго; существенно важна и интересна поправка такого рода: въ «Начертаніи» говорится о необходимости для комиссіи о городахъ требовать отъ депутатовъ каждаго мѣста извѣстій и изясненій; въ опытѣ эта мысль высказана въ иной формѣ: «однако жъ все, что ни здѣлаетъ сія комиссія о тѣхъ преимуществахъ (т. е. городамъ), не надобно вносить съ прочими законами, учрежденіями и указами въ новое Уложеніе кромѣ того, что положенныя преимущества ото-

слать въ тѣ города, для которыхъ оныя здѣланы. Ибо безъ сей предосторожности желаемое уложеніе крайнѣ будетъ обременено».

Переходомъ къ составу первому въ «опытѣ» кромѣ фразы, перешедшей послѣ поправокъ и въ окончательный текстъ «Начертанія», является списокъ упомянутыхъ тамъ шести предметовъ: «I. Управление духовно-гражданское. II. Управление правосудія вообще. III. Управление воинское. IV. Управление нравовъ. V. Управление пользы общей. VI. Управление финансовъ».

Согласно этому раздѣленію и слѣдуетъ далѣе шесть «составовъ», въ «опытѣ» такъ еще не именуемыхъ: это обозначеніе появилось во второй копіи Г. В. Козицкаго.

Первый «предметъ» или «составъ» въ «опытѣ плана» содержитъ помимо пяти пунктовъ небольшія вступительныя и заключительныя замѣчанія. По существу въ «Начертаніи» сохранены были основныя мысли этихъ нѣсколькихъ строкъ, но получили нѣсколько болѣе подробную формулировку. Шуваловъ прежде всего оправдываетъ терминъ — «духовно-гражданское управление»: «я такъ оное называю, — пишетъ онъ, — дабы ни малѣйшаго не осталось сомнѣнія, что догматы, составляющіе нашу православную вѣру, со всѣмъ отвлечены отъ сего полагаемаго управленія; ибо оныя суть чужды праву общему, и неподвержены перемѣнѣ». Противъ этого мѣста Императрица помѣтила — «в. г. п. Наказа сказано о семъ», — и въ своемъ текстѣ «Начертанія» дала указанной мысли формулировку, соответствующую печатной со ссылкой на генераль-прокурорскій наказъ. Не сразу ей удалось найти подходящія слова для выраженія ея понятій объ отношеніи духовныхъ и гражданскихъ властей: — Екатерина перебрала нѣсколько словъ для этого — «руку подаетъ», имѣеть «связь», «союзъ», «сношеніе»; слово «сопряженіе» явилось въ копіи Козицкаго, гдѣ вставлено рукой Императрицы; здѣсь же ею приписано о «заниманіи помощи отъ свѣтскихъ законовъ».

Вопросы, входящія въ кругъ духовно-гражданскаго управленія, и у Шувалова и у Императрицы Екатерины совпадаютъ, — разница въ формулировкѣ и нѣкоторыхъ деталяхъ. Первый вопросъ у Шувалова касается смятеній, «смогущихъ произойти отъ развратныхъ мнѣній», что отброшено Екатериной II; второй вопросъ не измѣненъ въ «Начертаніи». Третій у Шувалова формулированъ кратко: «наблюденіе праздничныхъ дней и прочихъ правилъ и обычаевъ вѣроу утвержденныхъ»; переписавъ первоначально и два послѣднія слова, Императрица затѣмъ вмѣсто нихъ приписала тѣ выраженія, которыя видимъ въ печатномъ текстѣ. Четвертый и пятый пункты «опыта» цѣликомъ приняты Екатериной, при чемъ въ 4-омъ отпало послѣднее слово — «и благочестія». При чтеніи «опыта плана», Им-

ператрица намѣтила еще шестой пунктъ—«означены единожды вкакой степени родня женится можетъ ибо о семь много спора было. Сматр. 289 ст. Б. На:». Эта мысль является первой редакціей предпоследняго абзаца состава I-го, при чемъ слова, раздѣляющія выписку изъ указанной статьи Наказа, появились въ видѣ приписки на поляхъ обѣихъ копій Козицкаго,—очевидно они, какъ и нѣкоторыя другія тождественныя поправки въ этихъ двухъ копіяхъ, были сдѣланы позже другихъ измѣненій текста «Начертанія».

Передъ абзацемъ о бракахъ въ «Начертаніи» повторенъ предпоследній абзацъ состава I-го по «опыту», при чемъ окончательный его текстъ нѣсколько расширяетъ и развиваетъ первоначальное положеніе: «Сюда отпосится все, что касается до духовенства вообще», читаемъ у Шувалова; первоначально Императрица продолжила эту фразу—«въ разсужденіи ихъ яко гражданъ»; въ копіи Козицкаго рукою Екатерины эти послѣднія слова замѣнены текстомъ, першедшимъ съ нѣкоторыми незначительными поправками въ печать.

Послѣдній абзацъ у Шувалова читается такъ: «но для благоденствія общества и примѣра въ челоуѣколюбіи всеѣмъ народамъ, слѣдуетъ быть внесены въ законы отдѣленію 494-ому и по оному учинить нѣкоторое постановленіе. Здѣсь означается Коммиссія духовная». Екатерина воспользовалась этой мыслью, прибавила къ одной статьѣ своего Наказа еще двѣ слѣдующія по порядку и, устранивъ особое названіе для намѣченной частной комиссіи, опредѣлила отчасти порядокъ ея дѣятельности—въ связи съ дѣятельностью церковныхъ установленій. И здѣсь, какъ и въ началѣ «состава», Екатеринѣ не сразу удавалось найти точное обозначеніе порядка сношеній комиссіи съ Синодомъ: «комиссія коя внутрнихъ по вышеписанному случіяхъ будетъ имѣть конференціи съ (зач. духовными особами и съ) Синодомъ (зач. самымъ) также съ Комиссіи о церковныхъ именіяхъ». Козицкій вмѣсто «конференціи» написалъ «разглагольствіе», что Императрица замѣнила вошедшими въ печатный текстъ словами—«разсужденія, сношенія и совѣты». Любопытно, что у Екатерины мелькнула, какъ-будто, мысль о «совѣтованіи» съ духовными лицами и помимо членовъ Синода, что представляется интереснымъ въ виду отсутствія членовъ Комиссіи отъ духовенства помимо депутата отъ Синода.

Составъ II-ой—«о установленіи (у Шувалова—управленіи) правосудія вообще» уже въ «опытѣ плана» получилъ въ существенномъ тотъ видъ, какой имѣетъ онъ въ печатномъ текстѣ. Упомянутіе о частной комиссіи впервые приводится въ текстѣ, написанномъ Екатериной; въ дальнѣйшемъ—во второмъ абзацѣ «Начертанія»—«Матеріи гражданскія и матеріи криминальныя» «опыта» въ первой копіи Козицкаго получаютъ наименованіе дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, которое повсюду замѣняетъ назва-

ніе криминальных матерій. Весь отрывокъ до лит. А. цѣликомъ данъ уже Шуваловымъ, измѣненія въ этой части незначительны,—только вмѣсто буквъ для порядка «предметовъ» у Шувалова—цифры.

Изъ числа вопросовъ въ отдѣлѣ А. только первый въ текстѣ «опыта» подвергся поправленію—отброшена вторая часть: «Надлежитъ учинить точное означеніе», начинается п. 1 (=лит. А): а. Сколько родовъ и степеней судебныхъ мѣстъ учредить, *разумья отъ самаго нижняго до верховнаго, отъ котораго аппелляція въ единой Сенатъ*. Слова, напечатанныя курсивомъ, не приняты Екатериной, но любопытно, что ею принята во вниманіе выраженная въ нихъ мысль: не говоря ничего о Сенатѣ и не касаясь, такимъ образомъ, высшихъ судебныхъ установленій, она во всѣхъ, въ томъ числѣ и въ первомъ, вопросахъ первоначально подчеркивала, что идетъ рѣчь о «нижнихъ судебныхъ мѣстахъ», и только въ послѣднемъ списокѣ руки Козицкаго эти слова повсюду вычеркнуты. Послѣдующіе шесть вопросовъ въ общемъ у Шувалова уже формулированы близко къ печатному и на ихъ обработкѣ сравнительно мало останавливалась Императрица. Замѣчаніе, раздѣляющее 7 и 8 вопросы, вписано послѣдней въ ся текстѣ «Начертанія», при чемъ эта же мысль была первоначально намѣчена для помѣщенія въ 1 вопр., но, очевидно, сознаніе ея общности для ряда вопросовъ заставило Императрицу отнести ее нѣсколько ниже. Послѣдніе вопросы получили сразу окончательный видъ. Замѣтимъ, что въ «опытѣ» всѣ вопросы помѣчены буквами латинскаго алфавита—а—к.

Начало лит. В. у Шувалова соотвѣтствуетъ печатному, хотя Екатерина старалась найти какую-либо замѣну слову «актовъ» въ п. 1: этотъ пунктъ въ рукописи окруженъ такими приписками руки Императрицы: «дѣль», «поступковъ», «дѣйстви при дѣлѣ». Слово «дѣяній» явилось уже, кажется, въ копіи Козицкаго. Эти же поправки и при заголовкѣ п. 1 лит. В.,—гдѣ вмѣсто «актовъ» появилось «дѣяній» у Козицкаго, при чемъ первоначально было—«дѣланіе». Весь п. 1—«о обрядѣ дѣяній» цѣликомъ взятъ у Шувалова, въ текстѣ «опыта» котораго сдѣланы незначительныя измѣненія: вездѣ вставлено послѣ «актовъ»—«или дѣяній», вмѣсто «терминовъ»—«словъ и выраженій», выброшено указаніе на писаніе на *гербовой* бумагѣ м. пр. и *крѣпостей*. Указанныя иностранныя слова въ списокѣ Екатерины всѣ имѣютъ при себѣ знакъ NЗ и отсутствуютъ въ копіи Козицкаго; «крѣпости»—вычеркнуто во второй его копіи. Екатерина II не взяла изъ «опыта» заключительной фразы отдѣла послѣ словъ—«точные учрежденія»: «... и образцы. Ибо сей обрядъ равномѣрно какъ и нижеозначенное производство великой есть важности для гражданина, потому что охраняя его, служить (какъ 112-е отдѣленіе Большого Наказа изъясняетъ) данью, которую онъ платитъ за свою вольность».

П. 2—«о производствѣ дѣла» и п. 1 «о преступленіяхъ» (у Шувалова «6» и «3») также не подвергались существеннымъ измѣненіямъ. Отмѣтимъ,

что во второмъ отдѣлѣ послѣ перечня первоначально шла рѣчь о судьяхъ, а не о комиссіи, когда говорится о Наказѣ, какъ о зеркалѣ. Упомянутіе о народныхъ мстителяхъ обставлено у Шувалова нѣсколько иначе, чѣмъ въ печати, т.-е. уже въ спискѣ Екатерины: «въ дѣлѣ уголовномъ или четвертаго рода преступленій искомъ особенному человѣку быть не слѣдуетъ, а взысканіе по сему дѣлу чинить приличествуетъ *опредѣленнымъ отъ правительства людямъ*, которые потому дѣлаются народными мстителями». Подчеркнутыя курсивомъ слова не взяты Екатериной, почему остается неяснымъ по тексту «Начертанія» характеръ дѣятельности «мстителей», которые, очевидно, должны были имѣть значеніе представителей государственнаго обвиненія, лицъ судебной прокуратуры.—Дальнѣйшій текстъ состава II особыхъ замѣчаній не вызываетъ.

Составъ третій—«о управленіи воинскомъ» у гр. Шувалова имѣетъ такой текстъ: «Воинство раздѣляется на двѣ части: на сухопутное и морское.—Каждая часть должна имѣть три главные предмета.—1. Сохраненіе служащихъ. 2. Возобновленіе служащихъ. 3. Отставка служащихъ. Здѣсь означается комиссія воинская». Отчеркнувъ на поляхъ все это мѣсто, Императрица замѣнила эти замѣчанія въ своемъ спискѣ иными, воспроизведенными и въ печатномъ текстѣ, при чемъ колебанія у нея были лишь при опредѣленіи положенія воинскихъ законовъ среди общихъ законовъ: «Воинскіе законы,—писала она первоначально,—бывъ совѣмъ особливаго рода, то (зач. свѣрхъ) не имѣютъ ни»; «в. з. бывъ единственно установлены,—писала она вмѣсто предшествующаго,—суда не входятъ»; «В. з. входятъ также въ общее право,—помѣтила Екатерина на поляхъ копіи Козицкаго,—колько онѣ касаются до суда и расправы»,—но ни одно изъ этихъ указаній принято въ концѣ концовъ не было.

Четвертый составъ въ «опытѣ» имѣлъ названіе соотвѣтствующее печатному—«о управленіи нравовъ», каковое перешло и въ печатный текстъ. Изложеніе «состава» въ послѣднемъ болѣе сжато и коротко—изъ «опыта» повторенъ почти цѣликомъ и буквально только его второй абзацъ, начинающійся словами—«вообще многія мѣста»... и т. д. и послѣдняя часть съ тремя пунктами. Приводимъ ниже цѣликомъ текстъ этого состава изъ «опыта плана».

«Подъ симъ именованіемъ,—говорится вначалѣ,—я разумѣю строгое смотрѣніе за всѣмъ тѣмъ, что нравы портить можетъ. Сюда относятся роскошь, невоздержность, игры недозволительныя, благопристойность въ зрѣлищахъ, гнусные пороки, неприличные мѣста, обманщики, именующіеся колдунами, строенія, безопасность и удобность улицъ и дорогъ, нищія, праздношатающіеся и проч.

Вообще многія мѣста надзираютъ надъ сими вещами, касающимися до нравовъ. Каждый градоначальникъ обязанъ наблюдать за своимъ под-

чиненными благопристойность нравовъ. Но отвлечительно наблюденеі сего касается до полиціи, того для слѣдуетъ здѣсь о ней упомянутьъ.

Этотъ послѣдній отрывокъ Императрица Екатерина взяла цѣликомъ, но для объясненія заботъ градоначальника сослалась на надзоръ хозяина за своими домашними и въ окончаніе внесла ссылку на XXI гл. Наказа, связавъ съ нею переходную фразу къ заключительнымъ тремъ пунктамъ. Отмѣтимъ, что слово «отвлечительно» было замѣнено словомъ «особливо» рукой Козицкаго.

Ссылка на Наказъ освобождала Императрицу отъ необходимости внести въ свой текстъ тѣ соображенія о полиціи, какія приведены въ «опытѣ плана» гр. Шувалова.

«Полиція есть двухъ родовъ,—читаемъ здѣсь,—одна общая, а другая частная.

Первая состоитъ въ учрежденіяхъ, касающихся до сохраненія порядка въ обществѣ, и она есть дѣйствіе благоразумныхъ законовъ.

Вторая касается до нѣкоторыхъ подробностей сего предмета, и власть ея заключается или въ стѣнахъ градскихъ или сверхъ того и въ нѣкоторой окрестности; оная болѣе служить надзираніемъ и изыскваніемъ, нежели наказаніемъ за преступленія. Но какъ долженствуетъ соблюдать тишину, спокойствіе, удовольствіе и безопасность гражданъ, то она есть важный предметъ для правленія, и требуетъ учрежденій, которыя однако не вносятся въ законы.

Полиція должна имѣть десять главныхъ предметовъ: 1) внѣшнее благочиніе въ отправленіи обрядовъ, касающихся до вѣры; 2) благонравіе; 3) здравіе; 4) съѣстные припасы; 5) безопасность; 6) тишину; 7) строенія; 8) искусство и рукодѣлія; 9) домашнихъ служителей и работниковъ; 10) шипщихъ и праздношатающихся».

Одинъ изъ этихъ пунктовъ—именно восьмой—былъ подчеркнутъ Императрицей въ «опытѣ», но въ текстъ ея «плана» принять не былъ, взяты были слѣдовавшіе далѣе пункты. Въ первомъ изъ нихъ слово «благочиніе» замѣняетъ прежде помѣщенное и самой Екатериной слово «полиція»; при чемъ первоначально слово «благочиніе» объяснялось такъ: «сирѣчь надсмотрѣніе за нравами»; пунктъ второй въ «опытѣ» читается такъ: «означить, подъ кѣмъ точно всѣ разныя полиціи должны состоять»; такая же въ общемъ фраза была и въ текстѣ Екатерины—«подъ кѣмъ полиція имѣетъ быть», что замѣнено было печатной фразой; третій вопросъ во всѣхъ текстахъ выраженъ одинаково. Наименованіе частной комиссіи въ «опытѣ»—

«полицейская»; названіе ея—«о благочиніи» явилось въ первой копіи Козницкаго.

Составъ V-й въ «опытѣ плана» содержитъ гораздо болѣе сложный перечень предметовъ «общей пользы», чѣмъ дано въ печатномъ текстѣ, который передаетъ только 1, 2 и 9 пункты «опыта» для части заключительнаго абзаца. Императрица первоначально цѣликомъ воспользовалась текстомъ «плана», но затѣмъ внесла въ него нѣкоторыя дополненія и поправки, и только на первомъ списокѣ руки Г. В. Козницкаго сдѣланы сокращенія, приведенія «составъ» къ виду, переданному въ печати.

«О управленіи пользы общей»—такъ называется и у Шувалова и у Екатерины II этотъ пятый «составъ». У перваго насчитано девять «частей» «общей пользы».

«1) Училища публичныя, какъ то: публичныя школы, гимназій, Университеты и Академіи» (послѣднія не указаны у Екатерины).

2) Призрѣніе немощи и слабости, какъ то: богадѣльни, гошпитали, воспитательныя дома всякаго рода, дома исправительныя и прочая (у Екатерины не «воспитательныя», а «сиротскіе»).

3) Размноженіе народа и хлѣбопашества.

4) Домостроительство частное.

5) О поселеніяхъ. Тутъ принадлежитъ принятіе иностранныхъ въ сожитіе съ прочими гражданами.

6) Торговля.

7) Мануфактура.

8) Искусства и ремесла.

9) Учрежденіе почтъ и пристанищъ для проѣзжающихъ.

Этотъ перечень былъ переписанъ Екатериной II цѣликомъ, но затѣмъ въ немъ были сдѣланы поправки: въ п. 5-омъ Императрица, повидимому, желала обозначить, что переселеніе возможно только на пустыя земли, почему помѣтила, позднѣе устраненное, слово—«пустопорож.» Передъ этимъ п. 5-ымъ Императрица вставила: «5. Збереженіе и растенія лесовъ»; на 7-ое мѣсто былъ поставленъ новый пунктъ—«рукодѣлія»; вслѣдствіе такихъ вставокъ нумера послѣдующихъ пунктовъ были измѣнены—увеличены на 2 единицы, при чемъ прежній п. 6, нынѣ 8—говорилъ о рудокопаніи, п. 9, ранѣе 7—о торговлѣ, п. 10, ранѣе 9—«искусства и ремесла», а п. 11—соотвѣтствуетъ п. 9 плана Шувалова.

Эти вставки и поправки вызвали небольшія измѣненія въ обозначеніи вопросовъ, подлежащихъ разработкѣ той или другой частной комиссіи. «Опытъ» Шувалова назначалъ «для производства съ успѣхомъ работы сего управленія» три комиссіи: первая—«о училищахъ и призрѣніи», что по-

вторено и у Екатерины: послѣдняя предполагала къ послѣднему слову прибавить обозначеніе лицъ призрѣваемыхъ—«нищихъ» помѣтила она ранѣе;—окончательное названіе—«призрѣнія требующихъ онаго» появилось въ копіи Козицкаго. Вторая комиссія у Шувалова называется—«о размноженіи народа, земледѣлія и поселеній», что у Екатерины дополняется указаніемъ размноженія лѣсовъ сообразно съ новымъ, внесеннымъ ею въ перечень, пунктомъ. Третья комиссія «о торговлѣ вообще, почтахъ и пристанищахъ» по указанію Императрицы получала гораздо болѣе сложныя обязанности: ея разсмотрѣнію подлежали—«руководѣліе, рудокопаніе, торговля, почты и пристанища»,—расширеніе, вызванное указанными выше вставками и поправками; впрочемъ «къ сей послѣдней Коммисіи,—пишетъ Шуваловъ,—относится все, что принадлежитъ до коммерцъ, мануфактуръ, бергъ-коллегій и главнаго магистрата». Эта приписка отсутствуетъ у Екатерины, но содержаніе ея было использовано ею для пополненія списка пунктовъ. У Екатерины «составъ» кончается словами: «дирекціонная комиссія имѣетъ же (зач. къ) съ частямъ частей прибавить людей по своему усмотренію какъ о томъ въ VII. статьи обрядъ комиссіи сказано».

Г. В. Козицкій переписалъ въ первый разъ все такъ, какъ было изложено въ «планѣ» Екатерины послѣ всѣхъ исправленій; въ этомъ спискѣ было устранено чертами на поляхъ все, не перешедшее въ печать, а точка о трехъ комиссіяхъ исправленіемъ приведена въ окончательный видъ. Вторая копія Козицкаго, въ сущности, имѣетъ малое значеніе въ исторіи установленія текста этого пятаго состава: здѣсь окончательно устраняется выписанное выше замѣчаніе Екатерины о дирекціонной комиссіи и рукой Императрицы вносятся слова—«сюда относятся и» въ п. 1 передъ исправительными домами.

Составъ VI-ой въ «планѣ» Шувалова имѣетъ болѣе узкое опредѣленіе вопросовъ, нежели въ «планѣ» Екатерины II. «Опытъ» говоритъ «о управленіи финансовомъ или о государственныхъ доходахъ», сообразно чему комиссія, о которой идетъ рѣчь въ этомъ «составѣ», называется «финансовой или о доходахъ государственныхъ», при чемъ кругъ ея вѣдѣнія приравнивается къ дѣятельности камеръ и ревизіонъ коллегій, штатсъ и соляной конторы. «Финансовое управленіе» по «плану» «сооружаетъ столпы или подпоры государства, которое, дѣлая безпрестанно самонужнѣйшія издержки, долженствуется необходимо имѣть вѣрные доходы». Дальнѣйшее изложеніе плана воспроизведено было и въ планѣ Екатерины и въ печатномъ текстѣ. Екатерина II назвала составъ инымъ именемъ—«о такъ называемомъ камѣрномъ правленіи». Начало «плана» Императрицы воспроизведено въ печати, при чемъ замѣтимъ, что вторая половинна перваго абзаца явно повторяетъ термины и мысль «опыта» Шувалова.

Сообразуясь съ тѣмъ, что въ «составѣ» шестомъ идетъ рѣчь о государственныхъ доходахъ и расходахъ, Императрица перенесла сюда изъ пред-

шествовавшего «состава» указанія на тѣ комиссіи, которыя были первоначально тамъ упомянуты и которыя имѣли отношеніе къ государственному хозяйству и экономическому положенію страны. «Государственное строительство» въ заглавіи «состава» явилось въ копіи Г. Козипнаго.

Вступительная часть части второй «Начертанія»—«о правѣ особенномъ» въ печатномъ текстѣ въ общемъ сравнительно недалеко отходитъ отъ текста соответствующаго отрывка въ «планѣ» гр. А. П. Шувалова. Отличія не велики: послѣ слова «особенно» передъ первой точкой съ запятой было еще слово—«и отвлечительно»; вм. «новыхъ законовъ»—было «новаго Уложенія»; вмѣсто предпоследней передъ перечнемъ фразы было: «ибо всѣ матеріи составляющія право особенное подвержены сему раздѣленію. Итакъ...» и т. д.; заключ. слова въ «опытѣ»—«я буду слѣдовать сему порядку какъ о томъ ниже сего окажется»—въ «Начертаніи» отсутствуетъ. Эти измѣненія «опыта» всѣ сдѣланы Екатериной въ ея планѣ, который первоначально равнялся во всемъ «опыту». Въ переходной фразѣ—передъ «членомъ первымъ» въ опытѣ было дано перечисленіе трехъ «родовъ», а именно: «на первой или дворянской, на средній или мѣщанскій, на нижній или земледѣльческій»,—что не перешло уже и въ «планѣ» Екатерины.

«Отдѣленіе первое» «опыта» близко воспроизведено въ «членѣ первомъ» «Начертанія». Различіе находится въ перечнѣ «положеній», которыя необходимо установить. Въ «опытѣ» такихъ пунктовъ 18, въ «Начертаніи»—15; въ «Начертаніи» воспроизведены въ близкой формулировкѣ слѣдующія положенія: 1, 2, 3, 4, 6 (=5), 7 (=6), 9 (=7), 10 (=8), 12=(9), 13 (=10), 14 (=11), 15 (=12), 16 (=13), 17 (=14), 18 (=15). Кромѣ нѣкоторыхъ различій въ словесной формѣ пунктовъ есть различія по существу—такъ п. 14 «Начертанія» говоритъ «о великихъ преступленіяхъ», а въ «опытѣ» говорится о оскорбленіи противъ «Велшчества»; въ п. 11—нѣтъ указанія объ оставленіи отечества—«на вѣки». Только въ «опытѣ» указаны такіе вопросы: «Какія награжденія сдѣланы для дворянства» (5); «какому роду наказаній дворяне никогда неподвержены» (8); «какой родъ суда по земскимъ дѣламъ могутъ имѣть между собою» (11). Первый и послѣдній изъ этихъ трехъ пунктовъ отчеркнутъ на полѣ рукой Императрицы, которая, очевидно, сразу не обратила на нихъ вниманія и предполагала устранить—повсюду такое отчеркиваніе означать на поляхъ «опыта» вычеркиваніе.

Отдѣленіе второе или второй членъ ч. II «Начертанія» былъ установленъ уже въ «опытѣ» почти въ окончательной формѣ. Пунктъ 4 читался такъ: «какія преимущества каждое званіе долженствуетъ имѣть вообще»; слово «преимущества» только въ планѣ Екатерины замѣняется на поляхъ словомъ «выгоды»; въ послѣднихъ строкахъ вмѣсто «много утвердить благоденствіе» было «прямое утвердить благоденствіе».

Отдѣленіе третье или «членъ третій» касается вопроса о нижнемъ родѣ. На поправки Екатериной II въ этой части было въ свое время обращено вниманіе Щебальскимъ, указавшимъ, что въ «планѣ» Шувалова заключались опредѣленные совѣты въ смыслѣ облегченія участи крѣпостныхъ крестьянъ ¹⁾. П. Щебальскій только въ краткой формѣ коснулся этого вопроса, а между тѣмъ каждая поправка и приписка Императрицы представляется характерной и любопытной. Въ силу этого ниже приводимъ цѣликомъ текстъ отдѣла «опыта» о нижнемъ родѣ, *курсивомъ* отмѣчая подчеркнутыя рукой Екатерины мѣста, которыя были устранены изъ текста, а на другой сторонѣ противъ соответствующихъ фразъ приписки и вставки Императрицы.

но часто

в'ползы ихъ учрежденіями

(зач. онѣ) сей родъ

И весь ли сей родъ в'одномъ ли состояніи или въ Имперіи много находится различныхъ положеніи тому.

нихъ людей

* челоуѣка

«Сей родъ составлен(ный *зач.*) изъ полезныхъ сыновъ отечества *по сіе время в' Россіи* обремененъ находится. Но данной Коммиссіи наказъ коснулся и сихъ всеобщихъ питателей *почитаемыхъ многими едва за людей*. Оный наказъ уважая ихъ труды много въ ихъ облегченіе предписалъ, какъ то явствуетъ изъ отдѣленій 269-го. 270. 299 и другихъ нѣкоторыхъ. Изъ чего ясно видѣть можно, что надобно сей родъ людей снабдить нѣкоторыми *выгодами* труды ихъ облегчающими, и *вольностию состоянію ихъ приличною*. Однако во первыхъ надлежитъ разсмотрѣть въ какомъ онъ нынѣ положеніи находится.

Извѣстны въ свѣтѣ два рода неволь(ничества *зач.*) 1. невольни (*зач.* чество) я дѣйствительн(ое *зач.*)ныя, 2. невольни(чество *зач.*) я личное. Невольничество дѣйствительное есть то, которое (*зач.* невольника) дѣласть * зависимымъ и принадлежащимъ къ тому мѣсту или землѣ, на которой онъ находится; неволь-

¹⁾ Заря, 1869, VI, стр. 10.

ипогда быва(е)ють (она *зач.*) обѣ
совокупно действительное и лич-
ное

здѣлать земледѣльцовъ

к сему разныя средства: особливо
такія средства преимущественно
избирать должно (*зач.* изыскать)
вкоихъ и газанну и земледѣльцу рав-
ной прибыль окажется, и ни въ
какихъ деревняхъ легче и скорѣя
примеру сему не можно произво-
дить в'действіе какъ в'государ-
ственныхъ в'дворцовыхъ иэкономиче-
скихъ. Здѣсь еще и то примѣтить
нужно, чтобъ бы (*sic!*) всѣ сіи по-
ложеніи кланили (*съ зач.*) и поощ-
ряли всякаго къ обратываніи (*sic!*)
земли не токмо нынешнихъ хлебо-
пашцовъ но и по-томству ихъ, и
что по мѣрѣ множеству оныхъ и
мѣрѣ оранныхъ земель умножа-
лось, умножая размноженію наро-
да, и чтобы отого и господину и
земледѣльцу послѣдовала очевид-
ная прибыль.

нетъ ли возможности найти

полезное

поправленіе

пичество личное касается до услу-
женій въ домѣ, что у насъ назна-
чено названіемъ дворовымъ. Край-
нне злоупотребленіе невольниче-
ства, когда оно бываетъ купно дѣй-
ствительное и личное.

«Когда жъ государственная ка-
кая причина или польза частная
не дозволяетъ въ нѣкоторыхъ дер-
жавяхъ здѣлать земледѣльцовъ сво-
бодными, въ томъ опасеніи, чтобъ
земли неостались неоранными чрезъ
ихъ побѣгъ, то можно бы сыскать
средство, чтобъ такъ говоря, при-
вязать къ землѣ и утвердить на
ней сихъ самихъ земледѣльцовъ,
оставя имъ обрабатывать ту землю
самимъ и дѣтямъ ихъ на такъ дол-
гое время, покамѣтъ они ея въ на-
стоящей цѣни будутъ содержать.
По договору съ ними учиненному за
плату или дань сходственную съ
плодами той земли. Отъ сего по-
слѣдуетъ, что дѣти ихъ въ случаѣ
многаго ихъ числа желая также
имѣть въ своемъ владѣніи земли,
возмутъ и себѣ участки оныя; чрезъ
что меньше было бы пустыхъ зе-
мель. А сіе споспѣшествовало бы раз-
множенію народа, отъ чего бы и
господину и земледѣльцу равнымъ
образомъ слѣдовала очевидная при-
быль».

Слѣдую тѣмъ же правиламъ воз-
можно (*зач.* еще) внести въ новое
уложеніе основаніе могущее про-
извести не чувствительно желае-
мую въ состояніи нижняго рода
перемѣну.

и къ пресеченію злоупотребленій удручающихъ (бол. зам.) часть членовъ общества.

Крестьянъ не продавать и проч. какъ, здѣсь показано покажется мелкому дворянству колку, не замай продають, да дайтѣ волѣ крестьянину и дворовому что есть ли его продать хотать то не замай самъ себѣ купить преимущественно предъ другаго или естли газаннъ на то согласится.

Способами къ пресеченію толкихъ зло-употребленій удручающихъ большую часть членовъ общества можно постановитъ слѣдующее:

1, Крестьянъ не продавать на выводъ, но съ землями, на которыхъ обитають.

2, дворовыхъ людей не продавать.

3, крестьянъ изъ одной вотчины въ другую не переводить безъ ихъ волн.

4, запретить отпущеннымъ на волю идти въ крѣпости съ нова.

Разборъ симъ тремъ государственнымъ родамъ и точное постановление приличныхъ имъ правъ и выгодъ принадлежитъ до комиссіи, которая состоять можетъ подъ именемъ: комиссія о государственныхъ родахъ».

Послѣ исправленія «опыта» Имп. Екатерина II переписала полностью получившійся текстъ члена III-го. При помощи поправокъ и измѣненій получецъ былъ окончательный его видъ. Въ числѣ поправокъ есть такія: вмѣсто словъ въ началѣ въ первой фразѣ—«часто обремененъ», при чемъ въ списокъ было вставлено первоначально еще слово «много», теперь было приписано—«и то скрыть не можно, что оной иногда обрѣмененъ», т.-е. смыслъ фразы былъ нѣсколько смягченъ. Во второй фразѣ было возстановлено прежнее выраженіе—«облехченіе ихъ», вмѣсто написаннаго въ копіи руки Екатерины—«къ избеганіе вреда». Къ тремъ прежнимъ статьямъ Наказа въ томъ же первомъ абзацѣ здѣсь прибавлена была 263-ья. Седьмой абзацъ получилъ свое начало («въ разсужденіи» и т. д. до словъ—«когда государственная...») именно здѣсь. Для смягченія смысла дальнѣйшей части этой точки было прибавлено, что имѣется въ виду не только освобожденіе, но и закрѣпленіе («здѣлать вездѣ земледѣльцовъ свободными—или не свободными»). Въ этомъ родѣ были и еще двѣ—три поправки, приблизившія текстъ къ его печатному виду.

Въ списокѣ руки Императрицы впервые появился полностью текстъ заключительнаго абзаца члена III-го. Приводимъ цѣликомъ этотъ текстъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ въ рукописи.

«Не можно здѣсь (*зач.* умолчать) оставить безъ уваженіи прошеніи депутатовъ казатскихъ нашихъ войскъ, кои просили чтобъ здѣлано было имъ положеніи (*зач.* и извѣстность) чтобъ имъ представляя что (*зач.* имъ самымъ усмотрено что трудно для нихъ войти в'которой не есть изъ трѣхъ государственныхъ родовъ по свойству ихъ положеніи и упражненіи) нынѣшнее ихъ состояніе не (*зач.* входитъ) сходствуетъ ни съ которымъ изъ вышепомянутыхъ родовъ и такъ какъ онѣ же составляютъ часть оборонѣ государства должно совершенно (*увѣрить зач.*) взять врассужденіи ихъ прошеніи и по свойству ихъ службы ихъ прокормленіи и образъ жизни и обращеніи надлежитъ ихъ снабдѣть такими поставленіями дабы онѣ (*зач.* не мѣнеѣ другихъ) съ другими російскому скипетру подвластныя подданныя пользовались благоденствіѣ тишину и спокойствія».

Послѣднія поправки въ членѣ III-мъ были сдѣланы въ копіи Г. Козницкаго: неволя здѣсь получаетъ повсюду название существенной вмѣсто дѣйствительной, появляется ссылка на 261 ст. Наказа.

Первая часть члена четвертаго въ «опытѣ» имѣетъ особое вступленіе, которое въ черновой записи Императрицы замѣнено текстомъ воспроизведеннымъ въ печати. Послѣ заголовка «о супружествѣ» въ опытѣ гр. Шувалова говорится: «выше сего говорено о порядкѣ гражданъ, которымъ однако число сохраняется и умножается единымъ способомъ согласнымъ съ православною нашею вѣрою—сей способъ состоитъ въ супружествѣ, для утвержденія и благоденствія котораго законы человѣческіе должны предписать точныя установленія. Въ супружество сіе вступаютъ для двухъ предметовъ: 1, для заемное себѣ помощи и удовольствія 2, ради рожденія дѣтей и ихъ воспитанія. Изъ сего происходитъ...». Далѣе въ «опытѣ» идетъ списокъ по пунктамъ, при чемъ они разбиты на двѣ части въ соотвѣтствіи съ указанными только что раздѣленіями. «По первому: 1) право ко вступленію въ супружества, отъ куда слѣдуютъ 2) Запретительныя супружества, напр. между роднею, несходство лѣтъ, малолѣтіе, старость и проч. 3) Заемная должность супруговъ самихъ къ себѣ. Изъ чего проистекаетъ 4) Означеніе преступленіе противъ супружества какъ то многоженіе, прелюбодѣйство и проч. 5) Пособствованіе имъ въ содержаніи для житія на первой случай, которому надлежитъ быть раздѣлену слѣдующимъ порядкомъ: а, о установленіи приданого, сколько какого? И съ онимъ какъ супругу поступать. б, о награжденіи супруговъ бездѣтныхъ послѣ смерти котораго нвбудъ».

Эти пункты перешли въ черновой списокъ Екатерины съ нѣкоторыми измѣненіями: первый, четвертый и пятый (съ литерамп а и в) тамъ получили видъ, воспроизведенный въ печатномъ текстѣ, при чемъ послѣдніе два заняли третье и четвертое мѣсто, такъ какъ п. 3 «опыта» Екатериной II принятъ не былъ; п. 2—получилъ краткое опредѣленіе—«запретительныя супружества». «По второму предмету» даны вопросы, которые цѣликомъ соотвѣт-

ствують п. 5, 6 и 7 печ., какъ и въ спискѣ руки Императрицы; п. 4 въ «опытѣ» имѣеть такой текстъ: «власть отческая, точное изъясненіе и ограничиваніе опой», при чемъ продолженіемъ пункта является п. 5-ый: «откуда слѣдуетъ положить 5. Какимъ образомъ дѣти отъ власти отеческой освобождаются, напр. по смерти родительской, по бракосочетаніи и проч.». Въ спискѣ Екатерины этотъ п. 5 отсутствуетъ, п. 4 получаетъ печатный видъ кромѣ слова «отческая» (sic), что въ спискѣ Козицкаго рукой Императрицы же замѣнено— «родительская».—Заключительная часть отдѣла въ «опытѣ» соотвѣтствуетъ печатной, кромѣ лишней мысли о томъ, что малолѣтнихъ обижаютъ «особливо управляющіе ихъ имѣніемъ», и отсутствія приписки Екатерины о мотовствѣ въ послѣдней фразѣ.

Отдѣлъ объ опекахъ въ «опытѣ» гр. Шувалова былъ изложенъ очень близко къ печатному, т.-е. онъ сравнительно мало подвергся измѣненіямъ Императрицы. Изъ вступительной фразы выпала замѣтка объ опекахъ надъ тѣми, «которые не въ состояніи сами наблюдать свои права». Первоначально Императрица предполагала дополнить число лицъ, подлежащихъ опекамъ, еще указаніемъ на «тирана», но эта помѣта не перешла въ копию Г. В. Козицкаго. Рядъ вопросовъ, которые по припискѣ Екатерины являются примѣрными, перешелъ изъ «опыта» цѣликомъ въ работу Императрицы. Остался не использованнымъ—п. 5: «кто можетъ быть принужденъ взять на себя опеку»; въ п. 7 (по «опыту» 8-омъ) прибавлено Екатериной о дачѣ опекуномъ отчета.

Мысль объ усыновленіи и узаконеніи въ «опытѣ» выражена не въ отдѣльныхъ фразахъ, а путемъ сопоставленія: «но часто случается, что многіе люди отъ своего супружества не имѣютъ дѣтей, и другіе незаконно оныхъ получаютъ. Итакъ для обоихъ сихъ случаевъ надобно здѣлать учрежденія. Перваго рода будутъ именоваться учрежденіе о усыновленіи, втораго—учрежденіе о узаконеніи и прирѣніи побочныхъ дѣтей».—

Въ концѣ отдѣла «опыта» упомянуто объ учрежденіи комиссіи о разныхъ установленіяхъ, что въ спискѣ Екатерины перенесено въ начало члена IV-го.

Глава вторая—«о правѣ надъ вещами» взята Императрицей цѣликомъ изъ «опыта», измѣненія незначительны: въ п. 1—«право существенное» вмѣсто «дѣйствительнаго»; частная комиссія въ опытѣ называлась—«о имѣніяхъ или отчпнная».

Содержаніе послѣдней главы «опыта»—«о обязательствахъ» въ общемъ сохранилось и въ печатномъ текстѣ «Начертанія», который получился послѣ многообразныхъ поправокъ и дополненій. Первая точка была сразу дана въ «опытѣ», но текстъ «Начертанія» явился въ результатѣ нѣсколькихъ опытовъ передачи той же мысли, при чемъ одинъ разъ она была выражена

и по-французски. У гр. Шувалова сказано: «обязательство значить вообще союзъ права, по которому долженствуемъ мы что-нибудь учинить, и отъ коего рождаются дѣянія». Екатерина II написала ранѣе такъ: «договоръ значить согласіе, покоторой обязуемъя что нибудь отъ или позволять отъ чего рождаются дѣянія», вмѣсто чего потомъ было сказано: «обязательство значить вообще связи по правдѣ и по справедливости по которой (зач. мы обяза) (зач. чело) гражданинъ обязался что нибудь учинить и отъ коей рождаются дѣянія». Въ объясненіи этого мѣста на поляхъ Императрица приписала ту же мысль по-французски: «Obligation signifie en genera un lien de droit et de quité par lequel quelqu'un est tenu de faire quelque chose».

Подобная упорная работа надъ текстомъ была произведена Императрицей и относительно другихъ частей главы прежде она чѣмъ была приведена въ окончательный видъ. Не входя въ подробнѣйшія сопоставленія поправокъ, приведемъ текстъ главы по «опыту», опуская отдѣлы, гдѣ «опытъ» цѣликомъ воспроизведенъ въ печати. Послѣ вступительныхъ словъ о сущности обязательства гр. Шуваловъ писалъ:

«Оное происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ:

1. Отъ договора. 2. Отъ акп-договора. 3. Отъ вины. 4. Отъ аки-вины.

Договоръ вообще есть согласіе заемное нѣсколькихъ лицъ обязующее оныхъ, или ихъ часть къ дѣланію чего или къ дозволенію постороннему что нибудь дѣлать.

Разные суть роды договоровъ какъ напр... (далѣе идетъ перечень, какъ и въ печати). * Надлежитъ примѣтить, что большая часть договоровъ происходитъ отъ права народнаго, хотя они по обряду и дѣйствию подвержены праву гражданскому.*

Акп-договоръ есть обязательство происходящее отъ нѣкоторыхъ дѣлъ, которые однако не можно именовать контрактами, потому что согласіе точное, составляющее душу контракта, въ ономъ не находится, какъ напр. когда человекъ отлучась, никому своихъ домашнихъ дѣлъ не препоручилъ, а родня или его друзья въ оное вступятся; тогда заемное дѣлается обязательство, съ одной стороны дать отчетъ правленія, съ другой возвратить правителямъ чинимыя собственныя ихъ издержки.

Принятіе наслѣдства есть такъ же родъ аки-договора, ибо чрезъ сіе наслѣдникъ соглашается платить долги умершаго.

Вина. Хотя симъ словомъ иногда и всякія преступленія означаютъ, однако обыкновенно разумѣютъ чрезъ оныя преступленія легкія. Ибо другія

просто именуются преступленіями. Словомъ сказать вина есть погрѣшность, учиненная въ обиду кому-либо.* Бранныя слова, изъязъ, здѣланной животиною, суть вины.*

Аки-вина есть обида, причиненная кому нибудь безъ намѣренія.* Какъ напр. естли что само собой съ кровли или изъ окошка упадетъ, и ушибетъ прохожаго или замараеъ его платье.

Римскіе законы относятъ къ аки-винамъ поведеніе содержателя вольнаго дома, въ которомъ учинилась кража, и его въ ономъ дѣлають отвѣтчикомъ. Ибо хотя онъ и не имѣлъ желанія погрѣшить: однако онъ виновенъ, что предосторожностію своею того зла не предупредилъ.*

Весьма нужно изъяснить со всѣми подробностями сіи четыре причины обязательствъ. Отъ чего послѣдуетъ великій порядокъ въ изслѣдованіи многихъ дѣлъ и не малое утверженіе частнаго благосостоянія гражданина».

Послѣдніе два передъ спискомъ комиссій абзаца печатнаго «Начертанія» цѣликомъ находятся и въ планѣ гр. Шувалова; среди незначительныхъ отличій болѣе интересно послѣднее замѣчаніе въ текстѣ: послѣ словъ о законахъ, учрежденіяхъ, временныхъ и указахъ говорится «изъ чего послѣдуетъ не малое облегченіе въ составленіи изъ частныхъ трудовъ проекта Новаго Уложенія».

Первое же сопоставленіе приведенныхъ выше отрывковъ съ печатнымъ текстомъ показываетъ, что сколько нибудь существенныхъ отклоненій отъ «плана» Шувалова Императрица не ввела; отмѣченныя звѣздочками мѣста не приняты Екатериной II повидимому, вождствие особаго ихъ содержанія—это указанія на примѣры и житейскіе случаи.

«Изъ опыта сего плана оказывается XIV комиссій», говорится въ «опытѣ» передъ спискомъ комиссій частныхъ. Такимъ образомъ гр. Шуваловъ предлагалъ установить нѣсколько менѣе особыхъ отдѣловъ Комиссіи, нежели рѣшила впослѣдствіи Екатерина II. По первой части (права общаго) намѣчено десять комиссій, по второй (права особеннаго)—четыре комиссіи. Въ «Начертаніи» комиссіи перечислены безъ раздѣленія на группы. Новой въ планѣ Екатерины II явилась Комиссія о почтахъ и гостиницахъ, въ «Начертаніи» находящаяся подъ № 8. Выше въ разныхъ мѣстахъ были указаны различія въ наименованіи по «опыту» и по «Начертанію». Особенно это коснулось четырехъ комиссій, наименованія которыхъ въ «опытѣ» были отчеркнуты рукой Екатерины II: комиссія о порядкѣ государства частномъ была названа комиссіей о порядкѣ государства въ силѣ общаго права; комиссія воинская—комиссіей для остереженія (первонач. было «исправленіи») противорѣчій между воинскими и

гражданскими законами; комиссія финансовая названа комиссіей для разсмотрѣнія образа сборовъ и образа расходовъ,—эта замѣна была предворена такой помѣтой Императрицы: «раздробить надлежитъ дабы можно было видить что кому принадлежать будетъ»; комиссія духовная названа была комиссіей духовно гражданской, чѣмъ оговорена специальная ея задача—положеніе духовенства въ гражданскомъ обществѣ.

Указаніемъ на комисіи дирекціонную, экспедиціонную и о разборѣ наказовъ частныхъ кончается «опытъ плана» гр. Шувалова. Самой Императрицѣ принадлежатъ послѣдующія фразы «Начертанія», текстъ которыхъ былъ составленъ безъ какихъ либо значительныхъ поправокъ и дополненій.

III,

Разсмотрѣніе исторіи текста «Начертанія» ставитъ для рѣшенія два основныхъ и существенно важныхъ вопроса: имѣлъ ли гр. Шуваловъ въ своемъ распоряженіи какія-либо наставленія или наброски Императрицы Екатерины или были ли предшественники его по подобной работѣ, а съ другой стороны—чѣмъ объясняются тѣ или иныя измѣненія и сокращенія, произведенныя Императрицей Екатериной II.

Выше было отмѣчено уже одно обстоятельство, которое до извѣстной степени отвѣчаетъ на первый вопросъ, хотя только относительно незначительной части всего «Начертанія». Мѣста послѣдняго и его первой редакціи —«опыта плана», заимствованныя изъ Наказа, постоянно сопровождаются точными ссылками. Но помимо печатнаго текста Большаго Наказа гр. Шуваловъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще и первоначальныя части работы Императрицы надъ Наказомъ, не вошедшія въ это ея твореніе. Это рѣзко бросается въ глаза уже при чтеніи текста «Начертанія», гдѣ въ отдѣлѣ о нижнемъ родѣ затронуты тѣ же вопросы, что и въ исключенныхъ изъ черноваго текста Наказа отрывкахъ; еще больше близость въ самомъ «планѣ» Шувалова, текстъ котораго, какъ указано выше, въ этой части подвергся измѣненіямъ довольно серьезнымъ, правда не въ тѣхъ отрывкахъ, что взяты изъ бумагъ Екатерины II. Одно мѣсто въ «опытѣ»—именно о необходимости привязать земледѣльца къ землѣ, если нельзя признать свободнымъ—является буквальнымъ повтореніемъ русскаго перевода отрывка, написаннаго Императрицей, повидимому, самостоятельно и оставшагося внѣ печатнаго Наказа вмѣстѣ съ рядомъ другихъ сужденій по вопросу о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ. Отличія въ выраженіяхъ являются только во второй части всего отрывка, но чрезвычайно незначительныя и для признанія иного источника недостаточныя; что это разсужденіе заимствовано гр. Шуваловымъ, показываютъ охватывающія его ковычки. Этими не огра-

ничивается пользованіе черновыми бумагами Императрицы по составленію ея Наказа. Совпадаетъ по тексту съ ними еще мѣсто «опыта» о двухъ видахъ службъ или невольничества, но совпаденіе это только по содержанію, а не по тексту и формѣ выраженія. Екатерина II взяла эту мысль изъ постоянного ея источника—изъ труда *Montesquieu—De l'esprit des loix*. При наличности факта знакомства гр. Шувалова съ однимъ исключеннымъ изъ первоначальнаго текста Наказа отрывкомъ допустимо предположеніе, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ извлеченіемъ изъ этихъ необнародованныхъ статей Наказа; о самостоятельномъ пользованіи сочиненіемъ «о духѣ законовъ» едва ли приходится говорить, хотя и выписки гр. Шувалова очень близко, какъ и выписки Императрицы, передаютъ соответствующія строки кн. XV, гл. X названнаго произведенія ¹⁾).

На основаніи однихъ только сопоставленій, конечно, мы не можемъ разрѣшить вопросъ—были ли гр. Шувалову даны Имп. Екатериной II цѣликомъ ея черновые наброски и тексты Наказа въ его первоначальномъ видѣ или же только извлеченія изъ невошедшихъ въ его окончательный текстъ частей. Отвѣтить на этотъ вопросъ помогаетъ одинъ приказъ генераль-прокурора кн. Вяземскаго дежурному секретарю по Сенату. Какъ извѣстно, черновыя бумаги, касающіяся учрежденія комиссіи, 20 декабря 1766 года были переданы Императрицей Екатериной «въ Сенатскую Архиву» ²⁾, при чемъ къ первой серіи впоследствии были, повидному, прибавлены и другіе документы того же рода.

Эти «достохвальные труды» Императрицы, какъ говорится въ протоколѣ засѣданія Сената послѣ полученія бумагъ, «подъятые для благоденствія всѣхъ ея вѣрноподданныхъ», рѣшено было переплести и сохранять въ особомъ серебряномъ ящикѣ ³⁾, какъ сохраняются они и донынѣ. При этомъ согласно особому приказу генераль-прокурора эти книги разрѣшено было показывать въ опредѣленное время какъ сенатскимъ служащимъ, такъ и постороннимъ (сначала было—иностраннымъ) лицамъ ⁴⁾. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ интересующій насъ сейчасъ графъ А. П. Шуваловъ. Мы приведемъ здѣсь полностью данный по этому поводу приказъ кн. Вяземскаго—отъ 20 февр. 1768 года, то есть какъ разъ, повидному, во время работы надъ составленіемъ «Начертанія», подписаннаго Императрицей черезъ полтора мѣсяца послѣ этого дня.

¹⁾ См. Наказъ въ изд. Имп. Академіи Наукъ, введеніе *Н. Д. Чечулина*, стр. XI, ХХІХ—ХХХІХ. Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества, т. X, стр. 153.

²⁾ См. *нашу книгу*—Составъ Законодательной Комиссіи 1767—1774 гг. Одесса, 1915 г., стр. 6.

³⁾ А. М. Ю., д. Сената, 3771, прот. засѣданія 21 дек. 1766 г., п. 1, л. 394 и 400; д. ген.-прок., 6477, кн. 2, л. 175, письмо С. М. Козьмина кн. Вяземскому отъ 24 декабря 1766 года.

⁴⁾ А. М. Ю.; д. генераль-прокурора, 6439, л. 153, приказъ отъ 20 февр. 1767 года.

«Когда Его Сіятельство графъ А. П. Шуваловъ прїѣдетъ въ Канцелярію Прав. Сената, писалъ кн. Вяземскій, и пожелаетъ сочиненія Е. И. В., состоявшіяся по Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, *читать или изъ оныхъ что либо для себя выписать*, то ему въ томъ не воспрещать»¹⁾.

Подчеркнутыя слова совершенно объясняютъ, какъ попали въ «опытъ плапа» не вошедшія въ Наказъ замѣтки Имп. Екатерины.

Естественно возникаетъ вопросъ объ отношеніяхъ между работою гр. Шувалова и Имп. Екатерины II съ одной стороны, и «разсужденіями», написанными, возможно, проф. С. Е. Десницкимъ, съ другой. Эти послѣднія «разсужденія» являются наставленіями по составленію извѣстныхъ частей Уложенія, при чемъ содержатъ указанія на необходимость поручить разработку каждаго отдѣла особой комиссіи. А. И. Успенскимъ опубликованы четыре такихъ разсужденія²⁾, при чемъ они составляютъ только часть, повидимому, довольно обширной работы, гдѣ были обстоятельно, хотя и въ общихъ словахъ, рассмотрѣны всѣ стороны государственной и общественной жизни, которыя должны были явиться предметомъ изложенія въ новомъ Уложеніи.

Изданы разсужденія—о нижнемъ родѣ, объ управленіи духовномъ, о казацкихъ войскахъ и объ узаконеніи финансовомъ, сообразно чему предлагалось организовать комиссіи «о войсковыхъ государственныхъ жителяхъ», комиссію духовную, о финансахъ или о доходахъ государственныхъ. Ясно, что названныя «разсужденія», въ сущности, являются произведеніемъ, имѣющимъ ту же цѣль, что и «Начертаніе»; при этомъ, несомнѣнно, эти разсужденія были составлены раньше «опыта плана» гр. Шувалова, такъ какъ въ иномъ случаѣ ихъ появленіе было бы бессмысленно. «Разсужденія» сохранились въ единственномъ нынѣ извѣстномъ текстѣ вмѣстѣ съ «представленіемъ» Десницкаго «о учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской Имперіи», при чемъ это представленіе датировано (нѣсколько странно, правда)—30 февраля 1768 года, фактъ, дающій право относить къ этому приблизительно времени завершеніе и данныхъ «разсужденій»³⁾.

Имѣя въ рукахъ текстъ «разсужденій» и «опыта плана», использованнаго Императрицей Екатериной II для ея «Начертанія», можно рѣшить, что Императрица первоначально именно отъ С. Е. Десницкаго желала получить тщательно разработанный планъ работъ депутатскаго собранія въ его подраздѣленіяхъ, но затѣмъ въ силу какихъ либо соображеній,

¹⁾ А. М. Ю., д. ген.-прок., 6439, л. 169.

²⁾ Записки Императорской Академіи Наукъ, т. VII, 1905 г., № 4.

³⁾ См. статью Н. Д. Чечулина въ Сборникѣ въ честь Д. А. Корсакова, стр. 23.

оставила неиспользованными работы Десницкаго и поручила выполнить ея предположенія гр. Шувалову, «опытъ» котораго и былъ почти цѣликомъ воспринятъ ею. У насъ совершенно нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о побужденіяхъ Екатерины, когда она отказывалась отъ «разсужденій» и искала новой разработки тѣхъ же вопросовъ. Бросающееся въ глаза различіе въ размѣрахъ работъ Десницкаго и гр. Шувалова можетъ быть играло въ этомъ роль, хотя тогда непонятно, почему не самъ авторъ долженъ былъ произвести сокращеніе своей работы, а краткая формулировка извѣстныхъ вопросовъ пала на долю другого.

Не была ли работа Десницкаго использована гр. Шуваловымъ для его «опыта»? Дать прямой и опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется затруднительнымъ, такъ какъ нѣтъ буквальныхъ заимствованій и общихъ мѣстъ. Въ изложеніи или, точнѣе—въ содержаніи двухъ-трехъ «составовъ» «опыта» есть нѣсколько мыслей, высказанныхъ и въ «разсужденіяхъ» Десницкаго, но на такихъ совпаденіяхъ строить какое-либо заключеніе, конечно, едва ли возможно. Такъ по вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ оба автора мѣстами говорятъ приблизительно одинаково. Въ «разсужденіи» по этому вопросу, между прочимъ, говорится, что влѣдствіе невозможности дать крестьянамъ права и преимущества можно использовать способы дать нѣчто въ ихъ пользу и прекратить нѣкоторыя злоупотребленія, вредныя для государства и самихъ земледѣльцевъ; такая же мысль высказана и у гр. Шувалова, но тамъ она, въ сущности, заимствована изъ записокъ Императрицы, которыми, можетъ быть въ томъ или иномъ ихъ видѣ, пришлось воспользоваться и Десницкому. Практическія мѣры для облегченія участи крестьянъ, предлагаемыя гр. Шуваловымъ, подчеркнуты и въ «разсужденіи» Десницкаго: вредъ продажи безъ земли, положеніе дворовыхъ, сохраненіе свободы отпущеннымъ на волю;—но это все вопросы, которые естественно возникали въ то время передъ каждымъ, кто задавался мыслью объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ безъ принятія сколько-нибудь широкихъ и радикальныхъ мѣръ; каждый изъ обоихъ разсматриваемыхъ авторовъ, могъ, конечно, совершенно независимо другъ отъ друга рекомендовать названныя элементарныя измѣненія въ жизни крестьянъ. Въ I и IV главахъ первой части «опыта плана» также можно найти нѣкоторыя общія указанія съ соответствующими «разсужденіями»; такъ, напр., кругъ вѣдѣнія частной комиссіи финансовой по «опыту» совпадаетъ съ такой же ком. по «разсужденію», гдѣ также говорится о ревизіонъ-коллегіи, о надзорѣ за сборомъ соли; но эти общія указанія никакъ не могутъ свидѣтельствовать о непосредственномъ знакомствѣ гр. Шувалова съ планомъ проф. Десницкаго. Замѣтимъ, что работа послѣдняго далеко превосходитъ работу перваго по обстоятельности, систематичности, детальности.

Если въ работѣ гр. Шувалова мы, такимъ образомъ, не находимъ прямыхъ указаній на знакомство ея автора съ «разсужденіями», то нельзя

того же сказать объ окончательномъ текстѣ «Начертанія». Въ первой нашей работѣ по исторіи Законодательной Комиссіи 1767 года ¹⁾ было нами указано одно мѣсто «Начертанія», которое пѣликомъ повторяетъ начало «разсужденія» «о узаконеніи финансовъ». Тогда въ 1910 году мы не имѣли возможности выяснить, графъ ли Шуваловъ или сама Императрица имѣла подъ руками «разсужденіе», теперь же,—зная полностью текстъ «опыта плана» и его послѣдующую судьбу, думаемъ, что вопросъ разрѣшается въ пользу Екатерины II.

Сопоставленіе соответствующихъ отрывковъ трехъ разсматриваемыхъ произведеній въ этомъ можетъ совершенно убѣдить. Рѣчь идетъ «о управленіи финансовъ или о государственныхъ доходахъ».

«Сіе управленіе, читаемъ у гр. Шувалова, сооружаетъ столпы или подпоры государства, которое дѣлая безпрестанно самонужнѣйшія издержки, долженствуетъ необходимо имѣть вѣрные доходы. Изъ чего непосредственно происходятъ слѣдующія два раздѣленія:

- 1) О издержкахъ государства.
- 2) О доходахъ государства.

«Общее наименованіе. Финансы, ссбѣ смыслъ пространной; они имѣютъ предлогомъ доставленіе государству надѣльных вольныхъ по его надобностямъ доходовъ.

Изъ чего явствуетъ, что финансы справедливо раздѣляются на двѣ главныя части:

- 1) на издержки государства.
- 2) На доходы онаго».

«Сіе наименованіе, пишетъ Императрица, заключаетъ въ себѣ смыслъ пространной и имѣетъ предлогомъ доставленіе государственнымъ надобностямъ надежныхъ и довольныхъ доходовъ: для чего на строительство сіе взирать можно, какъ на смотрѣніи столпы, служащія подпорою всему государству.

Изъ сего явствуетъ, что дѣла сея части раздѣляются на два главные члена:

- 1) На издержки государства.
- 2) На доходы государства».

Текстъ «Начертанія» въ этомъ отрывкѣ, несомнѣнно, повторяетъ «разсужденіе» Десницкаго, при чемъ соединяетъ заимствованныя фразы со сло-

¹⁾ Изъ исторіи Екатерининской Законодательной Комиссіи 1767 г.—Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одесса, 1910, стр. 157—158.

вами, взятыми, по всей вѣроятности, изъ «опыта плана»—о столпахъ или подпорахъ государства, чѣмъ разрѣзается на двѣ части заимствованный отрывокъ.

Въ другихъ мѣстахъ «Начертанія» трудно найти прямые слѣды знакомства Императрицы съ планами Десницкаго, но у насъ есть еще другое свидѣтельство относительно вліянія работы этого профессора на Екатерину II, свидѣтельство, относящееся именно ко времени составленія «Начертанія». Въ тотъ же день, что и послѣднее, Императрицей подписана была послѣдняя глава Наказа—XXII-ая, и какъ оказывается, двадцать шесть изъ 127-ми ея статей являются извлеченными именно изъ того же разсужденія «о финансовомъ узаконеніи» ¹⁾.

Очевидно, въ періодъ подготовки «Начертанія» у Императрицы Екатерины планы Десницкаго были постоянно подъ руками и къ нимъ подчасъ она обращалась и въ связи съ этой своей работой. Обнаруженіе или находка полного текста «разсужденій» можетъ быть дала бы возможность выяснить эту связь съ большей точностью и обстоятельностью.

Выше мы умышленно привели цѣликомъ тѣ мѣста «опыта плана» гр. Шувалова, которыя оказались не принятыми Императрицей Екатериной. Ихъ содержаніе помогаетъ выяснить, почему нѣкоторыя общія мысли составителя «плана» встрѣтили возраженіе или несогласіе со стороны «редактора» «Начертанія», отъ имени котораго оно было опубликовано. Понятно вполнѣ, что въ рядѣ «членовъ» и «составовъ» «опыта плана» сокращенія дѣлались и не по причинѣ принципиальнаго несогласія Императрицы съ предположеніями или воззрѣніями гр. Шувалова, но вызывались соображеніями большаго удобства, отчетливости, сжатости изложенія. Мелкихъ сравнительно случаевъ подобныхъ сокращеній и измѣненій на пространствѣ всего «Начертанія» множество.

Отмѣтимъ, напримѣръ, сокращеніе въ отдѣлѣ объ обязательствахъ—конкретные случаи «вины» и «аки-вины» со ссылкой на римскіе законы Императрицей оставлены въ сторонѣ, но сохранены общія соображенія относительно этихъ понятій. Ради удобства и краткости изложенія было измѣнено перечисленіе «частей» пользы общей, а также «главныхъ предметовъ» полиціи: по отношенію къ послѣдней достаточно было сослаться на XXI главу Наказа, оконченную въ послѣднихъ числахъ февраля 1768 года, гдѣ, на основаніи «политическихкихъ наставленій» Бильфельда, даны подробныя указанія на кругъ

¹⁾ Н. Д. Чечулинъ. Предпослѣднее слово объ источникахъ Наказа. Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова. Казань, 1912—13, стр. 22—25.

обязанностей учреждений, заботящихся о благочиніи или «управленіи нравовъ»¹⁾).

Особенный интересъ представляютъ два мѣста въ «опытѣ плана», встрѣтившія несогласія со стороны Императрицы Екатерины II—именно отрывокъ о нижнемъ родѣ и отрывокъ о происхожденіи власти государя. Что касается перваго, то въ этомъ случаѣ Императрица руководилась, повидимому, тѣмъ соображеніемъ, что указанія на опредѣленные мѣры въ пользу облегченія крѣпостныхъ крестьянъ являются нежелательными и способны дать поводъ для толковъ и напрасныхъ по существу ожиданій.

При окончательномъ просмотрѣ Наказа передъ его опубликованіемъ устраненіе изъ его текста объясняется участіемъ въ этомъ просмотрѣ «вѣлыми разномыслящихъ особъ», т.-е. какъ-будто произошло помимо воли самой Императрицы, которая только не протестовала противъ этихъ цензоровъ ея творенія, можетъ быть нѣкоторыхъ депутатовъ—представителей «народнаго умоначертанія» или «умонастроенія», противъ котораго Екатерина не находила возможнымъ идти. При составленіи «Начертанія», насколько можно судить по довольно обстоятельно освѣщающимъ исторію его текста даннымъ, положеніе дѣла было совершенно иное: сама Императрица устраняетъ изъ текста «опыта плана» тѣ отрывки, которые гр. Шуваловъ заимствовалъ изъ ея бумагъ по составленіи Наказа, и что особенно важно, въ этомъ случаѣ Екатерина II не ограничивается только вычеркиваніемъ и исправленіемъ, но выступаетъ даже съ возраженіемъ противъ нѣкоторыхъ мыслей «плана», по существу далеко не рѣдкихъ уже и въ то время. Продажа крѣпостныхъ безъ земли на выводъ постоянно въ тѣ времена вызывала возраженія, но именно по поводу этой мысли высказала Императрица сомнѣніе или недоумѣніе, формулированное нѣсколько неявно вслѣдствіе страннаго и спутаннаго согласованія и чередованія словъ, что не мѣшаетъ понять основную мысль—розничная продажа крестьянъ выгодна мелкопомѣстному дворянству, а также и самимъ крестьянамъ, если дать имъ преимущественное право покупки, т.-е. выкупа на волю. Въ результатѣ—послѣ сокращеній въ «Начертаніи» остались общія фразы о двухъ родахъ службы и о необходимости привязать крестьянъ къ землѣ, по средствамъ облегчить ихъ положеніе и осуществить мысль о связи съ землею были опущены.

Другое принципиальнаго характера сокращеніе было сдѣлано Императрицей во вступительныхъ фразахъ первой части «опыта». Екатерина II оставила въ сторонѣ довольно длинное и связное разсужденіе о происхожденіи власти государя вслѣдствіе представленія ему ея волею

¹⁾ Пред. *Н. Д. Чечулина* въ изданіи Наказа, стр. СХХХVI—СХХХVIII; Ж. М. Н. Пр., 1902, IV, 294—296.

народа. Въ силу такого возникновенія верховной власти между нею и обществомъ должны возникнуть извѣстныя обязательства, сводящіяся для государя къ соблюденію добраго порядка въ государствѣ. Мысль о такомъ ограниченіи власти признается гр. Шуваловымъ, однако, лишь подкрѣпленіемъ монархіи, такъ какъ этимъ точно изъясняется кругъ ея дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе этихъ взаимныхъ обязательствъ между государемъ и подданными вселяетъ въ умы послѣднихъ благодарность къ монарху, какъ къ отцу государства. Это послѣднее сопоставленіе сохранено было Императрицей, указавшей на него еще въ своемъ Наказѣ (ст. 452); изъ послѣдняго гр. Шуваловымъ взято указаніе о властяхъ среднихъ и т. д.,—въ смыслѣ не сословіи, какъ у Монтескье, а «правительство»¹⁾, какъ у Екатерины (ст. 18—20).

Отчетливая формулировка указанной мысли о возникновеніи власти монарха не согласуется съ содержаніемъ Наказа: здѣсь подчеркивается отчасти теократическое основаніе монархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость ея для Россіи объясняется естественнымъ положеніемъ государства (обширностью Имперіи); начало договорное въ Наказѣ совершенно отсутствуетъ²⁾. Впрочемъ, объяснять только этимъ отношеніе Императрицы къ указанному мѣсту едва ли возможно; рядомъ съ Наказомъ слѣдуетъ поставить небольшой генераль-прокурорскій наказъ, который въ значительной своей части содержитъ теоретическія разсужденія о сущности права и его разновидностяхъ. И вотъ здѣсь въ п. 7-омъ высказывается мысль о томъ, что «общество не можетъ быть безъ правленія» и что «сія общая сила въ Россіи вручена одному» или, какъ было въ другомъ спискѣ этого наказа сказано Екатериной,—«положена» на одного; и рядомъ съ этимъ повторяется мысль о естественномъ положеніи Россіи, требующемъ именно монархическаго государственнаго устройства³⁾. Ясно, слѣдовательно, что мысль о передачѣ власти народомъ одному лицу Императрицей до извѣстной степени воспринималась, когда нужно было объяснить возникновеніе монархіи, хотя формулируется эта мысль только въ генераль-прокурорскомъ наказѣ, а не въ главномъ руководствѣ для дѣятельности Комиссіи; впрочемъ, насколько извѣстно, генераль-прокурорскій наказъ вручался каждому депутату наравнѣ съ Большимъ Наказомъ.

Попятно, что вскользь лишь намѣченная въ ген.-прок. наказѣ мысль не можетъ идти въ сравненіе съ отчетливой формулировкой представле-

¹⁾ *Тарановскій*. Политическая доктрина въ Наказѣ Екатерины II. Сборникъ статей по исторіи права въ честь проф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ, 1904, стр. 44—86.

²⁾ *Тарановскій*. Сборникъ статей въ честь проф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ, 1904, стр. 45—6 и др.

³⁾ Этотъ наказъ напечатанъ въ академическомъ изданіи Наказа Екатерины II. Спб., 1907, стр. 167—172.

нія о договорномъ началѣ въ основѣ монархіи, и авторъ названнаго Наказа могъ намѣренно воздержаться отъ подчеркиванія и объявленія этой мысли, въ сущности, несмотря на оговорки «опыта плана», ограничивающей въ извѣстной степени власть самодержавнаго монарха. Отмѣтимъ, что теорія договорнаго происхожденія монархическаго начала официально была объявлена за нѣсколько десятилѣтій до созыва депутатовъ Екатериной II въ «Правдѣ воли монаршей» 1722 года Теофанъ Прокоповичъ этотъ взглядъ высказываетъ прямо и опредѣленно ¹⁾).

Какъ было уже указано выше, мы не имѣемъ возможности сказать что либо опредѣленное относительно того, почему работы проф. Десницкаго не были въ широкихъ размѣрахъ использованы Императрицей. Но вопросъ о томъ, почему Екатерина II воспользовалась знаніями и способностями графа Андрея Петровича Шувалова для составленія «Начертанія»,—этотъ вопросъ можетъ быть такъ или иначе разрѣшенъ. Обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности гр. Шувалова сведены въ статьѣ Д. О. Кобеко ²⁾ и мы не будемъ здѣсь повторять ихъ для выясненія отношеній Императрицы Екатерины къ молодому графу. Для насъ важно отмѣтить, что его имя тѣсно связано съ Законодательной Комиссіей съ самаго начала ея организаціи: гр. Шуваловъ въ первые же дни дѣятельности депутатскаго собранія получилъ назначеніе на должность директора дневныхъ записокъ ³⁾, т.-е. какъ теперь слѣдовало бы сказать—главнаго секретаря Комиссіи, слѣдившаго за правильностью составленія протоколовъ засѣданій. Эти обязанности гр. Шуваловъ исполнялъ въ теченіи почти двухъ лѣтъ—увольненіе его состоялось въ іюні 1769 г., когда надобность въ держаніи дневныхъ записокъ въ силу роспуска членовъ большого собранія уже миновала ⁴⁾. Должность директора дневной записки была весьма значительна: помимо завѣдыванія всѣми «держателями» протоколовъ, какъ въ большомъ собраніи, такъ и въ частныхъ комиссіяхъ, директоръ былъ признанъ помощникомъ маршала Комиссіи; генераль-прокуроръ Сената, маршалъ и директоръ во время засѣданій сидѣли за однимъ председательскимъ столомъ для того, чтобы два сосѣда маршала могли оказать ему въ нужныхъ случаяхъ «приличный родъ помочи» ⁵⁾. Въ такомъ смыслѣ и слѣ-

¹⁾ См. работу Г. Гурвича. «Правда воли монаршей» Теофана Прокоповича и ея западноевропейскіе источники. Юрьевъ, 1915 г.—П. С. З., т. VII, № 4870. См. любопытное указаніе на обсужденіе вопроса о включеніи «Правды» въ Полное Собраніе Законовъ—Филипповъ. Къ вопросу о составѣ перваго полнаго собранія законовъ. М. 1916, стр. 100—101.

²⁾ Д. О. Кобеко. Ученикъ Вольтера графъ А. П. Шуваловъ (1744—1789). Русскій Архивъ, 1881, III, 241—290. Краткая біографія дана въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ.

³⁾ Сборникъ Истор. Общ., IV, 56.

⁴⁾ Списокъ указа 5 іюня 1769 г.—см. Гос. Арх., X, 15, ч. I, л. 168.

⁵⁾ Сб., X, 234 (подлинникъ—Гос. Арх., X, 15, 1, л. 144).

дуетъ конечно, понять слова Вольтера въ одномъ изъ писемъ къ Шувалову— что онъ стоитъ—«*a la tête du plus beau comité que je connaisse*»¹⁾. Нужно прибавить, что самый «обрядъ управленія» Комиссіей, гдѣ идетъ рѣчь и о директорѣ дневной записки, былъ составленъ въ первоначальномъ его видѣ, кажется, самимъ же гр. Шуваловымъ. Указаніе на это находимъ еще въ упомянутой уже статьѣ Д. Θ. Кобеко²⁾. Въ другомъ мѣстѣ мы подробнѣе рассмотримъ исторію текста этого «плана засѣданій Комиссіи», теперь лишь отмѣтимъ, что указаніе этого изслѣдователя о сохраненіи въ залѣ общаго собранія Сената *писаннаго* гр. Шуваловымъ «плана» нѣсколько не точно: намъ тамъ не встрѣтился списокъ обряда—автографъ графа, и всѣ извѣстные намъ списки исполнены не рукою автора; нѣкоторыя поправки на этихъ спискахъ, исполненныхъ на своеобразной желтоватой бумагѣ и однимъ и тѣмъ же почеркомъ (общимъ и для «опыта плана» и для «обряда» и «дополненія» къ нему), сдѣланы рукою, которая нѣсколько напоминаетъ почеркъ графа, но мы не рѣшаемся, въ виду отличія въ написаніи ряда буквъ, утверждать это сколько-нибудь опредѣленно.

Такимъ образомъ, порядокъ веденія засѣданій общаго собранія Комиссіи во всѣхъ его подробностяхъ—какъ въ отношеніи дѣйствій президіума, такъ и въ отношеніи поведенія депутатовъ былъ установленъ и опредѣленъ Императрицей при участіи гр. Шувалова, которому пришлось позднѣе быть исполнителемъ этого порядка и его блюстителемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Естественно, что на такого близкаго испытаннаго уже помощника самой «законодательницы» могла быть возложена и задача составленія общей инструкціи для частныхъ комиссій, необходимость въ организаціи которыхъ, ко вреду для дѣла, была недостаточно продумана при самомъ учрежденіи Комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія,—только черезъ полгода послѣ начала засѣданій депутатскаго собранія ему были даны непредусмотрѣнныя ранѣе указанія о необходимости предварительной разработки и выработки проектовъ отдѣльныхъ главъ или частей Уложенія въ собраніи лишь нѣсколькихъ депутатовъ.

II. Исторія текста «уроковъ» для частной комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права.

Изъ числа всѣхъ частныхъ комиссій «Начертаніе» на первое мѣсто ставитъ комиссію о порядкѣ государства въ силѣ общаго права, которая, по словамъ Екатерины, должна была быть «безпрестанно подъ глазами Нашими». Дирекціонная комиссія значеніе этой комиссіи, руководствуясь

¹⁾ *Voltaire, Oeuvres complètes, Paris, t. 45, 1881,—correspondance, t. 13, p. 529.*

²⁾ *P. A., 1881, III, 2, стр. 253.*

тѣмъ же «Начертаніемъ», формулируетъ такъ:—«только трудами сей частной комиссіи весь трудъ прочихъ комиссій совершёнъ, въ теченіе и исполненіе приведенъ, и навсегда утверждёнъ быть можетъ»¹⁾. Такая оцѣнка комиссіи объясняется, конечно, важностью и серьёзностью подлежащихъ ей разработкѣ вопросовъ—изъ области организациіи управленія центральнаго и мѣстнаго. Вниманіе къ этимъ вопросамъ выразилось въ томъ, что именно для этой комиссіи Императрица Екатерина признала необходимымъ дать болѣе детально и обстоятельно разработанныя наставленія или «уроки», въ то время какъ для другихъ комиссій казалось достаточнымъ только общихъ и краткихъ указаній «Начертанія».

Въ исторіи подготовительныхъ работъ по реформѣ мѣстнаго управленія дѣятельность комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права, несомнѣнно, имѣла важное значеніе, насколько можно судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія объ этой комиссіи сообщались въ свое время въ книгѣ К. И. Арсеньева и Е. Анучина²⁾.

Сколько-нибудь детальному и обстоятельному изученію работы комиссіи подвергнуты еще не были, не были предметомъ обслѣдованія и названные выше «уроки». Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія общаго характера о нихъ даны только въ извѣстной работѣ академика А. С. Лаппо-Данилевскаго—Собраніе и сводъ законовъ Россійской Имперіи, составленные въ царствованіе Императрицы Екатерины II³⁾. Текстъ «уроковъ» донынѣ еще не напечатанъ, въ виду чего въ дальнѣйшихъ сопоставленіяхъ различныхъ его редакцій иногда придется давать цѣликомъ нѣкоторыя части ихъ въ окончательной формѣ.

Всѣ извѣстныя намъ записи Императрицы Екатерины II и ея сотрудниковъ, относящіяся по содержанію къ «урокамъ», повидимому, не даютъ непрерывнаго ряда смѣнявшихъ другъ друга редакцій. Начальные моменты всей работы выясняются очень скудно. Кромѣ небольшой сжатой французской замѣтки, отмѣченной еще А. С. Лаппо-Данилевскимъ и цѣликомъ напечатанной въ академическомъ изданіи Наказа, мы знаемъ рядъ изложенныхъ уже болѣе или менѣе послѣдовательно и обстоятельно—

¹⁾ Наставленіе всѣмъ частнымъ комиссіямъ отъ 11 апр. 1768 г., п. 2. Арх. Гос. Совѣта, дѣла II отд. Е. И. В. Канцеляріи, бумаги Комиссіи 1767 г., в. 142.

²⁾ К. И. Арсеньевъ. Статистическіе очерки Россіи. Спб. 1848, стр. 90—110. Е. Анучинъ. Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учреждений въ Россіи съ Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. до послѣдняго времени. Составлено по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Спб., 1872, стр. 3—4. Указанія Е. Анучина основаны на свѣдѣніяхъ, приведенныхъ въ изданіи: Матеріалы, собранные для Высочайше учрежденной Комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учреждений. Отдѣлъ административный, часть I (Спб., 1870), отд. 5, стр. 148.

³⁾ Журналь М. Н. Пр., 1897, III, стр. 157—159.

«уроковъ», различіе между группами которыхъ сводится къ перестановкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, ихъ особымъ сочетаніямъ, раздѣленіямъ и т. п. Первоначально кругъ этихъ вопросовъ устанавливала, повидимому, сама Императрица; извѣстно намъ два списка «уроковъ» ея руки въ первоначальной редакціи ¹⁾, затѣмъ среди отдѣльныхъ записей появляется списокъ «уроковъ» на такой же бумагѣ и написанный тѣмъ же почеркомъ, что отмѣченные выше списки работъ гр. А. П. Шувалова ²⁾. Этотъ списокъ подвергся исправленіямъ Екатерины, при чемъ въ дѣлѣ этихъ переработокъ принималъ участіе хорошо извѣстный сотрудникъ Императрицы Г. В. Козицкій ³⁾. Всѣ моменты этихъ переработокъ освѣщаются сохранившимся матеріаломъ. Окончательный текстъ «уроковъ» намъ извѣстенъ въ экземплярѣ, сохраняющемся въ собраніи бумагъ Комиссіи 1767 г. (в. 142) въ Архивѣ Государственнаго Совѣта въ Петроградѣ.

Уже французскій отрывокъ или записка Императрицы даетъ понятіе основную и исходную задачу той не названной здѣсь еще особымъ именемъ Комиссіи, которой предстояло дать особое наставленіе: «Il faudroit commencer la commission à la quelle je donné du travail par lui ordonner de *faire un tableau* du gouvernement présent de l'Empire 1) quelle est l'autorité de chaque tribunal, 2) quels sont ils dans les province, 3) quels sont les representations la dessus dans les Наказъ des députes, des collèges et autres et puis il faudroit *une conclusion* de cette commission sur ce qu'elle a lu et examiné, par Cа je crois qu'on connaitrait mieux ce qu'on a et en quoi pourroit consister ce qu'on fera, car il ne s'agit pas de changer pour changer, mais de changer le mal au bien et de laisser le bien bien» ⁴⁾.

Выдѣленные курсивомъ мысли впоследствии мы встрѣчаемъ во вступительной части «уроковъ», предшествующей первому изъ нихъ. Довольно близкій къ окончательной редакціи текстъ этого вступленія впервые появляется въ упомянутой выше редакціи «уроковъ», послужившей отправной точкой для приведенія ихъ къ окончательному виду и затѣмъ уже не исчезаетъ въ послѣдующихъ текстахъ. Совпаденіе французскаго отрывка и указаннаго позднѣйшаго текста могло бы дать основаніе для признанія очень близкаго по времени ихъ возникновенія—непосредственнаго преемства, но въ наброскахъ Екатерины, которые мы ставимъ на болѣе раннее мѣсто, нежели указанный текстъ, уже детально развиты очень общенамѣченныя въ приведенныхъ трехъ пунктахъ указанія, въ виду чего приходится французскій отрывокъ считать первымъ по времени.

¹⁾ 1—Госуд. Архивъ, X, 19, л. 401; 2—Сенатское Собраніе, т. II, л. 127—128, продолженіе—Гос. Арх., X, 19, лл. 403—405.

²⁾ Сенатское Собраніе, т. II, 129—132.

³⁾ Его рукою сдѣланы списки второго и третьяго урока, сохр. въ Сенатскомъ Собраніи, т. II, лл. 133 и 134—135.

⁴⁾ Наказъ, изд. Академіи Наукъ, LXXVII—LXXVIII.

По различію во вступительной части мы выдѣляемъ на первое мѣсто два списка руки Императрицы. Первый, части котораго сохранились въ Сенатскомъ собраніи и въ Архивѣ Государственномъ, не содержитъ самостоятельнаго вступленія, а начинается довольно длинной выпиской изъ «Начертанія»; именно взяты—два первые абзаца «Начертанія», включая и указаніе на «положеніе государству» и «положеніе гражданину», а также начало части первой—«о правѣ общемъ» до ссылки на 18 статью Наказа включительно. Переходомъ къ ряду вопросовъ, которые образуютъ основное содержаніе перваго урока, въ этомъ спискѣ являются слѣдующія указанія, которыя не повторяются въ другихъ спискахъ.

«И такъ, пишется здѣсь, должно, чтобъ правительства были установлены для первыхъ трехъ большого Наказа предметовъ, а именно—1) для дѣланія добра, сколько возможно недопущенія зла и содержанія узаконенія и доброй порядокъ въ целости. 2) Для довѣденіе исполненіемъ законовъ государство до вышней степени благополучія славы и блаженства и спокойства. 3) 1) Для охраненія в'силѣ законовъ особо всякаго гражданина ото всѣхъ утесненія и для защищенія его ото всѣхъ благосостояніи его противныхъ предпріятій.

На правительства же, продолжаетъ Императрица, можно (зач. раздѣлить дво) смотрѣть троякимъ образомъ

1. Какъ правленія общія государственныя
2. Какъ правленія частныя
3. Какъ правленія в'рассужденіи гражданину».

Другой черновой списокъ руки Екатерины (въ составѣ только перваго урока) начинается краткой выпиской изъ «Начертанія»—взять абзацъ его первой части съ цитатой 18-ой статьи Наказа. Никакого перехода къ вопросамъ въ этой небольшой рукописи Императрицы нѣтъ.

Очевидно, первоначально Императрица Екатерина предполагала связать уроки непосредственно съ «Начертаніемъ», напомнивъ изъ него соотвѣтствующія части, опредѣляющія задачу комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права. Послѣ двоекратнаго опыта подобнаго рода признано было достаточнымъ сдѣлать лишь общее указаніе на «Начертаніе», при чемъ къ нему прибавляются замѣчанія, высказанныя ранѣе во французской замѣткѣ Екатерины II. Текстъ этого вступленія въ спискѣ, принадлежащемъ перу неизвѣстнаго намъ лица, подвергся лишь въ двухъ мѣстахъ

1) Начиная этимъ номеромъ, рукопись Екатерины II сохранилась въ Государственномъ Архивѣ (X, 19, л. 403—5).

словеснаго характера исправляемъ Императрицы, перешедшимъ и въ окончательный текстъ.

Вступленіе указываетъ два «важные предмета» комисіи—вопросъ о властяхъ среднихъ, подчиненныхъ, зависящихъ отъ верховной, и составляющихъ существо правленія; второй вопросъ—о «распредѣленіи на части дѣлаго общества для лучшаго соблюденія въ немъ порядка». Эти вопросы могутъ получить достаточное разъясненіе только въ случаѣ предварительнаго изученія того, «что въ государствѣ Нашемъ теперь дѣлается въ разсужденіи обоихъ сихъ предметовъ»: узнавъ недостатки можно намѣтить соотвѣтствующую перемѣну («ибо перемѣна не для произвольной перемѣны должна быть сдѣлана»),—все же хорошее должно остаться «въ свое силѣ»¹⁾. «Итакъ, пишетъ Императрица, первое дѣло сей комисіи будетъ то, чтобы сдѣлать себѣ общій съ точнымъ всѣхъ подробностей означеніемъ, такъ сказать, чертежъ нынѣшняго Россіи правленія».

Этихъ общихъ указаній—при чрезвычайной важности дѣла—было недостаточно, и Императрица въ первомъ «урокаѣ» задаетъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые могутъ составить основу и матеріалъ для созданія упомянутаго чертежа.

«Урокъ» первый начинается словами, которые являются впервые въ томъ текстѣ руки Императрицы, который имѣетъ вмѣсто вступленія длинную выписку изъ «Начертанія» (измѣненъ только порядокъ словъ и нѣкоторыя частности формулировки): «Коммиссія для порядочнаго объясненія нынѣшняго состоянія государства во всѣхъ онаго частяхъ и для лучшаго усмотрѣнія нуждъ и недостатковъ имѣетъ отвѣтствовать на слѣдующіе вопросы».

Въ названной только что редакціи «урока», принадлежащей перу самой Екатерины II, число этихъ вопросовъ значительно больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ намъ текстахъ—именно 22 вопроса, въ то время какъ въ другой рукописи Императрицы (II) ихъ только 11, въ спискѣ чужой руки, исправленномъ ею (III)—16, въ окончательной редакціи (IV)—17. Въ виду этого мы приведемъ вопросы по наиболѣе точному ихъ списку и будемъ отмѣчать номера соответствующихъ вопросовъ по всѣмъ остальнымъ редакціямъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ только что названы; безъ такихъ указаній остаются неповторяющіеся нигдѣ болѣе вопросы.

«1. Какія суть нынѣ правительства въ Россіи, конемъ поручено общей порядокъ?» Повторяется такъ на первомъ мѣстѣ вездѣ; III и IV: «соблюденіе общаго порядка».

¹⁾ Этотъ отрывокъ вступленія приведенъ въ извѣстной статьѣ *проф. В. И. Сергеевича*—Откуда неудачи Екатерининской Законодательной Комисіи? Вѣстникъ Европы, 1878, I, 199.

«2. Какія (зач. изъ нихъ) правительства вѣдаютъ духовно-гражданскія дѣла?»

«3. Какія правительства установлены для отправленія правосудія?»

«4. Для управленія правовъ и благочинія?»

«5. Для (зач. устроеніи надзираніи) устроеніи полезнаго, какъ о томъ въ составѣ V начертаніе написано?» На поляхъ III (между 6 и 7) приписано не Екатериной (кромѣ перваго слова): «7. Какія правительства учреждены ради устроения полезнаго?» IV, 7.

«6. Какія суть правительства для строительства съ ея частыми в'силѣ XXII главѣ Большаго Наказа?» III и IV, вопр. 6: «какія именно правительства учреждены ради управленія государственнаго строительства съ частыми онаго?»

«7. Кто вѣдаетъ лицъ?»

«8. Вещи?»—«9. Обязательства?»

«10. На какихъ правительство положено исполненіи установленія касающихся до лицъ?»

«11. Какая правительствамъ установленія?» II, 2—вм. послѣдняго слова было ранѣе—«власть»; III и IV, 2—«симъ прав. сдѣланы устан.»

«12. Какая ихъ учрежденія 1) в рассужденіи мѣсто яко тѣло? 2) в рассужденіи особъ яко члены? 3) в рассужденіи союза аднаго правительства съ другимъ?» II, 3; III и IV, 3: «какія суть ихъ учр... 1. въ рассужденіи ихъ самихъ, яко тѣла; 2)... особъ, ихъ составляющихъ..., 3... союза и сношенія»... Эти три вопроса были Императрицей намѣчены, какъ указалъ А. С. Лалло-Данилевскій, еще въ французской ея запискѣ ¹⁾, со значительными отличіями въ формулировкѣ. Здѣсь указываются такія части работы комиссіи: «1) leurs fondamentale institution (надъ строкою—«установленіе») dans laquelle naturellement entrevoit дозволеніе представлять гдрю и Сенатъ, 2. leurs devoirs comme («учрежденіе») corps, comme membres et vis-à-vis de leurs egaux, 3. l'exécution (исполненіе) et vis-à-vis de ceux sur les quels ils ont autorité conformement aux lois».

«13. Какая ихъ власть в'исполненіи должности и надъ кѣмъ в'силѣ законовъ?» II—4; III и IV, 4—«... надъ чѣмъ она состоитъ».

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1897, III, 456; прим. 2.

14 (приписанъ на поляхъ, далѣе идетъ снова 14-ый вопросъ; нумерація, очевидно, не измѣнена при вставкѣ). «Отъ кого они зависятъ и кто отъ нихъ?» III и IV, 5.

«14. Какія о установленіи правительства прошеніи содержатъ указы?» II, 5.

«15. Какія в'сихъ наказовъ описаны неудобства в'теченіи должности присутственныхъ мѣстъ?» II, 6. Въ III и IV оба послѣдніе вопроса изложены нѣсколько иначе: III, 7 и IV, 14: «какія для поправленія своего указы правительствъ содержатъ прошенія?» III, 8 и IV, 15: «какія въ сихъ и въ другихъ депутатскихъ наказахъ описаны неудобства въ теченіи дѣлъ и исполненіи ихъ должности?» Различіе въ нумераціи вопросовъ между III и IV объясняется поправкою Императрицы: противъ III, 7—9 она приписала: «седьмого и в'осьмого и девятого пункта лучше поставить в'концѣ перваго урока ибо тогда не повторятъ нужно будетъ тоже и о губерніяхъ».

«16. Есть ли голоса о сей матеріи в'большомъ собраніи и какія?» II, 6: «... в'большомъ достойныхъ уваженіи мненіе частной комисіи о порядкѣ государства вслѣ общаго права». III, 9 и IV, 16: «... голоса или примѣчанія о семь...».

«17. Какъ нынѣ государство разделено на намѣстничество или губерніи?» II, 7; III, 10; IV, 8.

«18. Которыя изъ нихъ пограничныя или внутренныя?» II, 8; III, 11 и IV, 9; вмѣсто «или»—«которыя»...

«19. Какъ каждая губернія раздѣлена на области или провинціи?» II, 9; III, 12; IV, 10: «... и на сколько?»

«20. Какъ области на уѣзды?» II, 10; III, 13; IV, 11—вставлено—«раздѣлены».

«21. Какія правленія въ губерніи 1) вѣдающей общей той губерніи порядокъ, 2) духовно-гражданскія дѣла, 3) правосудія, 4) нравовъ, 5) установленіи полезныя, 6) строительство съ его частми, 7) лицъ, 8) вещи, 8) (sic!) обязательства, 9) исполненія установленіи касающіеся до лицъ?» II, 11: зачеркнуто—«судебныя правленія»; «2. духовныя дѣла»—вычеркнуто; второе мѣсто—правосудіе; п. 9-го нѣтъ. III, 15—только три вопроса, соответствующіе пунктамъ 1, 5 и 6; Екатериной II это вычеркнуто и въ окончат. текстѣ—вопр. 13: «какое въ губерніяхъ правленіе».

«22. И наконецъ требуется (зач. знать) рассужденіи комисіи достаточно ли нынѣшнихъ правительства во всѣхъ ихъ разныхъ предмѣтъ для

обширности Россійской Имперіи?» III, 16 и IV, 17: «наконецъ требуются разсужденія комиссіи, какія недостатки и неудобности обрѣтаются въ нынѣшнихъ правительствахъ, и въ распредѣленіи частей цѣлаго общества по всѣмъ ихъ разнымъ предметамъ, смотря»...

Въ III и IV есть одинъ лишній сверхъ I и II вопросъ: III, 14 и IV, 12: «Какія нынѣ городâ имѣютъ степени?»

Приведенное сопоставленіе показываетъ, что съ разработкою «урока» получалась болѣе стройная и сжатая формулировка и группировка вопросовъ.

Въ рукописи Императрицы, содержащей 21 вопросъ для перваго «урока», для «уроковъ» второго и третьяго даны только краткіе конспекты. Судя по значительному числу серьезныхъ поправокъ Екатерины II въ рукописи III—текстъ второго и третьяго «уроковъ» былъ здѣсь установленъ безъ такого подробнаго руководства, какое давали черновыя бумаги Императрицы (I и II) для перваго «урока».

«Урокъ второй, читаемъ въ II, будетъ состоять в'порядочномъ планѣ 1) расписаніи уездовъ, 2) провинціи, 3) губерніи, 4) правленіи каждой губерніи.—Сказано каждой губерніи, ибо одна на другой совсемъ не сходствуетъ хотя старатся должно сколь удобовозможно сохранить одинакости но сія должно уступить нужды и удобства в рассужденіи мѣсть и жителей, засимъ слѣдовать должно начертанія общихъ или государственныхъ правительствъ, сохраняя втомъ порядокъ по матеріямъ печатаннаго Начертанія».—«Урокъ III, читаемъ далѣе, будетъ установленъ регламенты всемъ симъ правительствамъ по ихъ предметамъ должности особъ и ихъ число».

Въ окончательной редакціи содержаніе уроковъ соотвѣтствуетъ намѣченному здѣсь порядку, но въ редакціи III—порядокъ ихъ обратный; исправленіе ихъ номеровъ сдѣлано было позднѣе—при просмотрѣ текста Императрицей.

Урокъ третій въ ред. III и урокъ второй въ ред. IV касаются «до раздѣленія частей цѣлаго общества», т.-е., иначе говоря, административнаго дѣленія Имперіи. Для рѣшенія этого сложнаго и важнаго вопроса въ урокахъ намѣчается рядъ основныхъ посылокъ, при чемъ въ ихъ формулировкѣ есть значительныя различія, главнымъ образомъ внесенныя Екатериной II на поляхъ списка III и послѣ переписки съ нѣкоторыми поправками вошедшія въ окончательный текстъ.

III.

На поляхъ написано Императрицей:

«1. Великія для народа неудобства, когда какое нибудь намѣстничество или весьма многолюдно или отмѣнно пространно. Ибо отъ одного и другого не малыя происходят замедленія и помѣшательства въ производствѣ дѣлъ».

«1. Для управленія народомъ и для пользы народной полезнѣе ли намѣстничества пространныя и многолюдныя. Или для избежаніе мѣдлительности отъ пространство происходящей полезнѣе ли дать каждой губерніи величены (зач. сходственнѣе съ возможностью) умеренной дабы правленія умѣть могли безъ медлинности отъ пространство мѣсть и множество дѣлъ исполнить должности своей».

Текстъ Императрицы въ копіи Г. В. Козицкаго получилъ видъ окончательный ¹⁾.

«2. Надлежитъ, елико возможно, стараться уравнивать къ тому удобныя намѣстничества какъ въ разсужденіи жителей, такъ и въ разсужденіи пространства земли; но иныя, а паче восточныя страны сея имперіи будучи гораздо малолюднѣе прочихъ, и имѣвъ положенія и обстоятельства со всѣмъ особы, не могутъ быть съ прочими уравнены».

«2. Но нѣкоторыя страны сея Имперіи а наипаче восточныя будучи гораздо малолюдныя (ее прочихъ) и имѣвъ положеніе и обстоятельства со всемъ особы требуютъ особливое разсужденіе и указаженіе».

Въ п. 3-емъ идетъ рѣчь о столичныхъ намѣстничествахъ, очень густо населенныхъ, почему должны имѣть возможно меньше «пространства, областей и уѣздовъ». Поправки Императрицы въ этомъ пунктѣ незначительны. Въ п. 4-омъ Екатерина II вмѣсто общей фразы «надобно избѣгать чтобы...» написала—«происходила жалоба иногда объ томъ, что одни намѣстничества входили въ другія говоря по просторѣчию, клиномъ». П. 5-ый установленъ въ рукописи III близко къ окончательному тексту.

«Желательно бѣ было, надписала Екатерина вмѣсто зачеркнутого ею «елико возможно слѣдуетъ наблюдать», «чтобъ границы губерній были въ равномъ разстояніи отъ главнаго города для облегченія подчиненнымъ или вѣдомымъ въ нихъ гражданамъ, исключая при томъ поморскія также»

¹⁾ Сенатское собраніе, II, л. 133.

п пограничныя мѣста»; «всегда должно предпочитать, читаемъ далѣе, чтобъ границы были естественныя, то есть, которыя сама природа сдѣлала какъ то горы, рѣки малыя и большія, такъ же озера. Тоже почти надлежитъ (*зач.* уважать) наблюдать въ раздѣленіи намѣстничествъ на области и сихъ на уѣзды. Но сія, приписываетъ Императрица на поляхъ, подлежитъ разсужденію и уваженію по мѣрѣ пользы и возможности».

Послѣдній—шестой пунктъ «урока» возвращаетъ къ 12-му вопросу перваго «урока»: «послѣ сея работы не трудно будетъ означить степени родовъ».

«Урокъ» третій, «касающійся до власти среднихъ и подчиненныхъ, инако правительствами именуемыхъ», въ редакціи III занимаетъ второе мѣсто. Различія между этой редакціей и окончательной касаются, главнымъ образомъ, плана, и хотя между ними, повидимому, еще дважды произведены были списки и исправленія, моментъ установленія этихъ основныхъ различій опредѣлить нельзя—окончательный текстъ является единственнымъ съ особымъ дѣленіемъ на вопросы.

Въ началѣ редакціи III были приведены краткія соображенія о существующихъ «властяхъ»: «въ Россіи состоятъ двѣ среднія власти Синодъ и Сенатъ. Всѣ прочія присутственныя мѣста суть власти подчиненныя, ибо Сенатъ надъ оными имѣетъ управленіе, и довольно свѣдѣніе о ихъ дѣлахъ; также имѣетъ онъ главную апелляцію, или переносъ дѣлъ и въ случаѣ чинимыхъ представленій, даетъ наставленіе указами, и въ прочемъ во всемъ по вѣрной ему власти исполненіе чинитъ».

Власти же подчиненныя именующіяся нынѣ коллегіями и канцеляріями должны раздѣлены быть на два рода на правительства и судебныя мѣста». Этотъ отрывокъ былъ Императрицей оставленъ въ сторонѣ, а вмѣсто него были поставлены фразы, частью вошедшія въ оконч. текстъ:—«Сколько въ Россіи состоитъ среднихъ властей? Сколько состоитъ властей подчиненныхъ? Власти вообще можно раздѣлить на два рода—на правительства и судебныя мѣста».

Въ дальнѣйшемъ—и въ окончательномъ текстѣ и въ указанномъ проектѣ—идетъ опредѣленіе «предлоговъ» этихъ двухъ родовъ «власти». «Предлоги правительствъ быть могутъ разные...: 1) благопристойность и цѣломудріе нравовъ; 2) государственное строительство; 3) воинство вообще; 4) устройство полезнаго; 5) иностранныя дѣла». «Не прибавить ли 6 духовно-гражданскія?», спрашивалъ Г. В. Козицкій на поляхъ сдѣланной имъ копіи III ред. «уроковъ»; «не замай, сами выищутъ», отвѣтила здѣсь же Императрица. Въ окончательной редакціи приведено только пять «предлоговъ».

«Предлоги судебных мѣстъ могутъ состоять (*зач.* единственно) в чиненіи (*зач.* между нашими подданными) суда и расправы, чрезъ что сохраняется вольность, собственность и безопасность каждаго гражданина: и въ силу даннаго Намъ Начертаніе все касающееся до судебныхъ мѣстъ подлежить комиссіи о правосудіи вообще»; ея указаніями должна воспользоваться комиссія о порядкѣ государства и т. д.

Въ редакціи III указанія относительно самостоятельной работы этой послѣдней раздѣлены на двѣ группы—«въ разсужденіи власти среднихъ и «въ разсужденіи властей подчиненныхъ», при чемъ въ копіи Козицкаго эти отдѣлы помѣчены буквами А и В, а сверхъ того въ концѣ прибавлена новая часть подъ буквой Г—«въ разсужденіи властей среднихъ и подчиненныхъ совокупно». Первая часть заключаетъ въ себѣ 7 пунктовъ, вторая—11, а третья—4. Какъ указано выше, въ окончательномъ текстѣ нѣтъ такого раздѣленія по частямъ, но идетъ изложеніе подъ рядъ въ 17-ти пунктахъ. Такое измѣненіе въ планѣ дало возможность избѣгнуть нѣкоторыхъ повтореній естественныхъ при раздѣльномъ разсужденіи о властяхъ среднихъ и подчиненныхъ.

Въ окончательномъ текстѣ первый вопросъ гласитъ: «коликому числу правительствъ быть за полезнѣе будетъ признано?» Первые четыре слова пѣшликомъ воспроизводятъ I-ый вопросъ части В; въ части А такой вопросъ былъ излишенъ, такъ какъ властей среднихъ число извѣстно—Сенатъ и Синодъ.

Второй вопросъ воспроизводитъ первый вопросъ А въ редакціи списка Г. В. Козицкаго. Первоначально—въ III вопросъ этотъ касался непосредственно Сената и Синода; «на какомъ основаніи быть Синоду и Сенату, и сколько въ нихъ должно быть департаментовъ, и гдѣ имъ быть, въ двухъ ли какъ нынѣ городахъ или и въ другихъ нѣкоторыхъ?» Императрица устранила всѣ отмѣченныя курсивомъ слова, написавъ вмѣсто первой группы набранныхъ курсивомъ словъ—«имъ», вмѣсто—второй—«каждомъ (*зач.* быть) имѣть департаментовъ», вмѣсто третьей—«встолицахъ ли или и ингдѣ?»; въ копіи Козицкаго къ послѣднему слову прибавлено—«или и тутъ и тамъ», а въ окончательномъ текстѣ прибавлены слова—«и въ какихъ городахъ именно»—изъ части В, п. 3 въ редакціи Козицкаго. Въ п. 2 части В спрашивается о «частяхъ» правительствъ, служащихъ «для помощи себѣ и для скорого производства дѣлъ»—въ окончательный текстъ этотъ вопросъ не принять.

Третій и четвертый пункты, въ сущности, связаны по содержанію: «которымъ изъ оныхъ правительствъ можно препоручить надзираніе надъ прочими?» и «какому старшинству быть между правительствами, и которые преимущественнѣе прочихъ?» Вопросъ четвертый воспроизводитъ вопросъ

4-ый части В, при чемъ поглощается и вопросъ 3 части А: «Означеніе ихъ власти въ разсужденіи прочихъ правительствъ».

Вопросъ пятый есть буквальное повтореніе вопроса 2-го части А, совпадающей по содержанію отчасти съ п. 5 части В: «что слѣдуетъ имъ вѣдать, и чемъ надлежитъ имъ управлять?»

Пунктъ шестой тождественъ п. шестому части В: «Означеніе власти каждаго правительства въ разсужденіи оному подлежащихъ предлоговъ». Въ части А п. 4-ый имѣеть въ виду «означеніе власти въ разсужденіи поданныхъ», что не перешло въ окончательный текстъ.

Пунктъ седьмой воспроизводитъ п. 5-ый части А и п. 7 части В: «изъ какихъ и коликихъ членовъ каждому правительству наилучше состоять?» Пунктъ восьмой воспроизводитъ буквально п. 8 части В и частью п. 6 части А: «Долгъ всѣхъ правительствъ вообще, почему подобаеть снабдить ихъ общимъ наказомъ или учрежденіемъ, сюда же относится предписаніе въ какихъ случаяхъ и какъ правительства должны представлять куда надлежитъ въ силу 24 и 25 статьи большаго наказа». Въ В, 8 было ранѣе указано о представленіи «Сенату или Государю», и въ А, 6—«Государю, что такой то указъ противенъ уложенію и проч.». П. 9-ый связанъ съ предшествующимъ: «долгъ каждаго правительства особенно почему надлежитъ снабдить ихъ наказами частными»; первыя четыре слова—изъ В, 9. «Долгъ каждаго члена особенно»—читаемъ въ п. 10, а также въ А, 7 и В, 10.

Изъ этого сопоставленія ясно, что основное содержаніе частей А и В первоначальной редакціи третьяго урока воспринято окончательнымъ текстомъ, при чемъ использована ѣ прежняя формулировка отдѣльныхъ положеній. Послѣдній пунктъ части В—11-ый также взятъ въ окончательный текстъ, гдѣ занимаетъ также послѣднее мѣсто: «17. Росписаніе каждаго правительства въ разсужденіи лицъ и окладовъ».

Пункты 11—14 воспроизводятъ съ нѣкоторыми отличіями часть Г, состоящую, какъ сказано, изъ четырехъ вопросовъ. «Быть ли при правительствахъ со стороны Государя особливимъ повѣреннымъ особамъ, сколькимъ, на какомъ основаніи и для какихъ дѣлъ» (п. 11; Г, 1). «Онымъ повѣреннымъ особамъ состоять ли подъ чьимъ либо смотрѣніемъ и подъ чьимъ именно?» (п. 12; соотв. Г, 4). «Подъ кѣмъ должны состоять оныхъ мѣсть канцелярїи и какій установить для ихъ порядокъ, за полезнѣе признано будетъ?» (п. 13; Г, 2). «Какіе приняты средства для порядочнаго собранія справокъ?» (п. 14; Г, 3).

Пункты 15 и 16 появляются только въ окончательномъ текстѣ, въ болѣе раннихъ текстахъ «уроковъ» ихъ нѣтъ. 15. «Какіе приняты мѣры дабы

слико возможно послѣдовало впредь по указамъ скорѣйшее исполненіе, которое бы безъ прерывно и въ самой точности всегда чинилось?» 16. «Какими пристойными и не отягощающими общество выгодами можно снабдить правительства въ разсужденіи особъ ихъ составляющихъ?»

Рѣчь о «правительствахъ» или «учрежденіяхъ» заканчивается въ третьемъ урокъ соображеніемъ о возможности нѣкотораго сокращенія или увеличенія ихъ количества. Въ третьей редакціи эта мысль выражена нѣсколько рѣзче, чѣмъ въ окончательномъ текстѣ.

«Здѣсь не безнужно упомянуть, читаемъ въ ред. III, что Коммисіи подобаетъ основательно разсмотрѣть, *нѣтъ ли нужды иныя нынѣ состоящія правительства или коллегіи, канцеляріи и конторы, коихъ бесполезность очевидна или коихъ дѣла могутъ быть иудѣ удобно помѣщены, со всѣмъ устранить*, на супротивъ же того нѣтъ ли надобности иныя вновь устроить». Отмѣченныя курсивомъ фразы Императрица замѣнила слѣдующими: «Какимъ правительствамъ, канцеляріямъ или конторамъ полезно быть и нетъ ли такихъ коимъ полезнѣе быть в'мещены съ другими». Шероховатости такого изложенія были впоследствии сглажены.

«Уроки» заканчиваются въ III ред. и въ окончательномъ текстѣ дозволеніемъ въ случаѣ надобности просить дальнѣйшихъ наставленій у Императрицы.

По самому характеру и содержанію «уроковъ», вся работа по ихъ составленію не вызывала какихъ-либо общихъ и принципиальныхъ разсужденій, сводясь, въ сущности, къ подыскиванію болѣе или менѣе удачныхъ формулировокъ для ряда вопросовъ, лишь часть которыхъ содержитъ какъ бы отраженіе готоваго, но невысказаннаго отвѣта. Такой отчасти формальный, а не существенный характеръ тѣмъ не менѣе не лишаетъ нѣкотораго значенія приведенныя нами сопоставленія, которыя являются матеріаломъ для характеристики настойчивыхъ заботъ Императрицы по организаціи работъ одной изъ главныхъ частныхъ комиссій, изученіе дѣятельности которой въ связи съ «уроками», несомнѣнно, сможетъ дать весьма интересныя свѣдѣнія по подготовкѣ реформы мѣстнаго управленія 1775 г.

А. В. Флоровскій.

5 мая 1916 года.
Одесса.

Изъ воспоминаній А. Л. Филипповой¹⁾.

Г Л А В А I.

Отець мой, генераль-лейтенантъ Лаврентій Степановичъ Васильковскій, родился 10-го августа 1783 г. въ Полтавской губ., Лубенскомъ уѣздѣ, въ имѣніи, принадлежащемъ его отцу. Дѣдъ мой, по отцовской линіи, происходилъ изъ древняго малорусскаго рода: предки его были удѣльными князьями. Одна вѣтвь Васильковскихъ переселилась въ Польшу, приняла католичество и одинъ изъ Васильковскихъ занималъ какую-то значительную должность при Польскомъ Дворѣ. Другая вѣтвь осталась въ Малоросіи. Дѣдъ мой служилъ въ русской арміи, дослужился до генеральскаго чина; прадѣдъ умеръ бригадиромъ. Мать моего отца происходила изъ рода Хмельницкихъ, и одинъ изъ Хмельницкихъ, дядя моего отца, жилъ и умеръ въ Финляндіи, былъ далеко не богатъ²⁾.

Родители моего отца умерли, когда отецъ и братъ его были еще совсемъ маленькими дѣтьми, и дядя ихъ съ отцовской стороны, имѣвшій тоже богатая помѣстія въ томъ-же Лубенскомъ уѣздѣ, былъ назначенъ опекуномъ надъ сиротами и надъ ихъ имуществомъ. Вскорѣ послѣ смерти и похоронъ брата, дядя отвезъ малютокъ въ Петербургъ, въ Шляхетскій Корпусъ для малолѣтнихъ дворянъ, гдѣ они и оставались вплоть до окончанія своего образованія, и до зачисленія ихъ въ дѣйствующую армію. Ни разу дядя ихъ не навѣстилъ, никогда не посылалъ имъ денегъ. Отецъ

¹⁾ Авторъ воспоминаній—нынѣ здравствующая Анна Лаврентьевна Филиппова—вдова извѣстнаго въ свое время публициста и автора историческихъ романовъ М. А. Филиппова и мать покойнаго редактора «Научнаго Обзорнія» М. М. Филиппова.

²⁾ Все вышеизложенное, касающееся происхожденія моего отца, мнѣ сообщено было въ 1880 году моимъ мужемъ, Михаиломъ Абрамовъ Филипповымъ, а имъ, по его словамъ, почерпнуто изъ архив. данныхъ, бывшихъ доступныхъ ему; тогда же всѣ эти данныя были записаны мной.

мой впослѣдствіи рассказывалъ, что когда товарищи покупали себѣ сладости, онъ, не имѣя денегъ или имѣя лишь гроши, въ послѣднемъ случаѣ покупалъ себѣ печеную рѣпу, при чемъ сначала снималъ съ нея кожу, а потомъ, съѣвъ рѣпу, съѣдалъ и кожицу.

Гроши у него изрѣдка водились, потому что онъ подчасъ рѣшалъ задачи, или писалъ сочиненія для старшихъ товарищей, за что и получалъ маленькое вознагражденіе. За нѣсколько мѣсяцевъ до выхода изъ Шляхетскаго Кадетскаго Корпуса, обоихъ братьевъ навѣстилъ ихъ дядя Хмельницкій и подарилъ имъ по рублю. Этотъ первый рубль, полученный моимъ отцомъ, казался ему большимъ сокровищемъ, и онъ зашилъ его въ галстухъ и не разставался съ нимъ.

Отецъ мой и его братъ были еще настолько малы, что когда ихъ привезли въ Петербургъ, то брата моего отца внесла на рукахъ нянька, которую, конечно, отправили домой, а обоихъ малютокъ сдали дядькѣ, изъ старыхъ солдатъ. Этотъ дядька замѣнялъ имъ и няньку и отца съ матерью; малютки привязались къ нему, и онъ ихъ полюбилъ, такъ что, когда оба брата, окончивъ свое образованіе, были опредѣлены въ дѣйствующую армію, а онъ выслужилъ свой срокъ и получилъ отставку, онъ остался при нихъ.

При приѣмѣ дѣтей ихъ прежде всего раздѣвали догола, внимательно осматривали и изслѣдовали ихъ, затѣмъ катили апельсинъ, а ребенокъ бѣжалъ за нимъ, что давало возможность убѣдиться, что у него ножки не кривыя и что онъ, смотря по возрасту, болѣе или менѣе хорошо бѣгаетъ. Затѣмъ сдавали на руки дядькамъ, которые ихъ купали, а затѣмъ растили и какъ умѣли воспитывали и заботились о нихъ. Какъ жилось моему отцу и вообще всѣмъ кадетамъ, я въ точности не знаю, но полагаю, что не дурно, такъ какъ отецъ мой былъ опредѣленъ въ Шл. Кадетскій Корпусъ въ царствованіи Екатерины II, а изъ ея «Наказа» можно судить о томъ, какъ тепло и мудро она, а слѣдовательно и ближайшее начальство относились къ воспитанію и образованію кадетовъ.

Что воспитаніе было основано на началахъ разумныхъ, я заключаю еще и изъ того, что отецъ мой, въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ говорилъ о своемъ дѣтствѣ и юношествѣ, всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ и съ теплымъ чувствомъ о временахъ Екатериненскихъ. Кормили ихъ хорошо; пища была, само собой разумѣется, простая безъ всякихъ деликатесовъ, но свѣжая, сытная и обильная. По утрамъ имъ, за исключеніемъ больныхъ, не давали чаю, а давали сбитень съ сайками. Что касается образованія, которое получали кадеты, то оно было основательно, что я заключаю отчасти изъ нѣсколькихъ сохранившихся у отца тетрадей, сшитыхъ изъ какой-то довольно грубой синей бумаги, съ чертежами, геометрическими и алгеб-

раическими задачами, и т. под.¹⁾ Все это было очень чисто и аккуратно написано; отчасти же я заключаю это изъ того, что отецъ мой основательно владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ языками,—теоретически и практически знакомъ былъ съ литературой XVIII и отчасти XVII столѣтій. Конечно эти познанія, а также отличный выговоръ отецъ мой приобрѣлъ позже, тѣмъ болѣе, что насколько онъ могъ удѣлить времени отъ службы, онъ посвѣщалъ его чтенію, но все же начало и, повидимому, основательное, онъ несомнѣнно получилъ въ корпусѣ.

Что-же касается времени Императора Павла, то о нихъ отецъ упоминалъ вскользь, т.-е. говорилъ только, что послѣ смерти Екатерины II и вступленія на престолъ Павла I, все измѣнилось: главное вниманіе обращалось на шагистіку и внѣшнюю выправку, а также на дисциплину, ставшую не только суровой, но подчасъ и жестокой. Между прочимъ много горя и преслѣдованій испытывали кадеты изъ-за прически, при Екатеринѣ ихъ «стригли подъ гребенку», при Павлѣ велѣно было имѣть косы, заключавшіяся во мѣшечкахъ; косы эти должны были висѣть прямо, не трепаться, париковъ же не дозволялось носить ни солдатамъ, ни кадетамъ.

По окончаніи образованія въ Шляхетскомъ Кадетскомъ Корпусѣ мой отецъ и его братъ были причислены къ дѣйствующей арміи и опредѣлены въ Днѣпровскій полкъ. Отецъ мой, въ маѣ 1802 г. не имѣя еще полныхъ 19 лѣтъ, только что окончившій К. К. былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а въ октябрѣ того-же года, 19 лѣтъ отъ роду—въ прапорщики; 14 ноября 1803 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики, и 15 апрѣля 1804 г.—въ поручики; штаб-капитаномъ—въ августѣ (15) 1809 году, а 20 мая 1812 г. онъ былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ при генераль-маіорѣ, князѣ Хованскомъ; 30 іюля 1813 г. дивизионнымъ адъютантомъ 12 пѣхотной дивизіи, а 31 декабря 1814 г.—старшимъ адъютантомъ той же дивизіи; въ октябрѣ 1815 г. онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ отдѣльномъ корпусѣ, оставшемся во Франціи съ оставленіемъ при настоящей должности и въ томъ-же полку; въ чинъ капитана онъ былъ произведенъ 18 декабря 1815 г.—маіора 23 августа 1816 г., а за отличіе по службѣ 29 октября 1818 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники, а затѣмъ 26 ноября 1823 г. за отличіе по службѣ онъ получилъ чинъ полковника; 21 мая 1823 г. отецъ мой былъ назначенъ генераль-гевальдигеромъ 2 арміи, съ оставленіемъ при прежней должности и въ томъ же полку. 30 марта 1828 г. онъ былъ назначенъ членомъ полевого аудиторіата 2-ой арміи; 29 марта 1829 г. былъ назначенъ къ исправленію должности Генераль-Провіантмейстера 2-ой арміи; 8-го ноября 1830 года Высочайшимъ указамъ Прав. Сенату отецъ мой былъ назначенъ Исправляющимъ должность Генераль-Интенданта при

¹⁾ Къ сожалѣнію, ни тетради эти, ни тетради съ выписками изъ прочитаннаго имъ въ теченіе почти всей его жизни, съ примѣчаніями, не сохранились.

Кавказскомъ Отдѣльномъ Корпусѣ, получивши предварительно, за отличіе по службѣ, чинъ Генераль-Маіора 6-го декабря 1829 г. 20 ноября 1838 г. онъ Высочайшимъ приказомъ, по болѣзни, былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада, опредѣленномъ уставомъ 6 декабря 1827 г. по 3000 руб. въ годъ, о чемъ въ томъ же году послѣдоваль Высочайшій указъ Прав. Сенату. Должность Интенданта онъ исполнялъ по день сдачи, 20 февраля 1839 года. Наконецъ, 12-го августа 1845 г. Высочайшимъ приказомъ отецъ мой былъ снова опредѣленъ на службу, съ назначеніемъ Генераль-Интендантомъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, прибылъ онъ и вступилъ въ должность 10 ноября 1845 г. Что же касается сраженій, въ которыхъ участвовалъ мой отецъ, то о нихъ показано въ его «формулярномъ спискѣ о службѣ и достоинствахъ Генераль-Интенданта Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса Генераль-Маіора Васильковскаго».

Формуляръ этотъ былъ составленъ въ 1846 году, а потому въ немъ есть нѣкоторые пробѣлы, касающіеся его вторичнаго назначенія на должность Интенданта, его производства въ Генераль-Лейтенанты, его выхода въ отставку и т. под. «1806 года, октября 19, въ прусскихъ предѣлахъ, при Генераль-Лейтенантѣ Остенъ-Сакенѣ, исправляя должность по квартирмейстерской части, находился въ сраженіяхъ противъ французскихъ войскъ; того же года, декабря 14, подъ мѣстечкомъ Пултускомъ; 1807, января 26-го и 27-го подъ Прейсипъ-Эйлау; февраля 20 и 21, при деревнѣ Лаунау маія¹⁾ 24 и 25 подъ Гутштадтомъ; 29—подъ Гейльсбергомъ; іюня 3-го подъ Фридландомъ, а потомъ 11 іюля—обратно въ Россію. Во время же войны 1812, —13 и—14 годовъ находился въ сраженіяхъ: 1812-го іюля 15-го при разбитіи саксонскихъ и австрійскихъ войскъ у г. Кобрана; сентября 30 въ Брестъ-Литовскомъ уѣздѣ при селеніи Климинкахъ; октября 6-го въ герцогствѣ Варшавскомъ, при м. Бяломъ; ноября съ 16 декабря по 22 при быстромъ преслѣдованіи французовъ, отъ г. Новоборисова до г. Вильны; 1813 въ походѣ черезъ герцогство Варшавское и Силезію въ Саксонію, гдѣ 7-го маія находясь въ разбитіи непріятеля у м. Кенигсвартенъ, за оказанное при семъ отличіе, награжденъ орденомъ Св. Владимира 4-ой степени съ бантомъ; 8 и 9 при Бауценѣ; того-же года, октября 8 и 9 въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ, за которое и награжденъ орденомъ Св. Анны 4-ой степени; 1814г. февраля 23,—во Франціи, подъ Красномъ, за которое и награжденъ былъ золотою шпагою съ надписью: «за храбрость»; 25-го, подъ Лаономъ, а потомъ при возвращеніи войскъ слѣдоваль черезъ Германію на зимовья квартиры въ герцогство Варшавское, 1815 году, апрѣля съ 27-го, черезъ Пруссію и Германію во Францію, гдѣ находился съ корпусомъ подъ командою графа Воронцова, до 28 ноября 1818 года, находясь при главной квартирѣ арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ съ оною переправляясь 25 апрѣля за границу въ княжество Молдавію при мѣст. Фальчи, прибылъ

¹⁾ Я придерживаюсь орфографіи формул. списка.

2-го мая къ крѣпости Браиловъ, откуда 7-го того же мѣсяца, командированъ въ г. Галацы, для исправленія ком. должности.

Въ Галацахъ онъ пробылъ и въ этой должности оставался по 20-ое число іюня; потомъ, переправляясь черезъ Дунай, слѣдовалъ по Булгаріи черезъ г. Бабадалъ-Карасу, въ Базарджикъ, откуда командированъ въ г. Каварну для занятія должности коменданта, отколь возвратился на зимовыя квартиры въ г. Яссы 17 ноября. Въ 1829 году, исправляя должность Генераль-Провіантмейстера 2 арміи, находился безотлучно при Главной Квартирѣ, въ которую по выступленіи изъ г. Яссы 2-го апрѣля проходилъ черезъ Княжества Молдавію и Валахію и прибылъ къ Дунаю; по переправѣ черезъ рѣку сію при крѣпости Гирсовѣ 23-го числа того же мѣсяца слѣдовалъ въ крѣпость Силистрію, гдѣ и оставался во время осады оной по 24 число мая, а сего числа по выступленіи отъ Силистріи главныхъ силъ арміи, находясь при Главной Квартирѣ, слѣдовалъ черезъ селеніе Кауру къ Шумлѣ, гдѣ былъ какъ при разбитіи арміи верховнаго визиря, въ сраженіи, происходившемъ 30 мая при селеніи Кулевчѣ, такъ и при наблюденіи той крѣпости до 5-го іюля, а сего числа, слѣдуя также при Главной Квартирѣ арміи къ рѣкѣ Камчику и переправясь черезъ оную 8-го числа, выступилъ въ Балканскія горы, и перешедъ оныя, проходилъ черезъ города Айдосъ, Карнабатъ, Сливно, откуда 31-го іюля черезъ Ямболькъ, къ второстолічному городу Оттоманской Имперіи Адрианополю, занятому 8-го августа, гдѣ и оставался по 10-ое Ноября, потомъ при расположеніи Главной Квартиры на зимовыя квартиры въ г. Бургасѣ, прибывъ туда 16-го ноября, оставался по 25 апрѣля 1830 г., а сего числа выступивъ съ Главной Квартирою, слѣдовалъ обратно черезъ Балканскія горы, гдѣ переправляясь черезъ рѣку Дунай близъ крѣпости Исакчи, вступилъ въ Россійскіе предѣлы 12 мая. Раненъ и въ плѣнъ взятъ не былъ; сверхъ настоящей, особыхъ порученій по Высочайшему повелѣнію и отъ всего начальства не имѣлъ. 1823 года 6 октября, при Высочайшемъ смотрѣ 2-ой арміи объявлено Высочайшее благоволеніе; того же года ноября 26-го за выслугу въ оф. званіи 25 л. Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. великом. Георгія 4-го класса. 1826 г. Всемилостивѣйше пожалованъ 1500 руб; 1828 г. награжденъ 1200 руб; 1830 г.—4000 руб. За отличное усердіе къ службѣ 22 сентября 1833 года награжденъ орденомъ св. Святослава I-ой степени, 24 апрѣля 1835 г. пожалована аренда по чину на 12 лѣтъ, а 22 августа 1834 года Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, а въ 1841 г. августа 22 Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпороной службы за XXXV л. на перемѣну такового имѣющагося у него за XXX л. Всемилостивѣйшихъ рескриптовъ и похвалъ не получалъ».

По русскійски, французскіи и нѣмецкіи читать и писать умѣеть Геометрію, Исторію, Географію и Физику знаетъ. Въ отпускахъ не бывалъ.

Въ штрафахъ по суду и безъ суда не бывалъ, Высочайшимъ замѣчаніямъ и выговорамъ не подвергался. У него жена Розалія, дочь Фердинанда, Римско-католическаго вѣроисповѣданія; у нихъ дѣти: сыновья: Федоръ, 22 лѣтъ, Егоръ—21 г., Степанъ 10 л. и дочери: Наталія 20 л., Елизавета 13, Анна—8 и Александра—6 лѣтъ,—православнаго исповѣдованія.

Въ комплектѣ при своей должности на лицо, къ повышенію чиномъ и къ награжденію знакомъ отличія безпорочной службы достоинъ. По дворянскимъ выборамъ не служилъ. Отчеты отдавалъ въ срокъ. Жалобамъ, которыя начальствомъ найдены основательными и хотя по существу оныхъ виновный суду не подлежалъ, и если въ виду начальства таковыя жалобы были, то отъ кого, когда именно и въ чемъ оныя состояли—не подвергался.

Слабымъ въ отправленіи службы не былъ и безпорядковъ между подчиненными не допускалъ. Оглашаемъ и избобличаемъ въ неприличномъ поведеніи не былъ».

Г Л А В А II.

Не помню навѣрное, во время котораго изъ сраженій мой дядя былъ раненъ въ ногу. Рана была настолько серьезна, что пришлось ему отрѣзать ногу. Операцию эту, которая, само собою разумѣется, производилась безъ хлороформа, онъ перенесъ мужественно; по рассказамъ отца онъ далъ слово, что не будетъ двигаться, и просилъ его не держать, а разрѣшить ему курить, ему дали трубку, и онъ не только не сдѣлалъ ни одного движенія, не кричалъ, но и не застоналъ, а когда пришлось невтерпежъ, то страданія его выразились только тѣмъ, что онъ такъ стиснулъ зубы, что перекусилъ чубукъ. Послѣ операциі онъ скоро поправился. Государыня Императрица прислала ему и нѣкоторымъ другимъ оперированнымъ хорошую пробковую ногу, которой онъ отлично владѣлъ. Къ сожалѣнію онъ былъ очень живого, нѣсколько легкомысленнаго характера. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ влюбился, засватался и когда родители его невѣсты устроили по этому случаю вечеръ, онъ на радостяхъ вздумалъ танцовать, несмотря на убѣжденія моего отца, невѣсты и ея родныхъ. На другой день у него воспалилась нога, открылись раны, сдѣлался антоновъ огонь и онъ умеръ. Съ его смертію отецъ мой окончательно осиротѣлъ, такъ какъ кромѣ брата, съ которымъ они росли, дѣлили горе и радость и жили душа въ душу, у него не оставалось никого близкаго: съ дядей своимъ съ отцовской стороны онъ разошелся навсегда; дѣло въ томъ, что когда за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска изъ Шлях. Кад. Корпуса его навѣстилъ дядя Хмельницкій, то онъ сказалъ ему, что у него есть большія имѣнія въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., и посовѣтывалъ ему съѣздить туда и переговорить съ дядей-опекуномъ. Съ разрѣшенія начальства, онъ послѣ выпуска съѣздилъ

туда и между ними произошло что-то такое, что повело къ разрыву. Что именно произошло, мы не знали, какъ не знали ни того, что у него были родные, ни того, что у него были имѣнія и вообще какое-то ни было состояніе. Но въ 1853 г., когда мы были въ институтѣ, а братъ нашъ былъ студентомъ въ Новороссійскомъ Университетѣ (Лицеѣ), брата посѣтила какая то дама, нарочно зашедшая съ этой цѣлью въ Лицей; она сказала ему, что она ему приходится теткой, такъ какъ она двоюродная сестра нашего отца, что она хотѣла бы быть у него, повидаться съ нимъ, и просила моего брата навѣстить ее въ Лондонской гостиницѣ и сообщить ей отвѣтъ отца. Когда же братъ мой передалъ все это отцу, то онъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ никакихъ родныхъ. Послѣ этого мы ничего и никогда не слышали отъ отца, спрашивать котораго мы не рѣшались, и лишь послѣ смерти отца мы узнали отъ матери кое-какія подробности.

Во время оккупациі Парижа, въ 1814—1815 г., отецъ мой квартировалъ въ домѣ одного инвалида, служившаго въ Великой арміи до того времени, какъ Наполеонъ короновался императоромъ французомъ. Семья его состояла изъ жены, нѣсколькихъ сыновей и двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая была замужемъ, а младшая Розалія была очень красивая 14-лѣтняя дѣвушка, свѣтлая блондинка, средняго роста, съ чудными глазами цвѣта морской воды, великолѣпнымъ цвѣтомъ лица и бѣлыми ровными какъ жемчугъ зубами, къ тому же она была очень живая, подвижная, пріученная къ хозяйству, къ разнымъ женскимъ рукодѣліямъ, какъ-то къ плетенію кружевъ, къ шитью и кройкѣ бѣлья, къ починкѣ и штопкѣ и т. под. Полюбилась она моему отцу настолько, что онъ рѣшился жениться на ней. Долго родители колебались; особенно отецъ не рѣшался отдать дочь за русскаго, отпустить ее въ далекую страну, о которой французы имѣли туманное представленіе, какъ о странѣ полудикой, гдѣ зима, притомъ ужасная зима длится чуть ли не цѣлый годъ, гдѣ бродятъ медвѣди и волки, а люди-варвары. Но наконецъ они рѣшились отдать свою дочку за русскаго барина, отнюдь не похожаго на варвара; ихъ обвѣнчали по католическому обряду въ костелѣ, а въ православной церкви они вѣнчались уже въ Россіи, по возвращеніи туда въ 1819 г. Дѣвичья фамилія моей матери была Ренап, они были родомъ изъ Брюгге, гдѣ въ то время жила еще бабушка моей матери, обладавшая большой фермой и, вообще, хорошими средствами. Семья Ренап была настолько обширна, что когда, бывало съѣдутся къ бабушкѣ всѣ члены ея семьи, сыновья съ женами и дѣтьми, дочери съ мужьями и дѣтьми, внуки и правнуки, что обязательно случалось въ день рожденія бабушки, на Пасху и къ новому году, то семья насчитывала около 300 душъ. Все это былъ народъ здоровый, дѣльный. Бабушка моей матери пользовалась въ ихъ средѣ любовью и уваженіемъ; ея совѣтовъ слушались, ея волѣ подчинялись. Она, несмотря на свой преклонный возрастъ, цвѣла здоровьемъ и, обладая хорошими средствами, вела свое хозяйство хорошо. Отецъ съ моей матерью послѣ вѣнчанія поѣхали къ ней въ Брюгге; при-

няла она ихъ благосклонно, благословила и подарила моей матери брил-
лянтоваыя серьги съ подвѣсками, такими большими, что впослѣдствіи
мая мать, выдавая меня замужъ, сдѣлала изъ нихъ двѣ пары серегъ, для
меня и для младшей сестры, какія носили въ мое время, т.-е. въ 1856 г.,
безъ подвѣсокъ, но съ довольно большимъ украшеніемъ въ видѣ астры, съ
крупнымъ брилльянтомъ по срединѣ и болѣе мелкими въ каждомъ изъ
шести лепестковъ; кромѣ того для каждой изъ насъ вышло еще и по кольцу
съ крупнымъ брилльянтомъ. Кромѣ того мать моя получила еще отъ бабуш-
ки брошку съ очень крупнымъ алмазомъ.

Отецъ мой впослѣдствіе рассказывалъ намъ, что Брюгге, тогда еще
значительный городокъ, отличался поразительной чистотой; такъ,
улицы, мощенныя подъ мозанку, не только подметались, но и тщательно
мылись по нѣсколько разъ въ день, въ домахъ все блестѣло чистотой; въ
кухняхъ семьи обѣдали и почти всегда проводили зимніе вечера, такъ какъ,
онѣ отличались особенной чистотой и даже нѣкоторымъ изяществомъ: мѣд-
ная посуда, развѣшанная по стѣнамъ, горѣла какъ золото, каменная по-
суда, столовая и чайная посуда были аккуратно разставлены по полкамъ.
Хозяйка и весь женскій персоналъ работали сами въ кухнѣ, но застать ихъ
распложъ нельзя было, потому что онѣ всегда съ утра были просто, но чи-
сто одѣты, аккуратно причесаны, а во время работы накидывали на себя
нѣчто вродѣ балахона, который легко было снимать. Эту національную
чистоплотность, аккуратность и хозяйственность мать моя унаслѣдовала
и сохранила до самой смерти.

Въ 1815 году союзныя войска выступили изъ предѣловъ Франціи и
русскія войска слѣдовали черезъ Германію на зимовья квартиры въ гер-
цогство Варшавское; въ 1815 году, съ 27 апрѣля отецъ мой че-
резъ Пруссію и Германію возвращался во Францію, гдѣ находился съ кор-
пусомъ подъ командою графа Воронцова до 28-го ноября 1818 года, на-
ходясь при главной квартирѣ арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ съ оною переправля-
ясь 25 апрѣля за границу, въ княжество Молдавію, при мѣстечкѣ Фальги.

Дальнѣйшій ходъ службы моего отца, а также подробный отчетъ сраже-
ній, въ которыхъ онъ участвовалъ, наградъ, чиновъ и пр. я передала выше,
въ копіи его подлиннаго формулярнаго списка, а потому возвращаться къ
этому буду только, по сколько все это отзывалось на его семьѣ. Теперь же
замѣчу только, что въ форм. списокѣ не упомянуто о томъ, что отецъ жилъ
съ матерью одно время въ Тульчинѣ, гдѣ исправлялъ должность дирек-
тора Кад. Корп., и тогда же былъ генераль-аудиторомъ. Миѣ это извѣстно
изъ рассказовъ матери, а также изъ одной встрѣчи, о которой я разсказы-
ваю въ моихъ воспоминаніяхъ объ институт. жизни въ 1850—1854 г.; здѣсь
же я упомяну о ней ниже лишь вскользь. Пока же вернусь къ матери. Не-
смотря на частыя и продолжительныя отлучки моего отца, мать моя подъ

его вліяніемъ быстро развивалась, много читала. Остальное время она посвящала женскимъ работамъ и хозяйству. Но такъ какъ она была очень молода, да притомъ въ разлукѣ со своими родными, далеко отъ своей родины, такъ какъ кромѣ того первыя дѣти ея умирали вскорѣ послѣ рожденія, то она подчасъ сильно тосковала. Тутъ-то старый дядька-денщикъ, бывшій дядька моего отца въ Шл. Кад. Корпусѣ, перенесшій свою заботливость на «маленькую басурманочку», приложилъ всѣ старанія, чтобы ее развлечь: когда сдохла ея любимица-собачка, которую она привезла изъ Франціи, она выпоролла изъ халата моего отца сшитого изъ дорогой тармаламы (особаго рода персидская шелковая матерія, съизнанки волосяная, снаружи вытканная цвѣтными узорами въ родѣ тѣхъ, какіе бывають на персидскихъ шаляхъ) одно полотнище для савана своей собачки; старикъ дядька пожурилъ ее, но помогъ ей отрѣзать часть этого полотнища для савана, въ который она и завернула свое сокровище, а старикъ сколотилъ для собачки гробикъ изъ дощечекъ, положилъ въ гробикъ подушечку, на которой спала собачка, и они вдвоемъ похоронили ее во дворѣ, а на могилкѣ ея посадили деревцо. Послѣ этой церемоніи мать снова вшила остатокъ матеріи въ халатъ, такъ искусно, что ничего не было замѣтно на глазъ; замѣтилъ-ли отецъ, что халатъ сталъ уже, я не знаю; онъ, по крайней мѣрѣ, ни слова не сказалъ объ этомъ ни матери, ни дядькѣ. Между тѣмъ дядька досталъ скворца, научилъ его говорить нѣсколько словъ и подарилъ «маленькой басурманочкѣ». Хотя старикъ ни слова по-французски не зналъ, а мать моя тогда довольно плохо изъяснялись по-русски, но они отлично понимали другъ друга.

Наконецъ наступило время Турецкой компаніи и отецъ долженъ былъ отправиться въ турецкій походъ. О сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и о назначеніяхъ его на различныя должности, я упоминула выше, а теперь расскажу, какъ и гдѣ онъ устроилъ мать на время своего отсутствія. Несмотря на то, что за уходъ и присмотръ стараго дядьки, на котораго можно было вполне положиться въ этомъ отношеніи, отецъ мой былъ спокоенъ, но онъ не рѣшался оставлять ее исключительно на его попеченіи, а потому помѣстилъ ее на все время своего отсутствія въ семьѣ старыхъ помѣщиковъ, его старинныхъ и хорошихъ знакомыхъ, состоящей изъ отца, матери и ихъ дочери Кати, дѣвушки, получившей кое-какое образованіе и владѣвшей французскимъ языкомъ. Тамъ же устроили и денщика-дядьку. Старики были очень гостепримны, добродушны и рады были пребыванію у нихъ дѣятельной, живой, жизнерадостной совсѣмъ еще молодой французенки, внесшей сразу въ ихъ однообразное житье-бытье жизнь и расшевелившую даже Катю, олицетвореніе вялости и неподвижности. По рассказамъ матери, ей жилось хорошо въ этой семьѣ: Катя подружилась съ ней и хотя была старше ее, подчинялась ей; старики въ ней души не чаяли; обладая необыкновенною памятью и недюжинными способностями, она стала говорить и читать по-русски; она усвоила даже выговоръ и говорила почти

правильно, хотя въ рѣчи ея попадались малорусскіе обороты. Относились къ ней старики любовно, такъ какъ, вѣроятно, жаль было бѣдной «басурманочки», заброшенной такъ далеко отъ своихъ родныхъ и соотечественниковъ, жалѣя ея и желая ей замѣнить хоть отчасти родныхъ, они ласкали ее и откармливали, по словамъ матери, «на убой». Вообще мать наша никакъ не могла понять, какъ можно цѣлый день ѣсть и спать. Семья этихъ «старосвѣтскихъ» помѣщиковъ вела жизнь въ родѣ семьи «Обломова»: старики и мать наша вставали рано; Катя вставала поздно и одѣвалась медленно. Бывало мать моя успѣетъ одѣться, умыться, въ лѣтніе дни выкупаться, успѣетъ обѣгать весь садъ, огородъ, успѣетъ побывать въ птичьемъ и на скотномъ дворѣ, покормить птицъ и посмотрѣть, какъ доятъ коровъ; старики и мать моя напьются, они—чаемъ, она—кофе, а, Катя все или спитъ, или одѣвается. Послѣ чая—завтракали, притомъ обильно; въ 1 ч. обѣдали; обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ; послѣ обѣда пили кофе. Старики отправлялись спать «на часокъ»; но часокъ этотъ длился, обыкновенно, безъ малаго до 5-ти часовъ; въ 5 часовъ пили чай, со сливками, булочками и т. д. Катя же послѣ обѣда не спала, а ложилась на диванъ съ книгой въ рукѣ; возлѣ дивана, на столѣ ставились сладости, по большей части домашняго издѣлія, какъ-то: варенье разныхъ сортовъ, пряники, фрукты свѣжіе или засахаренные, маковники на меду и проч. тому подобное. Мать, хотя и большая лакомка по части сладкаго, ѣла немного; Катя все время уплетала то то, то другое. Мать моя, бывало, посидитъ съ часъ возлѣ дивана на креслѣ, либо читаетъ, либо работаетъ, а потомъ, лѣтомъ, снова побѣжитъ въ садъ; Катя иногда уступала ея просьбамъ, и тоже отправлялась съ ней въ садъ, но чаще отказывалась, отговариваясь то тѣмъ, что жарко, то тѣмъ, что книга ужъ очень заинтересовала ее. Катя и мать моя, несмотря на разницу въ характерахъ, вкусахъ и привычкахъ, жили дружно между собой, хотя иногда Катя, своей вялостію, выводила мать мою изъ себя. Не разъ она рассказывала намъ, какъ она, еще въ самомъ началѣ своего пребыванія въ деревнѣ была поражена: Катя лежала съ книгой въ рукахъ, но не читала ее, а разговаривала о чемъ-то съ моей матерью или, вѣрнѣе, мать что то рассказывала, а она слушала. Вдругъ она позвонила; вошелъ «казачокъ», мальчикъ лѣтъ 10—12, обязанный сидѣть въ передней вплоть до того времени, когда проснутся господа. Катя вѣло приказала ему позвать либо буфетчика, либо лакея. Вошелъ лакей,—ему приказано было позвать ключницу; та должна была позвать старшую горничную, а эта послѣдняя—Машу, специальную горничную Кати. Когда пришла Маша, Катя приказала ей поднять носовой платокъ, упавшій со стола на полъ возлѣ дивана. Маша, исполнивъ это—удалилась. Мать моя, пораженная всѣмъ этимъ, нѣсколько времени молчала, а потомъ вскочила и гнѣвно объявила Катѣ, что если бы у нея была подъ рукой палка и она имѣла бы право, она поколотила бы ее: щеки ея пылали, голосъ прерывался отъ гнѣва. Закончила она объявивъ, что если Катя такая калѣка, что даже не состояніи поднять платка, то отчего она, во-первыхъ, обезпокоила казачка, буфетчика, лакея; ключ-

ницу, старшую горничную и Машу, и не велѣла сразу позвать Машу или не велѣла казачку поднять платокъ а во-вторыхъ—почему не попросила ее, Розалію, оказать ей такую пустую услугу?

На отвѣтъ Катя, что она никогда не рѣшилась бы беспокоить ее, а всѣ перечисленные ею вѣдь слуги, при томъ—крѣпостные, мать моя еще съ большей горячностью возразила, что крѣпостные слуги—тоже люди, и что ее возмущаетъ кромѣ того то, что молодая, здоровая барышня ставить себя въ такую зависимость отъ слугъ, что безъ нихъ не можетъ и платка поднять; высказавши все это, она встала и убѣжала въ садъ, такъ какъ гнѣвъ ея уступилъ охотѣ смѣяться и она боялась тутъ же разразиться смѣхомъ, такъ какъ вся эта сцена показалась ей «*par trop ridicul*».—Въ пять часовъ пили вечерній чай, опять таки со всякими печеніями; въ восемь часовъ плотно ужинали, а между чаемъ и ужиномъ лѣтомъ гуляли въ саду, рѣдко по селу; зимой сидѣли всѣ вмѣстѣ: старикъ курилъ трубку, старуха вязала чулокъ, потомъ отправлялась въ кухню заказывать обѣдъ на завтра, а Катя и мать моя занималась какимъ-нибудь рукодѣліемъ. Въ 10 часовъ весь домъ спалъ мертвымъ сномъ.

Такъ шли дни за днями, однообразно, монотонно; моя мать, однако, не скучала, такъ какъ была вѣчно занята. Она сумѣла какъ-то сдѣлаться полезной семьѣ, въ которой жила; она то, что-нибудь помогала шить, то штопала, а штопать она умѣла такъ искусно, что невозможно было найти гдѣ заштопанное мѣсто, то гладила, то хозяйничала. Ей удалось расшевелить и Катю. Старики ее такъ полюбили, что имъ очень тяжело было разставаться съ нею, когда наступило время возвращенія отца.

Любопытныя книги.

(Изъ записокъ библіографа).

«Прочитати, а дѣломъ не исполняти,
не полезно есть».

Сильвестръ Медвѣдевъ.

Во время библіографическихъ занятій намъ часто приходилось встрѣчаться съ такими книгами, которыя, помимо текста или содержанія, были интересны то по своему малоизвѣстному или съ сѣмъ незнакомому автору, то по своей необычной судьбѣ въ исторіи русской литературы. Такія «любопытныя книги», останавливая на себѣ наше вниманіе, невольно заставляли производить библіографическія разысканія, приводившія насъ къ тѣмъ или другимъ, иногда немаловажнымъ, выводамъ.

Съ теченіемъ годовъ наши библіографическія изслѣдованія коснулись уже довольно большой вереницы «любопытныхъ книгъ», и мы охотно сообщали о своихъ результатахъ всѣмъ, кто обращался къ намъ за справками о такихъ изданіяхъ, а затѣмъ сдѣлали попытки черезъ печать ознакомить интересующихся съ добытыми выводами—въ *Русскомъ Обзорѣнн* (1896 г., кн. 9; 1897 г., кн. 1), *Русскомъ Вѣстникѣ* (1901 г., кн. 4) и въ *Историческомъ Вѣстникѣ* (1906 г., кн. 9, 10, 12; 1907 г., кн. 3; 1908 г., кн. 3).

Въ настоящее время, желая сдѣлать болѣе извѣстными всѣ собраныя нами библіографическіе матеріалы, мы рѣшились постепенно сообщать свои свѣдѣнія объ особенно «любопытныхъ книгахъ», располагая ихъ по возможности въ хронологическомъ порядкѣ.

Первый печатный трудъ Антиоха Кантемира.

Извѣстному писателю, князю Антиоху Дмитріевичу Кантемиру, впервые пришлось явиться предъ русскими читателями не съ сатирами, прославившими его имя въ нашей литературѣ, а съ особеннымъ, какъ онъ самъ выразился, «трудкомъ», на выходномъ листѣ котораго читаются слѣдующія строки: «Во славу святыхъ единосущныхъ, животворящихъ и нераздѣлимыхъ Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа: Повелѣніемъ Благочестивѣйшаго и Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора Пѣтра Алексіевича всея Россіи: благословеніемъ же Святѣйшаго Правительствующаго Синода, напечатана книга сія Симфонія, или Согласіе, на богодухновенную книгу псалмовъ Царя и Пророка Давида, въ Царствующемъ Санктпетербургѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7235, отъ рождества же по плоти Бога Слова, 1727, індікта 5, мѣсяца Ноемврія въ 13 день».

Какъ это заглавіе, такъ затѣмъ посвященіе императрицѣ Екатеринѣ (стр. 1-2) и обращеніе къ читателю (3-4), наконецъ—самый трудъ, состоящій изъ алфавитнаго перечисленія словъ, взятыхъ изъ славянской Псалтыри (стр. 1-111), напечатаны церковнымъ шрифтомъ (in folio).

«Подробности о печатаніи *Симфоніи* на псалтырь князя Антиоха Кантемира, посвященіе и предисловіе этой книги», на основаніи официальныхъ бумагъ, были помѣщены П. Пекарекимъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» (1858 г., №17, ст. 531-535), но не особенно точно: напримѣръ цифра 13 замѣнена тремя точками и др. Все, сообщенное г. Пекарскимъ, въ неисправленномъ видѣ было затѣмъ перепечатано въ «Сочиненіяхъ кн. А. Д. Кантемира», изданныхъ подъ редакцію П. Ефремова (Спб. 1868 г., т. II, стр. 337-340).

Въ виду точной перепечатки заглавія, данной нами выше, довольно страннымъ кажется указаніе, что «уже въ 1726 году появилась Симфонія на Псалтырь» кн. Кантемира (*Энциклопед. Словарь*, Брокгауза, Спб. 1895 г., т. XIV, стр. 315).

Наконецъ, прибавимъ, что и Сопиковъ, по своему обычаю, видоизмѣнилъ заголовокъ перваго труда кн. А. Д. Кантемира, введя свои слова «сирѣчь» и «Боговдохновенная» (*Опытъ Россійской Библиографіи*, ч. I, № 1076).

Латинскія оды М. И. Ильинскаго.

Среди мало извѣстныхъ русскихъ писателей во второй половинѣ XVIII вѣка встрѣчается Михаилъ Ивановичъ Ильинскій. Немногія свѣ-

дѣнія о немъ, по архивнымъ документамъ, сообщилъ С. К. Смирновъ въ «Исторіи Троицкой Лаврской семинаріи» (М. 1867 г., стр. 492-495), но, не указывая его сочиненій, сдѣлалъ примѣчаніе: «о ученыхъ трудахъ Ильинскаго см. въ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей митр. Евгенія» (ч. 1). Между тѣмъ и митр. Евгеній, при перечисленіи только нѣкоторыхъ произведеній Ильинскаго, прибавилъ такое общее указаніе: «много также писалъ онъ на разные случаи латинскихъ Гораціанскихъ одъ, которыя всѣ напечатаны были въ свое время» (М. 1845 г., т. I, стр. 247). Эти неопредѣленные показанія двухъ лицъ и заставили библиографа Г. Н. Геннади только «съ вѣроятіемъ» приписать М. И. Ильинскому одну латинскую оду, притомъ съ сокращеннымъ и неточнымъ заголовкомъ (*Словарь* Геннади, Берл. 1880 г., т. II, стр. 56).

Со своей стороны мы можемъ значительно восполнить указанный пробѣлъ и тѣмъ устранить библиографическія недоразумѣнія. Въ нашей библиотекѣ находятся *пять* латинскихъ одъ М. И. Ильинскаго со слѣдующими заглавіями:

1) *Gaudia musae Troycensis, sive Panegyris de laudibus illustrissimi Platonis, archiepiscopi Twerensis, conscripta per Seminarium Troycensis praefectum M. Pliinsky. Mosquae, 1770 г. in 4°.*

2) *Euphthalmium in Nuptias Celsissimi ac Magni Principis totius Russiae Pauli Petrowicz Imperii Russici Haeredis Serenissimi cum Celsissima ac Magna Principe Natalia Alexiewna celsitudini eius in significationem summae erga Celsissimos Principes reverentiae atque intimi affectus sui submississime offert atque dedicat Seminarium quod est in Laura Sacro Sanctae Trinitatis Sanctique Sergii. Versus fecit Michael Pliinsky. Petropoli s. a. (1773 г.) in 4°, 22 стр.*—Экземпляръ нашей библиотекы, какъ видно изъ надписи на заглавномъ листѣ, прежде составлялъ собственность «Перервинской семинаріи реторики и поэзіи и французскаго языка учителя Ивана Кобранова», какъ «даръ отца Префекта Меѳодія. 1784 года, октября 11 дня». (Объ И. А. Кобрановѣ и Меѳодіи см. въ «Исторіи Троицк. семинаріи», Смирнова, стр. 496 и 527).

3) *Ode Illustrissimo Platoni, Sanctissimae Synodi Membro, Mosquensi, recens renunciato, Metropolitae, et Laurae Troycensis Archimandritae, quam Illustrissimo Nomini Ejus, tanto nunc dignitatis titulo adaucto dedicat Michael Pliynski. Mosquae, 1787 г., in 4°, 20 стр.* (въ концѣ «предложеніе на Россійскій языкъ прозою»). Къ этой же брошюрѣ присоединены еще двѣ латинскія оды М. И. Ильинскаго, какъ и сказано на заглавномъ листѣ: «Huic adjunctae sunt binae Odae eidem illustrissimo Nomini ab eodem auctore quondam dedicatae, altera, quum hic Antistes Archiepiscopatu Mosquensi 1775 ornatus esset, altera, quum Petropolim initio anni 1778 peteret» (также съ русскимъ переводомъ въ прозѣ).

Въ заключеніе прибавимъ, что, кромѣ выше указанныхъ источниковъ, свѣдѣнія о М. И. Ильинскомъ появились въ «Странникѣ» (1895 г., кн. 4, стр. 844) и въ «Чтеніяхъ Импер. Общества Исторіи» (1897 г., кн. 1, отд. IV, стр. 27).

Ода о Москвѣ.

Ода на торжественное открытіе Московскія губерніи по Всевысочайшимъ учрежденіямъ Ея Императорскаго Величества, Благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Великія Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссийской Екатерины II, Премудрыя Законодательницы и Истинныя Матери Отечества, сочиненная въ Московской Славено-греко-латинской Академіи, октября 5 дня 1782 года М. Въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 4° , 12 стр.

По «Опыту Россійской Библиографіи» Сопикова (№ 7295) извѣстна «Ода Ермила Кострова на открытіе губерніи въ столичномъ градѣ Москвѣ» (М. 1782 г.). Но вышеназванную «Оду», анонимно указанную у Сопикова (7190), «сочинилъ помянутой Академіи учитель Михайло Завьяловъ», какъ читается подъ одою. Она также пропущена у Геннади при имени Завьялова; она же не упомянута въ «Исторіи» Смирнова, хотя авторъ былъ учителемъ въ Академіи. По своимъ же внутреннимъ достоинствамъ эта ода не имѣетъ высокаго достоинства.

«Юлій Цезарь» М. 1787 г., 8°, 136 стр.

«Юлій Цезарь»—трагедія Вилліама Шакеспера, извѣстнаго Англинскаго драматическаго писателя, переведенная на Россійскій языкъ бѣлыми стихами. Сія трагедія почитается лучшею въ оригиналѣ изъ сочиненій сего писателя, и на Россійскомъ языкѣ по точности перевода и рѣдкости извѣстной намъ Англинской литературы должна быть уважаема. Что-жъ Шакесперь не держался театральныхъ правилъ, тому истинная причина (sic) почтѣсь можетъ пылкое его воображеніе, немогшее покориться никакимъ правиламъ, въ чемъ его осуждаетъ знаменитый софистъ г. Вольтеръ, также и Россійской стихотворецъ г. Сумароковъ. Напечатана въ типографической компаніи въ Москвѣ 1787 года».

Такимъ отзывомъ «Драматическій Словарь» (М. 1787 г., стр. 163—164) отмѣтилъ только что появившійся анонимный переводъ на русскій языкъ Шекспировской трагедіи «Юлій Цезарь». Казалось, такое лестное привѣтствіе могло сулить этому удачному переводу счастливую судьбу въ русской литературѣ, но на дѣлѣ ему выпала сначала несчастная доля.

Когда черезъ пять лѣтъ, съ 1792 года, начались преслѣдованія противъ московскихъ масоновъ, то всѣ книги, напечатанныя въ типографіяхъ Новикова и собратій его по масонству были конфискованы и подверглись пересмотру цензоровъ. 23 апрѣля 1794 года главнокомандующій въ Москвѣ князь А. А. Прозоровскій предписалъ, между прочимъ, «отложить въ число вредныхъ книгъ» трагедію «Юлій Цезарь». Вслѣдствіе этого она попала въ разрядъ книгъ, которыя, какъ опасныя, велѣно было сжечь¹⁾. Вотъ почему удачный переводъ Шекспировской пьесы сдѣлался библиографическою рѣдкостью, что и отмѣчено Сопиковымъ (Опытъ, ч. V, № 11984), а потомъ былъ совершенно забытъ до сороковыхъ годовъ XIX вѣка.

Какъ только въ *Москвитянинъ* (1841 г., кн. I, стр. 31—38) появился отрывокъ изъ «Записокъ» И. И. Дмитріева, стало ясно, что анонимный переводъ «Юлія Цезаря», преданный сожженію почти полвѣка тому назадъ, принадлежалъ перу Н. М. Карамзина. Къ счастью, уцѣлѣло нѣсколько экземпляровъ, на примѣръ у того же Дмитріева, которому самъ переводчикъ прислалъ свой трудъ²⁾, и въ другихъ немногихъ бібліотекахъ³⁾. На основаніи этихъ рѣдкихъ экземпляровъ *Сѣверная Пчела* (1841 г., № 208) обратила вниманіе читателей на Карамзинскій переводъ «Юлія Цезаря»; затѣмъ *Сѣверное Обзорніе* (1849 г., т. I, стр. 466—469) перепечатало изъ него «предисловіе» переводчика, которое потомъ вошло въ «Историческую Христоматію» Галахова и въ другія подобныя изданія, а также въ книгу Погодина: «Николай Михайловичъ Карамзинъ» (М. 1866 г., ч. I, стр. 57—61).

Такова любопытная судьба одного изъ раннихъ переводовъ Карамзина.

Гегриха Корнелія Агриппы разсужденіе о монашеской жизни. Переводъ съ латинскаго. Изданіе второе. Москва въ типографіи компаніи типографической, 1787 г., 8°, 29 стр.

Рѣдкій экземпляръ этой книжки, находящійся въ нашей бібліотекѣ, помогаетъ, прежде всего, устранить одно недоумѣніе бібліографа В. Н. Рогожина. Не имѣя подъ рукою такого экземпляра, онъ при перепечаткѣ Сопиковскаго «Опыта Россійской Библиографіи» (Спб. 1905 г., ч. IV, стр. 189, № 9590) сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «У Сошкова и Геннади (*Словарь*, т. 2, стр. 280) года изданія одинаковы, но у Смирдина (№ 647) по-

¹⁾ См. «Лѣтописи Русской Литературы» Н. С. Тихонравова, 1863 г., т. V, отд. II, стр. 10.

²⁾ «Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву», Спб. 1866 г., стр. 4.

³⁾ Объ экземплярѣ нашей бібліотеки мы уже давно указали въ *Русскомъ Архивѣ*, 1881 г., кн. 6 стр. 453.

казана (т. е. книжка) напечатанной въ 1783 г.» На самомъ же дѣлѣ это различіе въ показаніяхъ весьма естественно и вполне справедливо: Сопиковъ отмѣтилъ только изданіе 1787 г., *второе* по счету, а Смирдинъ указалъ *первое* изданіе, вышедшее въ 1783 г. изъ типографіи Мейера.

Но, кромѣ изложеннаго разъясненія, съ «Разсужденіемъ о монашеской жизни», тѣсно связаны любопытныя свѣдѣнія о переводчикѣ, выставившемъ подъ «предисловіемъ» этой книжки только инициалы—«Л. М.». Эти двѣ буквы, разъясненныя еще Сопиковымъ, обозначали *Льва Максимовича Максимовича*.

По собраннымъ нами справкамъ оказывается, что этотъ переводчикъ, а затѣмъ составитель «Географическаго Словаря» и «Указателя Россійскихъ законовъ», былъ уроженцемъ юга гдѣ появился на свѣтъ въ началѣ второй половины XVIII вѣка, и въ юности считалъ своимъ «благодѣтелемъ» Иларіона, епископа Переяславскаго и Бориспольскаго, бывшаго съ 1776 г. викаріемъ Кіевской митрополіи ¹⁾. Повидимому, благодаря покровительству этого лица, онъ поступилъ въ Московскій Университетъ (1779 г.), причѣмъ состоялъ тамъ членомъ Дружескаго Ученаго Общества и устроеннаго проф. Шварцемъ «Собранія университетскихъ питомцевъ для упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ». Кромѣ сотрудничества въ журналѣ Новикова—«Вечерней Зарѣ» (1782 г.) и перваго изданія своего перевода—«Разсужденія о монашеской жизни» (1783 г.), ему пришлось прочувствованною рѣчью почтить память своего умершаго наставника и руководителя—проф. И. Г. Шварца (1784 г.). Изъ послѣдующихъ же обстоятельствъ его жизни и дѣятельности намъ только извѣстно, что онъ въ теченіе 1791—1795 гг. состоялъ бібліотекаремъ при Московской Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (нынѣ Московскомъ Главномъ Архивѣ), а позже былъ вторымъ редакторомъ 1-ой экспедиціи Комиссіи составленія законовъ и умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника «при Александрѣ I» ²⁾.

Къ изложеннымъ даннымъ мы рѣшаемся присоединить свѣдѣнія, которыя, вѣроятно, относятся къ тому же Л. М. Максимовичу, если не къ сотоварищу его по составленію «Географическаго Словаря»—Аванасію

¹⁾ См. «посвященіе» къ переводу «Разсужденія о монашеской жизни», стр. 8 и 9.

²⁾ «Исторія Московскаго Университета», С. Шевырева, М. 1855 г., стр. 224, 259 и 267.—«Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета», М. 1855 г., ч. II, стр. 592.—«*Библіографическія Записки*» 1859 г. № 19, стр. 591—604.—«Новиковъ и московскіе мартинисты», М. Н. Лонгинова, М. 1867 г., стр. 185, 193, 211, 281 и 287.—«Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ», А. Н. Неустрова, Спб. 1874 г., стр. 332.—«Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», Григ. Геннади, Берлинъ 1880 г., т. II, стр. 280—281.—«Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества», Спб. 1888 г., т. LXII, стр. 5.—«О бібліотекѣ Московскихъ Государей въ XVI столѣтіи», С. А. Блукурова, М. 1898 г., стр. 95.

Щекатову. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1813 г., ч. III, кн. 8, стр. 56—62) издатель С. Н. Глинка помѣстилъ «Записку о бѣдномъ семействѣ», изъ которой мы приводимъ слѣдующія любопытныя выдержки: «Несчастный шестидесятилѣтній и дряхлый старикъ, имѣющій 5 сыновъ и 2 дочерей небольшихъ, питавшійся прежде всего трудами рукъ своихъ, издалъ въ свѣтъ 7 большихъ томовъ *Географическаго Словаря Россійской Имперіи*, 1 и 4, стоящихъ ему 25-лѣтняго труда и большихъ издержекъ. Истошивши на сіе многотрудное сочиненіе всѣ свои тѣлесныя силы и способности, и небольшой прежде бывшій у него достатокъ, не получилъ однакожь за то никакихъ почти себѣ выгодъ... Посвятя труды и самую жизнь свою на пользу отечества, теперь при старости не въ силахъ содержать свое семейство попрежнему трудами рукъ своихъ, и долженъ умереть съ голоду. Нечѣмъ ему было пожертвовать еще отечеству, посвятилъ на службу Государя трехъ старшихъ сыновъ своихъ, кои и теперь находятся въ торжествующей надъ всесвѣтными врагами Россійской арміи... Въ несчастное для древняго и Первопрестольнаго града Москвы нашествіе всемірнаго злодѣя съ его безсмѣтными ордами бѣдный сей старикъ съ меньшими дѣтьми своими, по крайнему неимуществу, не могъ выѣхать куда-нибудь изъ столицы. Тутъ врагами... несчастный сей старикъ былъ совсѣмъ ограбленъ и лишенъ всего своего имущества, порядочною жизнію и честнымъ его поведеніемъ съ великимъ трудомъ и въ нѣсколько лѣтъ имъ пріобрѣтеннаго... Теперь живетъ онъ въ крайней нищетѣ... Истинные сыны Отчествва, почтенные Россіяне, удостойте взглянуть сердобольнымъ окомъ на сего несчастнаго старика, посвятившаго жизнь собственную и дѣтей своихъ на пользу отчествва!..» На такой призывъ о помощи сочувственно откликнулись многія лица, начиная съ самого Глинки (см. *Русскій Вѣстникъ* 1813 г., кн. 8, стр. 82; 1814 г., кн. 2, стр. 143—145; кн. 4, стр. 69—74), и присылка пожертвованій продолжалась до осени 1814 года, когда издатель *Русскаго Вѣстника* заявилъ: «Престарѣлый отецъ семейства, сочинитель *Словаря Россійскаго Государства* недавно скончался. Въ послѣдніе часы жизни благословлялъ онъ благодѣтельныхъ соотечественниковъ, съ помощію которыхъ провелъ безнужно остатки дней своихъ и хотя нѣсколько обезпечилъ жребій двухъ своихъ дочерей» (кн. 9, стр. 71 и 75).

Такимъ образомъ, если всѣ эти извѣстія касаются Л. М. Максимовича (а не Аѳанасія Щекатова), то онъ несомнѣнно умеръ въ концѣ лѣта 1814 года.

Придворный Мѣсяцесловъ на 1789 годъ.

Извѣстный писатель Н. И. Дмитріевъ, въ классической сатирѣ: «*Чуждой толкѣ*», упоминаетъ про одного князька,

Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромъ придворнаго подъ часъ мѣсяцеслова.

Этими строками знаменитый сатирик—съ одной стороны—отмѣтилъ обычный недостатокъ многихъ русскихъ людей—равнодушiе къ серьезному чтенiю, а съ другой—указалъ на такое изданiе, которое теперь является довольно рѣдкимъ и непонятнымъ. Чтобы хотя немного ознакомить современныхъ читателей съ такою книжною рѣдкостью, обращаемъ вниманiе на *«Придворный Мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1789, которое есть простое, содержащее въ себѣ 365 дней»* (Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академiи Наукъ, 218 стр.). Небольшая по формату книжка, кромѣ фронтисписа, открывается аллегорической картинкой, которая изображаетъ Сатурна, подымающаго темный занавѣсъ; за нимъ виднѣтся сидящая на креслѣ женщина въ коронѣ, порфирѣ и со щитомъ, на которомъ представленъ двухглавый орелъ: эта женщина—Россiя или сама монархиня—Екатерина; рядомъ съ нею помѣщается богиня Аѳина Паллада въ шлемѣ и съ копьемъ въ лѣвой рукѣ; правою она указываетъ двумъ дѣтямъ на движенiе впередъ.—Затѣмъ въ книжкѣ помѣщенъ обычный календарь на каждый мѣсяць съ *«предсказанiями погоды»*, какъ напримѣръ: съ 18 до 24 марта: *«временемъ таль отъ солнца»* или съ 21 по 31 октября: *«при ясномъ временемъ небо заморозовъ и стьгу ожидать надлежитъ»*. Далѣе идетъ *«Хронологiя вещей достопамятныхъ»*: сюда относятся такiя любопытныя указанiя: отъ построения Кiева—1359 годъ, *отъ вымышленiя печатанiя книгъ*—349 лѣтъ, *отъ сьсканiя Америки*—297, отъ зачатiя царствующаго града Санктпетербурга—86 г.—Потомъ слѣдуетъ *«Родословное показанiе нынѣ владѣющихъ европейскиихъ государей и княжескиихъ фамилий»*, послѣ чего идетъ списокъ кавалеровъ *«российскихъ орденовъ»*. Вотъ этотъ списокъ и имѣетъ важное значенiе для исторiи: онъ доставляетъ хронологическiя и биографическiя свѣдѣнiя для многихъ лицъ Россiи.

Ода на заключенiе мира съ Оттоманскою портою, Спб 1792, 4^о.

Съ этою брошюрой, анонимно указанною Сопиковымъ (*Опытъ Россiйской Библюграфiи*, ч. IV, № 7238), произошелъ любопытный казусъ. Старинный литераторъ, Ник. Вас. Сушковъ, передавая въ своемъ *Раутѣ на 1852 годъ* свѣдѣнiя о переводчикѣ и стихотворцѣ Михаилѣ Васильевичѣ Храповицкомъ, заявилъ: *«изъ печатныхъ сочиненiй его отыскалась въ бумагахъ моихъ эклога (sic) на заключенiе мира съ Портою въ 1791 г., напечатанная въ 1792 году»* (стр. 206). Такое заявленiе было принято на вѣру нѣкоторыми библюграфами: напримѣръ, въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* Брокгауза (т. XXXVII, стр. 614) названное сочиненiе безъ всякаго сомнѣнiя и разслѣдованiя приписано М. В. Храповицкому, притомъ съ ошибочнымъ указанiемъ на *Раутъ 1854 года*.

На самомъ же дѣлѣ Н. В. Сушковъ ошибся въ своемъ «заявленiи» и чистосердечно призналъ неточность его въ «предисловiи» къ той же книжкѣ

Раута: «мнѣ—пишетъ онъ—остается... указать читателямъ на промахъ мой: героическая эклога (sic) на заключеніе мира съ Портою, приписанная М. В. Храповицкому (стр. 206), найдена мною въ старыхъ бумагахъ между его сочиненіями, и я не обратилъ вниманія на выставленное на ней имя брата моего М. В. Сушкова, который сочинилъ эту эклогу» (sic).

Прибавимъ, что Н. В. Сушковъ неправильно именуєтъ это сочиненіе «эклогою»: въ нашемъ экземплярѣ съ именемъ М. В. Сушкова оно называется «Одою».

Двойной трудъ.

Въ моей библиотекѣ сохранилась слѣдующая любопытная брошюра съ двойнымъ заглавіемъ—по-русски и по-латыни: «*Елегія на Моисея епископа, смертію насильственною убитаго*»—«*Elegia in Mosem Episcopum, morte violenta perentum*» (in—4°, стр. 8), при чемъ въ концѣ ея отмѣчено: «*Elaboratum in Seminario Troicensi 1795 anno* (т. е. «сочинено въ Троицкой семинаріи, въ 1795 году»).

Объ этой анонимной «Элегіи» наши библиографы дали весьма сбивчивыя показанія. Напримѣръ, Сопиковъ (№ 3710) невѣрно отмѣтилъ ее заглавіемъ; митр. Евгеній (*Словарь*, т. I, стр. 3; т. II, стр. 80) отнесъ ея появленіе въ печати къ 1792 году; архіеп. Филаретъ (*Обзоръ*, ч. II, стр. 201—202) назвалъ ее «Элегіей на смерть *Теодосіа* Гумилевскаго; наконецъ, Геннадіи (*Словарь*, т. I, стр. 342) призналъ брошюру анонимнымъ трудомъ и не сдѣлалъ попытки разгадать имя автора. На самомъ же дѣлѣ, еще въ 1818 году митр. Евгеній, въ первомъ изданіи своего «*Словаря*», указалъ на Августина (Виноградскаго), позже извѣстнаго московскаго архіепископа, какъ на «сочинителя» названной «Элегіи». Затѣмъ, въ 1824 году, И. М. Снегиревъ не только подтвердилъ это указаніе, но и прибавилъ слѣдующія интересныя строки: «Митрополитъ Платонъ самъ перевелъ слово въ слово на русскій (языкъ) прозою и напечаталъ сочиненную 1795 года Виноградскимъ латинскую *Елегію* на бѣдственную смерть прежняго своего учителя, Моисея Гумилевскаго, безвинно убитаго въ Крыму». (*Труды Общества Любителей Россійской Словесности*, М. 1824 г., ч. V, кн. 13, стр. 10—11, 102 и 120—123).

Такимъ образомъ указанная брошюра, напечатанная съ двойнымъ текстомъ, имѣла несомнѣннымъ авторомъ Августина (Виноградскаго), а переводчикомъ Платона (Левшина).

Что же касается личности самого Моисея (Гумилевскаго), то о немъ, кромѣ указанныхъ свѣдѣній въ «Словарѣ» Геннадіи (т. II, стр. 336—337), напечатаны любопытныя сообщенія въ «Русской Старинѣ» (1887 г., кн. 10,

стр. 213—215; 1888 г., кн. 3, стр. 799—800 и кн. 6, стр. 604—605), а также въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1907 г., кн. 9, стр. 898—901), гдѣ доказывается, что «спископъ Моисей не былъ убитъ другими лицами, а напротивъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ», что, дѣйствительно, подтверждается новыми данными, напечатанными въ *Русской Старинѣ* (1909 г., кн. 1, стр. 213—217).

Краткая исторія о Грузинъ, со времечь перваго во оной населенія. Соч. Царевича Грузинскаго Давида. Спб., 1805 г.

Заглавіе этой небольшой книжки съ ошибкою приведено какъ въ первомъ изданіи Соликовскаго каталога (№ 4760), такъ и во второй его перепечаткѣ (Спб. 1904 г., ч. III, стр. 96), при чемъ совсѣмъ не отмѣчена крайняя рѣдкость названнаго труда. Между тѣмъ такая рѣдкость засвидѣтельствована любопытнымъ признаніемъ довольно близкаго лица къ автору—С. А. Тучкова. Послѣдній пишетъ: «Грузинскій царевичъ Давидъ ¹⁾, узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе и привезъ пять экземпляровъ сочиненной имъ и посвященной мнѣ книги, подъ названіемъ *Краткая Грузинская Исторія*, напечатанной при С.-Петербургской Академіи. Я, надѣясь получить отъ него болѣе, раздарилъ ихъ моимъ знакомымъ и просилъ у него еще. Онъ далъ мнѣ только два экземпляра, сказавъ, что у него самого мало осталось. Такъ какъ небольшая сія книга довольно любопытна, то тщетно старался я купить нѣсколько такихъ же экземпляровъ въ книжныхъ лавкахъ. Полагая, что всѣ экземпляры оставлены имъ по какимъ ни есть видамъ въ академической типографіи, поѣхалъ туда, но и тамъ ихъ не нашель. На вопросъ же мой, куда царевичъ употребилъ всѣ экземпляры его книги, типографъ отвѣчалъ мнѣ: «когда наборка оной приходила къ окончанію, то спрашивалъ я царевича, сколько экземпляровъ прикажетъ онъ отпечатать,—полный заводъ или половину, т. е. 1200 или только 600». На сіе царевичъ сказалъ: «пятьдесятъ не болѣе; этого количества довольно для меня и для моихъ пріятелей». «Теперь, когда я сіе пишу,—заключаетъ Тучковъ,—царевичъ скончался, а у меня находится только одинъ экземпляръ, котораго постараюсь я при удобномъ случаѣ сдѣлать второе изданіе» («Записки С. А. Тучкова»—въ приложеніи къ «Русскому Вѣстнику» 1906 г., кн. 8, стр. 353).

Къ этому остается прибавить, что С. А. Тучковъ такъ и не нашель «удобнаго случая» переиздать «Краткую исторію о Грузинъ», а потому, съ теченіемъ времени, еще рѣже можно встрѣтить ее даже въ антикварныхъ каталогахъ.

¹⁾ Это—старшій сынъ послѣдняго царя Грузинъ—Давидъ Георгіевичъ, состоявшій генераль-губернаторомъ и сенаторомъ на русской службѣ (р. 1 іюня 1767 г., † 13 мая 1819 г.).

Масонскія пѣсни.

Пѣсни, Москва 1807 г. Въ вольной типографіи Ѳедора Любія. 16°. 36 стр.

Пѣсни. Въ Іерусалимѣ. 5817 г. (безъ обозначенія типографіи). 16°. 25 стр.

Пѣсни (безъ обозначенія года и мѣста печати). 8°. 73 стр.

Эти три названія книжки, находящіяся въ нашей бібліотекѣ, мало извѣстны по печатнымъ каталогамъ: лишь вторая изъ нихъ была кратко названа въ «Каталогѣ» Черткова (1-е изданіе, вып. I, стр. 471, № 108). По этому мы сообщаемъ о нихъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія.

На страницахъ упомянутыхъ книжекъ помѣщены «масонскія пѣсни», которыя впервые были напечатаны въ *Магазинѣ Свободно-Каменъцичсскомъ* (1784 г.) и затѣмъ въ сборникѣ XVIII вѣка, подъ заглавіемъ: «Хоры и пѣсни», упомянутомъ Н. В. Губерти въ *Матеріалахъ для русской бібліографіи* (вып. II, № 86). Однако наши книжки, относящіяся къ первой четверти XIX столѣтія, не представляютъ полнаго повторенія всѣхъ «пѣсенъ масоновъ», изданныхъ во второй половинѣ XVIII вѣка: первая изъ нихъ заключаетъ 18 пѣсенныхъ нумеровъ, вторая—только 17 пѣсенъ и лишь третья является наиболѣе полною, вмѣщая въ себѣ 56 масонскихъ стихотвореній.

Намъ неизвѣстно, кто былъ собирателемъ и издателемъ первыхъ двухъ книжекъ «Пѣсенъ». Что же касается третьей изъ нихъ, то о ней существуетъ точное указаніе въ «Воспоминаніяхъ гр. М. В. Толстого»: по его словамъ, она была напечатана въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, при ея начальникѣ Петрѣ Александровичѣ Курбатовѣ, при чемъ руководство изданіемъ было поручено Петру Ивановичу Красильникову, бывшему кандидату Московскаго университета, прежде состоявшему учителемъ въ Костромской гимназіи, съ 1820 года—преподавателемъ въ семьѣ Толстыхъ, а съ 1822 года—корректоромъ той-же типографіи и членомъ масонской ложи «Ищущихъ манны» (см. *Русскій Архивъ* 1881 г., кн. 3, стр. 60—61).

Уставъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Общество Любителей Россійской Словесности, учрежденное при Московскомъ Университетѣ, открылось и нѣсколько лѣтъ дѣйствовало на основаніи *перваго* своего «Устава». Онъ былъ напечатанъ въ «Трудахъ» Обще-

ства (1812 г., ч. IV, стр. 17—36), а также изданъ отдѣльною брошюрою (in 8°, 16 стр.), подъ заглавіемъ: «Уставъ Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Высочайше одобренный въ 6-й день іюня 1811 года» (Москва, въ Университетской типографіи), безъ обозначенія времени выхода ея въ свѣтъ, хотя Сопиковъ (№ 12238) и Смирдинъ (№ 1908) одинаково показываютъ *1811 годъ*.

Этотъ «Уставъ», подобно другимъ законоположеніямъ, явился на свѣтъ анонимнымъ, а потому укоренилось преданіе, что онъ не миновалъ рукъ и заботъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, который былъ первымъ и многолѣтнимъ предсѣдателемъ Общества, «душою трудовъ его и собраній» (*Словарь проф. Моск. унив.*, ч. I, стр. 18). На самомъ же дѣлѣ есть неопровергнутое извѣстіе, что и созданіе самого Общества, и составленіе для него «Устава», принадлежали инициативѣ не кого другого, какъ попечителя Московскаго учебнаго округа П. И. Голенищева-Кутузова, оставившаго недобрую память своими несправедливыми нападками на Карамзина и другихъ лицъ. А. А. Васильчиковъ категорически сообщаетъ, что Общество возникло «по зачину Кутузова» (*Семейство Разумовскихъ*, Спб. 1880 г., т. II, стр. 105), и далѣе прилагаетъ собственноручную «Краткую записку о службѣ сенатора Голенищева-Кутузова», который въ § 4 пишетъ про себя: «составилъ и учредилъ Общество Любителей Словесности, начерталъ ему уставъ, открылъ оное» (*тамъ же*, стр. 360).

Сборникъ стихотвореній въ память 1812 г.

Въ «Запискахъ графа Михаила Дмитріевича Бутурлина», напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*, между прочимъ находятся такія строки: «Была въ то время (т.-е. въ 1813 году) пѣсня очень въ ходу, сочиненія (на сколько помнится мнѣ) Державина: *Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою*, съ припѣвомъ въ каждомъ куплетѣ: *Ай Донцы, молодцы!* Ее мы часто пѣвали въ нашей дѣтской съ горничными дѣвушками, а также и другую: *Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки и кричитъ пардонъ*» (*Русск. Архивъ* 1897 г., кн. 3, стр. 397—398).

Это указаніе на двѣ старинныя «пѣсни» требуетъ существенной поправки и точнаго библиографическаго разъясненія.

Первая изъ названныхъ «пѣсень» не вышла изъ-подъ пера поэта Державина; она написана менѣе даровитымъ стихотворцемъ *Николаемъ Михайловичемъ Шатровымъ* и съ его именемъ, подъ заглавіемъ «Пѣснь Донскому воинству», помещена въ *Сборникѣ стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году* (М. 1814 г., ч. II, стр. 238—241). Для подтвержденія приводимъ въ полномъ видѣ ея первую строфу:

Грянулъ незапно громъ надъ Москвою!
 Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ береговъ,
 Все запылало мщеньемъ, войною
 Противъ враговъ.
 Ай Донцы —
 Молодцы!

Точно такъ же и вторая «пѣсня» съ куплетомъ: *Бонапарту не до пляски* появилась въ названномъ «Собраніи стихотвореній» (ч. II, стр. 230—234) съ такою подписью: «С. Черная слобода». Однако эта подпись уже давно разгадана: она принадлежитъ нѣкому *Ильѣ Михайловичу Коваленскому* (*Историч. Вѣстникъ* 1887 г., кн. 2, стр. 351), который и написалъ упоминаемую «пѣснь», но въ слѣдующей редакціи:

Бонапарту не до пляски,
 Растерялъ свои подвязки,
 Хоть кричать *пардонъ*.

Вообще упомянутое нами *Собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году*, сохраняя на своихъ страницахъ большую вереницу русскихъ поэтическихъ произведеній того времени, теперь представляетъ рѣдкую и во многихъ отношеніяхъ любопытную книгу.

Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражданскую и церковную Россійскую исторію, сочиненный Адамомъ Селліемъ. Переведенъ въ Вологодской семинаріи. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1815.

Съ такимъ заглавіемъ появилась на свѣтъ книжка (8°, 68+2 стр.), отмѣченная въ «Росписи» Смирдина (стр. 191, № 2524), въ трудахъ нашихъ библиографовъ¹⁾ и другихъ изслѣдователей²⁾. Но въ нашей библиотекѣ находится особый, любопытный экземпляръ той же книжки, имѣющей три существенныя отличія.

Прежде всего при нашемъ экземплярѣ уцѣлѣлъ первоначальный заглавный листъ съ обозначеніемъ: «Москва. Въ Типографіи С. Селивановскаго. 1813». Затѣмъ на оборотѣ его, вмѣсто цензурнаго обозначенія: «Книгу сію читаль ординарный профессоръ и кавалеръ Иванъ Двигубскій», находится такая отмѣтка: «По назначенію Цензурнаго Комитета, при Импе-

¹⁾ Напримѣръ: «Литература русской библиографіи», Г. Геннади, Спб. 1858 г., стр. 21, № 35 и «Библиотека Д. В. Ульянинскаго», М. 1912 г., т. I, стр. 126, № 366; М. 1913 г., т. II, стр. 510.

²⁾ См. «Словарь» митроп. Евгенія, Спб. 1827 г., т. II, стр. 104 и «Исторію С.-Петербургской Духовной Академіи», И. Чистовича, Спб. 1857 г., стр. 19 (съ опечаткою въ числѣ страницъ: 38 вмѣсто 68).

раторскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ ординарный профессоръ и кавалеръ Иванъ Двигубскій». Наконецъ, при нашемъ же экземплярѣ оказались первичныя двѣ страницы—23 и 24: на первой изъ нихъ (вторая строка снизу) вмѣсто слова «Богословія» стоитъ: «Богословія», а на другой, взаимнѣ выраженій: «противу сего же представленія сочинилъ и Теофанъ Прокоповичъ отвѣтъ» (десятая строка сверху), читаемъ: «противу сего же представленія сочинилъ и Теофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, защитительное письмо Лютеранской церкви, противу Стефана Яворскаго».

Обозначенныя отличія нашего экземпляра отъ другихъ общеизвѣстныхъ побудили насъ навести справку въ старыхъ дѣлахъ Московской цензуры. «Оказалось, что рукопись «Каталога» поступила въ Цензурный комитетъ 13 августа 1813 года» (*Двадцать четвертый журналъ комитета*, стр. 44) и «22 августа того же года, разсмотрѣнная и одобренная г-мъ профессоромъ Двигубскимъ, пропущена (т.-е. въ печать) г. ректоромъ Геймомъ» (*Двадцать пятый журналъ комитета*, стр. 46 на обор.). Другихъ же свѣдѣній объ интересовавшей насъ книжкѣ тамъ не оказалось, а потому намъ приходится въ заключеніе выразить предположеніе, что «Каталогъ», со всѣмъ отпечатаннымъ въ 1813 году, по какой-то еще невыясненной нами причинѣ не появился на Божій свѣтъ въ томъ же году, а вышелъ въ 1815 году съ перепечатками въ заглавномъ листѣ, а также на 23 и 24 страницѣ. Въ нашихъ же рукахъ оказался первичный опытъ изданія, сохранный кѣ-либо изъ служащихъ въ типографіи Селивановскаго или лицомъ прикосновеннымъ къ Московской цензурѣ.

Ко всему этому мы можемъ присоединить лишь одно любопытное указаніе: по словамъ С. П. Шевырева «Селіевъ каталогъ писателей выдало (т.-е. издало) Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ» (см. «Исторію Импер. Московскаго университета», М. 1855 г., стр. 457).

Первый печатный трудъ о скопцахъ.

Осенью 1819 года, въ Петербургѣ, изъ типографіи Т. Иоаннесова, взглянула на свѣтъ небольшая книжка (въ 8°) съ самымъ краткимъ заголовкомъ: «О скопцахъ». Это былъ первый печатный трудъ, направленный противъ изувѣрнаго сообщества, которое группировалось въ то время вокругъ главы скопческой ереси Кондратія Селиванова, въ домѣ извѣстнаго богача М. Н. Солодовникова. Изданная анонимно, названная книжка была занесена и въ «Роспись» А. Смирдина (стр. 24, №301) безъ разгадки, кто былъ ея истиннымъ авторомъ. Только съ теченіемъ времени открылось, что составителемъ этого безыменнаго сочиненія оказался «видный членъ союза Татаринной» *Мартынъ Степановичъ Урбановичъ-Пилецкій*, о которомъ

наиболѣе полныя свѣдѣнія, какъ и о самой книжкѣ, даны въ «Русскомъ Архивѣ» (1914 г., кн. 12, стр. 494—509).

Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова: Переводъ съ французскаго. СПБ. 1820 г., 8°, 3 + 174 стр.

Названная книга испытала любопытную судьбу. Изданная впервые на французскомъ языкѣ еще въ 1727 году и вторично перепечатанная въ 1790 году, она почти черезъ сто лѣтъ появилась въ русскомъ переводѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ выдержала два изданія и въ продолженіе четырехъ лѣтъ разсылалась на счетъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ по школьнымъ библіотекамъ. По-видимому сначала ничто не возбуждало въ ней особенныхъ сомнѣній: она была разрѣшена къ печатанію по-русски обыкновенною, хотя и «свѣтскою цензурой».

Между тѣмъ въ 1824 году министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишковъ, можетъ быть ознакомленный съ рукописнымъ разборомъ этой книги, вышедшимъ, какъ полагаютъ, изъ-подъ пера нѣкого Степана Смирнова (*Русск. Стар.* 1895 г., кн. 7, стр. 177), или даже съ апологіею архимандрита Фотія (кн. 8, стр. 193—200; кн. 11, стр. 209), препроводилъ русскій переводъ «Воззванія» къ митрополиту Серафиму для разсмотрѣнія, послѣ котораго книга признана вредною и потому 14 мая 1825 г. запрещена для распространенія¹⁾. Вслѣдствіе такого приговора, почти уничтожавшаго книгу, она мало-по-малу сдѣлалась книжною рѣдкостью, обратившею на себя вниманіе русскихъ библіографовъ.

Одинъ изъ нихъ—Г. Н. Геннади дважды касался «Воззванія»: сначала въ своихъ *Книжныхъ рѣдкостяхъ* (СПб. 1872 г., стр. 137—138), а потомъ въ *Справочномъ Словарѣ* (Берлинъ 1876 г., т. I, стр. 165), однако ни разу не пускался въ разслѣдованіе, кто былъ переводчикомъ этой французской книги. Коснулся было этого вопроса Я. Березинъ-Ширяевъ и даже, безъ подтвержденія, назвалъ И. Ястребцова, какъ лицо, переведившее «Воззваніе» (*Россійская Библиографія* 1881 г., № 78, стр. 33—34), но появившаяся скорѣ книжка И. П. Попова (*Историческое извѣстіе о Верхне-Курмоярской станицѣ*, Новочеркасскъ 1886 г.) заключала указаніе на другую личность, якобы посвятившую свое перо на переводъ «Воззванія», а именно на Евлампія Кирилловича Котельникова²⁾.

¹⁾ См. *Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древности* 1868 г., кн. III, стр. 76—77.—*Русск. Архивъ* 1868 г., кн. 9, стр. 1362—1367.—*Христіанское Чтеніе* 1872 г., ч. I, стр. 701.—*Щукинскій Сборникъ*, М. 1903 г., вып. II, стр. 280—281.

²⁾ См. объ этомъ лицѣ: *Русскую Старину* 1871 г., кн. 7, стр. 95—96; 1888 г. кн. 1, стр. 37—41; *Историческій Вѣстникъ* 1887, кн. 5, стр. 476—477; *Русскій Архивъ* 1889 г., кн. 8, стр. 577—578; *Христіанское Чтеніе* 1882 г., кн. 11—12 (статья В. Жмакина).

На такое противорѣчіе совѣзмъ не обратилъ вниманія И. Остроглазовъ, позже всѣхъ писавшій о томъ же «*Воззваніи*» въ своихъ *Книжныхъ рѣдкостяхъ* (*Русскій Архивъ* 1891 г., кн. 8, стр. 454), а потому эта книга до послѣднихъ поръ вызывала сомнѣніе въ истинности того или другого переводчика.

Въ настоящее время намъ приходится указать на два свидѣтельства, окончательно рѣшающія этотъ вопросъ. Въ «Автобіографіи Юрьевского архимандрита Фотія» заключаются такія строки: «Человѣкъ изъ духовнаго рода, изъ человѣкоугодія ли, изъ собственнаго зловѣрія, или яко Иуда, корысти ради и чести временной, служба по Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, имѣя способности порядочныя, любимецъ князя (А. Н.) Голицына, желая приобрѣсть благоволеніе (Р. А.) Кошелева, *Ив. Ястребцовъ* получилъ отъ рукъ Кошелева, нечестиваго и лукаваго въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, придворнаго стараго ласкателя, книгу подъ названіемъ на французскомъ языкѣ: «*Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова*» и перевелъ на Россійскій языкъ»... (*Русская Старина* 1895 г., кн. 2, стр. 194).

Еще болѣе ясніе второе указаніе того же Фотія. «Между прочимъ,—говоритъ онъ,—составилъ Фотій апологію противу книги *Воззваніе о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова*, которую книгу на французскомъ языкѣ, движимъ по духу лукавому, Родіонъ Кошелевъ изъ собственныхъ рукъ вручилъ при князѣ Голицынѣ правителю Коммиссіи духовныхъ училищъ Ивану Ястребцову перевести на русскій языкъ. *Ястребцовъ* перевелъ онѣю, *Кошелевъ*, исправляя, припоровилъ такъ, чтобы она и по своему введенію вновь приданному была явное «воззваніе на революцію» противу церкви Христовой и государства... а Ястребцову, какъ за книгу полезную, князь Голицынъ исходатайствовалъ по смерти пенсіонъ болѣе 3000 руб.» (*Русская Старина* 1895 г., кн. 8, стр. 191).

Такимъ образомъ анонимный и потому возбуждавшій недоумѣнія переводъ книги «*Воззваніе къ человѣкамъ*» несомнѣнно принадлежитъ И. И. Ястребцову (съ предисловіемъ Р. А. Кошелева), а не Е. К. Котельшикову.

Авторъ одной комедіи.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка, сначала въ печати, а затѣмъ на театральній сценѣ, появилась пятиактная комедія въ стихахъ: «*Писатели между собою*» (М. 1827 г., in 8°), какъ «сочиненіе Вас. Головина». Не особенно важная по сюжету и стилю, эта пьеса невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе бібліографа тою путаницею, какаѣ создалась въ нашей литературѣ объ истинномъ авторѣ названной комедіи. Начало этой пута-

нипы положила «Роспись» Смирдина уже въ 1828 году: она, не называя по отчеству Вас. Головина, въ своей «азбучной росписи именъ сочинителей и переводчиковъ», одинаково приписала ему и пьесу «Писатели между собою», и «Разсужденіе о жизни растений» (стр. XIX, №№ 4543 и 7282). Вслѣдъ затѣмъ П. Н. Араповъ, перечисляя въ своемъ «Драматическомъ Альбомѣ» (М. 1850 г.) пьесы, появившіяся на московской сценѣ двадцатыхъ годовъ, сообщилъ, что тогда была поставлена также комедія Василія Михайловича Головина: «Писатели между собою» (стр. LXXVII). Наконецъ Г. Н. Геннади (*Словарь*, т. I, стр. 239), а за нимъ и С. А. Венгеровъ (*Источники Словаря*, т. II, стр. 21), безъ долгаго разслѣдованія, отнесли названную комедію къ трудамъ Василія Павловича Головина.

Въ дѣйствительности же, по нашимъ изысканіямъ, оказалось, что пьеса «Писатели между собою» несомнѣнно принадлежитъ перу *Василія Ивановича Головина*, поэта (а не естественника) и сотрудника журналовъ 20-хъ годовъ—«Вѣстника Европы», «Дамскаго Журнала» и «Мнемозины». Такое наше открытіе основывается, прежде всего, на протоколѣ 81-го засѣданія Общества Любителей Россійской Словесности отъ 7 сентября 1827 года; тамъ говорится: «§ 10. Доставлена, чрезъ г. Дѣйств. Члена М. Н. Макарова, комедія въ стихахъ и въ 5 дѣйствіяхъ *Писатели между собою*, подаренная Обществу сочинителемъ оной Василіемъ Ивановичемъ Головинымъ». (*Труды* О. Л. Р. С., М. 1828 г., ч. VII, кн. XXI, стр. 206). Съ другой стороны, тотъ же М. Н. Макаровъ повторилъ подобное указаніе на автора пьесы въ своей статьѣ, напечатанной въ *Репертуаръ и Пантеонъ* (1846 г., т. XIV, кн. 6, стр. 482—494).

Переводчикъ сочиненій Шлегеля.

Въ числѣ трудовъ Фридриха Шлегеля особенно были извѣстны лекціи, читанныя имъ въ Вѣнѣ въ 1812 году и затѣмъ нѣсколько разъ изданныя на нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Geschichte des alten und neuen Literatur*. Эти лекціи привлекли къ себѣ вниманіе и въ Россіи: онѣ были переведены на русскій языкъ «со втораго изданія, исправленнаго и умноженнаго» (1822 г.) и вышли подъ тѣмъ же заглавіемъ—*Исторія древней и новой литературы* (Сиб. часть первая 1829 года, часть вторая 1830 года).

Русскій переводъ Шлегелевскихъ лекцій очень скоро былъ распроданъ и уже давно причисленъ къ «книжнымъ рѣдкостямъ». Поэтому нѣкоторые наши библіографы, можетъ быть заимствуя свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, сообщили неточныя указанія о времени выхода названной книги: напримеръ, Геннади указываетъ *1834 годъ*¹⁾, а Межовъ называетъ даже *1835 годъ*²⁾.

¹⁾ *Словарь* Геннади, Берлинъ 1880 г., т. II, стр. 155.

²⁾ *Каталогъ* Межова, Спб. 1869 г., стр. 672.

Но для насъ наиболѣе интересны не промахи или опечатки библиографовъ: любопытна личность переводчика. Подъ большимъ «посвященіемъ Александру Михайловичу Языкову», которымъ открывался переводъ *Исторіи древней и новой литературы*, видѣлись только два инициала—В. К. Эти двѣ буквы, по литературному преданію, обозначали *Василія Комовскаго*³⁾, что и было принято на вѣру всѣми библиографами.

Между тѣмъ, просматривая старые журналы, мы нашли вѣское подтвержденіе, появившееся еще при жизни переводчика; такъ, въ *Московскомъ Наблюдателѣ* 1835 года М. П. Погодинъ писалъ: «Комовской (sic), подарившій насъ *Исторією литературы Шлегеля*, трудится надъ *Курсомъ о драматическомъ искусствѣ Шлегеля*⁴⁾».

Такимъ образомъ приводимое нами свѣдѣніе прямо указываетъ на истиннаго переводчика Шлегелевскихъ лекцій.

«Медицина безъ лѣкарства.»

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, жившій въ Херсонской губерніи «широко образованный врачъ», докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Шпиръ написалъ оригинальное и любопытное сочиненіе, по словамъ М. М. Попова, подъ названіемъ: «Мысли и правила сохранять здоровье и возстановлять потерянное безъ медицинскихъ пособій» (см. *Русск. Стар.* 1896 г., кн. VI, стр. 597—598), а по указанію другого источника—подъ заглавіемъ: «О достовѣрности въ медицинѣ» (см. *Энциклоп. Словарь Брокгауза*, Спб. 1903 г., т. XXXIX, стр. 837).

Въ этомъ своемъ трудѣ Шпиръ доказывалъ, что «исключая хирургическихъ средствъ, необходимыхъ въ случаѣ раздробленія костей, поврежденія членовъ и теченія крови, всѣ прочія пособія медицины ни къ чему не служатъ». По мнѣнію его, «всякая болѣзнь рано или поздно, прекращается сама собою: если иногда больной выздоравливаетъ при медицинскихъ средствахъ, то онъ выздоровѣлъ бы и безъ этихъ средствъ; если иные, не пользовавшіеся у врачей, умираютъ, то они умерли бы и при всѣхъ возможныхъ пособіяхъ медика. Всякій больной, не прибѣгая къ бесполезнымъ медицинскимъ средствамъ, долженъ ожидать, что болѣзнь его, если она не ведетъ къ смерти, пройдетъ сама собою. Поэтому Шпиръ полагалъ совершенно уничтожить медицинскія академіи, медиковъ и аптеки».

³⁾ Это—Василій Дмитриевичъ Комовскій, долгое время служившій директоромъ канцеляріи Министерства Народнаго Просвѣщенія и умершій въ 1851 году.

⁴⁾ *Московскій Наблюдатель* 1835 г., ч. I, мартъ, кн. 2, стр. 447.

Послѣ такого категорическаго отрицанія медицинскихъ пособій «всѣ правила, по системѣ Шпира, обращены на сохраненіе здоровья людей, которые должны жить такъ, чтобы не быть больными и не имѣть надобности въ лѣкарствахъ». Главныя правила его: «избѣгать сырыхъ помѣщеній, наблюдать умѣренность въ пищѣ, правильность въ снѣ, особенно же имѣть какъ можно больше движенія».

Мысли свои Шпиръ подкрѣплялъ не учеными доводами, но анекдотами и выписками изъ разныхъ писателей, даже изъ стихотворцевъ и романистовъ. Все, что было сказано ими острога и смѣшного на счетъ медиковъ, у Шпира все идетъ въ опроверженіе медицины.

Такой «рѣдкостный врачъ», по словамъ М. М. Попова, «еще въ 1832 году представлялъ свое сочиненіе Государю Императору. Оно было разсмотрѣно и въ Медицинскомъ совѣтѣ, который отозвался, что это сочиненіе противно ученію всѣхъ временъ въ медицинѣ и не можетъ быть допущено ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ».

Тѣмъ не менѣе «Шпиръ желалъ напечатать свое сочиненіе; сначала цензоръ отказалъ, но, по настоянію автора, съ разрѣшенія Цензурнаго Комитета, книга была напечатана въ Москвѣ. Медицинскій совѣтъ, какъ только узналъ объ этомъ, тотчасъ запретилъ книгу и изъялъ ее изъ обращенія»...

Вотъ почему сочиненіе А. А. Шпира скоро сдѣлалось библиографическою рѣдкостію, даже почти не попадающеюся въ антикварныхъ каталогахъ.

Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, отъ Тарутинскаго сраженія до Кульмскаго боя. Спб. 1834 г.; двѣ части, 158+IV и 130 стр.

Книга съ такимъ заглавіемъ, напечатанная анонимно и также безъ имени автора занесенная въ каталоги (напримѣръ, см. *Резстръ* Ольхина, № 1710 и *Каталогъ книгъ Чертковской Библиотеки*, № 289), несомнѣнно принадлежала подполковнику Василю Сергѣевичу Норову, позже декабристу. Объ этомъ сравнительно недавно появилось точное указаніе біографа В. С. Норова—г. Поливанова. «Въ свободное время отъ крѣпостныхъ работъ,—говоритъ онъ,—Норовъ до вечерней зари могъ читать и заниматься чѣмъ угодно. Къ 1829 году относится его работа по приведенію въ порядокъ *Записокъ о походѣ (sic) 1812—1813 годовъ*, которыя и были изданы; но имя автора было не дозволено помѣстить на изданіи» (*Русскій Архивъ* 1900 г., кн. 2, стр. 285). Гражданскимъ положеніемъ В. С. Норова, во время печатанія его труда, и объясняется анонимность названной книги. Самъ авторъ очень интересовался печатаніемъ своихъ *Записокъ*, какъ видно изъ его писемъ къ сестрамъ (*тамъ же*, стр. 290 и 291).

Авторъ «Дворянскихъ выборовъ».

Въ недавно изданномъ «*Полномъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго*» (Спб. 1900 г., т. I, стр. 328 и 429) упомянуто сочиненіе «Дворянскіе выборы» съ такимъ примѣчаніемъ издателя: «это—анонимная и теперь совершенно неизвѣстная комедія».

Такое «объясненіе» нельзя считать вполнѣ правильнымъ.

Прежде всего, сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, едва ли можно называть «теперь совершенно неизвѣстнымъ»: оно знакомо русскимъ библиографамъ и собирателямъ старинныхъ изданій. Такъ, въ нашей библиотекѣ находится небольшая книжка, занимающая въ себѣ названное произведеніе, подъ такимъ заглавіемъ: *Дворянскіе выборы, характеристическая картина въ 4-хъ главахъ. Соч. А... Ч...* (М. 1834 г., 28 стр.).

Изъ приведеннаго заглавія также видно, что *Дворянскіе выборы* вышли не вполнѣ «анонимно», а съ инициалами автора, которые нетрудно разгадать: это—*А. Чуровскій*, сочиненія котораго перечислены въ *Систематическомъ Реестрѣ русскихъ книгъ* Ольхина (№№4530, 4794, 4973 и 6547).

Наконецъ, едва ли справедливо называть *Дворянскіе выборы* «комедією» въ полномъ смыслѣ: это—скорѣе «сатирическій рассказъ въ стихахъ», причѣмъ только въ третьей «главѣ» находится діалогъ барыни съ портнихой.

Рѣдкій словарь.

Въ первой половинѣ 1836 года, съ дозволенія «Санктпетербургскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ», за подписью цензора архимандрита Макарія (13 мая того же года), вышло любопытное анонимное изданіе, подъ заглавіемъ: «Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ» (Спб. 1836 г., VIII+16+303 стр.). Скоро по своемъ появленіи въ свѣтъ эта книга вызвала сочувственный отзывъ нашего великаго поэта (см. *Современникъ* 1836 г., т. III и *Сочиненія Пушкина*, изданіе третье, подъ редакціей П. А. Ефремова, Спб. 1881 г., т. V, стр. 423—426), а спустя четверть вѣка появилась во второмъ изданіи (Спб. 1862 г.) и точно также получила благопріятную оцѣнку (см. *Странникъ* 1864 г., т. I, январь, отд. III, стр. 1—4).

Сравнительно недавно анонимность «Словаря», замѣчавшаяся и въ «Реестрѣ» Ольхина (Спб. 1846 г., №844), и въ «Систематическомъ ката-

логъ» Межова (Спб. 1869 г., № 476), была раскрыта, и названное изданіе оказалось коллективнымъ трудомъ двухъ авторовъ: кн. Д. А. Эристова и Яковлева, прежде воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея, а въ годъ работы надъ «Словаремъ»—служившихъ во II-мъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (см. *Русскій Архивъ* 1904 г., кн. 12, стр. 498). Почти такое же указаніе на одного изъ авторовъ разсматриваемой книги приведено и въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза (Спб, 1904 г., т. XLI, стр. 28), но ея первое изданіе почему-то ошибочно отнесено къ 1842 году, а самъ авторъ—кн. Эристовъ именуется «Алексѣевичемъ», тогда какъ по спискамъ Лицея онъ назывался по отцу «Александровичемъ» (см. «Памятную книжку Импер. Александровскаго Лицея» на 1886 годъ, приложение, стр. 41).

Хронологическое начертаніе дѣяній блаженной памяти государыни императрицы Маріи Феодоровны въ пользу состоявшихъ подъ высочайшимъ ея покровительствомъ заведеній. Спб. 1836 г., 74 стр.

На заглавномъ листѣ этой рѣдкой брошюры нѣтъ имени автора; но на послѣдней страницѣ ея виднѣются инициалы составителя—«Г. В.» и хронологическая дата: «22 іюля 1829». Немногіе могли достовѣрно знать, кому принадлежитъ составленіе брошюры: напримѣръ, даже библіографъ В. И. Межовъ безъ разгадыванія автора назвалъ ее въ своей «Русской исторической библіографіи» (Спб. 1892 г., т. I, стр. 237, № 4833). Между тѣмъ, еще съ 1870 года, «Записки Григорія Ивановича Вилламова», напечатанныя въ «Вѣстникѣ Благотворительности» (1870 г., № 1), ясно раскрыли, что авторъ «Записокъ» былъ составителемъ выше названной брошюры, изданной «въ маломъ числѣ» экземпляровъ. Съ тѣхъ поръ этимъ указаніемъ воспользовались: Г. Н. Геннадіи (*Словарь* т. I, стр. 153), И. М. Остроглазовъ (*Книжныя рѣдкости*, стр. 267) и «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза (т. VI, стр. 334). Но еще ни однимъ библіографомъ не отмѣчено, что названная брошюра вторично напечатана на средства гр. Н. А. Протасова-Бахметева (Спб. 1897 г.), а также не указано, что тому же Г. И. Вилламову, кромѣ «Начертанія», принадлежалъ «Проектъ о закрытіи воспитательныхъ домовъ въ Россіи» (1804 г.), впервые появившійся въ печати на страницахъ «Русскаго Вѣстника» (1890 г., кн. 9, стр. 341—349).

Путевыя записки отъ Москвы до С.-Петербурга одного англичанина въ царствованіе Екатерины II, заключающія въ себѣ весьма любопытныя историческія свѣдѣнія, относящіяся къ Россіи въ XVIII столѣтіи. Переводъ съ французскаго, М. 1837 г., въ типографіи И. Смирнова, 12°, 64+III стр. Съ эниграфомъ изъ стиховъ Державина: «мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ».

Эта небольшая книжка, пропущенная во многихъ каталогахъ, не записанная даже въ «Справочный словарь» Геннадіи, отмѣчена въ «Системати-

ческомъ реэстрѣ» М. Д. Ольхина (Спб. 1846 г., стр. 98—99, № 2331), но безъ указанія имени и фамиліи автора, котораго переводчикъ скрылъ подъ общимъ выраженіемъ—«одного англичанина». Между тѣмъ авторъ названной книжки давно былъ извѣстенъ образованнымъ русскимъ читателямъ, знакомымъ съ иностранными языками: это—англійскій путешественникъ и историкъ Вильямъ Коксъ, издавшій, вмѣстѣ съ многими другими сочиненіями, свой любопытный трудъ: «Travels in Poland, Russia, Sweden and Danemark» (Лондонъ 1784—1790 гг., три тома). Изъ этого обширнаго произведенія, позже появившагося на французскомъ языкѣ, русскій переводчикъ заимствовалъ лишь небольшой отрывокъ, посвященный Коксомъ описаніямъ Твери, Торжка, Вышняго Волочка, Валдая, Новгорода, наконецъ Петербурга, и передалъ по-русски съ немногими собственными примѣчаніями (см., напр., стр. 47).

Черезъ сорокъ лѣтъ тотъ же «Отрывокъ» вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими страницами изъ названнаго труда Кокса перевела съ англійскаго Н. А. Бѣлозерская и свою работу помѣстила въ *Русской Старинѣ* (1877 г., кн. 2, стр. 309—324 и кн. 5, стр. 23—52). Наконецъ, спустя еще тридцать лѣтъ, девять главъ изъ названнаго выше сочиненія англійскаго путешественника (включая и «Отрывокъ», переведенный и изданный въ 1837 году) появился въ новой русской передачѣ В. В. Тимошукъ на страницахъ той же *Русской Старины* (1907 г., кн. 8, стр. 291—307; кн. 9, стр. 617—642; кн. 10, стр. 175—202 и кн. 12, стр. 663—675).

Сказаніе о житіи, обрѣтеніи и открытіи честныхъ мощей св. Митрофана. М. 1838 г.

Эта книга, какъ и большая часть «сказаній о святыхъ», принадлежит къ числу «любопытныхъ» анонимныхъ изданій: ни въ ней самой, ни въ книжныхъ росписяхъ, не указано имя ея составителя; такъ, *Каталогъ книгопродавца А. Смирдина (сына) и К^о* (Спб. 1858 г., стр. 15) и *Систематическій Каталогъ русскимъ книгамъ*, В. И. Межова (Спб. 1869 г., стр. 27) упоминаютъ о ней, какъ о безыменной книгѣ.

Между тѣмъ, по новымъ точнымъ свѣдѣніямъ открывається какъ имя составителя «Сказанія», такъ и самая исторія его изданія.

7 августа 1832 года совершилось въ Воронежѣ торжественное открытіе мощей епископа Митрофана. Это событіе побудило заняться собраніемъ свѣдѣній о жизни новоявленнаго святителя. Особенно усердно надъ такимъ дѣломъ потрудился учитель Воронежской гимназіи *Николай Михайловичъ Севастьяновъ*: онъ, при помощи ректора Воронежской духовной семинаріи, архимандрита Иннокентія, собралъ матеріалы для житія св.

угодника. Между тѣмъ тогдашній Воронежскій епископъ Антоній¹⁾ по желалъ поручить такой важный трудъ духовному лицу—іеромонаху *Аникитѣ* (въ мѣрѣ князь *Сергей Александровичъ Ширинскій—Шихматовъ*)²⁾, который въ 1834 году проѣзжалъ черезъ Воронежъ, направляясь въ Палестину. «Предполагая совершить подлежащій мнѣ путь въ Святый Градъ—пишетъ о. Аникита³⁾—предполагалъ я пробывать въ Воронежѣ не болѣе пяти дней; но Угодникъ Божій расположилъ иначе... Вскорѣ по прїѣздѣ моемъ добрый пастырь Воронежскія церкви просилъ меня взять послушаніе на себя богоугоднѣйшее, а именно—написать вновь житіе св. Угодника Митрофана съ написаннаго уже гѣкіимъ истиннымъ рабомъ Божиимъ, учителемъ гимназіи Ник. Мих. Севастьяновымъ, собравшимъ и всѣ нужныя къ тому бумаги. Зная свою немощь, утрашился я предложенія архипастырскаго; но твердую имѣя на чудотворца вѣру и, въ лицѣ святителя Антонія, видя его самого, призывающаго меня къ благодати неизреченной слабымъ моимъ словомъ коснуться великой славы Угодника Божія, и уповая на молитвы архіерея Божія, изъявилъ я ему готовность къ исполненію воли его, прося его святыхъ молитвъ въ помощь». Іеромонахъ Аникита скоро выполнилъ «послушаніе». «Приступилъ я,—сообщаетъ онъ,—къ самому дѣлу 6 іюля и началъ трудиться ревностно, посвящая труду все свободное отъ общественныхъ во храмѣ молитвъ время... Продолжая трудъ свой, 12-го числа, при чудной, непонятной помощи Угодника, привелъ я оный къ концу, а къ 15-му рукопись моя была уже переписана... 15-го числа читалъ я трудъ свой святителю Божію (Антонію) и удостоился его одобренія и искреннѣйшей благодарности». (*Христіанское Чтеніе* 1891 г., ч. I, январь—февраль, стр. 94).

Вслѣдъ затѣмъ епископъ Антоній представилъ въ рукописи трудъ іеромонаха Аникиты на разсмотрѣніе Св. Синода, но только въ маѣ 1837 года получилъ разрѣшеніе напечатать его въ Московской Синодальной или въ Кіевской типографіи. «Избравъ,—пишетъ онъ⁴⁾—по удобности первую изъ нихъ и признавъ притомъ приличнымъ и даже нужнымъ издать жизнеописаніе Угодника съ его изображеніемъ, я препроводилъ рукопись для

¹⁾ См. о немъ книгу Н. М. Севастьянова: *Жизнь Преосвященнаго Антонія* (Спб. 1852 г., IV+270+VII съ портретомъ) и брошюру протоіерея М. І. Некрасова (нынѣ—архимандрита Лаврентія): *Преосвященный Антоній, архіепископъ Воронежскій и Задонскій* (Воронежъ 1890 г., 120 стр.).

²⁾ Свѣдѣнія о немъ: *Одесскій Вѣстникъ* 1837 г., № 65, стр. 787—795; *Труды Императорской Россійской Академіи* 1840 г., ч. 2; *О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты* (Спб. 1853 г.); *Сѣверная Пчела* 1856 г., № 84; *Домашняя Бесѣда* 1859 г., № 2, стр. 11—16; *Душеполезное Чтеніе* 1869 г., кн. 4, стр. 94—111.

³⁾ См. «*Путешествіе іеромонаха Аникиты по святымъ мѣстамъ Востока въ 1834—1836 годахъ*» въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1891 г., ч. I, январь—февраль, стр. 93.

⁴⁾ *Русскій Архивъ* 1894 г., кн. 6, стр. 210. См. также «Матеріалы для жизнеописанія св. Митрофана», св. С. Звѣрева.

печатанія къ директору Московской (Синодальной) Типографіи г. Островскому и вмѣстѣ просилъ его поручить лучшему тамошнему граверу вырѣзать на мѣди изображеніе Святителя, по посланному при томъ живописному оригиналу. Г. Островскій прислалъ оттискъ такового изображенія, но какъ въ немъ не найдено мною ни той чистоты, ни правильности, которыми отличаются произведенія сего рода лучшихъ художниковъ, то я вторично просилъ его отыскать для того самаго лучшаго гравера и, въ случаѣ недостатка въ Москвѣ таковыхъ художниковъ, узнать черезъ кого-либо въ С.-Петербургѣ, не возьмется ли кто изъ извѣстныхъ нашихъ академиковъ выгравировать на мѣди же изображеніе святителя Митрофана и увѣдомить меня, что это будетъ стоить. На сіе г. Островскій отозвался, что въ Москвѣ дѣйствительно нѣтъ мастера, который бы могъ выгравировать лучше; что же касается до сношенія его по сему предмету съ кѣмъ либо въ С.-Петербургѣ, то онъ не находитъ къ тому случая, ибо не имѣетъ тамъ такихъ знакомыхъ, коимъ можно было бы съ довѣренностію поручить сіе дѣло.

При такихъ обстоятельствахъ, епископъ Антоній обратился къ Андрею Николаевичу Муравьеву и черезъ его посредство поручилъ извѣстному граверу Николаю Ивановичу Уткину «вырѣзать на мѣди» и «отпечатать на бумагѣ» 3600 экземпляровъ изображенія Святителя¹⁾. Художникъ исполнилъ заказъ по частямъ: первая тысяча экземпляровъ была готова только въ июнь 1839 года и отправлена въ Московскую Синодальную Типографію для присоединенія уже къ напечатанной книжкѣ; вторая тысяча была приготовлена къ августу того же года, остальные же 1600 экземпляровъ исполнены къ концу года.

Такимъ образомъ, изъ представленныхъ свѣдѣній видно, что «*Сказаніе о житіи, обрѣтеніи и открытіи честныхъ мощей св. Митрофана*»—трудъ іеромонаха Аникиты, а изображеніе Святителя, приложенное къ книгѣ,—работа гравера Уткина.

Литературный кабинетъ, М. 1842 г., 122+79 стр.

Названная книжка, изданная въ видѣ альманаха, уже давно считается библиографическою рѣдкостью (см. *Историческій Вѣстникъ* 1896 г., кн. X, стр. 106). Можетъ быть по этой причинѣ она и не нашла въ библиографической литературѣ *точного* и *полнаго* описанія. Въ самомъ дѣлѣ, *Словарь* Брокгауза (т. XVII, стр. 796) почему-то считаетъ ее, какъ «труды артиста Императорскихъ Московскихъ театровъ», т.-е. собраніемъ

¹⁾ См. «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Д. А. Ровинскаго въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», Спб. 1873 г., т. X, стр. 88.

произведеній одного лица—А. П. Славина. Въ свою очередь *Переключна альманахамъ* графа Е. Путятнина (Новая Ушица 1893 г., стр. 39) перечисляетъ цѣлый рядъ сотрудниковъ, которые дѣйствительно переименованы на заглавномъ листѣ этого альманаха, но съ такими опечатками, въ инициалахъ и фамиліяхъ, что подобное «перечисленіе» приходится считать скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ для знакомства съ *Литературнымъ кабинетомъ*.

Вотъ почему мы даемъ слѣдующее самое полное и точное указаніе лицъ, участвовавшихъ въ этомъ альманахѣ: съ одной стороны—артисты Императорскихъ Московскихъ театровъ: П. С. Мочаловъ (четыре стихотворенія), Д. Т. Ленскій, А. П. Славинъ, С. П. Соловьевъ и Н. Г. Цыгановъ (два стихотворенія и двѣ пѣсни), съ другой—произведенія не-артистовъ: Н. В. Беклемишева, Иеронима Южнаго (псевдонимъ *Меркли*), П. А. Шестова, И. И. Вапенко, Г. П. Проволамскаго, А. П. Сумарокова (интересное доношеніе Императрицѣ Екатерины II), А. Н. П—ше, Г. Глѣрьоза, Г. П. Протопопова, А. П. Мартовича (псевдонимъ), Н. Ивалса, Элизы * * *, Р. К. Каули, Г. Румянцева, Г. А. С...ча (Сербиновича), Г.....ни, А. П. Б. р. к. ва, П. Смирнова, Софы В.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что среди «подписавшихся на книгу *Литературный кабинетъ*» числится (на стр. 78) А. Н. Островскій, позже извѣстный драматургъ; во время выхода этой книги ему шелъ девятнадцатый годъ.

Нѣкоторыя великія и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ, заимствованныя изъ разныхъ древнихъ и новѣйшихъ писателей и приведенныя въ систему кандидатомъ философіи П. Ремизовымъ.

Спб. 1843 г., 24°, 32 стр. Цѣна 25 к.

Эта изящно изданная книжка, сокращенно указанная въ «Реестрѣ М. Д. Ольхина» (Спб. 1846 г., стр. 177, № 3715) и въ «Каталогѣ В. И. Межова» (Спб. 1869 г., стр. 632, № 9082), а также въ «Словарѣ Брокгауза» (Спб. 1896 г., т. XVII, стр. 8), въ дѣйствительности принадлежала перу друга Бѣлинскаго, М. Т. Кульчицкаго, какъ о томъ впервые указалъ К. Д. Кавелинъ (см. книгу А. Пыпина: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», Спб. 1876 г., т. II, стр. 205—208). Вслѣдствіе большой рѣдкости и любопытнаго содержанія названная книжка была перепечатана въ *Русской Старинѣ* (1908 г., кн. 4; стр. 197—210) съ небольшими свѣдѣніями объ авторѣ этого «литературнаго курьеза».

«Отецъ Василій»—разсказъ М. Н. Загоскина.

Съ этимъ разсказомъ нашего историческаго романиста связана любопытная судьба.

Небольшой рассказ, посвященный «доброму деревенскому священнику», был помещен впервые на страницах сборника «Сельское Чтеніе» (1843 г., кн. 1), издававшегося князем В. О. Одоевским и А. П. Заблоцким-Десятовским¹⁾. Затѣмъ, спустя сорокъ три года, тотъ же рассказъ былъ напечатанъ въ брошюрѣ А. В. Селиванова: «Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго Е. Н. Муромцовой въ с. Баловневѣ, Данковскаго уѣзда» (Рязань 1886 г., вып. IV, 16 стр.),—въ брошюрѣ, вышедшей только въ десяти экземплярахъ. Наконецъ, въ виду пятидесятилѣтія со дня смерти Загоскина, А. В. Смирновъ перепечаталъ то же произведеніе писателя съ изданія А. В. Селиванова во *Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (1902 г., № 27) и затѣмъ отпечаталъ 25 отдѣльныхъ оттисковъ подъ заглавіемъ: «М. Н. Загоскинъ и его посмертный рассказъ «Отецъ. Василій» (Владимиръ 1902 г., 29 стр.).

Какъ г. Селивановъ, такъ и г. Смирновъ, очевидно, не зная о появленіи названнаго рассказа еще при жизни Загоскина въ «Сельскомъ Чтеніи», думали, что это произведеніе впервые выходитъ въ свѣтъ изъ ихъ рукъ послѣ смерти автора. Между тѣмъ существуетъ письмо М. Н. Загоскина (отъ 13 февраля 1843 года), которое даетъ любопытное дополненіе къ исторіи перваго появленія рассказа въ печати. «Я,—пишетъ онъ къ кн. Одоевскому,—имѣлъ уже несчастіе быть въ рукахъ у духовной цензуры; слѣдовательно, нимало не дивлюсь, что она хотѣла или не пропустить, или по крайней мѣрѣ коверкать по-своему мою статью и сдѣлать изъ нея какую-то проповѣдь: по крайней мѣрѣ вступленіе очень походить на проповѣдь»... (*Русская Старина* 1904 г., кн. 8, стр. 415). Дѣйствительно, по требованію духовной цензуры, передъ рассказомъ «Отецъ Василій» было помещено небольшое предисловіе, въ которомъ указывалась важность священническаго сана (см. *Сельское Чтеніе* 1843 г., кн. I, стр. 631).

«Продѣлки на Кавказѣ».

Къ числу такъ называемыхъ «книжныхъ рѣдкостей» уже давно причисляется одно «любопытное» изданіе, вышедшее подъ такимъ заманчивымъ заглавіемъ: «Продѣлки на Кавказѣ», сочиненіе Е. Хамарь-Дабанова (Спб., 1844 г., двѣ части, въ 12^о, 280+189 стр.). Несмотря на свое давнее появленіе изъ-подъ печатнаго станка, названная книга и до настоящей поры является какою-то странною загадкою среди другихъ произведеній нашей литературы.

Прежде всего интересна исторія появленія этого оригинальнаго труда.

¹⁾ Объ этомъ послѣднемъ лицѣ см. нашъ «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», М. 1903 г., вып. I, стр. 26—27.

Въ «Библиотекѣ для Чтенія» (1842 г., т. LIV, кн. 10, отд. I) появились рядомъ два беллетристическія произведенія: «Закубанскій Харамзадѣ»—черкесскій разбойникъ (стр. 117—160) за подписью «Е. Хамарь-Дабанова» и «Мамзель Бабеттъ» (стр. 161—192) съ подлинною фамиліей и именемъ автора—Сергѣя Побѣдоносцева¹⁾. Редакція журнала сочла необходимымъ сдѣлать подъ ними слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Двѣ статьи—*Закубанскій Харамзадѣ* и *Мамзель Бабеттъ* заслуживаютъ особеннаго вниманія читателей тѣмъ, что это—два отрывка двухъ большихъ сочиненій и въ то же время два предвѣстника двухъ новыхъ, весьма примѣчательныхъ талантовъ, которыми должна обогатиться наша словесность. *Закубанскій Харамзадѣ* принадлежитъ перу одной даровитой русской дамы, которой первый трудъ былъ нѣкогда помѣщенъ въ *Библиотекѣ для Чтенія* и заслужилъ одобреніе читателей. Эта занимательная и разнообразная картина особенныхъ нравовъ, необыкновенныхъ характеровъ и чудныхъ происшествій, освѣщенная лучомъ тонкаго, пронизательнаго взгляда умной женщины, общааетъ намъ чрезвычайно интересный романъ, который вскорѣ явится въ свѣтъ подъ заглавіемъ *Кавказскія продѣлки* и въ которомъ *Закубанскій Харамзадѣ* составляетъ одинъ изъ эпизодовъ» (стр. 192). На эту же литературную работу «даровитой русской дамы» обратилъ вниманіе и критикъ В. Г. Бѣлинскій. Въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1842 годъ онъ отмѣтилъ: «*Закубанскій Харамзадѣ*—отрывокъ изъ романа псевдонима Хамарь-Дабанова, не лишенный нѣкотораго интереса»²⁾.

Несмотря на извѣщеніе *Библиотеки для Чтенія* о скоромъ выходѣ «цѣлаго романа», только черезъ полтора года, именно 18 марта 1844 года, московскій цензоръ Никита Ивановичъ Крыловъ (состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнымъ профессоромъ римскаго права и деканомъ юридическаго факультета при Московскомъ университетѣ) «позволилъ печатать» сочиненіе Е. Хамарь-Дабанова, подъ заглавіемъ: «Продѣлки на Кавказѣ»; въ этомъ произведеніи указанный отрывокъ «Закубанской Карамзада» (sic!) дѣйствительно появился, какъ седьмая глава первой части (стр. 173—250), но со многими добавками противъ журнальнаго текста, которыя вмѣстѣ съ другими довольно смѣлыми строками скоро навлекли административную грозу на цѣлый романъ и на цензора, одобрявшаго это произведеніе къ напечатанію.

«Въ маѣ (вѣрнѣе—въ мартѣ) 1844 г.,—повѣствуетъ новѣйшій историкъ³⁾,—вышла книга «*Продѣлка (?) на Кавказѣ*», пропущенная цензоромъ Крыловымъ. Въ ней описывались безпорядки Кавказскаго управленія. Поднялась тревога. Военный министръ прочелъ книгу и пришелъ въ ужасъ.

¹⁾ Объ этомъ писателѣ см. *Библиографическія Записки* 1892 г., № 8, стр. 574.

²⁾ Сочиненіе В. Г. Бѣлинскаго, М. 1874 г., ч. VII, стр. 52.

³⁾ Л. Шишко, *Рассказы изъ Русской исторіи*, Спб. 1906 г., ч. III, стр. 13.

«Книга эта тѣмъ болѣе вредна,—говорилъ онъ помощнику шефа жандармовъ, генералу Дубельту,—что въ ней, что ни строчка, то правда». Эта вредная книга была немедленно уничтожена»...

Съ болѣе интересными подробностями о томъ же вспомнить одинъ современникъ, жившій тогда въ Варшавѣ. «Въ Петербургѣ,—говоритъ онъ,—напечатана была книга подъ названіемъ *«Продѣлки на Кавказѣ»*. Незвѣстный авторъ описываетъ въ ней безпорядки и частію злоупотребленія. По выходѣ ея, вскорѣ она конфискована, но здѣшній книгопродавецъ Истоминонъ прежде конфискаціи успѣлъ получить 10 экземпляровъ и распродать. Фельдмаршалъ (т.-е. Паскевичъ) читалъ ее и сказалъ, что не стоило книгу конфисковать. Проѣзжавшій черезъ Варшаву тайный совѣтникъ Норовъ объявилъ, что книга написана племянницею кавказскаго помѣщика Реброва, бывшаго тамъ у Ермолова директоромъ канцеляріи; что эта книга возбудила вниманіе и императора, который, прочитавъ ее, сказалъ военному министру Чернышеву: «Мы ничего не знаемъ о Кавказѣ, а эта дама открываетъ намъ глаза». Но всего замѣчательнѣе то, что по одному экземпляру книги было препровождено отъ Чернышева Головину и Коцебу,—къ лицамъ, въ книгѣ выставленнымъ...»¹⁾

Что же касается цензора Н. И. Крылова, то министр Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ (которому тогда была подвѣдомственна цензура), «находя, что сочиненіе Хамаръ-Дабанова наполнено изображеніями, представляющими въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ дѣйствія начальственныхъ лицъ на Кавказѣ, и заключаетъ въ себѣ подробности частной и служебной жизни, которыя не должны быть передаваемы читающей публикѣ», потребовалъ отъ Крылова объясненія. Но послѣднему не привелось дать письменнаго оправданія: онъ былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ начальникомъ III отдѣленія, при чемъ въ видѣ особой милости, по ходатайству попечителя Московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строганова и самого министра Народнаго Просвѣщенія, а въ особенности «принимая во вниманіе родильное состояніе жены Крылова», послѣднему было дозволено «пріѣхать не подъ присмотромъ»... Наконецъ, въ іюлѣ того же 1844 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобъ Н. И. Крылова, за одобреніе къ напечатанію книги *«Продѣлки на Кавказѣ»*, отставить отъ должности цензора и, сверхъ того, въ примѣръ другимъ, по состоянію его профессоромъ и деканомъ при Московскомъ университетѣ, арестовать при университетѣ на восемь дней...»²⁾

¹⁾ «Воспоминанія генераль-маіора Вас. Абрам. Докудовскаго», Рязань 1897 г., стр. 90. См. также «Кавказскіе этюды», изслѣдованія и замѣтки С. Г. Вейденбаума, Тифлисъ 1901 г.

²⁾ См. *Русскую Старину* 1903 г., кн. 5, стр. 390—391, гдѣ неправильно названа фамилія «Логинова» вмѣсто «Лачиновой».

Вслѣдствіе конфискаціи книги, только нѣсколько экземпляровъ ея уцѣлѣли отъ уничтоженія и сдѣлались такъ называемыми «книжными рѣдкостями». На нихъ уже обратили вниманіе нѣкоторые наши библиографы, какъ, напримѣръ: Геннади (*Книжныя рѣдкости*, стр. 114, № 185), Березинъ-Ширяевъ (1876 г., кн. 10, стр. 164) и Остроглазовъ (М. 1892 г., стр. 233—234). Въ довершеніе всего, эта рѣдкая книга была переведена на пѣмецкій языкъ и появилась за границею подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Namar-Dabanow, Moskowiter und Tcherkessen» (Leipzig, 1846. 2 vol). Экземпляръ такого изданія сохранился въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ.

Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія и на любопытную личность истиннаго автора «Продѣлокъ на Кавказѣ». Скрывшись подъ псевдонимомъ *Хамаръ-Дабанова*, заимствованнымъ отъ названія горной цѣпи въ Иркутской губерніи и въ Забайкальской области ¹⁾, эта—по выраженію Сенковского—«даровитая русская дама» и—по указанію Докудовскаго—«племянница кавказскаго помѣщика Реброва» долгое время оставалась въ тѣни, какъ-будто сама не желала открыть свое настоящее имя и дѣйствительную фамилію. Напримѣръ, Г. Н. Геннади еще въ 1872 году могъ только замѣтить: «Псевдонимъ (Хамаръ-Дабанова) скрываетъ женщину—автора г-жу Лач-ву» (*Книжн. рѣдк.*, стр. 114). За нимъ же кн. Н. Н. Голицынъ представилъ лишь небольшое дополненіе: онъ указалъ, что подъ этимъ псевдонимомъ писала «Лачинова Е., генеральша, рожденная Шалашникова» (*Библиографич. Словарь русск. писательницъ*, Спб., 1889 г., стр. 147). Но, въ настоящее время, мы со своей стороны можемъ привести нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія, повидимому, относящіяся къ автору «Продѣлокъ на Кавказѣ».

Въ журналѣ «Наблюдатель» (1892 г., кн. 12, отд. I, стр. 242—243) были напечатаны воспоминанія Е. А. Лачиновой (сестры покойной писательницы П. А. Лачиновой, печатавшей свои произведенія подъ псевдонимомъ «П. Лѣтневъ» ²⁾). Рассказывая о своемъ дѣтствѣ и юныхъ годахъ своей сестры, Е. А. Лачинова сообщила слѣдующее: «Воспитывались мы у нашей бабушки, и воспитаніе у нея было совсѣмъ особенное, своеобразное. Надо сказать, что бабушка была не русская. Происхожденіе ея было проблематическое. Рассказывали, что, во время военныхъ дѣйствій Русскихъ въ Абхазіи, взята была въ плѣнъ дѣвочка лѣтъ трехъ или четырехъ и привезена въ Москву.

¹⁾ См. «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза, Спб. 1903 г., т. XXXVII, стр. 29. См. также «Очерки Россіи», Вад. Пассена (М. 1840 г., кн. II, стр. 109), гдѣ говорится: «Среди горъ, окружающихъ Байкаль, высочайшая есть *Хамаръ-Дабанъ*, т.-е. спиноногъ».

²⁾ О П. А. Лачиновой см. нашъ «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», Спб. 1912 г., вып. XII, стр. 113—115.

Сама же бабушка рассказывала свои воспоминанія такъ: «Я помню, что былъ жаркій день; надо мной раскинута была палатка со шнурками и кистями; я сидѣла на подушкахъ; возлѣ меня была какая-то женщина съ черными волосами и золотыми украшеніями; она приказывала маленькимъ дѣвочкамъ забавлять меня, и онѣ плясали передо мною и подавали мнѣ цвѣты. Вдругъ что-то случилось, женщина закричала, палатка наша упала, и я помню только, что очутилась на сѣдлѣ, на лошади. Меня схватилъ какой-то челоуѣкъ и помчался со мной верхомъ».

«Въ Москвѣ,—продолжасть Е. А. Лачинова,—всѣ знатныя дамы бросались смотрѣть черноглазую азіатку, и одна изъ нихъ, княгиня Мепцерская, взяла ее на воспитаніе, полюбила какъ родную дочь и дала ей блестящее образованіе наравнѣ съ своими дѣтьми. Бабушка отличалась страстной натурой, выражавшейся въ безпредѣльной любви къ мужу и дѣтямъ... У насъ не было ни учителей, ни гувернантокъ; она всему учила насъ сама, въ особенности французскому языку и рисованію, которое знала въ совершенствѣ»...

Любопытно, что и въ «Продѣлкахъ на Кавказѣ»,—книгѣ вообще полной автобиографическими намесками и признапіями,—передается почти такая же «исторія», каковая произошла съ «бабушкой»: тамъ тоже рассказывается подобное же взятіе и воспитаніе «азіатки-дѣвочки» «Ашмать» однимъ русскимъ офицеромъ.

Наконецъ намъ остается ко всему сказанному прибавить послѣднее интересное свѣдѣніе, отчасти дополняющее литературную дѣятельность автора «Продѣлокъ на Кавказѣ». Среди бумагъ Московскаго Цензурнаго Комитета, сохранившихся безъ точной хронологической даты, но несомнѣнно относящихся къ сороковымъ годамъ ХІХ вѣка, отыскано слѣдующее «увѣдомленіе» изъ Петербурга: «Рукопись *Два имама* сочинена тѣмъ же самымъ авторомъ, который написалъ *Продѣлки на Кавказѣ*, т.-е. Е. Хамаръ-Дабановымъ. Обѣ сіи рукописи представлены г-жею Лачиновой, урожденною Шапошниковою (sic!). Г. М(инистръ) Н(ароднаго) Пр(освѣщенія) извѣстилъ, что отъ Лачиновой будетъ много рукописей»¹⁾. Оправдалось ли это послѣднее «извѣстіе» и какія именно «рукописи» еще поступили въ цензуру отъ Е. Лачиновой, въ документахъ Московскаго Комитета не найдено никакихъ точныхъ свѣдѣній.

Авторъ брошюры о кончинѣ Николая Перваго.

Спустя полтора мѣсяца послѣ кончины Государя Николая Павловича, именно 24 марта 1855 года, появилась безъ имени автора небольшая брошюра,

¹⁾ См. *Щукинскій Сборникъ*, М. 1903 г., вып. II, стр. 304.

напечатанная «съ Высочайшаго соизволенія» въ типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи и носившая слѣдующій заголовокъ: «Послѣдніе часы жизни Императора Николая Перваго» (Спб. 1855 г., 8°, 39 стр.).

Эта, теперь довольно рѣдкая брошюра, въ теченіе полувѣка, имѣла странную судьбу: она долго оставалась произведеніемъ анонимнаго автора. какъ показываютъ: «Русская Историческая Библіографія» (Спб. 1861 г., стр. 27, № 249) и «Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ» В. Межова (Спб. 1869 г., стр. 357, № 5407); «Словарь» С. Венгерова (Спб. 1892 г., т. III, стр. 416) неточно привелъ ея заглавіе, замѣнивъ «часы» словомъ «дни», а «Русская Старина» (1896 г., т. LXXXVI, кн. 6, стр. 615) даже невѣрно обозначила мѣсто появленія брошюры—«Москву» вмѣсто «С.-Петербурга».

На основаніи экземпляра одной бібліотеки мы привели выше точное заглавіе описываемой брошюры. Что же касается автора этого произведенія, то онъ давно разгаданъ: это *графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ* (см., напримѣръ, «Словарь» Г. Геннади, Берлинъ 1876 г., т. I, стр. 94).

Нѣсколько словъ о г-жѣ Медвѣдовой и объ игрѣ главныхъ артистовъ московской драматической сцены. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго, 1859 г., 8°, 16 стр.

26 октября 1859 года на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ, для бенефиса Н. М. Медвѣдовой (†1899 г.), была поставлена переводная пьеса: «Розовый Павильонъ». Молодая артистка имѣла въ ней, по словамъ современника, «значительный успѣхъ: залпы рукоплесканій встрѣчали и провожали бенефициантку съ каждымъ актомъ». Поклонники таланта Н. М. Медвѣдовой ликовали... Особенно отличился одинъ изъ нихъ, скрывшійся за подписью: *Θ. Г.....кій*. Не удовольствовавшись одними вызовами, апплодисментами и подношеніями, онъ скоро послѣ бенефиса артистки (25 ноября—по цензурному дозволенію) выпустилъ небольшую книжку подъ вышеназваннымъ заглавіемъ.

Послѣ бѣглыхъ замѣчаній объ игрѣ артистовъ С. В. Шумскаго, И. В. Самарина, М. С. Щепкина и др., авторъ въ своемъ трудѣ далъ не столько разборъ роли г-жи Медвѣдовой, какъ драматической исполнительницы, сколько оригинальные отзывы о ней, какъ «образцовой» женщинѣ. Напримѣръ, по словамъ автора, «природа, сочувствуя великому таланту, даровала г-жѣ Медвѣдовой привлекательную наружность, соединенную съ пріятнымъ и вмѣстѣ твердымъ голосомъ, съ единственною въ своемъ родѣ интонаціею. Начиная съ прекрасныхъ чертъ лица и кончая ся малепькою правильною ножкою, вполне достойною башмачка Сандрильоны, она безукоризненно хороша; стройный ея станъ, при величавой походкѣ, придаетъ ей еще болѣе

эффекту... При всемъ томъ она обладаетъ очень добрымъ сердцемъ, прекраснымъ характеромъ и привлекательнымъ обращеніемъ, чему могутъ быть свидѣтелями всѣ тѣ, которые имѣютъ удовольствіе быть съ него лично и коротко знакомыми. Г-жа Медвѣдева живетъ со своею матушкою, скромно, но хорошо»... и т. д.

Такой своеобразный панегирикъ не понравился самой Н. М. Медвѣдовой, и пылкій ея поклонникъ, въ угоду артисткѣ, постарался уничтожить уже напечатанную книжку. Но все-таки уцѣлѣло нѣсколько экземпляровъ, которыя сдѣлались «библиографическою рѣдкостью», какъ отмѣтили Г. Н. Геннади (№ 202) и И. М. Остроглазовъ (№ 200); имя же и фамилія автора книги остались до сихъ поръ безъ полной разгадки.

«Теорія пикета, необходимое руководство для всѣхъ любителей этой игры».

Состав. А. Червонный. СПб. 1860 г., 8°, VI+161 стр.

Означенный заголовокъ принадлежалъ книжкѣ, упомянутой безъ всякихъ объясненій въ *Книжномъ Вѣстникѣ* (1861 г., № 1, стр. 11) и неточно названной въ «Каталогѣ» В. Межова (Спб. 1869 г., стр. 633, № 9099). Точно также никто изъ библиографовъ не обратилъ вниманіе на странную фамилію автора и не пытался разъяснить, представляетъ ли она подлинное прозваніе сочинителя, или является литературнымъ псевдонимомъ. Лишь спустя болѣе полувѣка со дня изданія книжки получилась полная разгадка. Оказалось, что авторомъ «руководства для всѣхъ любителей пикета» былъ *Александръ Венцеславовичъ Пеликанъ*, петербургскій адвокатъ, «усерднѣйшій членъ англійскаго клуба въ Петербургѣ» († 1878 г.). Вотъ что сообщалъ его родной сынъ А. А. Пеликанъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Одною изъ слабостей отца была игра въ пикетъ. Самъ онъ въ карты почти не игралъ, но о пицетѣ писалъ и издалъ подъ псевдонимомъ Александра Червоннаго цѣлую книгу подъ заглавіемъ *Теорія пикета*. Въ клубѣ его въ шутку называли профессоромъ пикетной игры»... (*Голосъ Минувшаго* 1915 г., кн. 1, стр. 147).

Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московскаго. Составлены Н. В. Сушковымъ. М. 1868., 8°, I+294+164 стр. съ фотографическимъ портретомъ.

Оригинальную особенность этой книги составляетъ отсутствіе «цензурнаго одобренія». На такую особенность обратилъ вниманіе и разъяснилъ ее проф. Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій. Въ письмѣ къ брату (отъ 26 февраля 1868 г.) онъ сообщаетъ: «Сушковъ напечаталъ книгу свою безъ предварительной цензуры. Изъ комитета гражданской цензуры она прислана къ намъ. Разсмотрѣніе ея пало на Филарета Александровича

(Сергіевскаго, тоже профессора Академіи). Викарій Игнатій (Рождественскій, родственникъ почившаго митрополита) просилъ его помедлить мнѣніемъ, чтобы книга успѣла разойтись. Въ книгѣ болѣе 200 страницъ приложений. Здѣсь переписка по поводу катихизиса, по поводу слова на Благовѣщеніе, переписка съ Гетэ (прежнимъ аббатомъ) и письмо митрополита Арсенія 1863 г. Нынѣ далъ мнѣніе Филаретъ Александровичъ, что книга не должна бы безъ духовной цензуры печататься, что духовная цензура безъ Синода не могла пропустить многія мѣста, что вопреки устава напечатаны частныя письма безъ спроса лицъ, писавшихъ ихъ. Какое будетъ слѣдствіе—не знаю... (*Богословскій Вѣстникъ* 1914 г., кн. 1, стр. 133—134).

Какъ намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, «слѣдствіе» для книги Сушкова было благопріятно: она «безпрепятственно была допущена къ обращенію», «безъ всякихъ изытаній», благодаря главнымъ образомъ «заступничеству высокопоставленныхъ лицъ», благоговѣнно чтившихъ память митрополита Филарета.

Свѣдѣнія о жизни Ивана Яковлевича Корейши. М. 1869 г., типографія Косогорова, 38 стр. въ 8°.

Эта анонимная брошюра, рѣдко попадающая даже въ «антикварные каталоги», а потому считающаяся «книжною рѣдкостью», имѣетъ любопытную исторію.

Вскорѣ послѣ смерти «московской знаменитости»—И. Я. Корейши (†6 сентября 1861 года), Е. И. Классенъ, бывший долгое время секретаремъ совѣта Московской Практической Академіи, собиралъ матеріалы для его біографіи; но онъ самъ скоро умеръ (†16 іюля 1862 года). «Собранные имъ матеріалы—говорится въ *Русскомъ Архивѣ* (1901 г., вып. VI, стр. 260)—перешли къ почитательницѣ Ивана Яковлевича—госпожѣ Палицыной, уроженкѣ Смоленской губерніи (оттуда былъ родомъ и Корейша), а впоследствии монахинѣ Смоленскаго женскаго Вознесенскаго монастыря», которая и издала ихъ въ видѣ брошюры.

Такимъ образомъ трудно рѣшить вопросъ о подлинномъ авторѣ названной книжки: можно съ увѣренностью только говорить о собирателѣ «матеріаловъ»—Классенѣ и издательницѣ—г-жѣ Палицыной.

Дим. Языковъ.

Инструкція Императора Павла I посланнику въ Константинополь В. Тамарѣ.

Божією Милостію Мы, Павелъ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. Нашему Тайному Совѣтнику Тамарѣ.

Назначивъ васъ въ качествѣ Чрезвычайнаго Посланника и Полномочнаго Министра Нашего при Портѣ Отоманской, повелѣваемъ немедленно отправиться къ мѣсту вашему и по прибытіи къ оному, принявъ дѣла отъ предмѣстника вашего Тайнаго Совѣтника Кочубея, условиться съ нимъ касательно образа узаконенія вашего, въ чемъ мирныя постановленія точное мѣсто Нашему Министру опредѣляющія и прежнія примѣры достаточнымъ будутъ служить вамъ руководствомъ.

Предмѣстникъ вашъ благоразумнымъ и похвальнымъ поведеніемъ и особливимъ искусствомъ предупѣлъ дѣла Миссіи его предлежавшія вести съ желаемымъ для пользы службы Нашей успѣхами, приобрѣвъ довѣренность и уваженіе отъ Министерства Отоманскаго, не смотря на частныя въ членахъ его случившіяся перемѣны. Онъ доставитъ вамъ всѣ нужныя на первое время свѣдѣнія какъ о лицахъ участвующихъ въ управленіи сея имперіи, такъ и о людяхъ, акредитованныхъ отъ другихъ державъ, дабы вы по тѣмъ свѣдѣніямъ и въ самомъ началѣ поступки ваши въ разсужденіи ихъ размѣрять и учреждать могли, какъ того достоинство ввѣреннаго вамъ званія и предохраненіе интересовъ нашихъ востребуютъ.

Въ бумагахъ тамошняго архива вы найдете общія паставленія Министромъ Нашимъ въ Константинополь данныя, а въ рескриптахъ, со времени вступленія Нашего на престоль къ Тайному Совѣтнику Кочубею отправленныхъ, усмотрите, что главное желаніе Наше есть сохранять миръ и доброе согласіе съ Портою Отоманскою; что мы чужды всякаго духа завоеванія и что всѣ Наши относительно Порты требованія ограничиваются въ простомъ и искреннемъ ею наблюденіи учиненныхъ взаимныхъ договоровъ. Всѣ наши

сношенія и переговоры съ Министрами ся должны имѣть во основаніе сего таковыя увѣренія. Но впротчемъ дѣломъ будетъ прилѣжнаго вашего бдѣнія смотрѣть, чтобъ Порты, соотвѣтствуя таковымъ Нашимъ миролюбивымъ расположеніямъ одними словами, на дѣлѣ иногда не удалялася отъ оныхъ и не подавалася на вредныя внушенія, каковыми недоброхотствующіе Намъ ее уловлять иногда могутъ; а дабы вы могли судить съ большимъ основаніемъ о разныхъ державахъ, въ Константинополѣ Миссіи свои имѣющихъ, признали Мы за нужное начертать здѣсь кратко Наше взаимное съ ними положеніе.

Съ Императоромъ Римскимъ существуетъ у Насъ оборонительный союзъ, въ 1781-мъ году заключенный и потомъ въ теченіи царствованія нынѣшняго Императора возобновленный и подтвержденный тройнымъ такимъ же договоромъ, между Нами, Вѣнскимъ и Лондонскимъ дворами постановленнымъ. Какое участіе приедемъ Мы въ сохраненіи Австрійской монархіи и въ ея благосостояніи, вы оное усмотрите изъ рескрипта къ предметнику вашему въ 4-й день Маія сего года, изъ Можайска отъ Насъ посланнаго, гдѣ Мы насильнѣйше ему препоручили имѣть бдѣніе и употреблять стараніе, дабы Порты осталася спокойною и равнодушною по поведѣ назначеннаго ему за потерю Нидерландовъ удовлетворенія, въ прелиминаріяхъ въ Лебенѣ заключенныхъ на счетъ Вѣнцiанскихъ земель сосѣдственныхъ Турецкихъ. Согласно съ прежними наставленіями, вы имѣете содержать съ Министромъ Императора Римскаго дружеское обхожденіе и подавать ему, такъ какъ взаимно отъ него требовать, всякую помощь въ дѣлахъ, поколику то нужно будетъ; наблюдая въ прочемъ вашу осторожность, которая по личному особливо поведенію нынѣшняго Австрійскаго Министра весьма не излишна.

Съ Королемъ Прусскимъ возобновленъ въ 1792 году союзный оборонительный договоръ, съ предметникомъ Его существовавшій. Сходство интересовъ сего Государя съ Нашими по дѣламъ, до бывшей Республики Польской касающимся, знатныя выгоды, Имъ тутъ пріобрѣтенныя, кои мы онъ, конечно, Россіи обязаны, и самое сохраненіе тѣхъ выгодъ, сопряженное съ Нашею дружбою, довольны были бы къ утвержденію таковой связи, и тѣмъ болѣе, что Мы въ отношеніяхъ нашихъ къ обоимъ Нашимъ союзникамъ за правило почитаемъ быть безпристрастными и обоимъ увѣренія во взаимныхъ таковыхъ же расположеніяхъ; но судя по вкоренившейся ненависти къ Вѣнскому двору и по склонности воспользоваться запутаннымъ настоящимъ временемъ къ новымъ какимъ-либо пріобрѣтеніямъ на счетъ Германской Имперіи, въ которой цѣлости интересованы Мы по ручательству Нами трактатомъ Тешенскимъ присвоенному, не можемъ не быть въ нѣкоторой осторожности противу подвиговъ вредныхъ, къ которымъ Берлинскій Дворъ при настояніи удобнаго случая, къ производству въ дѣйства его замысловъ прибѣгнетъ и у Порты, въ чаяніи воздвигнуть Намъ и оттуда какія-либо безпокойства, для чего сохраняя съ Министромъ Прусскимъ обхожденіе приличное съ союзнымъ, тѣмъ не менѣе не оставьте имѣть крѣпкое примѣча

ніе надъ всѣми его шагами, и въ случаѣ покушенія дѣлать вредныя Намъ внушенія, стараться благовременно опровергать оныя самую истинною.

Съ Королемъ Великобританскимъ мы имѣемъ какъ союзъ оборонительный, такъ и коммерческой договоръ. Сходство интересовъ и выгода торговли стрѣчаютъ взаимныя наши государства искреннею дружбою: почему въ отношеніяхъ вашихъ съ Министромъ Англинскимъ должны вы сообразоваться правиламъ, выше о Министрѣ Австрійскомъ предписаннымъ.

Съ Королемъ Шведскимъ пребываемъ Мы въ мирѣ. Опыты, наипаче въ послѣднія времена, доказали, что Дворъ Стокгольмскій большею частію ищетъ воспользоваться всякимъ случаемъ, гдѣ только можетъ, возбудить въ Портѣ Отоманской къ Намъ остуду, дабы подъ видомъ мнимой пользы, которую онъ во время войны между Нами и сю диверсіею своею доставить можетъ, получать субсидіи. Осмотрительность Турецкаго Министерства по сіе время не позволяла ему соглашаться на такую почти безплодную для Порты поддержку. Вашъ долгъ будетъ примѣтить за всѣми дѣйствіями министра шведскаго, который сверхъ интересовъ своего Двора еще и лично находится въ связи съ Министромъ нынѣшняго во Франціи правленія.

Съ Даніею заключенъ у насъ оборонительный договоръ; и хотя по слабости и робости тамошняго правленія не обрѣли мы въ ней полезнаго и искренняго союзника, но доброе согласіе сохраняется безъ малѣйшаго помѣшательства.

Съ Франціею пресѣчено было всякое сообщеніе съ того времени, когда опровергнуто въ ней древнее монархическое правленіе. Поводами къ тому были съ одной стороны собственное Государей достоинство, требовавшее не терпѣть толь вредныхъ и общее спокойствіе разрушающихъ перемѣнъ, съ другой же стороны и обязательства наши съ Державами, отъ французовъ атакованными, мы не отступали отъ того покуда стеченіе обстоятельствъ не довело насъ до той эпохи, въ которую предпочтительно всему о возстановленіи мира подлежать надлежало. Императоръ заключилъ прелиминарные договоры съ французскимъ правленіемъ и теперь пастой дѣло объ окончательномъ трактатѣ. Правда, что заносчивости настоящихъ членовъ того правленія, оказавшейся уже разрывомъ переговоровъ, съ Англіею въ Лиллѣ держанныхъ, нельзя еще ласкать себя благополучнымъ совершеніемъ мира; но какъ оное правленіе съ весны нынѣшняго года изъявило желаніе возстановить съ нами доброе согласіе, то мы и не отреклися внимать его внушеніямъ и предположеніямъ, предоставляя однакожь не прежде довести къ концу самое дѣло, какъ когда уже увидимъ несомнительную надежду примиренія нашихъ союзниковъ. Вѣдая такое наше положеніе въ разсужденіи французовъ, иѣтъ нужды вамъ однакожь искать Посла или Министра ихъ, тамъ пребывающаго, но есть-ли въ третьемъ мѣстѣ незап-

но вамъ быть случится, соблюдая въ прочемъ благопристойность и вѣжливость, буде бы онъ вздумалъ учинить какія-либо внушенія относительно сближенія съ нами, выслушавъ оныя, принять просто на донесеніе.

Съ Королемъ Гишпанскимъ имѣемъ мы дружескую переписку, взаимные же наши подданные выгодно производятъ торговлю. Соединеніе сего Государя съ непріателемъ старшей вѣтви дому Его, какъ слѣдствіе слабости и худыхъ успѣховъ оружія Гишпанскаго, не произвело перемѣны въ нашихъ съ сею державою сношеніяхъ.

Съ Королемъ обоихъ Сицилій, кромѣ дружеской переписки, есть у насъ еще и торговый трактатъ, по которому подданные Его производятъ торги свои съ портами нашими, на Чорномъ и Азовскомъ моряхъ лежащими. Касательно сея матеріи вы найдете въ бумагахъ предмѣстника вашего разныя наставленія, къ которымъ васъ и отсылаемъ.

Съ Республикой Соединенныхъ Нидерландовъ пресѣчено у насъ всякое непосредственное сообщеніе съ того времени, что она отдала себя въ порабощеніе французамъ: правда, что сіе порабощеніе было слѣдствіемъ слабости сея земли и не довольной защиты ея прежнихъ союзниковъ; со стороны же ея мы никакихъ слѣдовъ недоброхотства противъ Имперіи нашей не видѣли, а напротивъ того обоюдные жители находили не малую пользу въ ихъ торговыхъ отношеніяхъ. Но тѣмъ не меньше до общаго замиренія вамъ съ министромъ ея никакой связи имѣть не должно.

Такое же точно поведеніе предписываемъ вамъ и въ разсужденіи Мисіи Республики Венеціанской, доколѣ она не выйдеть изъ настоящаго своего уничтожающагося состоянія.

Что же принадлежитъ до новыхъ республикъ, французамъ нынѣ въ Италіи заводимыхъ, оное же самое существованіе почитаемъ мы какъ бы для насъ неизвѣстными.

Въ Персіи, какъ вамъ извѣстно, со времени смерти Шаха Надыра продолжается безначаліе, ибо случившіяся похитители власти сперва подъ именемъ Веклей, а послѣдній Ага-Мугамедъ, дерзнувшій пріять на себя и Шахское наименованіе, были одинъ за другимъ подобными имъ истребляемы. Изъ владѣтелей, къ Персіи смѣжныхъ, Царь Карталинскій и Кахетинскій, бывъ принятъ подъ Верховную Нашу власть и покровительство, подъ онымъ пребываетъ. Другіе ближніе къ Каспійскому морю правители такимъ же образомъ одни почитаютъ себя въ нашемъ подданствѣ, какъ-то Шамхаль Тарковскій, Уцмій Карагайдакскій, Ханы Дербентскій и Бакинскій и прочіе тому подобные; тѣ же, кои къ Югу моря Каспійскаго обитаютъ, по крайней мѣрѣ сохраняютъ надлежащее уваже-

ніе къ нашей торговлѣ. Мы не имѣемъ ничего общаго съ Портою Отоманскою по дѣламъ Персидскимъ и главною цѣлію политики нашей относительно края сего поставляемъ, чтобы отдалять со стороны Турецкой всякое на оный вниманіе и охоту входить въ ближайшія съ Персидскими владѣльцами и правителями связи; почему и не оставьте навѣдываться о сношеніяхъ Порты съ ними и намъ о томъ доносить завременно и подробно.

Изъ всего вышесказаннаго могли вы усмотрѣть, что мы со всѣми Державами, кромѣ тѣхъ, коихъ отчасти къ намъ расположеніе недоброхотно, отчасти же и самое политическое ихъ бытіе не отъ всѣхъ признано, въ мирномъ и согласномъ положеніи находимся; и что поколику отъ насъ зависитъ и надолго такъ остаться можетъ, тѣмъ болѣе, что справедливость и умѣренность положили мы въ основаніе нашей политики. Въ полномъ удостовѣреніи, что подданные отъ Всевышняго Намъ ввѣрены для управленія къ благому концу, а не для пожертвованія ими властолюбію или духу завоеванія, предположили Мы могущество Наше употреблять предпочтительно къ утверженію покоя и благоденствія въ предѣлахъ Нашихъ. Въ разсужденіи союзниковъ Нашихъ Мы сохранимъ святость договоровъ, поколику того ихъ цѣлость и безопасность требовать будутъ; со стороны же сосѣднихъ и прочихъ державъ, Наши притязанія единственно въ томъ ограничатся, чтобы имѣющіяся съ ними мирныя и комерческіе трактаты съ доброю вѣрою и точностію исполняемы были.

Защищать подданныхъ Нашихъ по случающимся у нихъ въ областяхъ Турецкихъ дѣлахъ будетъ вашъ долгъ; но и тутъ смотрѣть, чтобы какъ съ одной стороны не попускать Турецкое правительство и тамошнихъ жителей причинять нашимъ обиды и притѣсненія, такъ чтобы и отъ нашихъ не было несправедливыхъ жалобъ и претенсій; осторожность сія вамъ наиболѣе предлежитъ относительно Грековъ, Молдавцевъ и тому подобныхъ изъ Турецкихъ въ Наши владѣнія переселившихся и которые изъ мщенія и хвастовства нерѣдко оказываются нечестными противу Турковъ какъ скоро ихъ бояться перестанутъ; а чтобы еще сугубое дать уваженіе вашему въ пользу подданныхъ Нашихъ заступленію, мы надѣемся отъ вашего усердія къ службѣ Нашей и отъ честности, которая всякому, наипаче же толь знаменитыя степени и довѣренности удостоенному, приличествуетъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не будетъ имѣть мѣста духъ корысти, который, сколько намъ извѣстно; въ Миссіяхъ Константинопольскихъ довольно употребителенъ къ предосужденію пользы дѣль. Предмѣстникъ вамъ доказалъ похвальное вообще поведеніе своимъ безпристрастіемъ и взысканіемъ того же отъ подчиненныхъ ему консуловъ и другихъ чиновъ. Отъ васъ зависѣть будетъ, такимъ же образомъ производя дѣла и благороднымъ вашимъ и подъ вами служащихъ поступками отличая Миссію Нашу отъ прочихъ, приобрѣсти Нашу Монаршую милость и благоволеніе.

Опредѣляемое вамъ жалованье по осьми тысячъ рублей и почтовые деньги съ дополненіемъ вексельнаго курса, считая рубль въ 50 штиверовъ, а столовые по 500 рублей въ мѣсяць Россійскими доньгами вы будете получать первые изъ штатныхъ, а послѣдніе изъ отпускаемыхъ на чрезвычайныя по тамошнему посту расходы и остающихся отъ издержекъ почтовыхъ въ томъ же мѣстѣ доходовъ.

Граматы кредитивныя получите вы отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, которая равнымъ образомъ снабдитъ васъ и потребными канцелярскими чинами и служителями.

Пребываемъ вамъ ИМПЕРАТОРСКОЮ НАШЕЮ милостію всегда благосклонны. Данъ въ Гатчинѣ октября 14 дня 1797 года.

Изъ документовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Сообщилъ С. В. Арсеньевъ.

Письма гр. Канкринъ къ гр. Аракчееву.

1.

С. П-бургъ, Мая 8, 1823 года.

Милостивый Государь Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Вступая въ отправленіе должности Министра финансовъ, я ожидалъ со дня на день прїѣзда Вашего Сіятельства сюда, чтобы при личномъ свиданіи имѣть честь свидѣтельствовать Вамъ, Милостивый Государь, отличное и искреннее мое почтеніе и просить о благосклонномъ содѣйствіи Вашемъ при удаленіи тѣхъ затрудненій, которыя я долженъ встрѣчать въ дѣлахъ, управленію моему ввѣренныхъ. Но какъ прїѣздъ Вашего Сіятельства, по сіе время не могъ быть, я рѣшился беспокоить Васъ симъ письмомъ. Чувствуя въ полной мѣрѣ всю цѣну неожиданной довѣренности, кою удостоилъ меня Его Императорское Величество, я занимаюсь одною мыслию, чтобы оную оправдать и зная на опытахъ непоколебимое стремленіе Вашего Сіятельства къ общему благу, ласкаю себя надеждою заслуживать довѣріе и подкрѣпленіе Ваше.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства—всепокорнѣйшій слуги

Егоръ Канкринъ.

2.

Сентября 6, 1823 года.

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, объявленнаго мнѣ въ отношеніи Вашего Сіятельства отъ 29 августа сего года, поспѣшаю препроводить при семъ къ Вамъ, Милостивый Государь семь тысячъ пять сотъ девяносто рублей ассигнаціями,—новаго образца, Имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ.

Егоръ Канкринъ.

3.

С.-П-бургъ 5 Мая 1824 года.

Я крайне сожалѣю, что Ваше Сіятельство изволите полагать, что я могъ имѣть въ мысляхъ писать къ Вамъ письмо о журналѣ Комитета финансовъ, зная благорасположеніе Ваше ко мнѣ, будучи въ тотъ день болень чрезмѣрно головою, я не могъ писать самъ письмо и поневолѣ приказалъ Якову Александровичу написать оное.—Если поставленъ номеръ, то оно сдѣлано безъ моего вѣдома.—Одна вина моя въ томъ, что я не догадался, что отъ такого письма могло произойти недоразумѣніе.—Я надѣюсь, что Ваше Сіятельство, зная мое особое къ Вамъ почтеніе и прямую откровенность, изволите быть увѣреннѣмъ, что сіе случилось безъ наималѣйшаго намѣренія.

Съ отличнымъ высокопочтаніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою.

Егоръ Канкринъ

4.

С.-П-бургъ 20 Мая 1824 года.

При семъ имѣю честь доставить къ Вашему Сіятельству третью часть сочиненія объ австрійскомъ военномъ пограничномъ устройствѣ. Томъ сей, заключаая внутренній порядокъ, мнѣ гораздо любопытнѣе прежнихъ.

Съ отличнымъ высокопочтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть—Вашего Сіятельства—всепокорнѣйшій слуга.

Егоръ Канкринъ.

5.

С.-П-бургъ 7 Юня 1824 года.

Узнавъ сей часъ, что Ваше Сіятельство не изволите быть сюда, и имѣя надобность объясниться съ Вами, Милостивый Государь, рѣшаюсь безпокоить Васъ симъ письмомъ, покорнѣйше прося объ увѣдомленіи съ посланнымъ курьеромъ, могу ли я имѣть удовольствіе видѣть Ваше Сіятельство еще завтра (во вторникъ) въ первомъ или во второмъ часу, или вечеромъ, или же въ среду.

Съ отличнымъ высокопочтеніемъ и таковою же и проч.

Егоръ Канкринъ.

6.

С.-П-бургъ 10 іюня 1824 года.

Милостивый Государь, Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Въ надеждѣ, что Ваше Сіятельство изволитъ быть сюда, я пріостановился доставленіемъ прилагаемыхъ журналовъ; но слыша теперь, что пріѣздъ Вашъ отсроченъ до 18-го, я рѣшился оныя послать, тѣмъ болѣе что между тѣмъ еще накопятся нѣкоторыя другія бумаги. Проектъ объ уменьшеніи процентовъ не принятъ во французской Камерѣ Перовъ, слѣдовательно на сей разъ оставленъ.—Сіе важное происшествіе для насъ однако болѣе пріятно, ибо оно насъ избавляетъ отъ многихъ хлопотъ, что я выигрываю отъ 6 до 7 милліоновъ, не говоря однако о другихъ со временемъ послѣдствіяхъ. Что же касается прочихъ моихъ предложеній, Вашему Сіятельству извѣстныхъ, то они не растроиваются такъ, чтобы не можно было выигрывать большія деньги.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію имѣю честь быть — Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Егоръ Канкринъ.

Я надѣюсь, что здоровье Ваше, Милостивый Государь, наилучшее, и я съ нетерпѣніемъ жду имѣть удовольствіе Васъ видѣть.

7.

С.-П-бургъ 15 іюня 1824 года.

Хотя Государыня Императрица изволитъ отправиться въ Павловскъ только вечеромъ, но я бы поѣхалъ въ Царское, чтобы увидѣть Ваше Сіятельство, къ сожалѣнію моему я долженъ лишиться себя этого удовольствія, ибо не успѣли нѣкоторыя расчеты, о коихъ я вознамѣривался объяснить съ Вами, Милостивый Государь. Безъ нихъ я бы отнималъ у Васъ напрасно время; Я же самъ имѣю нѣкоторое воспаленіе въ глазахъ, какъ со мною часто случается въ жаркіе дни и боюсь вѣтра и пыли. Надобно намъ приступить рѣшительно къ мѣрамъ на будущій годъ, ибо покуда дѣло пройдетъ чрезъ всѣ инстанціи—особенно чрезъ Кредитный и Государственный Совѣты, то пройдетъ время. Я полагаю, что на будущій годъ—если не будетъ аппозицій, можетъ выиграть по кредитной части отъ 20 до 24 милліоновъ рублей, безъ примѣтнаго потрясенія и безъ убавленія процентовъ. Но на провизію имѣется въ виду и на 1825 г. По меньшей мѣрѣ 9 милліоновъ.

Полагаю новыхъ строительныхъ и прочихъ расходовъ и полагаю прибавить на вещи пѣхотныхъ полковъ до 3 съ половиною милліоновъ,—

всего до 8-ми милліоновъ.—Итого 25 милліоновъ. Слѣдовательно—болѣе нежели полагають сберегать. Посему нужно бы собрать въ Комитетъ Финансовъ и согласиться о положительномъ планѣ. Въ прилагаемомъ журналѣ оказалась ошибка; ибо Ліонъ прежде не страховалъ свою фабрику;—перемѣна кажется незначительна, но мнѣ прискорбно безнокоить Ваше Сіятельство просьбою о подписаніи другого экземпляра.

Съ сердечнымъ желаніемъ о здоровьи Вашемъ Милостивый Государь,—имѣю честь быть навсегда съ отличнымъ высокопочитаніемъ и проч.

Егоръ Канкринъ.

На сіе письмо, я не ожидаю отвѣта—надѣюсь—имѣю честь увидѣть Ваше Сіятельство здѣсь.

8.

С.-П.-бургъ 29 Іюня 1824 года.

Милостивый Государь Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Воспользуясь благосклоннымъ приглашеніемъ Вашего Сіятельства, я ожидаю съ нетерпѣніемъ 4-е іюля, чтобы поѣхать въ Грузино, отдать Вамъ, Милостивый Государь, лично мое неограниченное почтеніе и объясниться о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Но не знаю, когда дѣло Государь Императоръ потребуеть къ докладу, то я не зная еще точно и день, когда могу отправиться, но я надѣюсь около 6-го числа іюля.

Банкиры думаютъ въ Парижѣ, что мы причиною, что проэктъ Ранта не прошелъ, будто бы я просилъ Государя, чтобы чрезъ графа Поццо ди Борго противодѣйствовать,—то кажется очевидно, что Шатобріанъ интриговалъ противъ воли своего короля и былъ причиною, что проэктъ рушился, и въ семь можетъ быть ему содѣйствовалъ графъ Поццо.

Бумаги о нашемъ предположеніи готовы.—На первый разъ нельзя дотянуть далѣе 18 или 22-хъ милліоновъ, чтобы оставить ресурсъ, если бы французы, какъ слышно, въ будущемъ засѣданіи каморовъ приплыли за сей проэктъ вновь. Сей ошибкѣ виновница моя жена, которая пришла меня развлекать, но по сему случаю она усерднѣе благодарить Ваше Сіятельство за вниманіе, которое изволили имѣть относительно купальни. Публика весьма довольна банкомъ, а еще болѣе сохранныю казною. Подати поступаютъ очень дурно, кромѣ по таможенной части, которую теперь болѣе и болѣе стараемся поправить. Привозныхъ товаровъ довольно, отпуска слабы; въ Одессѣ нѣсколько покупаютъ пшеницу,—англичане всего болѣе завладѣютъ всѣми богатствами и французы теперь усиливаютъ запретитель-

ную у себя систему. По ходу торговли точно видно, что Англичане, преслѣдуя всегда своихъ матеріальныхъ интересовъ,—берутъ сильный верхъ, особливо когда теперь прочія державы принуждены имѣть болѣе въ виду извѣстныя моральныя интересы.

Надѣюсь, что труды послѣдняго вояжи не имѣли вліяніе на здоровье Вашего Сіятельства, я остаюсь навсегда съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и искреннею преданностію—

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Егоръ Канкринъ.

9.

С.-П-бургъ 24 Іюля 1824 года.

Милостивый Государь Графъ Алексѣй Андреевичъ!

По согласію Вашего Сіятельства имѣло мѣсто предварительное секретное Засѣданіе Комитета финансовъ, по предмету сбереженій по кредитной части. Услышавъ, что Вы, Милостивый Государь, изволите быть сюда только перваго числа, мы рѣшились изготovitъ проэктъ журнала, который при семь имѣю честь доставить къ Вашему Сіятельству. На подписаніе онаго князь Алексѣй Борисовичъ и Николай Семеновичъ согласны; и я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, означить тѣ перемѣны, кои изволите почестъ нужными, но если на проэктъ согласны, то неблагоугодно ли будетъ оный подписать.

Проэктъ сей имѣсть то направленіе, на которое согласились въ Грузинѣ, только что оставлено М. Ф. нѣкоторая широта, дабы иногда можно было сообразоваться съ тѣмъ, что скажутъ знающіе члены совѣта кредитныхъ установленій, коихъ надобно напередъ приготовить. По случаю отъѣзда Великаго нашего Государя, неудобно бы было быть въ необходимости испрашивать новыхъ Высочайшихъ повелѣній.

Я надѣюсь, что дорогое намъ здоровье Ваше—въ лучшемъ положеніи. Грузино такое прелестное мѣсто, что въ ономъ надобно быть здоровымъ. Я съ нѣкотораго времени много страдалъ недугами, но Богъ поможетъ дотянуть для Государя.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію имѣю честь быть—

Вашего Сіятельства,—покорнѣйшимъ слугою

Егоръ Канкринъ.

7*

10.

С.-П.-бургъ. 5 Августа 1824 года.

Вслѣдствіе благосклоннаго обѣщанія Вашего Сіятельства, имѣю честь доставить для прочтенія извѣстную записку, въ Совѣтъ Кредитный установленную. Я себѣ почту особымъ одолженіемъ, если Вамъ, Милостивый Государь, угодно будетъ отмѣтить карандашомъ тѣ выраженія, кои могутъ казаться слишкомъ откровенными. Необходимость писать убѣдительно легко могла вести къ какому либо излишеству. Впрочемъ въ сей запискѣ за отъѣздомъ Его Величества не имѣю надобности. Я бы не рѣшился утруждать Ваше Сіятельство, если бы сіе дѣло не было сопряжено съ той важною пользою, и если бы меня не убѣдили частыя опыты благорасположенія ко мнѣ. Съ истиннымъ высокопочитаемъ и проч.

Егоръ Канкринъ.

11.

С.-П.-бургъ. 8 Сент. 1824 г.

На сей разъ долженъ я утруждать Ваше Сіятельство многими бумагами по Комитету финансовъ. Совѣстно Васъ беспокоить, Милостивый Государь, при огромности Вашихъ занятій, еще новыми.—Однако, кто не знаетъ, что всегда во всемъ успѣли, бумагами терпѣть времени (sic);—но я именно для того имѣю честь препроводить ихъ заранѣе, чтобы Ваше Сіятельство, могли ихъ читать надосугѣ. Для важной удобности я полагаю нужнымъ объясненія, на оберткѣ каждаго проекта записки.

Менѣ важныя смѣты предварительно уже рассмотрѣны въ Комитетѣ финансовъ, но полагаетъ ихъ всѣхъ соединить въ одинъ журналъ; смѣты военнаго вѣдомства морскаго, также министерства внутреннихъ дѣлъ еще не получены. До полученія ихъ ничего рѣшительнаго сказать не можно, но предвидится, что Гос. роспись будетъ сведена, вопросъ только о томъ болѣе ли или менѣ блистательно.—Къ тому же времени надѣюсь, что мы будемъ имѣть удовольствіе увидѣть Ваше Сіятельство здѣсь. Въ Старой Руссѣ предполагается дѣлать—опытъ варить соль парами, съ большимъ сбереженіемъ дровъ. Я надѣюсь, что разъѣзды и труды, коими всегда заняты, Милостивый Государь, не имѣютъ вреднаго вліянія на здоровье Ваше.—Я слава Богу выздоровѣлъ, но вообще сильно иду подъ гору.

Съ отличнымъ высокопочтеніемъ и таковою же преданностію, и проч.

Канкринъ.

12.

С.-П.-бургъ. 4 Сентября 1824 года.

Я давно отказалъ себѣ—писать Вашему Сіятельству,—чтобы при множествѣ дѣлъ и бумагъ, не беспокоить Васъ, Милостивый Государь, излишнимъ письмомъ. Весьма обрадовало меня письмо Ваше изъ Старой Русы, изъ коего я увидѣлъ, чтобы Вы не перестаете трудиться по важному предпріятію военнаго поселенія, однако слава Богу, здоровы. Я много страдалъ подагрой и ослабленіемъ, но тѣмъ не менѣе докончилъ многія большія дѣла. Главное, что наши предположенія по части кредитной, на сихъ дняхъ прошли въ Кредитномъ Совѣтѣ единогласно; впрочемъ ради иностранцевъ на сей разъ въ видѣ расположенія на одинъ 1825 годъ 19 милліоновъ въ карманѣ, но жалко, что упадокъ доходовъ по предварительному моему соображенію и засимъ едва ли позволяеть закончить бюджетъ на 1825 годъ, я убавляю однако извѣстные налоги. На дняхъ я буду имѣть честь препроводить къ Вашему Сіятельству разныя бумаги и по Комитету Финансовъ. Я рѣшился предложить Государю Императору продать нынѣ до 1500 квитанцій болѣе на щетъ 1825 года; такъ какъ въ будущемъ сію продажу надобно оставить. Не знаю, согласится ли Его Величество.

Я имѣлъ честь писать Вашему Сіятельству официалъно, чтобы питейной домъ отъ Юрьевскаго монастыря отвести по крайній мѣрѣ на три версты непремѣнно.

Теперь мнѣ остается только просить Ваше Сіятельство о продолженіи Вашего благорасположенія ко мнѣ, я же остаюсь навсегда съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію—

Вашего Сіятельства.—

Егоръ Канкринъ.

13.

С.-П.-бургъ. 19 Сент. 1824 года.

Къ крайнему прискорбію моему долженъ я себѣ отказать въ удовольствіи поздравить Ваше Сіятельство въ Грузинѣ лично къ 23 числу. Съ одной стороны дѣла Государственной росписи теперь требуютъ безотлучнаго моего нахождения здѣсь, съ другой я, какъ растеніе подъ стекломъ, такъ слабъ здоровьемъ, что и боюсь получить подагру, въ теперешнюю важную по финансовымъ дѣламъ эпоху.

Желая такъ провести сей день весело и въ полномъ здравіи и вмѣстѣ съ тѣмъ предаю себя и впредь лестному для меня благорасположенію Вашему.

Съ отличнымъ почтеніемъ и таковою же преданностію и проч.—

Егоръ Канкринъ.

14.

С.-П-бургъ 5 Августа 1824 года.

Согласно Высочайше утвержденному въ 21 день августа минувшаго года росписанію о раздачѣ коронаціонныхъ медалей, имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Сіятельству слѣдующую Вамъ Золотую медаль 1-го разбора,—покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь, о полученіи оной почтить увѣдомленіемъ.

Егоръ Канкринъ.

15.

10 Іюня 1827 г. С.-П-бургъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ имѣлъ я честь получить почтеннѣйшее письмо Вашего Сіятельства отъ 6 іюня. Мнѣ весьма пріятно было заключить изъ онаго, что Вы находитесь въ хорошемъ здоровьи. Съ прошлой осени я часто хвораю, и чувствую, что силы мои упадаютъ не по лѣтамъ, а по множеству занятій и по трудной жизни, которую я велъ почти съ малолѣтства. Поддерживаетъ меня мысль, что я нуженъ кучѣ моихъ дѣтей. Я и теперь боленъ, въ дѣлахъ слава Богу еще успѣваю, и все идетъ по мѣрѣ возможности хорошо.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію и проч.

Канкринъ.

16.

6 Августа 1827 г. С.-П-бургъ.

Имѣвъ честь получить почтеннѣйшее письмо Вашего Сіятельства отъ 30 іюля, я далъ повелѣніе выпустить вещи Ваши Г. Фелейзену. Мнѣ весьма пріятно было увидѣть вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее Ваше ко мнѣ благорасположеніе.

Съ отличнымъ почтеніемъ и проч.

Канкринъ.

17.

24 Іюля 1828 г. С.-П-бургъ.

Чувствительнѣйше благодарю Ваше Сіятельство за мѣстное участіе, которое изволили принимать въ моемъ производствѣ. Жена моя не менѣе обязана Вамъ, Милостивый Государь, и желаетъ Вашему Сіятельству здо-

ровья. Я нынѣ лѣтомъ, слава Богу, менѣе хвораю, что будетъ осенью. Дѣла мои, благодаря Бога, идутъ довольно хорошо. Здѣсь очень спокойно и я употребляю всякую свободную минуту на разныя исправленія по Министерству финансовъ, окончилъ уставъ для отчетности и занимаюсь между прочимъ лѣсною частію и учрежденіемъ поселенной лѣсной стражи.

Желаю отъ всего сердца, чтобы здоровье Ваше держалось хорошо, и чтобы остальную часть лѣта провели пріятно.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію и проч.

Егоръ Канкринъ.

18.

31 Іюля 1828 года. С. П. Б.

Получивъ почтеннѣйшее письмо отъ 24 Іюля, я тотчасъ же приказалъ выпустить бюстъ, о коемъ писать изволили. Я сдѣлался вчера нездоровымъ, но желаю чтобы Вы были здоровы.

Съ отличнымъ почтеніемъ и проч.

Егоръ Канкринъ.

19.

3 Окт. 1829 года С. П. Б.

Я имѣлъ честь получить вчера почтеннѣйшее письмо Ваше отъ 29 Сентября и душевно благодарю Васъ, Милостивый Государь, за участіе, которое изволите принимать во мнѣ. Жена моя не менѣе благодарна Вамъ. Я съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ книгу. Мы, слава Богу, все здоровы, но я чувствую мало по малу, что лѣта мои умножаются. Я надѣюсь, что Вы здоровы. Я приказалъ по таможенной части о пропускѣ вещей, о коихъ изволили мнѣ писать.

Егоръ Канкринъ.

20.

С. П. Б. 25 Января 1832 года.

Чувствительно благодарю Ваше Сіятельство за участіе, которое изволили принять въ оказанной мнѣ милости. Я всегда былъ увѣренъ и остался увѣреннымъ въ Вашемъ ко мнѣ благорасположеніи. Минувшій годъ былъ для меня весьма труденъ и я платилъ своими глазами, кои у меня весьма сдѣлались слабыми.

Письмо сіе есть только предварительный отвѣтъ на полученное отъ Васъ, Милостивый Государь, отъ 12 Января. Я тотчасъ сдѣлалъ нужнымъ распорядиться о вылитіи пьедестала для Монумента незабвеннаго нашего благодѣтеля, въ Бозѣ почивающаго Государя Александра 1-го, а о послѣдующемъ отвѣчу особо.

Жаль, что Г. Кларкъ такъ мало успѣваетъ къ срокамъ своихъ условій. Желаю Вашему Сіятельству здравія и проч.

Егоръ Канкринъ.

21.

26 Августа 1832 года. С. П. Б.

Зная, что Ваше Сіятельство охотно занимаетесь улучшеніемъ сельскаго хозяйства, я воспользуюсь случаемъ полученія изъ Америки отличныхъ сѣмянъ, доставить Вамъ, Милостивый Государь, нѣкоторое количество для испытанія. Я думаю, что если разсадка будетъ разведена заблаговременно въ паркѣ, а потомъ пересажена въ хорошую землю съ нѣкоторою защитою отъ вѣтровъ, то можетъ быть удастся развести. Я надѣюсь, что Ваше Сіятельство въ хорошемъ здоровьи, а я съ женою къ сожалѣнію оба хворы, но дѣти здоровы.

Егоръ Канкринъ.

22.

28 Января 1832 года.

На почтениѣйшее отношеніе Вашего Сіятельства отъ 12 сего января сверхъ сдѣланнаго уже мною собственноручнаго отвѣта, честь имѣю въ дополненіе къ тому сообщить, что Директоръ Александровскаго Литейнаго завода Кларкъ касательно чугунаго Пьедестала для монумента блаженной Памяти Императора Александра 1-го изъявилъ готовность свою исполнить въ точности все то, что благоугодно будетъ заказать на вѣренномъ ему Заводѣ и что онъ отъ себя прямо представитъ Вашему Сіятельству подробную смѣту, во что означенный Пьедесталь можетъ обойтись дѣйствительными расходами съ нѣкоторою положенною для завода прибылью. Причемъ на случай—если изволите рѣшиться на сію смѣту, поручено мною Управляющему Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ Департаментомъ, Тайному Совѣтнику Карневу строго наблюдать, чтобы Г. Кларкъ непременно выполнилъ въ означенный по условію срокъ принятую имъ рабо-

ту.—Исполнивъ такимъ образомъ порученіе Вашего Сіятельства долгомъ поставляю увѣрить Васъ, Милостивый Государь, что для меня всегда пріятно дѣлать Вамъ угодное во всякомъ зависящемъ отъ меня случаѣ.

Егоръ Канкринъ.

23.

30 Декабря 1832 г.

Необыкновенное множество дѣлъ, накопляющееся обыкновенно предъ Новымъ годомъ, препятствовало отвѣчать на Ваше письмо отъ 16 декабря. Но сіе даетъ мнѣ также удовольствіе принести Вамъ, искреннее мое поздравленіе къ Новому году. Жена моя была весьма обрадована планами библиотеки и поручила мнѣ изъяснить Вашему Сіятельству свою благодарность. Французы возвращаются отъ Антверпена въ свою землю. Дѣла по Министерству Финансовъ идутъ, слава Богу, хорошо.

Присовокупляю мои желанія о совершенномъ Вашемъ здравіи и спокойствіи Вашемъ въ будущемъ году, и имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ.

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Канкринъ.

Письмо кн. П. Лопухина къ А. А. Яракчееву.

Милостивый Государь мой, графъ Алексѣй Андреевичъ.

Ваше Сіятельство такъ не взлюбили Петербургъ, что, бывъ такъ близко и имѣя оной въ виду, не хотѣли насъ удостоить своимъ посѣщеніемъ. Судя по сему, кажется, что мы уже Васъ во все лѣто не увидимъ.

Увѣренъ будучи многими опытами въ Вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, осмѣливаюсь я къ Вашему Сіятельству прибѣгнуть съ моею покорнѣйшею просьбою. Г. генераль Бахметевъ нанубѣдительноше проситъ меня доставить Вашему Сіятельству его письмо, которое я читалъ. Онъ ничего не проситъ и никакихъ претензій не имѣетъ, а единственно его желаніе состоитъ въ томъ, что, какъ онъ надѣется, дѣла его дойдутъ до Васъ, то чтобъ обстоятельства его были Вашему Сіятельству извѣстны. Письма его я отъ него не принялъ, не имѣя на то Вашего дозволенія, ко-его симъ покорнѣйше и испрашиваю.

Отецъ сего г. Бахметева былъ мой капитанъ, у коего я нѣсколько лѣтъ въ ротѣ былъ фельдфебелемъ, нашедъ меня въ должности исправнымъ, узналъ, что я мотъ, картежникъ, забулдыга и развратнаго поведенія, призвавъ меня къ себѣ, сдѣлалъ мнѣ отеческое наставленіе, а чтобъ отнять и пресѣчь всѣ способы къ развратной жизни, приказалъ мнѣ ежедневно у себя обѣдать и ужинать и никуда не отлучаться безъ его позволенія и поступалъ со мною, какъ съ своимъ сыномъ. Будучи подъ строгимъ при-смотромъ и въ всегдашнемъ обращеніи въ благородномъ и хорошемъ обществѣ, почувствовалъ я самъ всю гнусность моего поведенія, старался за-гладить и исправить всѣ прежніе мои пороки. Полагая сего великодуш-наго моего начальника первѣйшимъ своимъ благодѣтелемъ и содѣтелемъ всего моего благоденствія, совѣсть моя претитъ мнѣ отказать его сыну,

а Ваше Сіятельство нанубѣдительнѣйше прошу простить мнѣ, что я Васъ утруждаю единственно по чувствамъ благодарности и признательности.

Въ протчемъ съ неслестнымъ почтеніемъ и искреннѣйшею преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь мой, Вашего Сіятельства, покорнѣйшій

К. Петръ Лопухинъ.

Іюня 21 дня 1824 года.

С.-Петербургъ.

Письма графа Сперанскаго къ графу Аракчееву.

1.

С.-Петербургъ, 23 Апрѣли 1823 г.

Милостивый Государь Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Отъ чистаго сердца приношу Вашему Сіятельству поздравленіе со свѣтлымъ Христовымъ праздникомъ, и говоря заочно: *Христосъ воскресъ*, исполняю не одинъ обрядъ, но изъясняю то, что дѣйствительно чувствую.

Здѣсь всѣ у насъ заняты большею новостію: переменною министра финансовъ. Я не видалъ еще указа, но слухъ о семъ сперва появился на всеищной въ Свѣтлое Воскресенье. Сначала, какъ водится, говорили о семъ на ухо, какъ будто боялись обмануться, потомъ на вечернѣ стали смѣлѣе; а въ вечеру заговорили уже громко. Каждый толковалъ по своему вообще болѣе надѣялись на будущее, нежели сожалѣли о мпнувшемъ.— Онъ остается министромъ удѣловъ и управляющимъ кабинетомъ.

Но заботы города не кончились: одна прошла, другая наступила—кого сдѣлать министромъ юстиціи: ибо и самъ онъ и всѣ его знакомые увѣряютъ, что онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Легко можете себѣ представить, какъ городъ хлопочетъ, чтобы выбрать ему преемника. Кандидатовъ множество. Одинъ проповѣдуетъ князя Куракина, другой Ланскаго, третій Болотникова. Каждый хочетъ быть во пророцѣхъ, а всѣ вмѣстѣ ничего достовѣрнаго не знаютъ.

Примите, Милостивый Государь, свидѣтельство совершеннѣйшаго почитанія и искренней преданности, съ коими всегда буду.

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

М. Сперанскій.

Р. S. Приношу Вашему Сіятельству истинную благодарность за большаго Цейера и за письмо при отъѣздѣ Вашемъ изъ Царскаго Села полученное.

2.

Черниговъ, 26 Іюня 1823 года.

Милостивый Государь Графъ Алексѣй Андренчъ!

Считаю себя обязаннымъ дать Вашему Сіятельству отчетъ въ моемъ путешествіи. Отправясь изъ Петербурга 27-го Мая, въ пять сутокъ я очутился въ Черниговѣ. Здѣсь нашелъ дочь мою въ мучительной, хотя и неопасной болѣзни и самъ отъ чрезмѣрныхъ жаровъ и отъ усталости долго не оправился. Теперь, слава Богу, и ей лучше и я здоровъ по прежнему, но отложилъ всякое помышленіе о путешествіи въ Одессу. Можетъ быть, по обязанности взгляну на Кіевъ и свѣтыя его древности и потомъ 1-го августа тѣмъ же путемъ обращусь во свояси.

Искренно благодаренъ Вашему Сіятельству за письмо отъ 6-го іюня и за воспоминаніе о мнѣ среди трудовъ Вашихъ и заботливыхъ путешествій. Весьма радъ, что сдѣлалъ пріятное Михайлу Андренчу ¹⁾, надѣюсь, что зима болѣе меня съ нимъ сблизитъ. Зная Ваши о немъ попеченія и будущее его назначеніе, я считаю себя обязаннымъ желать, чтобъ онъ и сердцемъ и умомъ былъ того достоинъ. Въ настоящемъ, подлинно вавилонскомъ смѣшеніи всѣхъ языковъ, выборъ добрыхъ книгъ и полезнаго чтенія есть дѣло довольно трудное. Совѣты мои въ семъ отношеніи будутъ ему не бесполезны. Они всегда будутъ имѣть одну цѣль: сохранивъ духъ правый и сердце чисто.

Примите, Милостивый Государь, свидѣтельство совершеннаго почтенія и искренней преданности, съ коими всегда буду

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

М. Сперанскій.

P. S. За милостивое воспоминаніе о Цейерѣ приношу Вашему Сіятельству искреннюю благодарность.

3.

С.-Петербургъ, 24 Ноября 1823 г.

Милостивый Государь Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Несчастное происшествіе, постигшее добраго нашего барона ²⁾, извѣстно уже Вашему Сіятельству во всей подробности. Съ начала онъ много

¹⁾ Примѣч. Мих. Андр. Шумскій, мнимый сынъ Аракчеева.

²⁾ Прим. Барона Компенгаузенъ.

страдать отъ боли, но вчера пашель я его несравненно лучше, спокойнымъ и съ свѣжею головою. Рейпеманнъ и другіе увѣряютъ, что нѣтъ опасности и изцѣленіе его требуетъ только времени. Два мѣсяца полагаютъ для сего достаточнымъ. Странно и примѣчательно, что третьяго дня на томъ же самомъ мѣстѣ и у того же раскольниковъ дома лошади опрокинули правителя его канцеляріи по Контролю—Могилевскаго. По счастью ударъ былъ легокъ: ибо онъ упалъ только съ дрозжекъ и обезобразилъ себѣ лицо. Вчера баронъ самъ мнѣ о семъ рассказывалъ со смѣхомъ. Это мѣсто, кажется, обвороженное.

Впрочемъ у насъ все обстоитъ благополучно. Дня два или три поговорили и порадовались окончанію Испанскихъ дѣлъ и потомъ перестали въ ожиданіи рѣшительныхъ извѣстій.

Примите увѣреніе и проч.

М. Сперанскій.

4.

20 Мая 1824 года.

Не удивитесь, Ваше Сіятельство, и простите мою докучливость и безотвязность, еще слово о Багреевѣ. Тому два или три мѣсяца, какъ въ департаментѣ экономіи по совѣту при разсмотрѣніи смѣты повинностей за сокращеніе оныхъ по Черниговской губерніи почти до полумиліона рублей назначена ему награда. Положеніе сіе въ свое время удостоено Высочайшаго утвержденія. Въ слѣдствіе сего въ Комитетѣ Министровъ положено дать ему 2-го Владиміра. Когда положеніе сіе своимъ порядкомъ поступить, смѣю ли надѣяться, что перемѣщеніе Багреева съ губернаторства, не лишитъ его предназначенной награды—по истиннѣ сказать, я никого не просилъ, дѣло шло своимъ чередомъ по примѣру другихъ губернаторовъ и по общему правилу; даже я узналъ о семъ поздно. Но теперь, когда оно приходитъ уже къ концу, боюсь, чтобъ перемѣщеніе ему не повредило, съ довѣріемъ и надеждою поставляю его подъ вѣрный кровъ и всегда мнѣ благотворную защиту Вашу.

Примите и проч.

М. Сперанскій.

5.

С.Петербургъ, 16 Іюня 1824 года.

Примите, Ваше Сіятельство, совершенную благодарность за Багреева. Я передалъ ему, какъ лучшее наслѣдство, чувство благодарности, чувство

нынѣ рѣдкое, хотя и весьма естественное. Будетъ ли онъ Александровскимъ кавалеромъ, не знаю; но къ старшему въ семь орденѣ онъ всегда будетъ искренно приверженъ, въ семь я совершенно увѣренъ.

Благодаренъ Вашему Сіятельству, что вспомнили меня въ Великопольѣ. Я никогда не забуду, что въ семь мѣстѣ получилъ я отъ Васъ первую вѣсть, первый знакъ моего оживленія. Съ тѣхъ поръ сколько переменъ; одно только осталось неизмѣннымъ, Ваше ко мнѣ добро и мое къ Вамъ чистое сердце.

Не зная, увидимъ ли Васъ здѣсь, заочно еще разъ приношу мою благодарность.

М. Сперанскій.

6.

С.Петербургъ, 3-го Августа 1824 г.

Милостивый Государь Графъ Алексѣй Андреевичъ,

Давнишній почитатель Грузинской обители съ теплымъ сердцемъ къ ся настоятелю явится къ обѣднѣ 7-го сего мѣсяца, чтобъ вмѣстѣ съ добрыми прихожанами помолиться о драгоцѣнномъ мнѣ его здравіи.

Дочь моя еще не бывала; по письмамъ жду ее каждый день и увѣренъ, что къ 5-му числу, какъ ко дню ея ангела, она будетъ здѣсь; слѣдовательно, ничто не помѣшаетъ мнѣ отправиться 6-го на ночь и быть въ Грузинѣ утромъ.

Примите увѣреніе и проч.

М. Сперанскій.

Письма К. П. Побѣдоносцева къ С. Д. Войту.

79.

Почтеннѣйшійи Сергѣи Дмитріевичъ.

Не знаю, вернулись ли вы благополучно изъ вашей поѣздки и что вы устроили. На дняхъ, вѣроятно, увидите Саблера на обратномъ пути его. Я же, до сихъ поръ, дня не могу выбрать чтобы съѣздить въ Москву, и не знаю, когда удастся. Вы спрашивали меня, не захочу ли печатать въ Московской Типографіи какое либо свое изданіе. Разумѣется, здѣсь поблизости удобнѣе печатаніе и корректура. Вскорѣ, однако, думаю пустить въ печать небольшую книжку. Попробуйте сдѣлать мнѣ образецъ. Форматъ долженъ быть *немного* поболѣе *Праздниковъ Господнихъ*. Шрифтъ долженъ быть двойной: одинъ размѣра подобнаго тому, какъ напечатаны *Праздники*, другой, для приложенія, нѣсколько помельче.

Кстати еще: есть ли у васъ и какія деньги, собранныя отъ продажи *Праздниковъ, Исторіи и Подражанія*.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

Царское Село . 8 іюля 1895.

80.

Почтеннѣйшійи Сергѣи Дмитріевичъ.

Образцы, которые вы мнѣ показывали, отпечатаны на хорошей бумагѣ, но она слишкомъ толста и отяготитъ книжку—лучше взять бумагу потоньше, лишь бы была плотна. Я терпѣть не могу всѣ, такъ называемые, подносные экземпляры на толстой бумагѣ. Прошу васъ, прикажите послать

кого нибудь на Малую Дмитровку въ домъ Кузнецова и узнать отъ завѣды-
вающаго его дѣлами г. Владимірова, гдѣ нынѣ находится Александръ Гри-
горьевичъ Кузнецовъ, и куда писать ему.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

23 іюля 1895. Цар. Село.

Едва написалъ это, какъ пришло извѣстіе о кончинѣ А. П. Кузнецова!

81.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитриевичъ.

Напрасно вы возвратили Жуковскому 100 р. Зачѣмъ не спросили меня?
Теперь это ставить меня въ неловкое положеніе. Онъ взялъ у меня книги
съ условіемъ заплатить. Какъ нибудь предложите ему внести вамъ 100 руб.
Гранки возвращаю, такъ какъ въ текстѣ не предвидится много измѣненій,
то самую корректуру лучше присылать сверстаную.

К. Побѣдоносцевъ.

13 августа.

Завтра собираюсь ѣхать черезъ Ржевъ къ Рачинскому. Назадъ буду,
вѣроятно, въ субботу.

К. Побѣдоносцевъ.

26 авг. 1895. Цар. Село.

82.

Посылаю вамъ нѣсколько строкъ, которыя должны быть напечатаны,
въ видѣ предисловія на первой заставной страницѣ.

На заглавной стр. послѣ заглавія надо напечатать мелкимъ шрифтомъ
«Изданіе К. П. Побѣдоносцева». Надѣюсь, что здоровье ваше не пострадало
отъ поѣздки въ Петербургъ.

К. Побѣдоносцевъ.

83.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитриевичъ.

Изъ Хозяйственнаго Управленія доставятъ Вамъ экземпляры Берлин-
скаго изданія Новаго Завета въ переводѣ Жуковскаго. Изъ числа ихъ

отберите 20 экземпляровъ въ простомъ переплетѣ и пошлите немедленно:
Дурновскій переулочъ домъ Дымкина

«Его Превосходительству
Павлу Васильевичу Жуковскому».

25 Сентября 1895.

84.

Совсѣмъ упустилъ сказать Вамъ сегодня при свиданіи о выдачѣ 15 р. Скорретко, когда она явится, и передать деньги. Прошу Васъ выдать ей 15 р., когда явится, а я вышло вамъ потомъ.

Сегодня столько было заботъ, что не успѣлъ еще кое-что сказать. Голова идетъ кругомъ.

Потрудитесь увѣдомить, есть ли и сколько денегъ въ Москвѣ, вырученныхъ за мои изданія: *Исторію*, *Праздники* и *Подражаніе*.

Сегодня Вашъ видъ былъ совсѣмъ больной. Берегите себя и уѣзжайте поскорѣе отдохнуть.

Душевно преданный

К. Пובѣдоносцевъ.

25 Сентября 1895. Цар. Село.

85.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Я уже писалъ Ширинскому, что пора вамъ ѣхать, до большихъ холодовъ, и Саблеръ сказывалъ сегодня, что вы собираетесь въ субботу. Не стѣсняйтесь печатаніемъ моей книжки—она можетъ и подождать. Только надо прислать мнѣ на просмотръ обложку. И еще надо приблизительный расчетъ, во что обойдется каждая книжка, для соображенія о томъ, какую цѣну выставить на обложкѣ. Кромѣ того, въ концѣ книгѣ надо поставить объявленіе о прочихъ изданіяхъ. Въ серединѣ Октября, помнится, надо вносить деньги за Наташу, я пришла деньги Ширинскому, а вы объясните ему, куда надо будетъ вносить ихъ. Жена благодаритъ за образчики. Берегите себя и здравствуйте.

К. Пубѣдоносцевъ.

4 окт. 1895. Петер.

86.

Сейчасъ получили корректуру и спѣшу возвратить. Предисловіе напечатано такъ, какъ я указалъ. Переплетать не нужно совсѣмъ,—только брошюровать; но я желалъ бы видѣть напередъ обложку. Благодаримъ очень за образчики. Этотъ пакетъ, если не застанетъ васъ, вѣроятно, попадетъ къ Пырневу, о коемъ вы пишете. Желая благополучнаго пути.

К. Повѣдоносцевъ.

5 окт. 1895. вечеръ.

87.

Любезнѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Надѣюсь, что это письмо застанетъ Васъ въ Одессѣ, гдѣ Вы хотѣли брать ванны.

Прошу Васъ не спѣшить возвращеніемъ: если въ Одессѣ настанетъ холодъ, (что въ это время не рѣдкость), съѣздите куда потеплѣе, хоть въ Ялту или въ Севастополь. Во всякомъ случаѣ нужно Вамъ пожить нѣсколько времени въ покоѣ, что рѣдко для Васъ бываетъ.

Жена очень благодаритъ Васъ за множество образчиковъ, которые она отъ Васъ получила.

Въ Одессѣ мало ли что понадобится. Въ случаѣ нужды обратитесь къ полицмейстеру Якову Ивановичу Бунину, коего я весьма знаю: онъ вамъ устроитъ все, что нужно.

Здравствуйте и да хранитъ Васъ Богъ.

Преданный

К. Повѣдоносцевъ.

12 Октября 1895.

88.

Судя по вашему извѣщенію, почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ, вы должны быть уже въ Москвѣ. Авось либо вы сколько нибудь отдохнули. Не могу однако не пожалѣть, что вы не проѣхали хоть на нѣсколько дней въ Ялту. Если я васъ направлялъ туда, то, конечно, изыскалъ бы средство возмѣстить и расходы на эту поѣздку. Съ недѣлю какъ сижу дома простудившись и сегодня даже не рѣшился выѣхать ко всенощной.

8*

Изъ присланныхъ мнѣ образцовъ обертки выбираю одинъ, который и посылаю вамъ. На оборотной сторонѣ надо помѣстить мелкимъ шрифтомъ цѣну и объявленія. Когда кончатъ брошуровку, велите половинну книжекъ прислать сюда, а другую пока оставьте. Не вообще продажа всѣхъ изданій моихъ идетъ спорѣ здѣсь, нежели въ Москвѣ, вѣроятно, по недостатку объявленій. Когда выйдетъ книжка, отдайте напечатать объявленіе объ ней и о прочихъ въ «Москов. Вѣдомости» и въ «Московский Листокъ». Послѣ пришлю вамъ записку, кому въ Москвѣ раздать и разослать книжки.

Здравствуйте!

Душевно преданный

К. Повѣдоносцевъ.

ПТБ. 28 окт. 1895.

О братѣ вашемъ поговорю—но кому? Говорить съ Белюстинымъ— пожалуй испортишь только дѣло (развѣ Саблеръ поможетъ—онъ товарищъ Бѣлюстину). Да и Белюстинъ, говорятъ, боленъ, лежитъ. Я напишу Слободчикову, онъ такъ расположенъ къ вамъ. Не мѣшаетъ и вамъ написать ему.

89.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Я не имѣлъ понятія о томъ, что Хоз. Упр. запретило, какъ вы говорите, дѣлать % уступки на мои изданія. Напрасно вы меня не спросили. Какъ эти книги мои, то я распоряжаюсь ими непосредственно. Конечно, это совсѣмъ неразумно, и меня удивляетъ, тѣмъ болѣе, что само Хоз. Упр. здѣсь отпускаетъ мои книги Тузову и пр. съ уступкою %, безъ чего и немыслима продажа цѣлой партіей, а я отъ себя отпускаю книгопродавцамъ и по 5 и по 10 экз. съ уступкой. Безъ сомнѣнія, весной очень радъ буду, если вы поѣдете въ Крымъ, только не знаю, хорошо ли вы выбрали мартъ мѣсяцъ, когда тамъ погода бываетъ нехорошая и морскія купанья еще невозможны.

О школѣ дѣло не такъ просто. Я передалъ вашъ проектъ.

Саблеру тогда же,—видно, онъ не сказалъ вамъ. Вашъ уставъ мудреный и нѣкоторыя части его не сходятся съ нашими уставами, и потребовало бы особаго законодательнаго разрѣшенія. Надо все это разсмотрѣть въ Училищномъ Совѣтѣ.

К. Повѣдоносцевъ.

1 нояб. 1895 ПТБ.

90.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитриевичъ.

Благодарю за присланную книжку. Когда всѣ готовы будутъ, потрудитесь разослать по прилагаемому списку. Съ Зинченкой буду говорить о Михайловѣ. Относительно запрещенія уступки за мои изданія Хоз. Упр. отрицаетъ, чтобы такое запрещеніе было сдѣлано. Бычковъ приходилъ ко мнѣ съ жалобой на неприсылку книгъ и отсюда и изъ Москвы.

Здравствуйте!

К. Повѣдоносцевъ.

5 нояб. 1895. ПТБ.

91.

Ваши предположенія относительно книжной продажи въ Одессѣ и въ Варшавѣ мнѣ кажутся основательны; но я совѣтую вамъ изложить ихъ по пунктамъ въ особой запискѣ и представить ее въ Хоз. Управление, которое и доложить мнѣ,—а возбужденіе этихъ вопросовъ непосредственно черезъ меня неудобно. Достаточно того, что я объ этомъ знаю. Объ увеличеніи числа учениковъ дѣло будетъ двинуто. Записка ваша о школѣ была еще въ то время передана мною Саблеру, которому я вчера о семъ напомнилъ.

Любопытно—къ концу года исчисленіе доходовъ Типографіи. До сихъ поръ на первую половину было превышеніе расхода. Это и понятно, ибо значительна была непредвидѣнная затрата на бумагу, переплеты, машины и пр. для расширенія производствъ, но результаты этого расширенія ожидаются еще въ будущемъ и если не обнаружится въ концѣ года. Непонимающіе дѣла люди могутъ указывать лишь на общую цифру расходовъ сравнительно съ доходомъ на одинъ годъ.

К. Повѣдоносцевъ.

10 нояб. 95 ПТБ.

У меня лежитъ одинъ томъ сочиненій Дмитрія Ростов., на слав. языкѣ. Прекрасно напечатано, но вотъ достойный сожалѣнія просмотръ. Вся книга состоитъ изъ мелкихъ статей, и нѣтъ при ней оглавленія, такъ что весьма затруднительно находить что нужно.

14 нояб. 1895. ПТБ.

92.

Чтобы не посылать на почту, для скорости прошу васъ. Въ прилагаемыи пакетъ положите *сто* рублей и велите снести по адресу и отдать съ распискою.

А сто рублей пришлю вамъ или завтра по почтѣ или со Смоленскимъ, который на дняхъ поѣдетъ.

Ожидаю своей книжки. Авось либо готова?

К. Побѣдоносцевъ.

По моей телеграммѣ говорили вы Саблеру о братѣ? Я въ такихъ отношеніяхъ съ Белиустинымъ, что мнѣ неудобно просить его.

93.

Благодарю за книжки, сегодня полученныя. Красиво напечатано. Вѣроятно, вскорѣ получатся экземпляры и въ Хоз. Управленіи. Жена премного благодарна за все присланное, особливо за полученные вчера 3 куска матеріи. Но ждемъ отъ васъ счета за нее, чтобъ выслать деньги. Сегодня говорилъ съ Ильинскимъ о штатѣ. Обѣщаетъ принести въ слѣд. среду. Но оказывается, что свѣдѣнія еще неполны и требуются отъ васъ. Именно—пропущены въ штатѣ 2 должности, и нѣтъ объясненія, почему уменьшены оклады старшему справщику и книгохранителю.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

17 нояб. 1895 ПТБ.

18 ноября.

Книжку, назначенную для Е. А. Селивановской надо послать по адресу: Спиридоновка, Георгіевскій пер. д. Знаменской.

Благодарю за книжки, доставл. Банбиродинымъ, и образчики. Книжку разбираютъ—вы хотите печатать еще, но я полагаю довольно 1200; не думаю, чтобы требованія усилились еще. Уступку 25%, разумѣется, надо дѣлать.

94.

Жена премного благодаритъ васъ за хлопоты. Деньги 87 р. пришлемъ вскорѣ. Но вотъ еще доука. Счетъ надо представить въ Контроль и потому надо написать, что отпущено для *Свято-Владимірской женской учительской школы*. Нельзя ли обмѣнить этотъ счетъ на другой, уплативъ 5 коп. за марку. Вы спрашиваете, есть ли здѣсь достаточно моихъ книгъ. Если у васъ недостаетъ, требуйте: здѣсь еще много и *Исторіи* и *Праздниковъ*, а *Подражаніе* печатается и скоро будетъ готово.

К. Побѣдоносцевъ.

22 ноября 1895 ПТБ.

Прикажете сосчитать, сколько у васъ остается экземпляровъ «Подражанія Христу». Въ Москвѣ идетъ туго, а здѣсь много спрашиваютъ. Если есть, вышлите—надо 50 экзempl. И я просилъ извѣстить, сколько у васъ есть вырученныхъ денегъ за каждое изданіе.

К. Повѣдоносцевъ.

95.

Благодарю за присылку книгъ съ Банбиродинымъ. Вчера К. Ширинскій сказывалъ, что разобрали до 800 экз. Пожалуй придется еще печатать до 2400. И здѣсь еще нѣтъ почти книгъ. Корректуру не надо уже присылать. Но если будетъ новый наборъ на 57 стр., то желательно исправить ошибку (повидимому мою). Въ титулѣ сказано: *Глава IX* изъ Исповѣди и пр. А надо сказать—не глава, а *книга IX*.

К. Повѣдоносцевъ.

96.

У меня вышли всѣ 35 книжекъ, бывшія для раздачи, и ничего не остается, а прочія сдать въ лавку. Если есть у васъ хоть штукъ десять, пришлите. Послали ли вы Катѣ и Наташѣ? Я вижу, что онѣ сами купили. Если уже напечатано съ ошибкою *Глава* вмѣсто *книги*—то не стоить перепечатывать.

К. Повѣдоносцевъ.

97.

Вчера писалъ о книгахъ, а сегодня получилъ—благодарю.

К. Повѣдоносцевъ.

98.

Въ спрашиваете меня можно ли по просьбѣ Костанда отпустить нѣкоторыя дешевыя книги въ кредитъ.

Отпустите что можно, будетъ трудно отказать имъ.

Въ пишете объ уступкѣ иногороднымъ для распродажи моихъ изданій. Я уже писалъ Вамъ, что на чистыя деньги я отпускаю съ уступкой даже 30%. Но не знаю, не запутаемся ли въ счетахъ, если отпускать иногороднымъ на комиссію? Тутъ не оберешься переписки и надувательства.

Неутѣшительно слышать, что у Васъ весь домъ болѣетъ нынешнюю болѣзнию. Дай Богъ Вамъ скорѣ поправиться. Берегитесь.

К. Повѣдоносцевъ.

25 ноября 1895.

99.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Последнее письмо ваше тревожитъ извѣстіемъ о болѣзняхъ въ домѣ вашемъ и о вашей болѣзни. Каково теперь у васъ? Вчера принесъ кондукторъ 50 экз. новаго изданія. Я отослалъ ихъ на продажу. Между тѣмъ здѣсь поднялся спросъ, а книгъ нѣтъ. Надѣюсь, что на этой недѣлѣ придутъ еще достаточно экземпляровъ. Вы писали, что вышлите, кажется, 600.

На дняхъ Ильинскій показывалъ мнѣ повѣя ваши вѣдомости и я видѣлъ ихъ въ первый разъ, и былъ пораженъ чудовищностью этого учрежденія мѣсячныхъ вѣдомостей, съ графами на каждый день. Это египетская работа, которую, полагаю, съ точностью никто исполнять не будетъ, и вся эта система имѣетъ видъ канцелярскій. Мнѣ казалось, что вы согласились въ этихъ формахъ съ И. К. Зипченко, а потомъ я слышалъ отъ васъ, какъ эти формы обременительны для чиновниковъ. Но мнѣ, кажется, что онѣ и не достигаютъ цѣли, и вмѣсто помощи учету, могутъ еще вредить ему. Объ этомъ надобно подумать при свиданіи. Я собирался въ Москву еще на этой недѣлѣ, но вижу, что и на одинъ день не вырвешься отсюда.

Здравствуйте.

К. Повѣдоносцевъ.

29 нояб. 1895. ПТБ.

100.

Сейчасъ получилъ письмо ваше, сокрушаясь о вашей бѣдѣ. Богъ дастъ все исправится. Нынче дифтеритъ лечатъ успѣшно вспрыскиваніемъ, о чемъ съ восторгомъ рассказывалъ Смоленскій по опытамъ въ училищѣ. Вмѣстѣ съ снѣмъ высылаю деньги—112 руб. Вамъ съ благодарностью отъ жены. 87 р. по счету, а остальные 25 р. Скорреткѣ, которая за ними явится съ за-

пиской. Я послалъ вамъ сегодня телеграмму. Ко мнѣ приходятъ и отъ Тузова и изъ *Нов. Времени* съ требованіями, а книгъ нѣтъ.

Да хранить васъ Богъ.

К. Побѣдоносцевъ.

30 нояб. 1895. ПТБ.

Образчики парчи возвращу на дняхъ съ Зубовымъ.

1 дек.

Сейчасъ получилъ телеграмму вашу, сюда, вы послали 400; а печатать предполагалось 2400. Надо удовлетворить здѣшнему спросу.

101.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Получите отъ меня посылку съ изданіями *Выписокъ изъ Полнаго Собр. Законовъ*. Тутъ приложена записка, кому разослать экземпляры, по одному, а инымъ по два. Прошу васъ, положивъ въ пакеты и подписавъ, разослать. Бертеневу положилъ особый экземпляръ съ надписью карандашомъ, на его имя.

Здравствуйте.

Душевно преданный

К. Побѣдоносцевъ.

1 дек. 1895. ПТБ.

102.

Вотъ что пишетъ свящ. Успенскій. Но тутъ я не могу служить ему. Мѣсто Упр. Казенной Пал. въ Москвѣ считается важнымъ, и трудно ожидать, чтобы человѣка молодого под. (sic) Сергіевскому туда назначили. Они воображаютъ, что стоитъ только попросить и сдѣлаютъ!! Жена очень благодаритъ за полученные сегодня образчики шелковой матеріи. Одинъ образчикъ подходитъ, но надо подождать, пока поставятъ иконостасъ, что д. б. на дняхъ, и тогда рѣшить.

К. Побѣдоносцевъ.

5 дек. 1895. ПТБ.

103.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Сейчасъ получилъ вашу телеграмму. Напрасно вы думаете, что я опасаюсь писемъ, по случаю болѣзни. Я совѣмъ не мнителенъ. Надѣюсь,

что въ домѣ вашемъ опасность миновала. Не ожидалъ я, что такъ скоро разойдется книжка. Пожалуй и еще придется печатать. Не оставитъ ли на нѣкоторое время наборъ? Вчера я подписалъ предложеніе о штатахъ. Но еще предстоитъ провести его черезъ Синодъ, что нелегкая задача, особливо въ отношеніи къ типографіи. Завтра съ Зубовымъ возвращаются вамъ образчики парчи. Теперь уже 16 Декабря, жена предполагаетъ освященіе церкви, а далеко не все еще готово. Особливо ищеть ковра—здѣсь ничего не найдешь. Зубовъ хотѣлъ поискать образчиковъ въ Москвѣ.

К. Повѣдоносцевъ.

2 дек. 1895. Петербургъ.

104.

Сейчасъ получилъ письмо ваше. Названіе *чудовищной* я самъ отъ себя придалъ отчетности, но въ концѣ вашего письма я вижу, что и вы признаете ее обременительною и желаете измѣнить. Я видѣлъ эти вѣдомости мѣсячныя и годовыя въ громадныхъ книгахъ, которыя требуется ежемѣсячно присылать въ контроль. Это само по себѣ чудовищно. Совсѣмъ непрактично требовать отмѣтокъ въ *ежедневныхъ* графахъ, кои надо разыскивать въ книгѣ.

На мой взглядъ, почему не завести въ дѣлѣ коммерческомъ ящикъ или кружку, куда опускать жетоны или билетки кажлаго званія, чѣмъ опредѣлится сразу число отпускаемыхъ книгъ. А изъ этого уже потомъ механически составляется вѣдомость за нѣск. дней, недѣлю, мѣсяцъ. Объ описаніи рукописей сообщу завтра. Записка объ уставѣ женск. уч. попала къ вамъ ошибочно—верните.

Жена очень благодаритъ за образчики ковровъ. Вѣроятно, она одинъ выберитъ. Завтра напишемъ. Удивляетъ меня, что уже 42 изданія. Изъ вырученныхъ денегъ уплатите, что слѣдуетъ въ Типографію, а когда придется присылать мнѣ, пришлите прямо, а не черезъ Хоз. Упр.

К. Повѣдоносцевъ.

6 дек. 95. ПТБ.

105.

Почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ.

Изъ присланныхъ вчера образчиковъ ковра жена остановилась на одномъ подъ № 4, и проситъ васъ немедленно взять все количество

16 аршинъ, однако съ тѣмъ, чтобы при немъ была, какъ показано и пришивная модная койма также, какъ на образчикѣ. Самый образчикъ пошлю вамъ сегодня съ кондукторомъ.

К. Повѣдоносцевъ.

7 дек. 1895. ПТБ.

106.

Если ничто не задержитъ, предполагаю выѣхать *завтра со скорымъ поѣздомъ* и пробыть до вторника. Если выѣду, пушу телеграмму.

К. Повѣдоносцевъ.

Суббота 9 декабря 95.

107.

Очень благодарю за всѣ ваши хлопоты—лишь бы не простудились вы разѣзжая по холоду. Здѣсь много теплѣе. Изъ дарохранительницъ Немирова-Колодкина выбрали одну, коей цѣна показана 265 руб. Но помнится, онъ считалъ эту цѣну съ футляромъ (какого не нужно)? Можетъ быть еще будетъ и уступка? Остальныя вышлю завтра или послѣ завтра, На книгу и здѣсь растутъ требованія. Вышлите еще, что будетъ. Деньги вышлемъ вамъ немедля. Что вы уплатите по счету въ гостиницѣ, при случаѣ напишите. Это нужно мнѣ для отнесенія на особую сумму.

Здравствуйте.

К. Повѣдоносцевъ.

13 дек. 1895 ПТБ.

108.

Я всетаки колеблюсь еще, у васъ ли или у Бенке печатать свою большую книжку. Шрифтъ этотъ у Бенке мнѣ нравится, а у васъ, кажется, нѣтъ такого—вашъ экземпляръ не такъ красивъ. Вчера я отправилъ вамъ 2 ящика съ дарохранительницами. Имя кондуктора записано на бумажкѣ. Надѣюсь, что дошли до васъ сохранно. Очень сожалѣю, что не могу быть завтра на концертъ въ Синод. хорѣ.

К. Повѣдоносцевъ.

Петерб. 16 дек. 95.

109.

Любезный Сергѣй Дмитриевичъ.

Желаю сердечно вамъ со всѣмъ вашимъ домомъ скорѣе успокоиться относительно вашей больной и мирно встрѣтить Праздникъ и Нов. Годъ.

Сегодня получилъ книги, благодарю,—и счетъ: деньги 8 р. 90 к. пришлю вамъ при случаѣ, ибо этотъ расходъ отношу на особую сумму. Прилагаемую записку прикажите отнести въ Купеч. Управу, гдѣ адресатъ служить канц. чиновникомъ. Велите просто отдать, не говоря отъ кого. Утруждаю васъ потому, что адресъ его мнѣ не извѣстенъ. Голова идетъ кругомъ—отъ того не выслать еще вамъ деньги для Немир.-Колодкина и пр. Вышлю завтра или послѣ завтра.

Душевно преданный

К. Повѣдоносцевъ.

25 дек. 1895. ПТБ

110.

Любезный Сергѣй Дмитриевичъ.

Посылаю вамъ оригиналь для печатанія. Боюсь, если печатать тою же разрядкой и форматомъ какъ въ изданіи «Для Немногихъ», книжка выйдетъ слишкомъ толста и неуклюжа. Форматъ можно бы взять нѣсколько больше, и наборъ страницы побольше и поля поуже. Да и бумагу не очень толстую, чтобы не было грузно. Бумага въ изданіи Бенке «Для Немногихъ» была поставлена по 15 р. стопа. Въ другомъ изданіи Бенке, что для Богомолова поставлена бумага, помнится, по 8 руб. стопа. Какъ печатать? Статьи печатать каждую отдѣльно, безъ номераніи статей. Номеранія ихъ будетъ лишь въ оглавленіи.

Въ статьѣ о бор-сѣ Розенъ сдѣланы—одно добавленіе и перемѣны. Подстрочныя примѣчанія на франц. яз. я включилъ въ текстъ, а въ подстрочныхъ прим. будетъ переводъ русскій, петитомъ. Статьи о покойномъ Государѣ надо отдѣлить. Именно: послѣ статьи о В. К. Екатерины Мих. слѣдующая страница должна имѣть особый титуль, и затѣмъ слѣдуетъ 2 статьи. Попробуйте приказать набрать страницу и прислать.

Душевно преданный

К. Повѣдоносцевъ.

29 дек. 1895. ПТБ.

Рагузская республика въ XVIII вѣкѣ.

(Изъ донесеній Россійскаго Генеральнаго Консула графа Джикки).

La forme du gouvernement de Raguse est aristocratique. C'est un diminutif de celui de Venise. Le Recteur ou Doge est tiré du nombre des sénateurs. Sa principauté ou la représentation qu'il en fait ne dure qu'un mois et pendant ce temps la, il doit absolument demeurer dans le Palais Public. Il y est servi par des gens de la République laquelle lui passe à lui-même trois ducats par jour. Il a en outre divers petits casuels fruit des prérogatives de sa charge. Il peut redevenir Recteur après un an de vacance et successivement jusqu'à la plus extrême vieillesse. Il n'a d'autre autorité que de présider au Mineur Conseil ou Conseil d'Etat composé de 7 sénateurs lui compris et de faire assembler le Sénat... Il ne sort qu'en forme publique et par devoir. Il est alors précédé d'une musique instrumentale, de ses huissiers vêtus de rouge, de ses deux chambellans en habit d'écarlatte à la Hongroise, ayant toujours le parasol d'autorité de damas rouge à franges d'or. Il est accompagné par les 6 sénateurs Conseillers d'Etat, en robes noires et suivis de tous les secrétaires et des ministres des chancelleries etc vêtus de même. Toutes les fois qu'il sort, les troupes de garde sur la place sont sous les armes en parade, avec leurs officiers respectifs, l'on bat la marche et l'enseigne le salut en inclinant jusqu'à terre le drapeau déployé...

Les familles nobles de la République sont au nombre de 21. Elles ne forment présentement que 70 individus qui composent le Majeur-Conseil ou l'ensemble de toute la République. Tout noble est admis à ce conseil dès qu'il a atteint 18 ans, et par une singularité particulière on compte cet age à commencer du temps de sa conception... Les dites familles par ordre alphabétique sont: Bassegli, Bona, Bosdari, Buccia, Caboga, Cérva, Ghetaldi, Giorgi, Gondola, Gozze, Gradi, Meuze, Natali, Pozza, Ragnina, Resti, Saraca, Slatarič, Sorigo, Tudisi, Zamagna. Les plus anciens du Majeur-Conseil au nombre de 46 composent le Sénat, du quel on tire chaque année le Mineur-Conseil de 6 sénateurs. Celui-ci est comme le référendaire du Sénat, l'exécu-

teur de ses decrets et le tribunal de police du pays. L'age prescrit à la dignité de sénateur est de 36 ans... Le second ordre qu'on appelle des citadins est une bourgeoisie distinguée ou petite noblesse...

Les paysans sont une sorte de serfs de glèbe en ce qu'ils appartiennent aux respectifs seigneur des terres ou ils vivent... Les paysans n'ont ni maisons ni terrains en propre. Le seigneur est tenu de donner à son paysan une habitation et un verger, consistant en un demi arpent de terre, et en revanche le paysan lui fait chaque année un don nommé «p o c l o n» d'un chevreau, 2 poules, 2 poulets et 10 oeufs... Il est obligé absolument à travailler 3 mois entiers par an pour le compte de son seigneur, qui pendant ce temps là doit lui passer la nourriture...

L'état militaire de Raguse... est composé de 300 soldats... Cette troupe formée de «kmet» ou serfs des nobles... est toujours complète par le concours des individus, qui pour se soustraire au joug de la glèbe se jettent dans la capitale et font des instances pour être enrôlés...

La Religion Catholique Romaine est la seule dont on permet l'exercice public à Raguse... Les juifs y ont pourtant leur synagogue... Quant au rite grec-orthodoxe... les grecs se virent réduits à abandonner à Raguse plusieurs églises et monastères... Depuis quelques années... les grecs peuvent (privément pourtant) exercer à Raguse leur religion sans être persécutés ni même inquiétés, comme pendant plusieurs siècles... En vue d'un pareil changement qu'on peut bien nommer permission tacite du gouvernement de Raguse le peu de grecs et d'autres slaves du même rite qui y sont domiciliés se sont hasarder à acheter hors des murs de la capitale une maison et le terrain d'alentour qui en dépend; ils y ont erigé une chapelle.

П е р е в о д ъ.

Образъ правленія Рагузы аристократическій: это въ маломъ видѣ копія съ Венеціанской республики. Ректоръ или Дождь избирается изъ числа сенаторовъ. Его власть и представительство продолжается только одинъ мѣсяць и въ теченіе этого времени онъ обязательно живетъ въ Правительственномъ Дворцѣ. Тамъ ему прислуживаетъ казенная прислуга и изъ казны онъ лично получаетъ по три дуката въ день. Сверхъ того онъ имѣетъ нѣкоторые незначительные доходы, связанные съ прерогативами его сана. Онъ можетъ быть избранъ вновь Ректоромъ чрезъ промежутокъ одного года и переизбранъ затѣмъ неоднократно до глубокой старости. Онъ имѣетъ лишь право председательствовать въ Маломъ или Государственномъ Совѣтѣ, состоящемъ изъ 7 сенаторовъ, и созываетъ Сенатъ. Онъ

появляется на улицѣ не иначе, какъ официально: ему предшествуетъ тогда оркестръ духовой музыки, драбанты въ красныхъ одѣяніяхъ и два его камергера въ пунцовыхъ костюмахъ венгерскаго покроя, при чемъ надъ нимъ несутъ принадлежащій его сану балдахинъ изъ красной Дамасской матеріи съ золотою бахромою. Ему сопутствуютъ при выходѣ 6 сенаторовъ, состоящихъ членами Государственнаго Совѣта, въ черныхъ одѣяніяхъ, за конми слѣдуютъ всѣ секретари и директора канцелярій и другіе правительственные чиновники тоже въ черныхъ одѣяніяхъ. Всякій разъ какъ Дождь выходитъ изъ дворца почетный караулъ на площади отдаетъ ему воинскія почести со всѣми начальствующими офицерами, при барабанномъ боѣ, и знаменщикъ привѣтствуетъ его, преклоняя предъ нимъ до земли распущенное знамя Республики.

Патриціанскихъ фамилій въ Рагузской республикѣ 21. Онѣ въ настоящее время состоятъ всего изъ 70 лицъ, которыя составляютъ Главный Совѣтъ или Общее Собраніе всей республики. Всякій патрицій допускается въ Главный Совѣтъ по достиженіи имъ 18-лѣтняго возраста, и по странному мѣстному закону—возрастъ этотъ исчисляется со дня его зачатія. Эти патриціанскія фамиліи, въ алфавитномъ порядкѣ, слѣдующія: Бассели, Бона, Боздари, Букчіа, Кабога, Церва, Геталди, Джіорджи, Гондола, Гоцце, Гради, Меузе, Натали, Поцца, Раньина, Рести, Сарака, Златаричъ, Сорго, Тудизи и Заманья. 46 самыхъ старшихъ по возрасту изъ числа членовъ Главнаго Совѣта составляютъ Сенатъ, изъ состава коего ежегодно избирается Малый Совѣтъ изъ 6 сенаторовъ. Этотъ Малый Совѣтъ—исполнительный органъ Сената; онъ приводитъ въ дѣйствіе Сенатскіе декреты и служитъ высшимъ судилищемъ по административнымъ дѣламъ. Возрастъ, предписанный для вступленія въ число сенаторовъ,—не моложе 36 лѣтъ. Второй классъ населенія—граждане, иѣчто въ родѣ мелкопомѣстнаго дворянства.

Крестьяне состоятъ какъ бы въ крѣпостномъ состояніи, такъ какъ находятся въ полной зависимости отъ собственниковъ земельныхъ участковъ, на коихъ живутъ. Крестьяне не имѣютъ въ собственность ни домовъ, ни земли. Землевладѣльцы, на земляхъ коихъ живутъ крестьяне, обязаны давать каждому изъ нихъ жилище и огородъ величиною въ полдесятины, и за это крестьянинъ обязанъ сдѣлать землевладѣльцу ежегодно подношеніе, называемое «поклонъ»: козленка, 2 курицы, 2 цыплятъ и 10 яицъ. Крестьяне безусловно обязаны работать ежегодно три полныхъ мѣсяца на землѣ собственника, который, въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, обязанъ кормитъ крестьянина на свой счетъ.

Вооруженныя силы Рагузы состоятъ изъ трехъ сотъ солдатъ. Это войско набирается изъ «кметовъ» или крѣпостныхъ крестьянъ. Комплектъ всегда полный, такъ какъ «кметы», чтобы избѣжать крѣпостной зависи-

мости, всегда весьма охотно поступаютъ въ войско и настоятельно этого добиваются.

Только исповѣданіе римско-католическое пользуется правомъ публичнаго богослуженія въ Рагузѣ. Однако евреи имѣютъ въ городѣ синагогу. Что же касается православнаго исповѣданія—греки были вынуждены отказаться отъ пользованія своими церквами и монастырями въ Рагузѣ. Впрочемъ, съ недавняго времени, греки могутъ приватно совершать въ Рагузѣ богослуженіе, не подвергаясь преслѣдованіямъ или придиркамъ, какъ то было въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Въ виду такой перемѣны въ отношеніяхъ къ православію со стороны Рагузскаго Правительства,—перемѣны, которую можно назвать молчаливымъ согласіемъ,—тѣ немногочисленные греки и славяне православнаго исповѣданія, которые проживаютъ въ Рагузѣ, рискнули купить внѣ городскихъ стѣнъ домъ съ участкомъ земли и устроили тамъ домашнюю церковь.

(Извлеченіе изъ донесенія Императорскаго Россійскаго Генеральнаго Консула въ Рагузѣ Графа Антона Джики въ Имп. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 2/13 июня 1792 года, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Сообщилъ С. В. Арсеньевъ.

Ф. И. СВИСТУНЪ.

Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи.

Съ предисловіемъ *Т. Т. Аристова.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатая въ исправленномъ и дополненномъ видѣ единственный въ своемъ родѣ и почти неизвѣстный въ Россіи трудъ Ф. И. Свистуна, подъ заглавіемъ: «Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи», сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, извѣстномъ галицко-русскомъ ученомъ, публицистѣ и общественномъ дѣятелѣ.

Филиппъ Ивановичъ Свистунъ родился 15 (27) ноября 1844 года въ Галичинѣ, въ деревнѣ Тоболовѣ, Струмилово-Каменецкаго уѣзда, въ крестьянской семьѣ. Начальное образованіе получилъ въ народной школѣ въ Витковѣ и городскомъ училищѣ въ Бродахъ, затѣмъ учился въ академической гимназій въ Львовѣ и въ 1863 году поступилъ на философскій факультетъ Львовскаго университета, гдѣ слушалъ лекціи по исторіи, географіи, классической филологіи и философіи и работалъ въ историческомъ семинаріи подъ руководствомъ Г. Цейссберга, впослѣдствіи профессора Вѣнскаго университета.

Въ 1867 году Ф. И. Свистунъ занялъ должность преподавателя гимназій Франца-Іосифа во Львовѣ, а въ 1870 году былъ назначенъ профессоромъ (преподавателемъ) гимназій въ Ряшевѣ. Педагогическая дѣятельность его продолжалась свыше 33 лѣтъ. Въ 1901 году онъ вышелъ въ отставку и принялъ должность хранителя бібліотеки и музеевъ «Народнаго Дома» во Львовѣ.

Въ томъ же 1901 году общее собраніе членовъ «Общества имени Михаила Качковскаго» избрало Ф. И. Свистуна въ составъ главнаго правленія и съ этого времени онъ управлялъ Обществомъ сперва въ качествѣ товарища предсѣдателя (вмѣсто больного Б. А. Дѣдицкаго), а затѣмъ, съ 1903 года, какъ предсѣдатель. Его трудами и заботами кругъ дѣятельности Общества былъ значительно расширенъ и число членовъ возрасло съ 6-ти до 11-ти тысячъ. Не довольствуясь издачіемъ книжекъ духовно-нравственнаго содержанія, Общество начало устраивать курсы по сельскому хо-

зайству, основывать кооперативные союзы, заводить опытные и показательные поля, распространять лучшие и неизвестные еще крестьянам сорта сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, организовывать страждующихъ учителей по сельскому хозяйству и учреждать вольные пожарныя дружины,—вообще работать и на экономическомъ поприщѣ на пользу бѣднаго, забитаго населенія Галичины.

Въ 1908 году Ф. И. Свистунъ былъ избранъ председателемъ научно-литературнаго Общества «Галицко-Русская Матица», дѣятельность котораго, однако, должна была на время прекратиться вслѣдствіе большой задолженности по своимъ изданіямъ.

На литературное поприще Ф. И. Свистунъ выступилъ въ 1875 году, когда началъ сотрудничать во львовскомъ «Словѣ», помѣщая въ немъ безъ подписи вплоть до прекращенія этой газеты въ 1886 году свои статьи о политической, церковной, школьной и вообще культурной жизни Карпатской Руси. Писалъ онъ также въ газетахъ, издававшихся покойнымъ О. А. Марковымъ: «Проломѣ» (1882), «Новомъ Проломѣ» (1883—1887), «Червонной Руси» (1888—1890), «Галицкой Руси» (1891—1892) и «Галичанинѣ» (съ 1892 г.).

Важнѣйшія статьи Ф. И. Свистуна появились въ «Бесѣдѣ» О. А. Мончаловскаго за 1888—1898 годы, а интересныя письма изъ Галичины печатались въ выходившемъ въ Петроградѣ подъ редакціей покойнаго проф. А. С. Вудиловича журналѣ «Славянское Обозрѣніе».

Съ 1894 г. Ф. И. Свистунъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ «Общества имени Михаила Качковскаго», въ которыхъ напечатано много его рассказовъ, историческихъ повѣстей и статей по исторіи, географіи, гигиенѣ, политической экономіи, законовѣдѣнію и народному образованію. Съ 1904 года онъ состоялъ редакторомъ изданій этого Общества.

Статьи Ф. И. Свистуна помѣщались также во «Временникѣ Ставропигійскаго Института», «Научно-Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы» и въ «Вѣстникѣ Народнаго Дома».

Помимо литературныхъ трудовъ, Филиппъ Ивановичъ всегда принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни Галицкой Руси. Въ самое послѣднее время, незадолго до великой войны, когда Галичину постигъ страшный голодъ, онъ былъ избранъ председателемъ «Русскаго Спасательнаго Комитета», вѣдавшаго дѣло помощи галицко-русскимъ крестьянамъ. Начавшаяся великая война заставила Филиппа Ивановича Свистуна вмѣстѣ съ другими галицко-русскими дѣятелями переселиться

въ предѣлы Россіи, въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ онъ и скончался 13 (26) іюня 1916 года.

Лица, болѣе подробно интересующіяся жизнью и дѣятельностью Ф. И. Свистуна, могутъ найти его автобіографію, перечень всѣхъ напечатанныхъ сочиненій, портреты, указатель о немъ литературы и проч. во второмъ томѣ изслѣдованія *Θ. Θ. Аристова «Карпато-русскіе писатели»*.

Θ. Θ. Аристовъ.

I. Первый раздѣлъ Польши и занятіе Галичины и Буковины Австріей.

Въ выборѣ Станислава-Августа Понятовскаго польскимъ королемъ Австрія видѣла опасность для своихъ интересовъ и поэтому поручила своему посланнику Мерси всѣми возможными способами противодѣйствовать возведенію на польскій престоль лица, о которомъ было извѣстно, что оно пойдетъ рука-объ-руку во внутренней и виѣшней политикѣ съ Россіей и Пруссіей. Лѣтомъ 1764 г. съѣхались въ Бардіевѣ, городѣ Прашевскаго комптата, и въ Любомлѣ, на Спишѣ, противники русской (Чарторыйскаго) партіи, именно: епископъ Краковскій Солтыкъ, епископъ Каменецкій Красинскій, вельможи Браницкій, Ржевусскій, Томашъ Солтыкъ, князья Любомірскіе, чтобы, съ согласія Австріи, возбуждать своихъ земляковъ противъ Россіи и Пруссіи. Другіе эмигранты собирались въ Угріи, въ Земплинскомъ комптатѣ.

Однако, несмотря на всѣ усилія Австріи, 7 сентября 1764 г. королемъ польскимъ единогласно былъ избранъ Станиславъ Понятовскій. Тогда канцлеръ Кауницъ, руководившій австрійскою иностранною политикой, въ виду совершившагося факта, рѣшилъ больше не выступать противъ новоизбраннаго короля, а вмѣстѣ съ Франціей направить свои усилія, чтобы новый король освободилъ себя отъ зависимости отъ Россіи и Пруссіи ¹⁾.

Послѣдовавшія вскорѣ событія въ Польшѣ не предвѣщали успѣха этой политикѣ. Хотя король и Чарторыйскіе отклонили проектъ заключенія наступательно-оборонительнаго союза Польши съ Россіей и желали вести самостоятельную виѣшнюю и внутреннюю политику, однако, такая политика была уже непосильна ихъ разслабленному отечеству. Противъ нихъ стали возникать конфедераціи: протестантовъ въ Торунѣ, православныхъ въ Луцкѣ и сторонниковъ древнихъ шляхетскихъ вольностей въ Радомѣ. Послѣдняя рѣшила даже опереться на Россію.

Такимъ образомъ Россія имѣла преобладающее вліяніе въ Польшѣ. Ея посоль Ренингъ, располагавшій 8.000 войска, стоящаго въ Литвѣ, имѣлъ

¹⁾ Fr. Krones: «Geschichte der Neuzeit Oesterreichs», стр. 310.

въ Варшавѣ авторитетный голосъ, чѣмъ и воспользовался, чтобы прежде всего облегчить судьбу православныхъ. Въ іюлѣ 1765 г. прибылъ въ Варшаву Конисскій, православный епископъ Могилевскій, чтобы добиться у короля возвращенія 150 церквей, захваченныхъ уніатами. Россійскій посолъ Репнинъ вступился за него, и король не могъ отказать въ его требованіи. Конисскій отправился въ восточныя воеводства Польши и возвратилъ православнымъ около 300 церквей. По настоянію Репнина польскій сеймъ 1766 г. особою конституціей призналъ свободу вѣроисповѣданія и совершенія богослуженій въ протестантскихъ и православныхъ церквахъ, разрѣшилъ возобновлять развалившіяся церкви, существовавшія въ 1717 году, и освободилъ духовенство и церковный причтъ отъ всякихъ налоговъ и податей.

Если у диссидентовъ, т.-е. у православныхъ и протестантовъ, не было своей церкви, то они могли совершать богослуженіе въ частномъ домѣ, мертвецовъ же своихъ хоронить на католическомъ кладбищѣ, въ мѣстѣ, которое укажетъ имъ католическій епископъ. Конституція сейма 1767—1768 г., хотя и объявила католическую религію господствующею въ Польшѣ и запретила переходъ изъ нея въ другое вѣроисповѣданіе, все же дала диссидентамъ новыя льготы. Она упразднила всѣ старыя эдикты противъ еретиковъ и конституціи отъ 1713, 1717, 1736, 1764 гг., направленные противъ иновѣрцевъ. Диссидентамъ разрѣшалось возвращать занятыя католиками послѣ 1717 г. церкви и строить новыя, ихъ освободили отъ римскаго духовнаго суда и отъ обязанности платить латинскому духовенству *jura stolae*. Разрѣшались смѣшанныя супружества, а для споровъ между иновѣрцами и католиками въ духовно-церковныхъ дѣлахъ устанавливался смѣшанный судъ изъ 8 диссидентовъ и 8 католиковъ. Диссидентамъ открывался доступъ ко всѣмъ должностямъ и чинамъ Рѣчи Посполитой. Противившіеся уступкамъ въ пользу диссидентовъ епископы: Краковскій—Солтыкъ и Кіевскій—Іосифъ Залускій, а также гетманъ Вацлавъ Ржевускій были арестованы генераломъ Игельстромомъ и подъ стражей сосланы въ Россію, въ Калугу. Епископъ Каменецкій Красинскій, державшій ихъ сторону, спасся бѣгствомъ, передѣвшись евреемъ.

Принципы вѣротерпимости, провозглашенные подъ вліяніемъ Россіи, задѣли за живое рьяныхъ польскихъ католиковъ. Особенно латинское духовенство и польская шляхта Подолія, Волыни и Украйны, видя вокругъ себя возстановляющееся православіе, испугались утраты своихъ мѣстъ и даже имѣній въ русскихъ земляхъ и забили тревогу. Избѣгшій російскаго плѣна епископъ Адамъ Красинскій и Варецкій староста Іосифъ Пуласскій заключили въ Барѣ, маленькой крѣпости Брацлавскаго воеводства, 29 февраля 1768 г. конфедерацію, чтобы защищать преимущества католицизма и освободить Польшу отъ русскаго вліянія. Конфедерація распространилась вскорѣ на всю Малопольшу и всюду по-

являлись большіе и маленькіе отряды, сражавшіеся отчаянно, но безуспѣшно, съ русскими войсками, прибывшими для подавленія новаго движенія.

Въ Сяноцкомъ округѣ собралось около 6.000 конфедератовъ подъ предводительствомъ Браницкаго, котораго вскорѣ замѣстилъ Мартинъ Любомірскій, принявшій титулъ генералъ-региментаря Краковскаго, Салдомірскаго и Русскаго воеводства. Религіозный фанатизмъ и ненависть къ православію, раздуваемые конфедератами, вызвали противодѣйствіе со стороны малорусскаго населенія. Подъ предводительствомъ Желѣзняка, Бѣлуги, Усача, Шила, Гонты и другихъ возсталъ народъ на Украйнѣ, убилъ въ одной Умани 18.000 католиковъ и евреевъ и мстилъ за обиды, наносимыя православною вѣрѣ. Конфедераты во многихъ мѣстахъ враждебно выступали также и противъ униатовъ, обвиняя ихъ духовенство въ томъ, что оно якобы, по порученію своихъ владыкъ, подстрекаетъ на исповѣди народъ къ возстанію противъ конфедератовъ ¹⁾. Этимъ обвиненіямъ повѣрили католики, и униатскіе епископы рѣшили собраться 16 іюля 1769 г. во Львовѣ на совѣщаніе, чтобы рѣшить, какимъ образомъ опровергнуть взводимую на ихъ духовенство клевету. Вражда конфедератовъ противъ униіи возмутила русскихъ лемковъ. Тотчасъ возстали жители русскихъ селъ Мушинскаго лѣчебнаго источника, принадлежавшаго Краковскому епископу. Они собрались подъ одной горой, окопались и оттуда производили нападенія на шляхетскіе дворы и отряды конфедератовъ. Поляки видѣли въ этомъ возстаніи крестьянъ подстрекательство «Москвы» и искали связи между нимъ и подобными же событіями на Украйнѣ ²⁾, хотя оно было вызвано исключительно религіозной враждой и притѣсненіями со стороны конфедератовъ. «Року Божія 1769, конфедераты въ горы вбѣлись, обозы ставили, села сожигали, людей вѣшали. Брали на силу воловъ, коней и всякую дань. Изъ русскихъ священниковъ брали по три дукаты, а кромѣ того, овесъ, масло, и що понадобилось: солонину, куры, гуси, хлѣбъ. Людей гнали они рубати лѣсъ и сыпати шанцы». Такъ гласитъ современная записка на евангеліонѣ ³⁾,

Изъ иностранныхъ государствъ къ конфедератамъ благоволили Франція и Австрія. Конфедераты надѣялись на ихъ помощь. Въ октябрѣ 1768 года одинъ изъ конфедератскихъ вождей, Красинскій, отправился въ Версаль и посѣтилъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Вѣну. Еще передъ прїѣздомъ Красинскаго Франція усердно занялась дѣломъ Барской конфедерации и чрезъ своего посланника Верженнъ склонила Турцію къ объявленію

¹⁾ Антоній Добрянскій: «Исторія епископовъ трехъ соединенныхъ епархій: Перемышльской, Самборской и Сяноцкой». Львовъ, 1893. Глава: Аванасій Шептицкій.

²⁾ St. Wodzicki: «Wspomnienia z przeszłości 1768—1840». Краковъ, 1874, стр. 33.

³⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1700—1772», стр. 288.

Россіи войны, Австрія же въ концѣ 1768 г. позволила конфедератамъ избрать силезскій городъ Гѣшинъ мѣстомъ совѣщаній и своимъ убѣжищемъ. По мѣрѣ того, какъ русскія войска разбивали конфедератовъ и вытѣсняли ихъ изъ Польши—Шарышскій комитатъ въ Угріи сдѣлался для нихъ главнымъ убѣжищемъ. Одновременно Австрія отправляла свои войска, которыя въ началѣ 1769 г. расположились на польско-австрійской границѣ на пространствѣ отъ Силезіи до Семиграда, включая и послѣдній край. Хотя Австрія объявила себя нейтральною по отношенію къ совершившимся на ея сѣверо-восточной границѣ событіямъ, все-таки многіе полагали, что она поспѣшитъ на помощь конфедератамъ. Папскій нунцій писалъ 13 мая 1769 г. въ Римъ объ этой помощи, какъ не подлежащей ни малѣйшему сомнѣнію. Съ этой же точки зрѣнія смотрѣли также и на занятіе австрійскими войсками (весною 1769 г.) 13 спишскихъ городовъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой съ 1412 г. Къ войнѣ съ Россіей склоняли Австрію Франція и Турція. Последняя предлагала, въ случаѣ побѣды, подѣлиться съ Австріей польскими землями.

Для такой войны нужна была, однако, если не помощь, то по крайней мѣрѣ нейтральность Пруссіи. Чтобы вывѣдать о расположеніи Фридриха II, Кауницъ устроилъ двукратный съѣздъ Іосифа II съ прусскимъ королемъ: въ августѣ 1769 г. въ Ниссѣ и въ сентябрѣ 1770 г. въ моравскомъ Новомъ-Мѣстѣ. Фридрихъ II давалъ уклончивые отвѣты, обѣщая лишь свое посредничество при заключеніи мира между Россіей и Турціей, такъ какъ Австрія грозила, въ случаѣ продолженія войны, выступить въ защиту Турціи. Іосифъ II убѣдился, что существуетъ тѣсная дружба между Фридрихомъ II и Екатериною II. Дѣйствительно уже тогда существовалъ тайный договоръ между Пруссіей и Россіей, обезпечивавшій послѣдней дѣятельную помощь въ случаѣ войны ея съ Австріей.

Согласно обѣщанію, данному Іосифу II, Фридрихъ II отправилъ въ октябрѣ 1770 г. принца Генриха въ Петроградъ, чтобы склонить Россію къ скорѣйшему окончанію турецкой войны и заключенію такого мира, который не слишкомъ бы нарушалъ интересы Австрій. Сверхъ того принцъ Генрихъ долженъ былъ предложить русскому двору проектъ раздѣла Польши между тремя сосѣдними государствами. Это средство должно было примирить интересы Австрій, Россіи и Пруссіи. Фридрихъ II надѣялся при осуществленіи этого проекта получить для себя большія выгоды. Во-первыхъ, Пруссія могла, распространивъ свои предѣлы къ западу, обезпечить за собою Силезію и восточную Пруссію; во-вторыхъ, она надѣялась, отдавъ въ руки Австрій часть Польши, какъ вознагражденіе за утрату Силезіи, задобрить Австрію и освободиться отъ вражды и опасности. Мысли, предлагаемыя прусскимъ принцемъ, пали въ Петроградѣ на благопріятную почву, тѣмъ болѣе, что годъ тому назадъ Австрія, заставъ спишскіе города, первая подала примѣръ раздѣла Польши. Фридрихъ II

совѣтоваль Австріи занять не только часть Польши, но также Молдавію и Валахію.

Австріи предстояло или выступить на защиту Турціи и объявить войну Россіи, или искать, въ виду усилившагося могущества Россіи на югѣ, вознагражденія для себя за счетъ Польши. Австрія избрала послѣднее. Хотя она 15 августа 1771 г. заключила съ Турціей тайный договоръ, въ силу котораго обязалась за уступку Малой Валахіи по Аляту охранять территориальную неприкосновенность Турціи, но на дѣлѣ дѣлала приготовленія къ занятію земель у сѣвернаго и восточнаго склоновъ Карпатъ.

Еще 19 іюля 1770 г. придворнымъ военнымъ совѣтомъ отданъ былъ приказъ занять войсками южную часть старостствъ Сандецкаго, Новоторгскаго и Чорштинскаго и одновременно архивариусъ Розенталь и директоръ придворной бібліотеки Колларъ получили повелѣніе собрать всѣ историческія свидѣтельства, доказывающія права Австріи на польскій Спись и смежныя области. Фридрихъ II ликовалъ. «Ищите дальше,—говорилъ онъ австрійскому посланнику Фанъ Свитець,—можетъ-быть, у васъ найдется еще право на какое-нибудь польское воеводство». Занятіе сѣвернаго склона Карпатъ Австріей было рѣшено. Она намѣревалась овладѣть также Молдавіей и Валахіей и съ этой цѣлью въ 1771 г. были посланы офицеры главнаго штаба въ нынѣшнюю Румынію для обзоренія мѣстностей и выясненія вопроса, насколько пріобрѣтеніе этихъ земель принесетъ Австріи пользу въ военномъ, торговомъ и политическомъ отношеніяхъ ¹⁾. Комиссія пришла къ тому заключенію, что для защиты Австріи съ востока необходимо овладѣть восточнымъ склономъ горъ. Этотъ проектъ комиссіи въ цѣломъ не осуществился, такъ какъ только позднѣе часть Молдавіи—Буковина была занята Австріей, но вмѣсто того рѣшено было приступить къ занятію частей Малопольши, именно древняго Галицко-Владимірскаго княжества.

Австрія предъявила свои притязанія на Малопольшу, основываясь на слѣдующемъ ²⁾: 1) на закладной королей Людвигъ I угорскаго и Казимира Великаго отъ 1352 г. ³⁾; 2) на отреченіи Сигизмунда отъ польскаго,

¹⁾ С. Н. Палаузовъ: «Австрія со времени революціи 1848 г.». Петроградъ, 1860, стр. 64.

²⁾ Praevia explicatio jurium Hungariae in Russiam minorem et Podoliam ed. 1772.—Krones: «Geschichte der Neuzeit Oesterreichs», стр. 323.

³⁾ Содержаніе этой закладной слѣдующее: Король Людвигъ, съ согласія своего брата Стефана, даетъ въ пожизненное владѣніе королю Казимиру по праву наслѣдія этому послѣднему законно принадлежащее угорской коронѣ Галицко-Владимірскаго королевство. Если бы у Казимира родился сынъ, то Людвигъ и его законные наслѣдники имѣли бы право выкупить упомянутое королевство за 100.000 угорскихъ флореновъ. Въ случаѣ же безпотомственной кончины Казимира, королевства польское

а Ядвиги и Владислава Ягайла отъ угорскаго престола въ 1394 г., послѣ чего произошелъ захватъ (?) Червонной Руси поляками въ 1395 г. ¹⁾, и на мировой сдѣлкѣ между Сигизмундомъ и Владиславомъ Ягайломъ отъ 15 марта 1412 г. ²⁾, подтвержденной въ 1415, 1423 и 1440 гг., въ которой вопросъ о правѣ собственности относительно Червонной Руси, Подоліи и Молдавіи объявленъ былъ открытымъ; 3) на послѣдующихъ требованіяхъ угорскаго сейма объ отдачѣ этихъ земель; 4) на Бендзинскомъ договорѣ между Австріей и Польшей въ 1589 г., въ силу котораго Австрія отказалась лишь отъ собственной Польши; 5) на непрерывномъ помѣщеніи въ угорскомъ королевскомъ титулѣ опредѣленія rex Galitiae et Lodomeriae даже до Маріи-Терезіи; 6) на обстоятельствѣ, что въ 1763 г. сами же поляки косвенно признали права Угріи на Червонную Русь ³⁾.

Въ январѣ 1772 г. вѣнское правительство приказало принять въ подданство жителей Сандецкаго округа. Когда же 19 февраля Марія-Терезія и Иосифъ II обязались въ согласіи съ берлинскимъ и петроградскимъ дворами приступить къ раздѣлу Польши, подѣ условіемъ, дабы приобретаемая тремя державами часть были равны,—Австрія отказала конфедератамъ въ гостепримствѣ и сдѣлала приготовленія, чтобы ея войска тремя отрядами подѣ предводительствомъ генераловъ Гаддика, Эстергази и Алтона заняли прежде всего солянныя копи въ Бохнѣ и Величкѣ и гор. Львовѣ. Гражданскимъ губернаторомъ для новоприобрѣтаемыхъ земель былъ назначенъ гр. Пергенъ. Въ половинѣ мая отрядъ австрійскаго войска перешелъ черезъ Дуклянской переваль и, отгѣсня конфедератовъ, подвиг-

и русское становятся собственностью Людвига и его потомковъ, или Стефана и его мужскихъ наслѣдниковъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ этотъ договоръ былъ заключенъ не въ 1352, а въ 1350 г., 4 апрѣля. (Смотри: «Smolka rok 1386», стр. 135.—Brajer: «Wł. dysław Opolski», стр. 50.—Matiej-w: «Jahresbericht des II Ober-Gymn.» Lemberg, 1886—Huber «Ludwig I.» «Archiv für oesterr. Gesch.» 1885, 66, стр. 15.—И. П. Филевичъ: «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе». Петроградъ, 1890, стр. 94—96.—Dr. A. Prochaska: «Kwart. hist.» Lwow, V, стр. 276, VI, стр. 22).

¹⁾ Изложеніе запутанное. Извѣстенъ лишь сѣздъ Сигизмунда и Ягайла въ Санчѣ въ 1396 г., но условія здѣсь же заключеннаго договора неизвѣстны. Въ 1396 г. Ядвига получила титуломъ вѣна Куявы и Русь, но въ соотвѣтственномъ документѣ называется она «наслѣдницею Угріи» (heres Ungarie).

²⁾ Договоръ въ Любомлѣ. Людвигъ и Ягайло условливаются, чтобы Молдавія осталась подѣ властью Ягайла и лишь помогала уграмъ въ войнахъ съ Турціей. Русь и Подолія до конца жизни Ягайла или Сигизмунда и 5 лѣтъ послѣ кончины кого-нибудь изъ нихъ остаются за Ягайломъ. Въ продолженіе указанныхъ 5 лѣтъ смѣшанная комиссія изъ угорскихъ и польскихъ епископовъ и бароновъ должна присудить эти земли одной изъ спорящихъ державъ.

³⁾ Это относится къ письму польскаго подканцлера Варминскаго епископа Андрея Залускаго, отъ 4 августа 1673 г., заключающему слѣдующія слова: «Импер. посланникъ бар. Штромъ предложилъ записку вѣнскаго двора, касающуюся исторіи заклада Спиша Польшѣ. Надо быть на-стражѣ и имѣть подѣ рукою оговорку, если бы императоръ потребовалъ Червонную Русь и Подолію».

пулся къ Пильзену ¹⁾. Одновременно выступилъ ген. Алтопъ изъ Силезіи, занялъ 8 іюня Ланцкорону, 11 іюня Величку и впослѣдствіи все пространство къ устью Сяна, Люблину, Холму и Белзу. Ген. Эстергази вступилъ въ Стрыйскій округъ и вмѣстѣ съ русскимъ ген. Каменскимъ занялъ Самборскую область. Ген. Гаддикъ остановился 24 іюня лагеремъ подъ Львовомъ, но вступилъ въ этотъ городъ лишь послѣ того, какъ 15 сентября вышли находившіеся въ немъ русскіе ²⁾. Австрійскіе вожди повсюду распространяли манифестъ, изданный въ главной квартирѣ въ Пряшевѣ 10 іюня, что императрица Марія-Терезія беретъ польскій край подъ свою опеку, что всѣмъ жителямъ гарантируется безопасность личности и имѣнія и что польскіе чиновники должны остаться на своихъ мѣстахъ. Отряды конфедератовъ, находившіеся на прострaнствѣ, занятомъ Австріею, должны были упраздниться вслѣдствіе приказа гр. Гаддика отъ 4 августа.

Между тѣмъ въ Петроградѣ происходили дальнѣйшіе переговоры относительно раздѣла Польши. Австрія требовала для себя, кромѣ нынѣшней Галичины, еще линіи Буга, т.-е. воеводство Люблинское и Холмскую землю, но должна была подъ давленіемъ берлинскаго двора уменьшить свои домогательства. Договоромъ отъ 2 августа опредѣлены были для австрійской части слѣдующія границы: начиная съ австрійской Силезіи, рѣка Висла до устья Сяна, затѣмъ линія черезъ Замостье и Грубешовъ до Буга, оттуда до Збаража и рѣкою Подгорцы (подъ нею подразумѣвается Сереть) къ Днѣстру и Карпатамъ, обнимая Покутье.

Для организаціи новой провинціи прибылъ 29 сентября во Львовъ губернаторъ гр. Пергень. Первымъ его дѣломъ было призвать львовскихъ мѣщанъ къ присягѣ на вѣрность австрійской императрицѣ и ея сыну Иосифу II. Но мѣщане отказывались, заявивъ, что будто бы они уже присягали на вѣрность польскому королю и никто ихъ отъ той присяги не освобождалъ; что они являются низшимъ сословіемъ въ Рѣчи Посполитой, слѣдовательно, не съ нихъ, а съ пановъ-пляхты слѣдуетъ начинать принятіе присяги. Кромѣ того, мѣщане подали губернатору просьбу, чтобъ онъ воспретилъ евреямъ всякую торговлю. Такъ какъ шляхта оказывала еще меньше готовности объявить свою покорность, то губернаторъ придумалъ иной торжественный актъ, имѣвшій цѣлью—засвидѣтельствовать водвореніе австрійской власти въ новой провинціи. Въ воскресенье, 4 октября, было устроено торжественное богослуженіе въ латинской кафедрѣ, во время котораго разставленное вокругъ войско и пушки на валахъ возвѣщали о началѣ австрійскаго владѣнія, воины же вмѣстѣ съ толпою народа кричали: «Да здравствуетъ императрица Марія-Терезія и императоръ Иосифъ II!» Послѣ окончанія этой церемоніи губернаторъ отправилъ

¹⁾ Arneth: «Gesch. Maria-Theres.», VIII, стр. 382.

²⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800 г.».

ся съ епископами и канониками съ поздравленіемъ къ военному коменданту Гаддику. Для участія въ этомъ торжествѣ приглашенъ былъ также русско-уніатскій епископъ Левъ Шептицкій, но онъ не прибылъ, заявляя, что у него есть своя церковь ¹⁾.

Столицею новой австрійской провинціи, названпой «королевствомъ Галиціи и Лодомеріи», избранъ былъ городъ Львовъ. Гр. Пергенъ издалъ вскорѣ для области два распоряженія: въ первомъ онъ обѣщалъ жителямъ всѣхъ сословій личную и имущественную безопасность, а во второмъ призывалъ чиновниковъ изъ временъ польскаго владычества въ продолженіе мѣсяца опредѣлить характеръ своей должности. Старосты-тенутаріи (арендаторы) королевскихъ имѣній получили приказъ представить правительству точное описаніе находящихся у нихъ имѣній по числу крестьянскихъ душъ, доходамъ и проч. Имъ же вмѣнялось въ обязанность не рубить лѣсовъ, не продавать отдѣльныхъ участковъ земли и вообще не дѣлать убытка державѣ. Чтобы предупредить расхищеніе коронныхъ имѣній частными лицами, правительство опредѣлило въ 1777 г. преміи всѣмъ тѣмъ, кто доносилъ о незаконномъ владѣніи государственнымъ имѣніемъ.

Польскій сеймъ, созванный въ 1773 г. для утвержденія раздѣла Польши, одобрилъ (въ апрѣлѣ) уступку Червонной Руси Австріи и освободилъ ея жителей отъ польскаго подданства. Тогда же императоръ Іосифъ II рѣшилъ посѣтить Галичину. Это посѣщеніе относилось къ русской части Галичины. Еще въ 1770 г. Іосифъ II объѣзжалъ Угорскую Русь и принималъ отъ русскихъ жителей изъявленія покорности въ Кошицахъ и Ужгородѣ. Теперь, въ 1773 г., онъ отправился 26 іюня изъ Кошиць черезъ Карпаты и направилъ свое путешествіе черезъ Лѣско, Сянокъ, Березовъ, Дыневъ, Дубецко, Ярославъ и Яновъ во Львовъ. По дорогѣ онъ избѣгалъ посѣщенія дворовъ шляхты и останавливался для отдыха и ночлега въ гостиницахъ. Императоръ старался прежде всего сблизиться съ русскимъ простонародіемъ и узнать его нужды. Во Львовѣ онъ остановился у мѣстнаго аптекаря.

Въ это время комиссія опредѣляла восточную границу Галичины, принимаясь за установленіе межевыхъ столбовъ на рѣкѣ Серетѣ, названной въ атласѣ Польши въ 1772 г. Подгорцами. Когда Іосифъ II посѣтилъ окрестности Збаража, онъ былъ до того пораженъ плодородностью почвы, что велѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ полосу земли между Серетомъ и Збручемъ. По его мнѣнію, Збручъ имѣлъ гораздо большее стратегическое значеніе, нежели Серетъ. Такимъ образомъ, восточную границу Галичины сдѣлался Збручъ, но получилъ, примѣнительно къ трак-

¹⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800 г.», стр. 9—11.

татамъ раздѣла, говорившимъ о рѣкѣ Подгорцахъ, какъ о восточной границѣ, официальное названіе Подгорцы.

«Наша Галичина,—писалъ Іосифъ II своей матери,—преисполнена самыми лучшими чувствами, но *здѣшній крестьянинъ—несчастливъ и лишь физическою жизнью напоминаетъ чловѣка*. Мелкая шляхта также крайне бѣдна и угнетаема вельможами. *Всѣ ждутъ отъ насъ справедливости*. Одни магнаты не довольны».

Іосифъ II совѣтовалъ матери вмѣсто гр. Пергена назначить губернаторомъ Галичины болѣе дѣятельнаго гр. Брбна, принять мѣры къ улучшенію экономическаго благосостоянія края и основать духовныя семинаріи для образованія духовенства, *находившагося, по его увѣренію, въ крайнелъ невѣжествѣ*. Современемъ онъ предлагалъ учредить сеймовое представительство духовенства, шляхты и мѣщанъ.

Вскорѣ послѣ этого путешествія Галичина была (договоромъ отъ 18 сентября 1773 г. между Польшей и Австріей) окончательно уступлена Австріи и тогда были призваны ея жители принести присягу на вѣрность Австріи. Отъ имени духовенства совершили этотъ актъ (29 декабря) епископы, отъ имени шляхты—42 выборныхъ, отъ имени городовъ и сельскихъ начальства ¹⁾. Шляхта поручила своимъ выборнымъ, чтобы передъ принесеніемъ присяги они выставили различныя требованія. Выборные львовской земли домогались обезпеченія свободы католическаго вѣроисповѣданія, запрещенія строить протестантскія и православныя церкви, наказанія смертью и конфискаціей имѣній отступниковъ отъ католичества ²⁾. Станиславовская шляхта, ссылаясь на принадлежность Галичины къ угорской коронѣ, требовала для себя правъ и преимуществъ угорскаго дворянства, права внесенія всякихъ просьбъ и представленій правительству и независимаго шляхетскаго судопроизводства посредствомъ выборныхъ судей. На свои требованія шляхта не получила никакого отвѣта, но, несмотря на это, она принесла присягу.

Обращеніе австрійскихъ чиновниковъ со шляхтою было самое безцеремонное. Губернаторъ держалъ приглашеннаго вельможу долго въ передней и часто даже не допускалъ къ себѣ. За малѣйшее сопротивленіе власти посылали шляхтичу въ его домъ воина, который размѣщался въ панской спальнѣ ³⁾. Вообще австрійское правительство старалось смирить

¹⁾ Wł. Loziński: «Galicia—kilka obrazków z pierwszych lat historyi galicyjskiej». Львовъ, 1872, стр. 1—34.

²⁾ Рукопись бібліотеки Оссолинскихъ № 331, стр. 75.—А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1880 г.», стр. 30.

³⁾ Fr. Karpiński: «Pamiętniki», Львовъ, 1849, стр. 118.

гордость шляхтича и дать ему почувствовать, что существуетъ власть. Дворовая милиція шляхтичей была уничтожена. Ординату Замойскому запретили держать свое войско, и когда онъ сдѣлалъ противъ этого представленіе и высказалъ, что войско нужно ему для защиты отъ опасности, ему послали австрійскихъ воиновъ. Кіевскій воевода Потоцкій, пмѣвшій въ Кристинополь 1.500 казаковъ, извинялся, что не можетъ ихъ распустить, такъ какъ у него много золота и серебра и онъ боится разбойниковъ,—тогда ему прислали 300 воиновъ въ Кристинополь, а казаковъ вслѣли распустить. Это такъ поразило гордаго пана, что онъ вскорѣ умеръ. Потоцкій былъ тѣмъ самымъ жестокимъ человѣкомъ, который, желая помѣшать женитьбѣ своего сына Щенного на Маріи Коморовской, велѣлъ невѣсту своего сына похитить и утопить. На шляхту австрійцы наложили новыя подати: въ 1773 г. 12% доминикальнаго сбора и въ 1774 г. военный налогъ, освобождая ее при этомъ отъ военной службы.

Согласно указаніямъ Іосифа II, въ началѣ 1774 г. гр. Пергенъ былъ отстраненъ отъ должности губерпатора и на его мѣсто назначенъ гр. Гаддикъ. Гр. Врбна получилъ чинъ галицкаго придворнаго канцлера съ мѣстопробываніемъ въ Вѣнѣ. Новый губернаторъ получилъ 26 августа приказъ *взять подъ свое покровительство греко-католическое вѣроисповѣданіе и диссидентовъ, отнять корчмы, шинки и право аренды у евреевъ, стараться о продажѣ соли по самой низкой цѣнѣ* и обязать, чтобы всѣ державныя власти употребляли лишь нѣмецкій и латинскій языки. Для всѣхъ, схваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, объявлена была амнистія. Вѣнское правительство рѣшило пригласить въ Галичину поселенцевъ изъ нѣмецкихъ провинцій, обѣщая имъ льготы, именно—освобожденіе крестьянъ отъ податей на шесть лѣтъ, ремесленниковъ же и фабрикантовъ—на десять лѣтъ. Въ чиновники приказано было брать лицъ, владѣющихъ «словацкимъ» языкомъ, изъ Чехіи, Силезіи и Угріи. Въ каждомъ учрежденіи долженъ быть по крайней мѣрѣ одинъ полякъ. Всѣ чиновники должны носить французское платье.

Между тѣмъ, Россія окончила войну съ Турціей и заключила съ нею 10 іюля 1774 г. выгодный для себя Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Россія получила Керчь, Еникале, Кинбурнь, степь между Днѣпромъ и Бугомъ и, сверхъ того, право свободнаго мореплаванія на Черномъ морѣ и черезъ Дарданеллы. Объявлена была независимость крымскихъ татаръ. Кромѣ того, Россія добилась, чтобы Молдавія и Валахія пользовались свободою христіанскаго вѣроисповѣданія, платили умѣренную дань и не испытывали притѣсненій со стороны турокъ. Это покровительство Россіи надъ придунайскими землями, входившими уже въ планы австрійской наступательной полтики, наполнило тревогою вѣнскій дворъ. Австрія заключила уже тайный договоръ съ Турціей и получила отъ нея въ 1771 г. два миліона гульденовъ пособія для предполагаемой войны съ Россіей,

такъ какъ считалась союзницей Турціи, однако, не могла изъ-за Пруссіи и успѣховъ русскаго оружія начать войну и противодѣйствовать русскому перевѣсу у нижняго Дуная. Австрія поэтому поступила такъ же, какъ и въ польскомъ вопросѣ. Не имѣя силъ вести войну, она рѣшила искать для себя новаго вознагражденія за усиленіе русскаго могущества на Черномъ морѣ. Она искала территоріальныхъ приобрѣтеній у границъ Семиграда. Иосифъ II имѣлъ въ виду лѣвый берегъ Дуная вокругъ Старой Орсовы; министръ же Тугутъ обратилъ вниманіе на сѣверную часть Молдавіи—Буковину ¹⁾). Марія-Терезія приказала 1 октября 1774 г. занять Буковину на томъ основаніи, что эта область будто бы когда-то принадлежала Семиграду, Турціи же она предложила уступить этотъ край Австріи вмѣсто обѣщанной конвенціею 1771 г. за помощь противъ Россіи (однако, помощь эта была лишь дипломатическою) Малой Валахіи. Договорами отъ 7 мая 1775 г. и 12 мая 1776 г. Турція отказалась отъ своихъ правъ на Буковину въ пользу Австріи. Протестовавшій противъ такой уступки молдавскій господарь Григорій Гика былъ повелѣніемъ султана 12-го января 1777 г. умерщвленъ. При занятіи Буковины австрійское правительство руководилось прежде всего военными соображеніями. Дѣло заключалось въ томъ, чтобъ удобнѣе соединить Семиградъ съ Галичиной и занять выгодную позицію въ виду Россіи и Молдаво-Валахіи. Соотвѣтственно своему значенію, какъ военная позиція, Буковина находилась до 30 ноября 1786 г. въ военномъ управленіи, пока не была присоединена къ Галичинѣ, какъ Черновецкій округъ.

II. Политика Маріи-Терезіи и Иосифа II въ отношеніи русскаго народа и мѣропріятія австрійскаго правительства.—Состояніе русскаго народа.

Пространство, занятое Австріей подъ названіемъ Галиціи и Лодомеріи, составляло 1.300 кв. миль съ 2.700.000 жителей. Уже то обстоятельство, что вѣпское правительство, желая узаконить свой захватъ и ссылаясь на историческія права на Галичину, принуждено было ознакомиться съ исторіей этого края,—должно было навести государственныхъ дѣятелей Австріи на мысль, что приобрѣтенная ими провинція—не польская, а скорѣе русская. Русскій элементъ въ Галичинѣ былъ тогда еще настолько крѣпокъ, что сразу же можно было замѣтить русскій характеръ края. На пространствѣ отъ Вислока до Збруча и предѣловъ Молдавіи крестьяне, мѣщане (даже латинскаго обряда) и духовенство говорили по-русски.

Гофратъ Куранда, считавшій сперва Галичину польскимъ краемъ и убѣдившійся затѣмъ въ противоположномъ, донесъ въ Вѣну, что въ Га-

¹⁾ Kropan, стр. 337.

личинѣ живеть народъ не польскій, а другой—славянскій, похожій на русскій (russisch), или иллирійскій, т. е. сербо-хорватскій ¹⁾). Австрійское правительство поощряло писателей и ученыхъ обратить вниманіе на новую провинцію и прежде всего составить ея исторію. Эту задачу исполнили Энгель ²⁾ и Гоппе ³⁾. Первый обратилъ вниманіе австрійскаго правительства на то, что Галичина есть собственно русскій край, и правительство Россіи можетъ весьма легко требовать возвращенія его на томъ основаніи, что здѣсь владѣли потомки великихъ князей кievскихъ. Вслѣдствіе такихъ же соображеній первый губернаторъ Галичины гр. Пергенъ не совѣтовалъ помогать усиленію русскихъ и предлагалъ лишь въ случаѣ нужды употреблять ихъ какъ орудіе противъ поляковъ ⁴⁾). Однако, вѣнскій дворъ, особенно же самъ Іосифъ II, не имѣлъ причины враждебно относиться къ галицко-русскому народу, такъ какъ соплеменники того же народа въ Угріи, находившіеся съ давнихъ временъ подъ скипетромъ Габсбурговъ, не дали ни малѣйшаго повода къ недовѣрью. Напротивъ, преданность угро-руссовъ Австрій заставила вѣнское правительство назначить мірскихъ и духовныхъ лицъ изъ Угорской Руси на должности учителей въ семинаріяхъ во Львовѣ и Вѣнѣ, предназначенныхъ для галицко-русскаго юношества духовнаго званія. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ, какъ въ 1779 г. австрійскимъ посланникомъ въ Петроградъ сталъ Кобенцль, произошелъ переломъ въ иностранной политикѣ Австрій: императоръ Іосифъ II старался заключить союзъ съ Россіей для рѣшенія международныхъ вопросовъ и прежде всего—восточнаго вопроса. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ въ 1780 г. путешествіе въ Россію для личнаго свиданія съ русской императрицей. Свиданіе состоялось въ Могилевѣ и слѣдствіемъ его было заключеніе въ 1781 г. тайнаго союза противъ Турціи; второе свиданіе Іосифа II съ Екатериною II состоялось въ Херсонѣ въ 1787 г., при чемъ послѣдствіемъ его была война Австрій и Россіи съ Турціей.

Дружба Австрій съ Россіей благопріятствовала развитію галицко-русскаго народонаселенія. Такъ какъ польская шляхта не хотѣла поступать на правительственную службу, то открылось широкое поприще для дѣтей духовенства и мелкой русскои шляхты, получившихъ образованіе въ польскихъ школахъ. Въ политическія учрежденія брали преимущественно нѣмцевъ, а въ судъ и городскія управленія поступали по большей части русскіе. Такимъ образомъ русскіе и нѣмцы составляли главный элементъ галицкаго чиновничества. Большинство нынѣшнихъ

¹⁾ I. A. Helfert: «Die oesterr. Volksschule». Прага, 1860, I, стр. 461.—Заневичъ: «Литературні стремленія галицкихъ русинів». «Жите и Слово», 1894.

²⁾ I. Ch Engel: «Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken wie auch der Königreiche Halitsch i Wladimir». Галле, 1796.

³⁾ Hoppe: «Geschichte Galiziens». 1802.

⁴⁾ I. Lewicki: «Ruch Rusinów w Galicyi w pierwszej połowie wieku panowania Austrii». Львовъ, 1879, стр. 19.

чиновничьихъ фамилій въ Галичинѣ—русскаго происхожденія. Всѣ Левицкіе, Монастырскіе, Крыжановскіе, Сохацкіе, Попели, Мохнацкіе, Яворскіе, Мацѣлинскіе, Тустановскіе, Созанскіе, Левандовскіе, Волосы, Нападѣевичи, Крыницкіе, Хойнацкіе, Литинскіе, Калитовскіе, Горыдскіе, Чайковскіе, Бѣлинскіе, Сосновскіе, Киричинскіе, Ильясевичи и другіе—потомки первыхъ австро-русскихъ чиновниковъ¹⁾. Они теперь ополячены и даютъ доказательства: во-первыхъ, *какимъ ненадежнымъ элементомъ въ національномъ отношеніи является чиновничье сословіе* и, во-вторыхъ, какъ мало нравственной силы заключается въ церковной уніи, если сыновья и дочери уніатскихъ священниковъ при первомъ удобномъ случаѣ покидаютъ уніатскій обрядъ своихъ родителей...

Хотя обстоятельства благопріятствовали развитію и умственному подъему австрійской Руси, однако, мы не замѣчаемъ въ то время ни малѣйшихъ усилій къ какому-нибудь труду на литературномъ поприщѣ. Такой трудъ вызвало только пробудившееся въ 1848 г. національное сознаніе. Но пока австрійская Русь сознавала себя лишь просто уніатскою, духъ ея находился въ оцѣпенѣніи.

Въ эпоху занятія Галичины Австріей простой народъ находился въ полномъ закрѣпощеніи, но, къ счастью, Іосифъ II былъ тогда приверженцемъ фізіократической экономической системы, по которой произведеніе сырыхъ продуктовъ составляетъ благосостояніе края и поэтому сельское хозяйство должно пользоваться особымъ попеченіемъ со стороны правительства. Хотя Марія-Терезія благоволила помѣщикамъ больше, нежели простонародію, но ея сынъ Іосифъ II считалъ своимъ долгомъ по возможности освободить отъ притѣсненія трудъ земледѣльца. Когда, съ одной стороны, по почину Маріи-Терезіи вышли патенты: отъ 10 сентября 1774 г., воспрещавшій крестьянамъ безъ позволенія своего помѣщика продавать упряжный скотъ и приказывавшій имъ исполнять свои обязанности въ отношеніи помѣщика, и патентъ отъ 1775 г., по которому государственныя имѣнія могли продаваться лишь шляхтѣ, съ другой стороны, вышли патенты также и въ пользу крестьянъ. Еще въ періодъ 1748—1763 гг. дозволено было въ чешско-нѣмецкихъ провинціяхъ крестьянамъ покупать землю и ограничена судейская власть помѣщика, въ 1775—1778 гг. была упорядочена панщина и въ 1777 г. позволено было пѣшее тягло замѣнить оброкомъ. Патентомъ отъ 3 іюня 1775 г. воспрещено было угнетать крестьянъ. Самыя важныя постановленія въ крестьянскомъ дѣлѣ вышли при Іосифѣ II. Въ 1781—1785 гг. было устранено крѣпостничество и крестьяне объявлены лично свободными. Особенно важнымъ былъ для Галичины приказъ 1781 года, по которому крестьянину, не получив-

¹⁾ Н. Л. Устіановичъ: «Возрожденіе Галицкой Руси». «Родимый Листокъ», Черновцы, 1880.

пему въ продолженіе 30 дней отъ помѣщичьяго суда рѣшенія на свою жалобу, предоставлено было право передать дѣло правительственной власти. Помѣщикамъ воспрещено было посредствомъ своихъ шинкарей въ воскресные и праздничные дни насильственно налагать на крестьянъ десять и больше кварта водки и приказывать крестьянамъ, чтобы за отходящаго шинкаря платили подать. Воспрещалось также помѣщикамъ получать куну (плату за позволеніе жениться) и навязывать своимъ подданнымъ испорченные съѣстные припасы, продавцамъ же ихъ не позволено устраивать попойки на счетъ судящихся крестьянъ¹⁾. Патентомъ отъ 20 ноября 1781 г. опредѣлено время папщины: съ цѣлаго грунта (20—24 морговъ) въ три, а съ половины грунта (10—12 морговъ) въ полтора дня. Государственныя учрежденія получили приказъ: всѣ прошенія по адресу императора принимать и доставлять въ Вѣну, жалобамъ же противъ приговора помѣщичьяго (доминикальнаго) суда открытъ былъ доступъ въ высшія инстанціи, какъ, напримѣръ, въ окружное староство (Kreisamt), губернію и въ придворную канцелярію.

Въ 1786 г. начался грандіозный трудъ іосифовскаго кадастра на основаніи новаго измѣренія всего государства и провѣрки поземельнаго дохода. Сотни офицеровъ и гражданскихъ инженеровъ съ тысячами писарей и рисовальщиковъ заняты были этимъ трудомъ. Кадастральнымъ комиссіямъ было повелѣно отдѣлить крестьянскую (рустикальную) землю отъ помѣщичьей (доминикальной) и этотъ раздѣлъ записать въ отдѣльныхъ книгахъ, составившихъ основу для распределенія податей и обозначенія права собственности. Этотъ кадастръ былъ убійственнымъ для угро-русовъ, такъ какъ всѣ лѣса и множество полонинъ (горскихъ пастбищъ) были записаны за помѣщиками, и крестьяне лишились права пользоваться ими²⁾. То же самое произошло также и въ Галичинѣ. Здѣсь крестьяне боялись податей и сами отказались отъ собственности, надѣясь и впредь пользоваться ею съ разрѣшенія помѣщика. На основаніи новаго кадастра расписаны были патентомъ отъ 10 февраля 1789 г. новыя подати, обременявшія какъ крестьянскую, такъ и помѣщичью землю. Распоряженіемъ отъ 10 мая 1787 г. разрѣшено было крестьянамъ покупать въ собственность всякаго рода землю.

Іосифъ II намѣревался привлечь евреевъ къ земледѣлію и склонить цыганъ къ постоянному мѣстожительству. Однако, ни то, ни другое не осуществилось вслѣдствіе племенныхъ особенностей евреевъ и цыганъ. Болѣе успѣшно повелась колонизація Угріи и Галичины нѣмцами, приглашенными въ 1777 и 1787 гг. изъ Бадена, Гессіи, Виртемберга, Нассау и Баваріи. Въ короткое время возникло въ Галичинѣ около 150 нѣмецкихъ

¹⁾ Moritz Drdacki: «Frohnpatente Galiziens». Вѣна, 1838.

²⁾ Bidermann: «Die ungarischen Ruthenen», стр. 103.

сель, сохранившихъ въ большей половинѣ свой нѣмецкій характеръ до сихъ поръ. Нѣмцы, принося съ собою улучшенныя земледѣльческія орудія и прогрессивныя знанія техники и сельскаго хозяйства, благотворно вліяли на мѣстное населеніе

Но не только въ экономическомъ отношеніи долженъ былъ по намѣренію вѣнскаго правительства подняться крестьянинъ. Оно постаралось также и объ его просвѣщеніи. Послѣ долгихъ преній въ различныхъ коммисіяхъ 2 января 1771 года была открыта въ Вѣнѣ «нормальная школа» и 6 декабря 1774 г. издано «общее положеніе для нѣмецкихъ нормальныхъ, головныхъ и тривіальныхъ (начальныхъ) школъ». Когда дѣло касалось открытія школъ въ Галичинѣ, то гофратъ Коранда стоялъ за польскій преподавательскій языкъ, чему, однако, воспротивился Фельбигеръ. Въ 1775 г. (9 сентября) была открыта во Львовѣ нормальная школа съ нѣмецкимъ характеромъ; 27 марта 1776 г. была установлена галицкая школьная коммисія и изданъ императорскій указъ о томъ, чтобы русская народность, «составляющая двѣ трети населенія провинціи», принималась въ соображеніе при учрежденіи учебныхъ заведеній и имѣла свои народныя школы и чтобы вообще греко-католическое, римско-католическое и армяно-католическое вѣроисповѣданія въ школьныхъ дѣлахъ были уравнены въ правахъ. Однако, учрежденіе русскихъ народныхъ школъ почему-то откладывалось, и поэтому послѣдовалъ новый указъ 1791 г.; чтобы во всѣхъ мѣстностяхъ восточной Галичины, гдѣ не имѣлось еще ни нѣмецкой, ни польской школы, учреждено было русское тривіальное (начальное) училище. До 1791 г., кажется, не учреждали русскихъ народныхъ школъ, такъ какъ только въ 1790 г. изданъ былъ въ Вѣнѣ русскій букварь для народныхъ школъ. Польская шляхта препятствовала просвѣщенію сельскаго населенія, опасаясь потерять свои преимущества. «Черезъ сравненіе всѣхъ сословій и допущеніе простонародія ко всѣмъ чинамъ, не меньше черезъ вознамѣренное просвѣщеніе народныхъ массъ пострадаетъ больше всего земледѣліе. Сынъ крестьянина позабудетъ о своемъ званіи и о томъ, что онъ сотворенъ для плуга; онъ будетъ промышлять, какъ бы себя поднести»,—говорила шляхта въ одной изъ брошюръ въ 1790 году ¹⁾.

Недоброжелательство шляхты къ дѣлу народнаго просвѣщенія и вліяніе ея на внутреннія дѣла Галичины со времени вступленія на престолъ императора Леопольда II и до нашихъ дней не давали возможности подняться умственному уровню русскихъ и польскихъ крестьянъ.

¹⁾ Magna charta von Galizien, oder Untersuchung der Beschwerden des galiz. Adels polnischer Nation über die oesterr. Regierung. Jassy 1790 (§ 63 статьи Bemerkung. über die galiz Regierung).—А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800 г.», стр. 314.

Но все-таки положеніе галицкаго крестьянина при австрійскомъ правительствѣ улучшилось. Онъ былъ теперь закономъ защищенъ отъ своеволія пана и, кромѣ умѣренной панщины, государственныхъ налоговъ и военной повинности (15 лѣтъ), не зналъ такихъ угнетавшихъ его налоговъ, какъ въ польской Рѣчи Посполитой: различнаго рода даремщины, платы экономамъ, на содержаніе казаковъ, смоляковъ (лѣсныхъ сторожей) и прочихъ расходовъ на панскую прислугу. Поэтому и неудивительно, что австрійское правительство пріобрѣло себѣ симпатію низшихъ сословій и стало твердой ногой въ новой провинціи. Такая же симпатія простонародія къ австрійскому правительству была не только въ Галичинѣ, но также въ Угріи и въ нѣмецко-чешскихъ провинціяхъ, и она помогла Австріи вынести испытанныя впоследствии потрясенія.

Русское духовенство находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Хотя оно добросовѣстно соблюдало унію, но за нимъ въ Польшѣ все же не хотѣли признать тѣхъ правъ, какими пользовалось остальное католическое духовенство. Его силой гнали на панщину, такъ какъ шляхта не дѣлала различія между крестьяниномъ и уніатскимъ священникомъ. Такъ, въ началѣ раздѣла Польши митрополитъ Володковичъ былъ принужденъ (4 марта 1772 г.) отправить письмо къ папѣ Клименту XIV объ угнетеніи уніатовъ ²⁾. Латинское духовенство не признавало въ уніатахъ католиковъ, считая ихъ лишь временно присоединившимися къ католической церкви, будтобы сътою цѣлью, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ опять вернуться въ православіе. Поэтому оно называло ихъ лишь «уніатами», а не католиками. Такъ же смотрѣла на уніатовъ и римская курія, поручившая завѣдываніе уніатскими дѣлами конгрегациі de propaganda fide, т.-е. вѣдомству, которому подчинялись дѣла еретиковъ, миссій и отношенія римской куріи къ иновѣрцамъ. По этой причинѣ привлеченіе уніатовъ въ латинскій обрядъ велось по широкому плану.

Иначе смотрѣло на унію австрійское правительство въ эпоху Маріи-Терезіи и Іосифа II. Оно, имѣя у себя въ Угріи много православныхъ, надѣялось посредствомъ уніатовъ воздѣйствовать на православныхъ и, присоединивъ ихъ къ католичеству, сплотить со своею державною идеей. Тотчасъ послѣ занятія Галичины (17 іюля 1774 г.) львовскій епископъ Левъ Шептицкій жаловался посредствомъ своего уполномоченнаго Ивана Гудза, получившаго аудіенцію у Маріи-Терезіи, что латинскіе священники и даже каноники въ Галичинѣ называютъ русскихъ собаками и ихъ уніатское вѣроисповѣданіе—собачьимъ, уніатскихъ священниковъ—шизматиками, церкви—синагогами, священниковъ—попами (!). Мертвеца, папствованияго уніатскимъ священникомъ, латинскіе ксендзы не хотятъ

¹⁾ А. Theiner: «Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae». Римъ, 1864, стр. 417, № СХХХVII.

хоронить. Съ сыновьями уніатскихъ священниковъ обращаются очень плохо, принуждаютъ къ панщинѣ, всѣхъ же исповѣдниковъ уніатскаго обряда не допускаютъ (конечно, это относится къ временамъ польскаго владѣнія) ни къ чинамъ, ни къ цехамъ ремесленниковъ и промышленниковъ. Латинники мѣшаютъ совершенію уніатскихъ обрядовъ, не позволяютъ звонить во время Свѣтлаго Воскресенія, если оно не совпадаетъ съ латинскою Пасхою, принуждаютъ русскихъ работать въ праздники и всячески издѣваются надъ исповѣдниками греческаго обряда¹⁾. Вслѣдствіе этой жалобы Марія-Терезія рѣшеніемъ отъ 28 іюля 1774 г. приказала, чтобы польскіе бискупы склоняли подвѣдомственное имъ духовенство жить въ мирѣ и согласіи съ русскими и не называть ихъ уніатами, а греко-католиками; Львовской губерніи она повелѣла открыть доступъ ко всѣмъ чинамъ и званіямъ сыновьямъ русскихъ дворянъ и священниковъ, по мѣръ ихъ способностей²⁾. Слѣдствіемъ этого было поступленіе множества сыновей священниковъ и мелкой русской шляхты на государственную службу и въ городскіе магистраты. Однако, польскіе помѣщики долго не могли примириться съ этимъ мѣропріятіемъ австрійскаго правительства.

Въ 1777 году правительство принуждено было снова вступить за русскихъ священниковъ и воспретить гнать ихъ на панщину³⁾. Однако, и это запрещеніе мало помогло: въ 1792 г. священникъ изъ Ялинковатаго въ Скольщинѣ работалъ въ понедѣльникъ Свѣтлаго Воскресенія на пашнѣ помѣщика. Опять должно было появиться новое запрещеніе придворной канцеляріи⁴⁾. Только воззваніе Костюшка къ польской шляхтѣ, чтобы она иначе поступала съ уніатами и старалась пріобрѣсти ихъ благосклонность для польской идеи, расположило помѣщиковъ въ смыслѣ челоуѣколюбія къ русскому духовенству.

Галицкій сельскій уніатскій священникъ во время занятія Галичины Австріей внѣшностью своєю ничѣмъ не отличался отъ селянина. Въ изношенной крестьянской одеждѣ, съ трубкой въ зубахъ и кнutomъ въ рукѣ, погонялъ онъ быковъ и лошадей, пахалъ, жалъ и косилъ самъ⁵⁾. Его жена прилежно помогала ему въ этомъ трудѣ, занимаясь работою въ полѣ, огородѣ и въ кухнѣ. Мѣстныя тяжкія условія быта выработали типъ сельской попады, успѣвавшей и работать безъ отдыха, съ ранней зари до захода солнца, и воспитывать здоровыхъ дѣтей. Соборъ уніатскихъ епископовъ

1) M. Malinowski: «Kirchen und Staats-Satzungen bezüglich des griech. katol. Ritus der Ruthenen in Galizien». Львовъ. 1871, стр. 304—306.

2) Тамъ же, стр. 306.

3) Harasiewicz: «Annales Ecclesiae ruthenae», стр. 580.

4) Н. П. Устіановичъ: «Местъ верховинца». Львовъ. 1879, стр. 84, прим. 4.

5) Kratter: «Briefe über den jetzigen Zustand von Galizien». Лейпцигъ. II, стр. 1—7. J. Rohrer: «Bemerkungen auf einer Reise durch Ost-und Westgalizien». Вѣна. 1804, стр. 94—96.

и архимандритовъ въ 1764 г. удостовѣрилъ, что *«русскія попадѣи содержатъ собственнымъ трудомъ своихъ мужей и что холостой русскій священникъ въ виду своей бѣдности не могъ бы существовать»*. Попадѣя была такъ же презираема, какъ и ея супругъ. Имъ нельзя было появляться вмѣстѣ публично, ѣхать въ одной повозкѣ. Несмотря на это, она укрѣпила семейныя добродѣтели, и ея трудолюбіе и хозяйственныя способности сохранились до половины XIX вѣка, уступивъ въ новѣйшее время въ Галичинѣ во многихъ случаяхъ мѣсто неряшливости и оплошности.

Доступъ въ священническій санъ въ послѣднее время Рѣчи Посполитой, какъ и прежде, былъ открытъ людямъ всякихъ сословій: сыновьямъ священниковъ, мѣщанъ, мелкой шляхты и крестьянъ; послѣднимъ, однако, лишь съ соизволенія помѣщика, хотя это рѣдко случалось.

Для приготовленія будущихъ священниковъ уніатская іерархія и Римъ не сдѣлали почти ничего. Въ Римѣ существовалъ родъ семинаріи уніатовъ подъ названіемъ греческой коллегии св. Аѳанасія, но изъ прикарпатскихъ русскихъ туда мало кто попадалъ. Перемышльскій епископъ Георгій Винницкій хотѣлъ учредить семинарію въ Перемышлѣ и опредѣлить на эту цѣль въ 1712 г. фондъ въ 400.000 злотыхъ, но по чьему-то внушенію этотъ фондъ онъ отпустилъ латинскому ордену театиновъ во Львовѣ съ условіемъ, чтобъ они воспитывали извѣстное число русскихъ питомцевъ. Этотъ фондъ впоследствии увеличилъ епископъ Устрицкій. Театины сначала содержали 6 уніатскихъ питомцевъ, но потомъ перестали принимать русскихъ, отговариваясь недостаткомъ средствъ. Въ 1753 г. папа Бенедиктъ XIV приказалъ на средства конгрегации *de propaganda fide* принимать въ эту семинарію уніатскихъ воспитанниковъ изъ епархій Луцкой, Перемышльской и Львовской. Дѣйствительно, былъ принятъ одинъ воспитанникъ, воспитывавшійся 4 года, но послѣ него уже никто изъ уніатовъ не удостоился этой милости ¹⁾. Болѣе усердно дѣломъ подготовки будущихъ священниковъ занимались Перемышльскіе русскіе епископы. Въ эпоху занятія Галичины Австріей въ Перемышлѣ существовала епархіальная семинарія при церкви Пресв. Троицы на предмѣстьѣ Подгорье. Въ этой семинаріи преподавали около 1780 г. Игнатій Витошинскій—нравоучительное и Яковъ Лапчинскій—пастырское богословіе. Предметы преподавались по-русски по рукописнымъ руководствамъ, хранящимся до сихъ поръ въ бібліотекѣ перемышльскаго собора крылошанъ ²⁾. Эта семинарія была закрыта въ 1784 г. Въ Луцкѣ епископъ Сильвестръ Рудницкій-Любенецкій (1751—1777) также содержалъ учебное заведеніе въ родѣ семинаріи. Это былъ деревянный домъ въ Резпицахъ, въ которомъ, кромѣ комнатъ для воспитанниковъ, находилась лавка съ сукномъ и товарами,

¹⁾ Добрянскій: «Исторія епископовъ трехъ соединенныхъ епархій», стр. 52.

²⁾ Тамъ же, стр. 76.

необходимыми для священническаго облаченія. Здѣсь жилъ также епископскій портной. Епископъ Рудницкій поочередно приглашалъ сельскихъ священниковъ, велѣлъ имъ брить бороды и шить «реверенды» и въ такомъ видѣ отпускалъ ихъ домой. Кандидатовъ духовнаго званія держалъ онъ цѣлый годъ, обучалъ ихъ богословію и потомъ рукополагалъ. Всѣ, пребывавшіе въ семинаріи, должны были платить за содержаніе, науку и спитую имъ одежду ¹⁾. И въ Холмѣ, и Львовѣ было обыкновеніемъ нѣкоторое время держать кандидатовъ духовнаго званія при епископѣ, испытывать ихъ способности и обучать богословію. Для облегченія науки въ 1760 г. издана была книга: «Богословіе правоучительное, содержащее въ себѣ поученіе о св. Тайнахъ, о добродѣтеляхъ богословскихъ, о заповѣдяхъ Божіихъ... вкратцѣ собранное... до сана іерейскаго готовящимся благопотребное». (Львовъ, 1760).

Поступавшіе въ іерейскій санъ имѣли двоякую подготовку: «латинскую» и «русскую» науку. Первыхъ было весьма мало, ибо окончившіе латинскую школу предпочитали поступать на службу къ помѣщикамъ и принимать должности городскихъ писарей. Школъ латинскихъ во время занятія Галичины Австріей было довольно много: въ Бѣчѣ (колонія акад. краковской), Збаражѣ (эта гимназія переведена въ Бережаны въ 1805 г.), Бучачѣ (гимназія монаховъ чина св. Василія Вел. для шляхты), Дрогобычѣ (школа василіанъ), Ярославѣ (іезуитская гимназія съ 3-лѣтнимъ курсомъ философіи и 4-лѣтнимъ богословія, закрыта въ 1782 г.), Короснѣ (іезуитская), Львовѣ (4 школы: колонія академическая, іезуитская, піарская и театиновъ), Новомъ Сончѣ (академія), Подолницѣ, Перемышлѣ (іезуитская), Ряшевѣ (піарская), Самборѣ (іезуитская), Станиславовѣ (іезуитская), Варяжѣ (піарская), Замостьѣ (академія), Зборовѣ (закрыта въ 1812 г.), Золочевѣ (піарская, закрытая въ 1780 г.; тамъ воспитывался Михаилъ Гарасевичъ ²⁾). Вообще въ Галичинѣ были въ 1772 г. 24 среднія школы, 15 высшихъ и 9 низшихъ (прогимназій).

«Русская» наука состояла въ домашнемъ обученіи русской грамотѣ и чтеніи псалтыря, часослова и св. Писанія. Съ этой цѣлью употреблялись буквари, печатанные въ Вильнѣ, Москвѣ и Кіевѣ, или дьяки (состоявшіе учителями) чертили высокимъ уставомъ буквы на доскахъ, учили ихъ различать и соединять по складамъ и послѣ переходили къ чтенію псалтыря и часослова ³⁾. Затѣмъ молодые люди усваивали нѣкоторыя свѣдѣнія изъ богословія и поступали во священники.

¹⁾ H. Kollataj: «Stan ościeceńia w Polsce», стр. 91.

²⁾ A. Karbowski: «Listy w sprawie wystawy rzeczy szkolnych narodowych». Muzeum X, 4, 1894.

³⁾ Ю. Желеховскій: «Юаннъ Снѣгурскій, его жизнь и дѣятельность». Львовъ. 1894, стр. 39. (Такъ училъ о. Дубинскій въ Бортономѣ до 1833 г.).

Несмотря на недостатки обученія, они были хорошими знатоками церковнаго устава и умѣли утвердить свою паству въ привязанности къ славянскому обряду. Прибывшіе въ Галичину нѣмецкіе чиновники замѣтили громадное вліяніе, производимое этими священниками на народъ.

Уніатское духовенство, за исключеніемъ монаховъ чина св. Василія Вел. и происшедшей изъ нихъ іерархіи, сознавало себя русскимъ и употребляло русскій разговорный языкъ, несмотря на то, что львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій еще въ 1684 г. приказалъ своему духовенству усвоить себѣ польскую рѣчь. Метрическія книги велись тогда почти всюду въ Галичинѣ по-русски, а также различныя записки и замѣтки, сохранившіяся до сихъ поръ, составлены на русскомъ испорченномъ (конечно, подъ вліяніемъ польской рѣчи) языкѣ ¹⁾. Русскіе называли себя тогда «русинами» или «россиянами», а церковно-славянскій языкъ считали своимъ литературнымъ языкомъ. Проповѣди во время поминальныхъ богослуженій за Марію-Терезію и Іосифа II произносились по-славянски, грамоты для духовенства, выходившія изъ епископской канцеляріи во Львовѣ, также были составлены на этомъ языкѣ. Нѣмецкіе ученые и литераторы называли русскихъ, присоединенныхъ къ Австрій, *Reussen* или *Russen*.

Кромѣ этого названія вскорѣ вошелъ въ употребленіе австрійскій officialный терминъ *Ruthenen*. Основаніе этому термину дали папскія буллы и грамоты, издававшіяся по дѣламъ уніатовъ. Въ нихъ всегда соединенные съ римскою церковью русскіе назывались *Rutheni*, и это названіе до того привилось въ уніатской іерархіи, что она даже въ нѣмецкихъ своихъ письмахъ австрійскому правительству постоянно употребляла этотъ терминъ. Австрійское правительство, старавшееся германизовать своихъ подданныхъ и препятствовать развитію ихъ національнаго сознанія, подхватило этотъ терминъ, сущность котораго состояла главнымъ образомъ въ религіозныхъ особенностяхъ. Оно, какъ и римская курія, въ своихъ рутенахъ видѣло лишь греко-католиковъ и въ этомъ духѣ постановило воспитывать галицко-русское духовенство. Приобрѣтенные Австріей рутены должны были сознавать себя прежде всего уніатами, а не принадлежащими къ какой-либо національности. Придворнымъ рѣшеніемъ 3 августа 1776 г. было приказано Львовской губерніи «*по политическимъ и религіознымъ соображеніямъ*» отставать лишь «греко-католическій обрядъ» и водворить согласіе между латинниками и греко-католиками.

Этимъ курсомъ вѣнскаго правительства воспользовался тогдашній львовскій епископъ Левъ Шептицкій, самая замѣчательная личность, сыграв-

¹⁾ Все эти записки и замѣтки тщательно собралъ А. С. Петрушевичъ и помѣстилъ въ своихъ «Сводныхъ лѣтописяхъ».

шая большую роль въ исторіи Галицкой Руси. Вступивши въ 1749 г. въ епископскую столицу, онъ задумалъ освободить униатскую церковь отъ преобладающаго вліянія монаховъ чина св. Василия Вел., доставлявшихъ, на основаніи постановленій Замостскаго синода (1720 г.), епископовъ для униатскихъ кафедръ и управлявшихъ собственно униатскою церковью съ тѣхъ поръ, какъ они на Литвѣ въ 1625 г. и на Руси въ 1739 г. освободились отъ епископской власти и, кромѣ того, заняли при владыкахъ мѣсто сопомощниковъ и совѣтниковъ въ управленіи паствою. Такимъ образомъ епископы попали въ полную зависимость отъ василіанскаго ордена, проникнутаго польско-католическимъ духомъ, никогда не поднимавшаго голоса въ защиту униіа, а, напротивъ, способствовавшаго переходу униатовъ въ латинство. Василіане привлекли, конечно, Николая Потоцкаго, воеводу белзскаго († 1782), къ униіа, но это пріобрѣтеніе было незначительнымъ въ сравненіи съ потерями, какія понесла униіа во время ихъ преобладанія. Въ 1758—1765 гг. въ одной Львовской епархіи перешло изъ униіа въ латинство 1200 знатнѣйшихъ лицъ. Василіане ненавидѣли бѣлое униатское духовенство, стоявшее на русско-національной почвѣ, не старались объ его образованіи и намѣревались, повидимому, латинизовать весь русскій народъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, сломить власть василіанъ въ униатской церкви и отдать управленіе ея въ руки бѣлаго духовенства—значило положить предѣлъ латинизаціи униіа и спасти Русь отъ колонизаціи.

Епископъ Левъ Шептицкій, задумавъ освободить себя отъ василіанъ, рѣшилъ устроить при епископской кафедрѣ, по образцу латинской церкви, капитулъ изъ бѣлаго духовенства,—капитулъ, который составлялъ бы совѣтъ епископа. Это не было нововведеніемъ, а лишь возобновленіемъ древняго собора крылошанъ, существовавшаго при православныхъ епископахъ въ южной Руси. Шептицкій въ первые годы своего епископства назначилъ канониковъ и прочихъ изъ капитула, а въ 1769 г. пригласилъ львовскихъ василіанъ предъ судъ и отнялъ у нихъ право на львовскія церкви. На защиту василіанъ выступилъ папскій нунцій въ Варшавѣ, но такъ какъ Австрія вскорѣ заняла Галичину, то процессъ епископа съ василіанами долженъ былъ рѣшиться въ Вѣнѣ. Въ Римѣ онъ ничего въ этомъ дѣлѣ не добился. Правда, ему удалось-было испросить у папы буллу, подтверждающую униатскіе капитулы, но въ послѣднюю минуту, когда булла была уже готова, велѣдствіе происковъ львовскаго латинскаго архіепископа Сѣраковскаго, рѣшеніе папы было отмѣнено и подтвержденіе капитуловъ не состоялось ¹⁾.

Въ 1773 году Шептицкій послалъ въ Вѣну своего уполномоченнаго каноника Ивана Гудза, проживавшаго пятнадцать лѣтъ въ качествѣ гу-

¹⁾ M. Malinowski: «Die Kirchen u. Staats-Satzungen bez. des griech. kath. Ritus der Ruthenen in Galizien». Львовъ. 1861, стр. 300.

вернера въ домахъ польскихъ вельможъ, много путешествовавшаго и усвоившаго иностранныя языки и великосвѣтскія манеры. Дѣльнымъ сопомощникомъ Шептицкаго былъ его генеральный офиціалъ Антоній Левинскій, изготовлявшій отъ имени епископа отчеты и другіе документы для правительства. Къ Гудзѣ поступали всѣ прошенія по дѣламъ галицко-уніатской церкви, отъ имени которой выступалъ Левъ Шептицкій, какъ сопомощникъ митрополита съ 1762 г. Гудзъ добился аудіенціи у Маріи-Терезіи 26 февраля 1776 г. Онъ жаловался ей, что латинскіе епископы хотять подчинить уніатскихъ епископовъ своей власти и что ходитъ слухъ, будто греко-католикамъ будетъ дано право свободно переходить въ латинство. «Умаленіе нашего обряда и строгіе посты,—сказалъ Гудзъ,—толкнуть многихъ въ латинскій обрядъ». «Не меньше отшатнетъ многихъ отъ русскаго обряда и нужда,—продолжалъ Гудзъ,—я самъ, если бы руководился матеріальными побужденіями, перемѣнилъ бы мой обрядъ, ибо имѣю лишь 75 гульденовъ въ годъ на содержаніе». Императрица изумилась такой бѣдности. Гудзъ просилъ императрицу объ утвержденіи русскихъ капитуловъ и о воспрещеніи перехода изъ греко-католическаго обряда въ латинскій. Императрица обѣщала исполнить эти желанія и успокоила Гудза на счетъ его опасеній относительно подчиненія уніатскихъ епископовъ латинскимъ. «Вотъ,—сказала она,—теперь освобождены Мукачевскій и Фогарашскій уніатскіе епископы отъ подчиненія латинникамъ, то же послѣдуетъ съ Великоварадинскимъ епископомъ. У меня хорошіе и честные греко-католическіе епископы».

Противъ установленія капитуловъ латинскій львовскій архіепископъ Сѣраковскій и орденъ василіанъ чрезъ своего протоигумена Онуфрія Братковскаго въ 1775 году внесли представленіе въ Вѣну. Вообще Сѣраковскій враждебно относился къ уніатамъ. Когда Шептицкій послѣ смерти Володковича (въ 1778 г.) былъ избранъ въ митрополиты и торжественно въѣзжалъ во Львовъ, каедральные латинскіе викаріи бросились на свиту митрополита и хотѣли вырвать изъ рукъ архіерейскій крестъ у ѣхавшаго впереди на конѣ священника Протанскаго, который отогналъ ихъ арапникомъ ¹⁾. Въ 1779 г. Сѣраковскій старался воспретить львовскимъ русскимъ устройство публичнаго богоявленскаго водосвятія. По настоянію губерніи онъ примирился въ 1780 г. съ Шептицкимъ и вмѣстѣ со своимъ капитуломъ сдѣлалъ визитъ уніатскому митрополиту, принявшему Сѣраковскаго съ большими почестями, при звонѣ колоколовъ, въ окруженіи своего духовенства. Козни латинниковъ ослабѣли, и когда Шептицкій предъявилъ необходимыя для содержанія капитуловъ смѣты, онѣ были утверждены Іосифомъ II: 5 октября 1786 г. для Львова и въ 1787 г. для Перемышля. Каноникамъ и совѣтникамъ консисторіи позволено было носить, какъ отличіе, золотые кресты червоннаго цвѣта съ изображеніемъ

¹⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800», стр. 124.

св. Георгія и Покрова Пресв. Богородицы—для Львова и св. Іоанна Крестителя и Божіей Матери—для Перемышля. Затѣмъ, однако, по неизвѣстнымъ причинамъ правительство отмѣнило это свое постановленіе и только при императорѣ Францѣ I капитулы были окончательно утверждены: во Львовѣ въ 1813 г. и въ Перемышлѣ въ 1816 г.

Власть василіанъ въ галицко-уніатской церкви была сломлена. Имъ ставили въ вину, что они не успѣли обратить въ унию православныхъ монаховъ въ скитѣ Манявскомъ. Василіане извинялись, говоря, что ихъ миссіонерская дѣятельность не распространяется «на Валахію» и что ближайшіе сосѣди православныхъ монаховъ, театины изъ Городенки, не успѣли пріобрѣсти для униіи этого единственнаго православнаго монастыря въ Галичинѣ. Чтобы себя оправдать въ глазахъ австрійскаго правительства, провинціалъ василіанскій Іоаннъ Братковскій совѣтовалъ (въ 1775 г.) насильственно уничтожить упомянутый монастырь. Несмотря на старанія василіанскаго ордена и его латинскихъ покровителей, въ 1779 г. было издано императорское постановленіе, отмѣняющее постановленіе Замостскаго собора и позволяющее выбирать епископовъ изъ бѣлаго духовенства. Въ силу этого постановленія, послѣ смерти Льва Шептицкаго, епископомъ львовскимъ императоръ 24 января 1780 г. назначилъ Бѣлянскаго. Василіане были подчинены власти епископовъ и должны были оставить забранныя ими церкви, въ томъ числѣ также епископскую церковь св. Георгія во Львовѣ. Нѣкоторые изъ монаховъ-василіанъ жили при церкви св. Георгія до 1812 г., послѣ же переселились частью въ другіе василіанскіе монастыри, частью въ Почаевъ, куда и забрали съ собою часть грамотъ.

Другимъ дѣломъ, заботившимъ Льва Шептицкаго, былъ переходъ униатовъ въ латинство. Латинское духовенство, особенно же архіепископъ Сѣраковскій, усердно старалось, чтобы такой переходъ былъ разрѣшенъ, и въ 1775 г. Сѣраковскій обратился съ просьбой объ этомъ къ вѣнскому правительству. 3 августа 1776 г. австрійское правительство предоставило право перехода изъ одного обряда въ другой, но въ слѣдующемъ году приказало держаться папскихъ буллъ. Какія же были эти буллы? Русскіе ссылались на письмо Урбана VIII отъ 7 февраля 1624 г., на энциклику *Demandatam coelitus* отъ 24 декабря 1743 г. и конституцію *Allatae sunt* отъ 26 іюля 1755 г., которыми переходъ изъ греческаго обряда въ латинскій допускался лишь съ соизволенія папы. Однако, польское духовенство возражало, что письмо Урбана VIII на требованіе короля и польскихъ чиновъ было измѣнено въ томъ смыслѣ, что переходъ въ латинство воспрещался лишь униатскому духовенству, но не мірянамъ; энциклика 1743 г. относилась лишь къ греко-мелхитскимъ униатамъ; конституція же 1755 г.—къ униатамъ на Востокѣ, но никакъ не къ Польшѣ. Вслѣдствіе такого толкованія папскихъ энцикликъ, переходъ въ латинство со-

вершался въ громаднѣхъ размѣрахъ. Римскій обрядъ принялъ остатокъ униатскихъ помѣщиковъ, кромѣ всѣхъ государственныхъ и городскихъ чиновникѣвъ, множество мѣщанъ въ большихъ городахъ, какъ во Львовѣ, Перемышлѣ и проч. Всѣ усилія русскихъ епископовъ положить предѣлы такому отступничеству были напрасны.

Угнетеніе василіанскихъ монаховъ вѣпскимъ правительствомъ и передача управленія униатской церкви въ руки бѣлаго духовенства были слѣдствіемъ направленія внутренней политики Юсіфа II. Основаніе этой политикѣ далъ министр Маріи-Терезіи Гаугвитцъ, а сущностью ея былъ такъ-называемый бюрократизмъ, т.-е. соединеніе всѣхъ государственныхъ дѣлъ въ рукахъ правителя и его чиновниковъ. Такъ какъ католическая церковь пользовалась широкою автономіей, то противъ нея прежде всего и были направлены удары. Въ 1763 г. католическій священникъ Іоаннъ Гонтгаймъ (подъ псевдонимомъ Юстина Фебронія) издалъ книгу на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «О становищѣ церкви и законной власти римскаго папы» ¹⁾. Въ ней онъ доказывалъ, что власть папы должна ограничиваться лишь первенствомъ въ церковныхъ дѣлахъ. Примѣнительно къ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ сей книгѣ, правительство также стремилось сосредоточить въ своихъ рукахъ управленіе католическихъ церковныхъ дѣлъ. Такъ какъ власть папы основывалась на многочисленныхъ орденахъ, то правительство принялось за уменьшеніе чрезмѣрнаго количества монастырей. Орденъ іезуитовъ былъ упраздненъ самимъ же папою въ 1773 г.; такую же судьбу австрійское правительство приготовило многимъ монастырямъ въ имперіи.

Въ Галичинѣ упразднены были въ 1783 г.; слѣдующіе русско-униатскіе монастыри ²⁾: Бабянка (возлѣ Бучача), Бесѣды (возлѣ Жолквы), Бѣлина (въ Самборщинѣ), Бѣльче, Бучина (въ Золочевскомъ), Верхрата (въ Жолковскомъ), Вицинь, Волевинъ, Грабина, Голубица (въ Золочевскомъ), Горпинъ, Городище (возлѣ Кристинополя), Добряна, Добротворъ, Деравлянская Волица, Дорожевъ, Задаровъ, Заваловъ, Збаражъ, Крылось, Каменка Струмилова, Лѣсокъ или Чернилава, Лѣшня (возлѣ Дрогобыча), Летня, Лука, Падыковъ, Питричь (возлѣ Галича), Спасъ (въ Самборщинѣ), Сокулецъ, Струсовъ, Стояновъ, Сваричевъ, Щеплоты, Тербовля, Топольница, Угорники; женскіе монастыри: во Львовѣ, Сасовѣ, Смольницѣ, Загвоздѣ и другихъ мѣстностяхъ. Уневская архимандрія была закрыта въ 1790 г., ея же имѣнія подарены въ 1817 г. львовскому митрополиту. Вообще правительство упразднило свыше 40 русскихъ и 52 польскихъ монастырей въ Галичинѣ въ періодъ 1782—1790 гг. Православный

¹⁾ Justini Febronii: «De statu ecclesiae et legitima potestate romani pontificis liber singularis». Francforti. 1763.

²⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800», стр. 196.

скитскій монастырь въ Манявѣ былъ уничтоженъ въ 1785 г.; одна часть его библіотеки съ древними рукописями была передана въ Вѣну въ придворную библіотеку, другая перешла въ частныя руки; имѣнія скита сначала были присоединены къ буковинскому православному церковному фонду, затѣмъ въ 1793 г. были выкуплены государствомъ и въ 1812 г. проданы частному лицу ¹⁾. Въ Буковинѣ было уничтожено 28 православныхъ монастырей и оставлены лишь 3 мужскіе (въ Дрогомирнѣ, Путнѣ и Суцавицѣ) и одинъ женскій.

Отъ фондовъ и продажи движимаго и недвижимаго имущества закрытыхъ униатскихъ монастырей правительство выручило около 400.000 гульд., которые присоединило къ религіозному фонду, основанному въ 1782 г. Полученный изъ закрытыхъ латинскихъ монастырей фондъ былъ опредѣленъ на улучшеніе содержанія блага духовенства. Въ 1825 г. онъ составлялъ 10½ мил. гульденовъ. Одновременно съ учрежденіемъ религіознаго фонда было установлено жалованье блага католическаго духовенства: 300 гульд. въ годъ для настоятелей приходовъ, 150 гульд. для ихъ сотрудниковъ и 150 гульд. для немощныхъ священниковъ. Если доходъ отъ церковныхъ имѣній и фондовъ не составлялъ 300 зр., то недостающую сумму доплачивалъ священнику религіозный фондъ.

Червоно-русскій народъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ и привязанностью къ своему обряду. Маленькое сельцо съ 20—30 домами строило у себя церковь и посылало кого-нибудь изъ грамотныхъ односельчанъ къ епископу, чтобъ онъ рукоположилъ его въ іереи. Левъ Шептицкій препятствовалъ чрезмѣрному дробленію приходовъ и предъ рукоположеніемъ іерея требовалъ отъ громады, чтобъ она обезпечила своему священнику соответствующее содержаніе. Несмотря на такую стѣснительную мѣру, въ 1793 г. въ Львовской униатской епархіи было свыше 2000 приходовъ, а въ епархіи Перемышльской—болѣе 1500 ²⁾. Всѣ эти приходы были крайне бѣдные и при многихъ церквахъ было по два-три священника. Такимъ образомъ въ Галичинѣ было тогда 3500 униатскихъ приходовъ, хотя въ силу приказа отъ 12 сентября 1782 г. много ихъ уже было закрыто. Изъ этого можно заключить о количествѣ униатскихъ церквей и приходовъ во время занятія Галичины Австріей.

Названнымъ указомъ правительство повелѣло оставить греко-католическіе приходы лишь въ мѣстностяхъ съ 700 душъ прихожанъ и въ поселеніяхъ, весьма отдѣленныхъ самою природою. Концентрація приходовъ происходила настолько быстро, что уже въ 1803 г. въ епархіяхъ Львовской, Перемышльской, Холмской и Берестейской было лишь 2467

¹⁾ К. Czernyński: «O dobrach koronnych». Львовъ. 1870, стр. 241.

²⁾ Malinowski: «Kirchen-und Staats Satzungen», стр. 299.

приходовъ, значить, смѣло можно сказать, половина ихъ была закрыта. Закрытие приходо́въ продолжалось и дальше безъ видимой потребности, такъ что галицко-русскіе епископы, видя въ этомъ мѣропріятіи австрійскаго правительства нерасположеніе къ славянскому обряду, должны были въ 1813 г. протестовать противъ дальнѣйшей концентраціи, тѣмъ болѣе, что одновременно увеличилось число латинскихъ приходо́въ. Несмотря на протестъ епископовъ, правительство продолжало закрывать униатскіе приходы до 1842 г. ¹⁾. Концентраціей былъ нанесенъ ударъ русской народности, которая, такимъ образомъ, лишилась въ Галичинѣ около 1500 семействъ и ихъ потомства, необходимыхъ для пополненія сословія мѣщанъ, разночинцевъ и интеллигенціи. Во Львовѣ были закрыты церкви съ приходами: Воскресенія—1774 (Краковскій участокъ), Богоявленія—1800 (Галицкій участокъ), св. Феодора —1800 (Краковскій участокъ), Честнаго Креста (Лычаковскій участокъ), Спаса (Жолковскій участокъ), Вознесенія, собора Пр. Богородицы на Терновцѣ,—вообще 7 церквей приходскихъ ²⁾. Конечно, это должно было помочь латинизаціи и полонизаціи львовскаго мѣщанства.

Вѣнское правительство могло по своему усмотрѣнію руководить униатской церковью, ибо католическая церковь была подчинена государственной власти многими указами. Закономъ отъ 26 марта 1781 г. каждая папская булла должна была предъ своимъ обнародованіемъ получить одобреніе державной власти (*placetum regium*). Въ силу этого закона въ имперіи воспрещены были буллы: *Coena domini* и *Unigenitus* отъ 1713 г., также не признавались постановленія Замостьскаго собора (рѣшеніемъ отъ 16 марта 1786 г.). Указомъ отъ 21 сентября 1781 г. епископы получили право разрѣшать дѣла о заключеніи супружествъ при каноническихъ препятствіяхъ. Постановленіемъ отъ 21 сентября 1781 г. воспрещено было монахамъ сноситься съ ихъ пастоятелями въ Римѣ. Рѣшеніемъ отъ 21 іюня 1784 года воспрещалось выставлять на видъ мощи угодниковъ Божіихъ; въ 1786 г. было запрещено въ латинскихъ костелахъ освящать хлѣбъ, воду противъ огня, травы и овесъ. Рѣшеніемъ отъ 26 сентября 1782 г. закрыты были всѣ церковныя братства. Постановленіемъ отъ 28 сентября 1783 г. возбрапялось носить статуи при крестныхъ ходахъ, употреблять котлы, трубы и органнй гудокъ въ костельной музыкѣ и въ день Трехъ Королей обкаждать дома; рѣшеніемъ отъ 13 декабря 1784 г. не совѣтывалось богомоліе.

Вслѣдствіе запрещенія церковныхъ братствъ, Львовское Ставропигійское братство очутилось въ опасности. Оно совершенно забыло о сво-

¹⁾ Достопамятное письмо о положеніи гр.-кат. духовенства въ Галичинѣ и Буковинѣ. «Дѣло». 1883, № 23.

²⁾ «Галицкій Истор. Сборникъ». Львовъ. 1853, вып. I.—А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1783», стр. 196.

Николай Павлович и его супруга Александра Феодоровна; послѣдняя много танцевала и между прочимъ англійскій вальсъ съ гр. Строгановымъ, потомъ съ Алексѣемъ Орловымъ и командиромъ кавалергардовъ Апракшинимъ; Великій же князь—только полонезы. Великокняжеская чета была также на спектаклѣ во французскомъ театрѣ 14 ноября 1825 г. и, когда публика увидала, что и Великій князь также аплодируетъ, начался такой шумъ и крикъ, что ничего нельзя разобрать до тѣхъ поръ, пока актриса Туссенъ не вышла на сцену, также было съ очень хорошимъ артистомъ дю-Туромъ» (стр. 95). В. П. указываетъ, что въ это время лучшею пѣвицей считалась гречанка Комнень.

23 ноября 1825 г. въ Петроградѣ получило извѣстіе, что Императоръ Александръ Павловичъ въ Крыму простудился и получилъ лихорадку, а 27 ноября—новое извѣстіе, что онъ скончался въ 10 ч. утра еще 19 числа. Императрица Елизавета сама закрыла ему глаза, заплакала и, подойдя къ образамъ, начала молиться, говоря: «Господи, прости мое согрѣшеніе» (стр. 130). Когда вскрывали тѣло, то нашли весь его организмъ настолько здоровымъ, что онъ могъ прожить 100 лѣтъ, но въ головѣ много воды—3 унціи (стр. 131). Съ 28 ноября до 3 декабря не знали, гдѣ находится вновь провозглашенный Императоръ Константинъ Павловичъ, думали, что онъ уѣхалъ въ Таганрогъ; Мраморный дворецъ въ Петроградѣ, гдѣ онъ жилъ ранѣе, былъ освѣщенъ, каждый вечеръ сюда его ждали, «и съ какой императрицей его ждать, неизвѣстно». «Все здѣсь замерло»,—пишетъ В. П. 3 декабря

1825 г. вернулся изъ Варшавы Великій князь Михаилъ Павловичъ, а только черезъ 11 дней, 14 декабря, Константинъ Павловичъ окончилъ тѣло отречься отъ престола. Въ «Дневникѣ» далѣе приводится цѣлый рядъ данныхъ о судьбѣ декабристовъ: «это адскій заговоръ, — говоритъ В. П., — и нѣтъ дня, чтобы кого-нибудь не арестовали и не отправили въ крѣпость, которая заговорщиками переполнена, между ними дѣлаютъ различіе двухъ категорій: одна — явныхъ преступниковъ, а другая всѣхъ тѣхъ, которые, не ясно сознавая, присоединяли свои имена къ обществу, называемому литературнымъ». Была составлена комиссія изъ 6 лицъ, въ число которыхъ входили: Вел. князь Михаилъ и родственникъ В. П. ген. адъютантъ А. Н. Потаповъ. Въ крѣпости они судили и допрашивали съ 7 ч. веч. и иногда до 3 ч. утра. Декабристы, или, какъ называетъ ихъ В. П., «несчастные, которые не были еще представлены Государю, жили и обѣдали вмѣстѣ съ А. Н. Потаповымъ (стр. 177)». Относительно новаго Императора Николая Павловича В. П. отзывается такъ: «много доброты, но много и характера» (стр. 161).

Въ сжатой библиографической замяткѣ трудно, конечно, передать все содержаніе интереснаго «Дневника» В. П. Шереметевой. Онъ является цѣннымъ историко-литературнымъ памятникомъ начала XIX ст. Писанный для родныхъ дѣтей чрезвычайно осторожно, онъ можетъ быть рекомендованъ не только для публичныхъ, но и для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста.

И. С. Б.

Продолжается подписка на 1917 годъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1917-й годъ.

(Годъ изданія 55-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1917 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой пятнадцать рублей, для чужихъ краевъ двадцать рублей. Цѣна отдѣльнаго выпуска — 1 р. 75 к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ „Русскаго Архива“ на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня и отъ 7 до 9 час. вечера.

Книгопродавцамъ Контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправлена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ продаются годовые комплекты журнала за 1913, 1914 и 1915 гг., по цѣнѣ 13 р. за каждый годъ.

Отдѣльные №№ за 1913, 1914 и 1915 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 200 р., $\frac{1}{2}$ стр. 100 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и Издатель **Петръ Бартевъ** (младшій).